

4

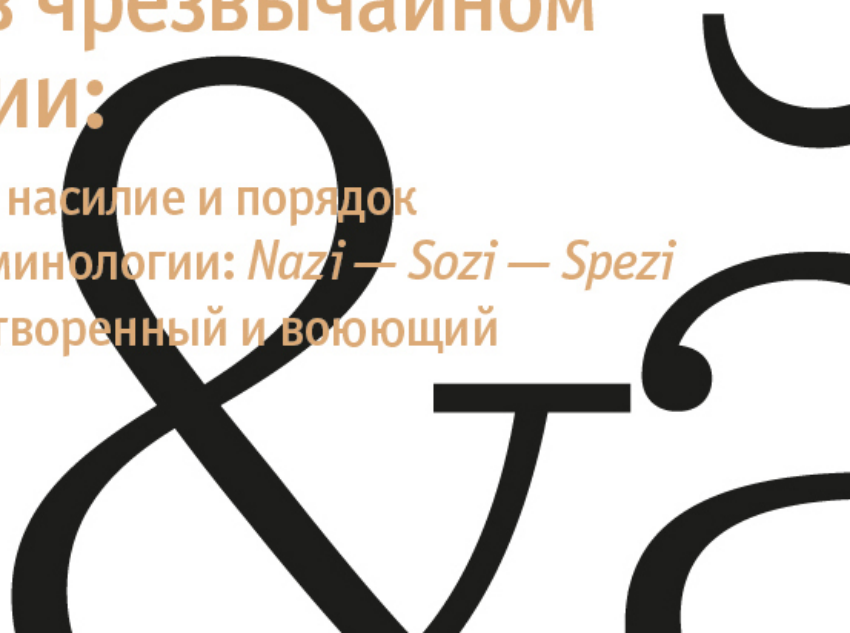
неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

144²⁰²²

история в чрезвычайном
положении:

- * политическое насилие и порядок
- * политика терминологии: *Nazi — Sozi — Spezi*
- * Восток умиротворенный и воюющий

неприкосновенный запас 4 [144] 2022

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	003	О дружбе холодильника с телевизором <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОН
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	007	ИГОРЬ КОБЫЛИН. «Подъем переворотом»: история в чрезвычайном положении
ПОЛИТИКА ТЕРМИНОЛОГИИ: <i>NAZI – SOZI – SPEZI</i>	028	ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН. О жизни понятий: от переводчика
	033	ЛЕО ШПИТЦЕР. Жизнь слова <i>Nazi</i> во французском языке
	041	ФРАНЦ ГЕНРИХ МАУТНЕР. <i>Nazi</i> и <i>Sozi</i>
	048	ЛЕО ШПИТЦЕР. <i>Nazi–Spezi</i>
	052	ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН. Комментарий к диалогу Лео Шпитцера и Франца Маутнера
CASE STUDY	070	КОНСТАНТИН ТАРАСОВ. «Двоевластие»: политическое использование понятия в марте–июле 1917 года
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	087	АНАТОЛИЙ РЯСОВ. Назад к Бакунину! Заметки об анархизме, теологии и праве
ВОСТОК УМИРОТВОРЕННЫЙ И ВОЮЮЩИЙ	096	АНДРЕЙ ЗАХАРОВ, ЛЕОНИД ИСАЕВ. «Последнее прибежище вчера в мире завтра»: Иордания до и после «арабской весны»
	134	ПОЛИНА МАКСИМОВА. Частные военные и охранные компании: ближневосточные уроки
	157	ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ, ИВАН ГЕРАЩЕНКО. О некоторых особенностях восприятия России в современном Египте и не только в нем
	168	ШТЕФАН ВЕЙДНЕР. Мистика и эстетика: Аннемари Шimmel и ее новаторский взгляд на ислам
АРХИВ «НЗ»	183	НАЗИР ФАНСА. Дни Хусни аз-Заима. 137 дней, которые потрясли Сирию (отрывки из воспоминаний)
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	201	ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ. Скорбный и героический компоненты памяти о войне и Блокаде в деятельности Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме в 2010–2021 годах
НОВЫЕ КНИГИ	219	ОЛЕГ ЛАРИОНОВ. Антропологический фокус Бориса Дубина: горизонты и границы

- 230 **АНДРЕЙ ЗАХАРОВ.** Ветер с Востока – одолеет ли он ветер с Запада?
- 241 **ИГОРЬ КОБЫЛИН.** Политика не по понятиям
- 250 **ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ.** Сокровенный надзор: зачем Шошане Зубофф старый капитализм и можно ли без него обойтись?
- 261 **ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ.** Метаморфозы сна и изнанка технофобии
- 272 Рецензии

SUMMARY

289

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ
ИГОРЬ КОБЫЛИН

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АЛЕКСАНДР СУСЛОВ
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail: alexandersuslov@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2022

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

О дружбе холодильника с телевизором

«**Б**итва холодильника с телевизором», которая представляется многим думающим и пишущим о современной России лучшим описанием нашей социальной ситуации, как кажется, – вдвойне ложная метафора. Попробуем это объяснить.

Данное представление исходит из посылки, что люди лояльны власти, пока она их кормит – а не будет кормить, они возьмутся за вилы и власть сбросят. Вряд ли это было верным даже для обществ XIX века, и это точно не так ни в XX (хотя было идеологемой всех «красных»), ни в XXI веке, когда приобрело статус старой доброй истины.

Другая посылка состоит в том, что телевизор-де пытается убедить людей, что внутренняя политика и экономика России в хорошем состоянии, а содер-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

жимое холодильника демонстрирует, что это не так. Здесь явный перенос из советского прошлого: тогда пропаганда действительно стремилась представить, что у нас «все хорошо», а люди видели, что «все плохо», и рождалось двойное сознание, двойной язык и прочее.

Но в путинские времена телевизор смотрят не для того, чтобы узнать о положении дел внутри России. О том, как они живут, люди знают из собственного опыта и имеют собственное мнение, часто вполне критическое. Нынешнее телевидение в основном нужно им для того, чтобы узнать, что происходит во вне страны. В этой сфере собственных опыта и знаний практически нет, поэтому их мнение здесь – смесь напетого телевизором и собственных глубинных установок по поводу устройства мира. Обманывает телевизор публику или нет, в этом случае не важно. Люди не то чтобы ему всегда и полностью верят. Их отношение другое – они с ним согласны.

Между декларируемыми установками российской внешней политики и представлениями людей об устройстве мира практически нет расхождений – поэтому основные послания официозных СМИ априори принимаются аудиторией. Почему это так – вопрос, гораздо более серьезный, чем мнимое соревнование холодильника и телевизора. Это вопрос, касающийся отечественной политической культуры, базовых представлений россиян о мироустройстве.

Упрощая, можно сказать, что, как и в любой культуре, в российской есть установки на экспансию и на инкапсуляцию. Есть соблазн первые назвать мужскими, а вторые – женскими, первые связать с молодостью, вторые – со зрелостью. Но социология эту антропологию не поддерживает. Импульсы первого рода, так проявившиеся в последнее

время, имеют наибольшую поддержку среди пожилых, а там сильное преобладание женщин.

Ключевой момент заключается в отношении этих установок. Импульсы к уходу в себя, примирению ради этого со всем миром встречаются и в нашей истории – но как перерывы в доминировании экспансионистских трендов. На памяти у многих период горбачевско-ельцинской внешней политики (связываемой с именами Эдуарда Шеварднадзе и Андрея Козырева), радовавший одних и возмущавший других. Наши исследования общественного мнения того периода показывали, что, в принципе, политика всех считать друзьями – в том числе недавних врагов и соперников из НАТО – имела поддержку в народе. Но наряду с этим проявлялась растерянность: а кто же теперь враг? И возникло мнение, что враги есть, только мы не знаем, кто они и где.

После краткого периода дружбы со всеми начался переходный период, когда врагом был объявлен мировой терроризм. Против него мы начали было воевать плечом к плечу с нашим (как теперь выяснилось) историческим соперником. Но для российской культуры терроризм не годится на роль главного врага. У врага должна быть своя земля, страна, место на глобусе. Терроризм же не привязан к конкретной территории, а значит, против него не может (и не должна) действовать армия – главная сила и слава государства. Против него должны работать спецслужбы (они тоже – наша гордость, но скрываемая, тайная), для которых не существует понятия линии фронта – фронт везде.

Переходный период окончился. При Путине политика постепенно вернулась к устремлениям, характерным как для советских вождей, так и российских

царей – приращение земель, территориальная экспансия. Или мечта о ней. Для этого необходима идея собственного превосходства над остальными, причем какого – в силе духа или оружия, в широте просторов или души, в богатстве или в бедности – дело второе, главное, что превосходство есть. Такая идея владела умами поэтов и философов, генералов и царей, в каких-то формах она присутствовала и присутствует сейчас в народном сознании.

Опять же, следование такой идее (как и поиск врагов) свойственно разным культурам. У русского народа, как отмечал Ключевский¹, осознание себя реализовывалось через идею своей земли, понимаемой как пространство. Русские исторически расселялись, писал он, по великой равнине, долгое время не встречая естественных границ для своего распространения. Поэтому одно из важных представлений о своей стране – что она бескрайняя. Так, на рисунках респондентов, которых просили изобразить Россию, сейчас она все чаще занимает весь земной шар.

Идея безграничности, вообще говоря, имплицитно предполагает наличие границ. Они есть, но они нами преодолеваются. А идея превосходства подразумевает наличие соперника, чужого, врага, которого превзошли или которого непременно превзойдем. Есть важная социологическая идея, что преступление и наказание за него дают возможность обществу узнать границы дозволенного, границы нормы. Наличие врага, которого мы победим, дает представление о границе «своего».

Герой русской сказки, отправляясь в странствие, доходит либо до моря-океана, либо до границ чужого царства.

Итак, представление народа и политиков о своей стране совпадают. Ей не должно быть пределов, но ей ставят пределы чужие, враги. Она всех сильнее, но у нее есть соперники, с которыми придется меряться силой. Нынешние властвующие до поры видели себя и Россию вписанными в жесткий контекст современных норм международного права, которые служили по большей части границами для указанных выше интенций. Но в той мере, в какой элиты дают в своем политическом дискурсе волю названным «народным» представлениям, международные нормы в их глазах обесцениваются, превращаются в уловку врага, старающегося утеснить Россию. За девять дней до 24 февраля Владислав Сурков опубликовал статью с массой тонких идей, которые в конце подводят к тезису о том, что России тесно в ее нынешних границах и что предстоит переход к тому, что он изящно назвал «контактной геополитикой»². Что ж, вот уже полгода мы наблюдаем ее реализацию.

Вернемся к взаимоотношениям телевизора и холодильника. У нас нет прямого доступа к холодильникам россиян, но, как отметили специалисты «Левада-центра»³, летом сограждане почти перестали жаловаться на рост цен (что было весьма заметно после начала спецоперации), вернулись к мыслям о крупных покупках, опять проявили интерес к креди-

1 См.: Ключевский В.О. *Курс русской истории*. М.: Litres, 2022. Лекции VIII, IX, XXI (www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluchlec.htm).

2 Сурков В. *Туманное будущее похабного мира* // Актуальные комментарии. 2022. 15 февраля (<https://actualcomment.ru/tumannoe-budushchee-pokhabnogo-mira-2202150925.html>).

3 *Пресс-выпуск «Потребительские настроения в июне 2022 года», 25 июля 2022 года* (www.levada.ru/2022/07/25/potrebitelskie-nastroeniya-v-iyune-2022-goda/). (АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)

там. На фоне сообщений о рецессии и прочих экономических бедах в Европе и Америке это примечательно. Еще интереснее отмечать это на фоне многократно звучавших сообщений о негативных явлениях в отечественной экономике, вызванных санкциями, возросшими госрасходами и прочим.

Теперь про телевизор. Мы не проводим контент-анализ российских телепрограмм, то есть того, что «на входе» в массовое сознание, – мы изучаем то, что «на выходе». Фиксируемое в опросах отношение к действиям российских Вооруженных сил в Украине (то есть

результат обработки массовым сознанием того, что влило в него через телеканалы) показывает очень незначительную динамику между мартом и июлем 2022 года. В марте поддержку действиям российских Вооруженных сил в Украине выражал 81% опрошенных, а 83% одобряли деятельность Владимира Путина на посту президента России. В июле поддержку действиям войск высказали 76%, одобряли деятельность президента те же 83%.

Так что можно считать, что холодильник с телевизором у нас заодно и никакого конфликта между ними нет.

«Подъем переворотом»: история в чрезвычайном положении

ИГОРЬ
КОБЫЛИН

ИСТОРИЯ И ДИКТАТУРА

В предисловии к первому изданию своей «Диктатуры» (1921) Карл Шмитт кратко перечисляет «возможности для ее [диктатуры. – И.К.] понятия» исходя из различных определений *нормы* – ведь чтобы разобраться с природой исключительного случая, необходимо учитывать тот порядок, из которого он исключается¹. Шмитт анализирует эти возможности на материале актуальных на момент написания книги марксистских споров о том, как следует понимать диктатуру пролетариата². Он пишет, что если норма трактуется в государственно-правовом смысле, то диктатура должна пониматься как отмена правового государства. Шмитт различает здесь две возможные формы такого упразднения: диктатура как исключение из либеральных принципов (любое нарушение неотчуждаемых прав человека, даже если такое нарушение санкционировано большинством) и диктатура как исклю-

Игорь Игоревич Кобылин
(р. 1973) – редактор
журнала «Неприкосновенный запас».

- 1 Шмитт К. *Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы*. СПб.: Наука, 2005. С. 14.
- 2 Шмитт указывает точное время полемики – лето 1921 года.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

007

чение из демократических принципов (любое действие власти, не санкционированное большинством).

Среди социалистов эту последнюю трактовку диктатуры разделял Карл Каутский. Критически отзываясь на большевистскую революцию, он видел в самом понятии диктатуры пролетариата противоречие в терминах: диктатура – это всегда упразднение демократии:

«[Диктатура – это] единовластие одного лица, не связанного никакими законами, одновластие (самодержавие), которое отличается от деспотизма лишь тем, что оно не постоянное государственное учреждение, но средство преходящее, вызванное обстоятельствами»³.

Согласно Каутскому, говоря о диктатуре пролетариата как о переходной форме, Маркс не имел в виду буквальное значение термина «диктатура». Более того, он вообще не имел в виду форму правления. По Каутскому, у Маркса речь идет о некоем «состоянии», к которому люди перейдут там, где пролетариат одержит победу. При этом важно помнить, что в индустриально развитых, передовых странах – в Англии и Америке – этот переход вполне может осуществиться мирным, а значит, уточняет Каутский, демократическим путем. Да и сама диктатура пролетариата – если все-таки рассматривать ее как определенный тип правительства – это форма радикальной демократии. Да, Маркс не написал об этой диктатуре отдельной работы и не оставил нам четкого, недвусмысленного определения ее понятия, но ничто не мешает нам обратиться к тем его текстам, где речь идет о концептуализации реальных исторических прецедентов, – концептуализации, позволяющей примерно представить направление его мысли по этому вопросу. Как несложно догадаться, Каутский обращается к «Гражданской войне во Франции» (1871), где Маркс по горячим следам осмысляет опыт Парижской коммуны. В предисловии к третьему изданию этой работы Энгельс прямо пишет, что Коммуна – это один из первых исторических примеров настоящей диктатуры пролетариата. Соглашаясь с Энгельсом, Каутский подчеркивает, что в своем разборе Маркс делает акцент на предельно демократическом характере этой «диктатуры»:

«Маркс все время говорит о всеобщем избирательном праве, о праве всего народа, а не об избирательном праве одного какого-нибудь привилегированного класса. Диктатура пролетариата была [...] состоянием, которое необходимо вытекает из чистой демократии»⁴.

И если некие силы, объявившие диктатуру пролетариата, подавляют от ее имени всякую оппозицию, лишают оппозицион-

3 Каутский К. *Большевизм в тупике. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству*. М.: Антидор, 2002. С. 54.

4 Там же. С. 55.

ные движения политических прав, ограничивают свободу печати и собраний, то они не должны ссылаться на Маркса. Кроме того, диктатура класса в принципе невозможна: она непременно – за самые короткие сроки – превратится в диктатуру пролетарской партии, а значит, одна часть пролетариата будет господствовать над другой.

С высоты сегодняшнего дня, зная, чем в итоге закончилась большевистский революционный эксперимент, можно лишь отдать должное прозорливости Каутского и согласиться с его выводами. Однако в 1920 году все было не так очевидно. Сама пролетарская революция в стране, где промышленный пролетариат составлял меньше 2% населения (а с точки зрения Каутского количественный показатель в этом вопросе является первостепенным: господство пролетариата будет демократичным только там, где «он представляет из себя массу, имеет за собой большинство населения»), была рискованной ставкой. Но это именно ставка. Так же, как рискованной – и в конечном счете, проваленной, – была и сознательная ставка на классовую диктатуру. Лукач в заслуженно знаменитой статье «Большевизм как моральная проблема» (1918) сформулировал это так: что мы должны предпочесть – воспользоваться подвернувшимся шансом и установить жесткую пролетарскую диктатуру с применением террора, продолжая верить, что она в будущем упразднит саму себя и всякое господство вообще, или же нам следует терпеливо ждать, пока общество в целом созреет для демократического перехода к новому укладу, идя на идейный компромисс с буржуазными партиями и рискуя вообще потерять из виду конечную цель? Лукач указывает, что «любая позиция таит в себе возможности ужасных преступлений и не поддающихся измерению aberrаций, и тот, кто собирается принимать решение в любом направлении, с полным сознанием и ответственностью должен отдавать себе в этом отчет»⁵. Необходимо заметить, что сам Лукач именно в этой статье выбирает второй вариант – путь долгого демократического воспитания масс; но для него любой выбор между двумя возможными решениями – это вопрос *веры*. Ничего не предreshено, более того – ставка на диктатуру как раз кажется более рациональной, «научной», ведь история, согласно марксистской науке, движется посредством жестоких классовых битв.

В общем, в конкретных исторических условиях – только что победившей революции – опасения Каутского были не более чем опасениями. Шмитт, анализируя его полемику с Лениным, Троцким и Радеком, полагает, что критическая реакция последних вполне оправдана: действительно, сама по себе диктатура не цель, а техническое средство, позволяющее достичь будуще-

5 Лукач Д. *Большевизм как моральная проблема* // Он же. *Политические тексты*. М.: Три квадрата, 2006. С. 10–11.

го царства свободы. Соответственно, ее необходимо рассматривать не только в государственно-правовом аспекте, но и в аспекте политическом. И если подлинной нормой является этот будущий, еще не осуществленный идеал, то настоящая диктатура – это то, что ему противостоит, то есть сопротивляющийся буржуазный строй. А поскольку речь идет о напряжении между настоящим (которое пока не стало прошлым) и будущим, то есть об *истории*, то понятия *нормы* и *исключения* из нее должны приобрести еще и статус *философско-исторических*.

Пролетарская революция в стране, где промышленный пролетариат составлял меньше 2% населения, была рискованной ставкой. Так же рискованной – и в конечном счете, проваленной – была и ставка на классовую диктатуру.

И далее Шмитт разворачивает головокружительную историческую диалектику, свернутую в марксистском учении о диктатуре пролетариата. История – это *закономерный* процесс, в котором закономерность обеспечивается логикой экономических преобразований. Экономические условия для перехода к новой формации должны «естественным» образом созреть. Но этого недостаточно. Шмитт – как и параллельно с ним Лукач – всячески подчеркивал гегельянский момент в философии истории Маркса⁶. В «Духовно-историческом положении парламентаризма» (1923), вышедшем в том же году, что и лукачевская «История и классовое сознание», Шмитт, размышляя о марксизме, делает акцент на унаследованном последним от гегелевского рационализма принципе *самогарантии* (*Selbstgarantie*): «Конструкция исходит из того, что развитие всегда означает возрастающее сознание, и усматривает в собственной уверенности этого сознания доказательство того, что оно правильно»⁷. Экономические условия должны не просто созреть, но и быть опознаны, осознаны в качестве таковых. Причем степень их познанныости говорит одновременно о степени их уже-принадлежности прошлому – по-настоящему познать можно только отжившее: «То, что эпоха схвачена в человеческом сознании, представляет для исторической диалектики доказательство того, что историческое с познанной эпохой покончено»⁸. Именно этим, по Шмитту,

6 О Шмитте и Лукаче как о «провиденциальных собеседниках» (Осип Манделъштам) см.: Земляной С. *Философские заметки к проблеме несвободы* (https://iphras.ru/elib/EM6_5.html).

7 Шмитт К. *Духовно-историческое положение парламентаризма* // Он же. *Политическая теология. Сборник*. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 229.

8 Там же. С. 230.

были обусловлены столь настойчивые экономические штудии философа Маркса – ставка здесь не академическая, а революционная. Экономика, долгое время бывшая скрытым фундаментом исторической событийности, в буржуазные времена выходит на поверхность. Однако, будучи медиумом буржуазии, она – именно в силу этого – остается непрозрачной для буржуазной политэкономии. Буржуазия буквально жива своим незнанием, своей слепотой по отношению к истинному состоянию дел. Если же удастся, наконец, разобраться, как именно работает капиталистическая экономика, то это и станет свидетельством начала ее исторического конца.

Правда, между Гегелем и Марксом в этом отношении есть существенная разница. Для Гегеля окончательная постижимость каждого принципа, несомненно тем или иным историческим народом, и – главное – постижимость историко-логической взаимосвязи этих принципов возможны только в конце истории вообще. Если история, понятая как история разума, не закончилась, если возможно появление нового субъекта (нового исторического народа с новым принципом), то та конкретизация свободы, которая им осуществляется, должна поставить под вопрос и сам характер исторической связи между предыдущими ступенями, а значит, эта связь *должна* быть помыслена иным, негегелевским, способом. Гегелевская версия тогда утвердилась бы в качестве одной из преходящих попыток понять эту связь. И, соответственно, нельзя даже будет сказать, что гегелевская философия останется «в снятом виде», поскольку само понятие «снятия» – гегелевское. А новый принцип, если он действительно новый, потребует совершенно другой категориальной системы. Тут мы сталкиваемся с парадоксом – со своего рода лентой Мёбиуса: следуя гегелевским же положениям, новый субъект обязан переосмыслить свои основания, отказавшись от гегелевской диалектики. Маркс же как раз и является таким гегельянцем, который хочет сохранить и метод, и открытый финал. Действительно, чаемое коммунистическое будущее может быть определено пока чисто негативно: это общество, где последний класс (пролетариат) разрушит себя вместе с классовой системой вообще. Да и сам пролетариат можно трактовать как чистую негативность. Малый апокалипсис буржуазной культуры, раскрытой в самом ее понятии, парадоксальным образом совершается в преддверии открытого и неопределенного будущего. Впрочем, стоит вспомнить, что Маркс называл докоммунистическую историю предысторией человечества, так что закат капитализма отмечает собой закат целого эона. А новый, собственно исторический, период – это качественный скачок на принципиально другой уровень, сравнимый со скачком от природы к культуре и требующий, надо

ИГОРЬ КОБЫЛИН

«ПОДЪЕМ ПЕРЕВОРОТОМ»:
ИСТОРИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ
ПОЛОЖЕНИИ

полагать, радикально новых способов мышления. Но здесь мы вновь возвращаемся к заколдованному (герменевтическому) кругу: если эти способы действительно новые, то они неизбежно историзируют Марксов метод, и хорошо еще, если в качестве абстрактно-одностороннего, а не полностью ложного – то, что прогноз осуществился, еще не означает, что он осуществился вследствие именно тех закономерностей, которые этот прогноз полагал в качестве своего основания.

Если свидетельства исторической обреченности буржуазии получены, то чем будет тогда ее продолжающееся господство? *Это диктатура, приостанавливающая действие уже не юридических законов, а законов истории.* Буржуазия объявляет истории чрезвычайное положение, тормозя, замедляя ее поступательное движение, обрекающее господствующий до поры до времени класс на гибель. Речь буквально идет о внешнем вмешательстве, в ответ на которое пролетариат устанавливает свою диктатуру, призванную устранить механическое препятствие на своем пути.

«Пролетариат, [...] поскольку это *“исторически восходящий класс”* имеет право применить в отношении исторически нисходящего класса либо насилие, какое покажется ему целесообразным в интересах исторического развития. Тот, кто стоит на стороне грядущего, имеет право подтолкнуть то, что и без того уже падает»⁹.

«ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рассуждения Шмитта о диктатуре, объявленной другой диктатуре, заставляют вспомнить знаменитый своей загадочностью VIII тезис «О понятии истории» Вальтера Беньямина:

«Традиция угнетенных учит нас, что переживаемое нами *“чрезвычайное положение”* не исключение, а правило. Нам необходимо выработать такое понятие истории, которое этому отвечает. Тогда нам станет ясно, что наша задача – создание действительно чрезвычайного положения. [...] Его шанс не в последнюю очередь заключается в том, чтобы его противники отнеслись к нему во имя прогресса как к исторической норме»¹⁰.

Здесь, как мы видим, угнетенные тоже должны объявить революционное чрезвычайное положение текущему «чрезвычайному положению», установленному фашистским режимом. Последнее действительно «стало правилом»: «третий рейх»

⁹ Он же. *Диктатура...* С. 15–16.

¹⁰ Беньямин В. *О понятии истории* // Он же. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения.* М.: РГГУ, 2012. С. 241–242.

с начала и до конца оставался суверенной диктатурой, поскольку новой конституции, взамен приостановленной Веймарской, нацисты так и не приняли. Но почему нацистское «чрезвычайное положение» поставлено Беньямином в кавычки и что собой должно представлять действительное ЧП (*wirklichen Ausnahmezustands*)?

Одну из самых тонких и убедительных интерпретаций этого тезиса предложил Джорджо Агамбен. В ее ранней версии, вошедшей в книгу «Потенциальности» (1999), Агамбен замечает, что в набросках к своим тезисам Беньямин, ссылаясь на Кафку, описывает сущность мессианического времени и Судного дня примерно теми же словами, что и первое ЧП. Судный день – это и есть нечто вроде военно-полевого суда (*Standrecht*). Таким образом, устанавливается странное соответствие между тем, от чего необходимо спастись, и самим спасением. Для прояснения этого вопроса Агамбен обращается к каббалистической традиции, решавшей, в частности, проблему, чем была Тора до Падения и чем она станет после Избавления, когда Мессия восстановит ее полноту. Каббалисты XVI–XVIII веков, радикализовав учение о двух аспектах Торы (*Beriah* и *Aziluth*), разработали доктрину об изначальной Торе. С их точки зрения, изначальная Тора – это не определенный связный текст, а мешанина букв, «тотальность всех возможных комбинаций еврейского алфавита»¹¹. Теперь становится понятной структурная аналогия между «чрезвычайным положением» и задачей, которую должен исполнить Мессия: в обоих случаях мы имеем дело с «чистым законом без значения», с Законом, который поддерживает и воспроизводит себя как «нулевую точку содержания». Закон становится «несхватываемым» (ибо он есть Ничто), но в силу этого – непреодолимым. Но мессианская акция на этом не останавливается. Второе – настоящее ЧП – должно не просто редуцировать Закон к Ничто, но и подорвать его силу за пределами значения, стать исключением исключения. На возможность такого толкования, считает Агамбен, указывает посвященная Кафке переписка Беньямина с Гершомом Шолемом, где сталкиваются два мессианских нигилизма. Шолемовский «несовершенный» нигилизм сводит откровение к его ничто, но тем самым сохраняет валидность откровения в самой его ничтожности. «Совершенный» же нигилизм Беньямина находит в текстах Кафки искупление, явленное в опрокидывании Ничто. В этом контексте Агамбен заново перечитывает и знаменитую кафкианскую притчу о вратах Закона, обычно считающуюся апологией безнадежной неудачи. По версии Агамбена, закрытие врат было не провалом миссии

ИГОРЬ КОБЫЛИН

«ПОДЪЕМ ПЕРЕВОРОТОМ»:
ИСТОРИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ
ПОЛОЖЕНИИ

11 AGAMBEN G. *Potentialities. Collected Essays in Philosophy*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 164.

героя рассказа (окончательная невозможность приблизиться к Закону), а напротив, являлось ее триумфальным завершением (аннулирование «чистой силы Закона по ту сторону значения»). Такое чтение позволяет предположить, что в лице героя притчи мы имеем дело с христианским Мессией, одновременно и принадлежащим историческому времени с его законом, и подводящим ему черту.

В более поздней версии, представленной в книге «*Homo Sacer. Чрезвычайное положение*» (2003), Агамбен меняет контекст рассуждения, оставляя примерно те же выводы. Тут уже нет никаких средневековых каббалистов: VIII тезис рассматривается исключительно в рамках «тайного досье» спора Шмитта и Бенъямина, главной ставкой которого, по Агамбену, является отношение насилия и права: «На жест Шмитта, который раз за разом пытается вписать насилие в правовой контекст, Бенъямин противопоставляет ответ, способный обеспечить чистому насилию существование вне права»¹². VIII тезис – это напоминание Шмитту, что его попытки удержать различие между нормой и ЧП потерпели крах. Фашизм – зона их полной неразличимости, постоянного коллапсирования друг в друга. Единственный выход – это революционный прыжок («чистое насилие») за пределы того исторического зона, где право и насилие оказались намертво завязаны в один узел.

Любопытно, что Агамбен не упоминает о том фрагменте «Диктатуры», с которого мы начали. И в целом проблема истории его здесь, кажется, не слишком занимает. Однако он обращает наше внимание на один очень важный момент полемики Бенъямина со Шмиттом, который имеет непосредственное отношение к интересующей нас проблеме. В «Происхождении немецкой барочной драмы» Бенъямин, как известно, противопоставляет эту самую драму греческой трагедии, как историю мифу:

«Историческая жизнь, как она представлялась этой эпохой, – вот ее [барочной драмы. – И. К.] содержание, ее истинный предмет. Этим отличается она от трагедии. Ведь предмет трагедии не история, а миф, и трагическая позиция обусловлена не положением *dramatis personae* – статусом абсолютного монарха, – а доисторической эпохой их существования – героическим прошлым»¹³.

И театральный суверен – фигура, сугубо историческая. Более того, он, по словам Бенъямина, «первый представитель» (*Exponent*) истории, ее олицетворение. Будучи таковым, суверен теряет всякую связь с трансцендентным, да и это последнее в барочной эсхатологии, которую то ли утверждает, то ли

12 АГАМБЕН Дж. *Homo Sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа, 2011. С. 94.

13 Бенъямин В. *Происхождение немецкой барочной драмы*. М.: Аграф, 2002. С. 48.

отрицает Беньямин¹⁴, становится пустым. Больше нет никакого искупления, никакой «перспективы потусторонности»: немецкая барочная драма полностью погружается в безутешность земного мироустройства¹⁵. Лишенная благодати история коллапсирует в такую же безблагодатную природу. В этом царстве чистой имманентности шмиттовское ЧП превращается из чуда, каковым оно мыслилось в «Политической теологии», в катастрофу: суверен оказывается не в силах принять решение – власть и ее применение фатально расходятся друг с другом. Бессилие власти здесь коррелятивно неостановимому ходу печальной истории.

В этом контексте понятнее становится идея VIII тезиса о двух ЧП: это не только механизм выхода за пределы юридического закона, навсегда сросшегося с насилием, но и путь за пределы «законов» истории к новой начинательности. Описанная Шмиттом череда буржуазной и пролетарской диктатур, не решает проблемы, поскольку историцистское понятие истории остается тут непоколебленным¹⁶. А мы помним, что Беньямин призывает нас «выработать» новое понятие. В одной из заметок к тезисам он полемизирует с Марксовым пониманием революций как локомотивов истории. Революция – это не локомотив, а предпринятая его пассажирами попытка сорвать стоп-кран поезда-истории¹⁷. Если допустить, что экстренное торможение (*Notbremse*) – это метафорический аналог революционного чрезвычайного положения (ЧП по-немецки не только *Ausnahmestand*, но и *Notstand*; *Not* – нужда, бедствие, необходимость), то последнее – предельная радикализация буржуазной диктатуры (а фашизм в левой оптике видится как эксцесс именно буржуазного господства). Буржуазное замедление истории, включая его фашистский вариант, – это «прерванная революция», не позволяющая унылой последовательности бесконечного прогресса/регресса «кристаллизоваться в монаду». Историю нужно не замедлять, и уж тем более не освобождать ее течение от затора, так, чтобы она сама

ИГОРЬ КОБЫЛИН

«ПОДЪЕМ ПЕРЕВОРОТОМ»: ИСТОРИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ

14 «Там, где беньяминовский текст декларировал: *Es gibte eine barocke Eschatologie* (“существует барочная эсхатология”), редакторы с необычайным пренебрежением к какой-либо филологической осторожности исправили: *Es gibt keine...* – “барочной эсхатологии не существует”» (АГАМБЕН ДЖ. *Указ. соч.* С. 90). Критику агамбеновского прочтения этого места и в целом – полемики Шмитта–Беньямина см.: ЧУБАРОВ И. *Беньямин – Шмитту не товарищ, или Ошибка Агамбена* // *Логос*. 2012. № 5. С. 44–67.

15 Беньямин В. *Происхождение немецкой барочной драмы*. С. 69.

16 Ср.: «Нагнетание чрезвычайщины, исходящее от фашизма, прекрасно сочетается с либеральной верой в постоянный прогресс – дополняет эту веру. Если мы верим, что все в принципе становится лучше и лучше, то любой кризис и конфликт кажется нам неожиданным, чрезвычайным, скандальным. И на этом играет фашизм, делая из травмы ценность, с радостью навязывая чрезвычайность и превращая ее в правило (делая регулярной). Но чрезвычайность в фашистском смысле не является по-настоящему чрезвычайной и исключительной именно потому, что является в то же время регулярной» (МАГУН А. *Чрезвычайное исключяющее положение* // Что делать? 2005. № 8 (https://chtodelat.org/ar_4/nr_9_9_9_3-ar_4/артем-магун-чрезвычайное-исключяющее/?lang=ru)).

17 BENJAMIN W. *Gesammelte Schriften*. Berlin: Suhrkamp, 1991. Bd. I. S. 1232.

вынесла угнетенный класс на поверхность. Ее нужно резко остановить – и тогда актуальное настоящее этой остановки сможет резюмировать «чудовищной силы сокращением историю всего человечества»¹⁸.

ПРОВИДЕНЦИАЛЬНАЯ МАШИНА ИСТОРИИ

Можно сказать, что «Тезисы» Беньямина направлены против того, что Агамбена описал под названием провиденциальной машины в своей уже относительно поздней работе. Исследуя в книге «Царство и Слава» археологию западного управленчества, он обнаруживает его исток в провиденциальной машине, теоретически разработанной христианской патристической мыслью. Эта теологическая машина «домостроительства» совмещает трансцендентность Бога и имманентность Его вмешательства, первичные причины и вторичные, логос и историю. Если же переформулировать определение машины в терминах Шмитта и Фуко, то можно сказать, что ее взаимонеобходимыми полюсами будут и суверенное решение, и экономическая (или лучше сказать «ойкономическая») гувернаментальность. В книге Агамбена есть небольшой фрагмент, посвященный рождению историзма из духа ойкономии. Там он, в частности, пишет:

«Наше представление об истории сформировано под воздействием теологической парадигмы откровения “тайны”, которая одновременно является “экономикой”, устройством и “распределением” божественной и человеческой жизни. [...] Христианская история утверждает себя в противовес фатуму как свободное действие; тем не менее, поскольку эта свобода соответствует божественному замыслу и осуществляет его, она сама по себе является тайной»¹⁹.

И далее Агамбен добавляет, что невозможно понять ни всю последующую западную философию истории вообще, ни, в частности, концепцию истории немецкой классической философии, если не учитывать ее теологический бэкграунд:

«Любопытно, что, когда левые гегельянцы порывают с этой теологической концепцией, им удается это сделать, лишь поместив в центр исторического процесса экономику в современном значении, то есть как историческое самовоспроизводство человека. В этом смысле они подменили божественную экономику экономической чисто человеческой»²⁰.

18 Беньямин В. *О понятии истории*. С. 249.

19 АГАМБЕН ДЖ. *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. С. 83–84.

20 Там же. С. 85.

В общем, история в западной культуре – это темпорально разворачивающаяся ойкономия, связывающая воедино провидение и контингентность, свободу и необходимость, хитрость исторического разума и «невидимую руку» рынка. Если вновь вернуться к шмиттовскому изложению марксистских споров о диктатуре, то и здесь мы заметим провиденциальную машину христианского по своему происхождению историзма. Ведомая гувернаментальной экономической рациональностью провиденциальная машина истории хорошо работает только тогда, когда все время ломается. (Буржуазные) замедления, вызванные внутренними кризисами, компенсируются дальнейшим (социал-демократическим) ускорением по прямой дороге прогресса. Согласно же Беньямину, настоящий исторический материализм должен «взорвать континуум истории», а значит, срывая стоп-кран, остановить работу этой машины.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
«ПОДЪЕМ ПЕРЕВОРОТОМ»:
ИСТОРИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ
ПОЛОЖЕНИИ

Ведомая гувернаментальной экономической рациональностью провиденциальная машина истории хорошо работает только тогда, когда все время ломается. Замедления, вызванные внутренними кризисами, компенсируются дальнейшим ускорением по прямой дороге прогресса.

Поскольку различие между двумя чрезвычайными положениями – замедляющим и останавливающим – огромно по последствиям, но минимально по конкретному политическому осуществлению, всегда существует опасность не удержаться в чистоте революционного действия по прерыванию истории и быть перемолотым провиденциальной машиной. Так во многом и случилось с советским проектом, где революционная остановка обернулась репрессивной сталинской диктатурой, а оттепельная попытка вернуться к нормальной и естественной жизни – застоем и финальным коллапсом²¹. Именно поэтому в целях будущей освободительной политики необходимо детально изучить функционирование этой машины – тем более, что в разные исторические периоды она работала в разных режимах. Это может прозвучать как парадокс или как пустая игра слов, но необходимо историзировать саму провиденциальную машину истории, чтобы попробовать освободиться от ее влияния.

21 Более подробно об этом см.: Кобылин И. *Невидимая рука истории: «гувернаментальность», провиденциальная машина и исторический материализм* // Логос. 2021. № 4. С. 247–265.

МЕТАМОРФОЗЫ ПОНЯТИЙ И «ПЕРЕВОРАЧИВАНИЕ» ИСТОРИИ

Артемий Магун, разбираясь в небольшой научно-популярной книге с нынешними и прошлыми представлениями о демократии, обратил внимание, что практически все ключевые западные политические понятия в эпоху Нового времени изменили свое значение – вернее, не просто изменили, а поменяли на противоположное. Так, *революция* из циклического обращения небесных тел превратилась в необратимое событие новой политической начинательности (если уместно здесь воспользоваться термином Ханны Арендт). *Репрезентация* из обозначения присутствия (приставка *ре-*, как поясняет Магун, указывает не на повторение, а на усиление) переходит в обозначение присутствия-в-отсутствии, то есть в присутствие, опосредованное представителем. Наконец, и сама *демократия* претерпевает радикальные семантические изменения: будучи в античности одной из форм правления (наряду с монархией и аристократией), причем формой, скорее опасной, чреватой анархическими эксцессами, она вдруг становится именем универсального политического идеала, заодно апроприируя выборы как исконно присущую ей – и только ей – процедуру.

Магун объясняет эти странные на первый взгляд метаморфозы понятий их внутренне диалектической природой. Каждое из них, фиксируя поначалу только одну сторону явления, остается абстрактным. Однако, как только более глубокий анализ, не удовлетворяясь повторением знакомого, выявляет другие стороны, понятие, если воспользоваться выражением Гегеля, начинает рефлексировать в себя, обнаруживая свою, куда более сложную, чем казалось ранее, сущность. Магун пишет об этом так:

«Естественно, что в процессе рефлексии понятия зачастую “переворачиваются”: подавленная и противоположная предпосылка выходит на первый план в момент кризиса. Предпосылка, от которой понятие отталкивалось и даже идеологически дистанцировалось, вдруг выходит наружу как его скрытая истина»²².

Примерно та же самая историческая трансформация произошла и с понятием истории. Провиденциальная машина, первый приблизительный чертеж которой был представлен святыми отцами, собиралась по частям в течение долгого времени. «Моментом кризиса», о котором писал Магун, здесь можно считать раннемодерную эпоху. Во всяком случае первые симптомы кризиса появились именно тогда. Именно тогда абстракт-

22 Магун А. *Демократия, или Демон и гегемон*. М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С. 19–24.

ная изолированность универсального закона, с одной стороны, и истории как потока контингентных событий, с другой (эти «односторонности» были сращены/конкретизированы «на живую нитку» пока только на чертеже древних отвлеченных богословских сочинений), стала восприниматься в качестве реальной проблемы.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
«ПОДЪЕМ ПЕРЕВОРОТОМ»:
ИСТОРИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ
ПОЛОЖЕНИИ

МОМЕНТ КРИЗИСА: *VIRTU* ПРОТИВ *FORTUNA* И «РАСПРАВИТЕЛЬСТВО КΟΣΜΟΣ»

В самом начале своего фундаментального «Момента Макиавелли» (1975), посвященного приключениям ренессансной и нововременной республиканской теории, Джон Гревилл Агард Покок довольно подробно останавливается на трактате английского судьи и «философа-любителя», сэра Джона Фортеस्कю «О похвале законам Англии», написанном в 1468–1471 годах. Как поясняет Покок, этот трактат позволяет нам лучше разобраться в ключевых идеях той эпохи, поскольку «он высказал их в несколько грубой форме»²³. Покока прежде всего интересует характерная для политической мысли XV–XVI веков концептуализация напряжения между аристотелевско-христианским универсальным мировым порядком с его неизменными принципами, распространяющимися в том числе и на политическое сообщество, и историей, понимаемой как сфера единичного, конкретного и случайного. И действительно, это напряжение проявляется у Фортеस्कю в более чем наглядном виде.

Трактат построен как диалог между находящимися в изгнании принцем Уэльским и лорд-канцлером Англии. Лорд-канцлер пытается заинтересовать принца изучением английских законов. Если отвлечься от чрезвычайно интересных, но слишком многочисленных для короткого пересказа подробностей, то аргументы лорд-канцлера выглядят приблизительно следующим образом. Принцу не стоит беспокоиться по поводу сложности и запутанности английского законодательства, поскольку краеугольным камнем каждой науки является совокупность основных принципов (*максим* в математике, *парадоксов* в риторике, *regula juris* в гражданском праве), достаточно ознакомиться с базовыми принципами, на которых построены законы Англии, чтобы стать юридически грамотным правителем – тем более, что конкретными случаями применения законов будут заниматься юристы-профессионалы. Однако это не решает одну важную проблему. Коренные принципы юриспруденции отсылают к универсальным положениям естественного

23 Покок Дж. Г. А. *Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 42.

права, очевидным для любого разумного человека. Основы справедливости одинаковы для всех – не может быть справедливости английской, французской или римской. И существенная часть английских законов тождественна естественному праву и, соответственно, универсально значимой части законодательства других стран. Но универсальное существует не в абстрактной пустоте, а в конкретных обстоятельствах, различающихся между собой от страны к стране. Реализация универсального принципа в исторически и географически определенной действительности порождает уникальную для каждого народа правовую конфигурацию, где всеобщие естественные законы сочетаются со специфическими обычаями и статутами.

Обычаи отсылают не к разуму, а к опыту. Опыт в данном контексте – это некий «некритический», «неаналитический» инструмент, позволяющий рассуждать, пусть и «предположительным», как позже будет говорить Эдмунд Бёрк, образом не об общем, а об особенном. Древность обычая всегда говорит в его пользу: чем дольше он существует, тем большим количеством людей он испытан и признан пригодным. Когда речь заходит о статутах, Фортескую пишет о «рассудительности», но рассудительность здесь явно ближе к опыту, чем к дедуктивным процедурам *ratio*. Вернее, рассудительность – это и есть способность использовать коллективный опыт прошлого, чтобы справиться с переменчивыми обстоятельствами, осторожно вводя необходимые новации, которые в свою очередь так же должны быть в будущем проверены на опыте.

Как можно заметить, у будущего монарха не так-то много возможностей для суверенного политического жеста: за него правят, с одной стороны, универсальная рациональность закона, а с другой, – мудрость обычая. Однако в этом идиллическом царстве всегда мог наступить такой момент, «когда неизвестность становилась полной, реакция требовалась мгновенная и управлять мог лишь один человек; монарх обретал абсолютную власть в том смысле, что его решения не были ограничены ни обычаем, ни советом, но они мгновенно не становились – ибо не могли стать – общими законами поведения»²⁴. Этот момент и есть вторжение «истории» (как ее могла бы представить схоластическая мысль, если бы вообще интересовалась такими вещами), то есть вторжение случайного, конкретно-событийного, ускользающего от власти вечного, разумного и универсального. История, которую, как утверждает Покок, христианское мировоззрение всегда стремилось игнорировать, периодически дает о себе знать, подвешивая автоматизм естественного и

позитивного законов. Пользуясь терминологией Карла Шмитта, ее можно представить как своего рода чрезвычайное положение, тестирующее правителя на подлинную суверенность. (Как несложно заметить, ситуация 1920-х годов будет полной инверсией ситуации XV века: если в раннемодерный период история «объявляет» чрезвычайное положение естественному и позитивному законам, то в буржуазную эпоху, наоборот: чрезвычайное положение объявляется законам самой истории. Диалектическое «переворачивание» налицо – то, что подрывало Закон, само стало Законом.)

ИГОРЬ КОБЫЛИН
«ПОДЪЕМ ПЕРЕВОРОТОМ»:
ИСТОРИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ
ПОЛОЖЕНИИ

История периодически дает о себе знать, подвешивая автоматизм естественного и позитивного законов. Ее можно представить как своего рода чрезвычайное положение, тестирующее правителя на подлинную суверенность.

Понятно, что речь пока не идет о формальной структуре, полностью замкнутой на фигуру суверена: он еще как бы делит свою суверенность с внешним – с самим событием. Именно оно нейтрализует работу правила, заставляя правителя реагировать. Покок, впрочем, и отсылает не к Шмитту, а к американскому историку Чарльзу Ховарду Макилвейну. В работе «Конституционализм: древность и современность» (1940), анализируя знаменитый трактат «О законах и обычаях Англии», составленный в середине XIII века судьей Генри де Брактоном, Макилвейн обращает наше внимание на проводимое там различие между *jurisdictio* и *gubernaculum*. Брактон говорит, что король держит в своих руках правление (*gubernaculum*) королевством. Ключевым фактором является то, что в этом правлении у него нет «равных» и тем более – нет того, кто стоял бы над ним. Никто – даже судья – не может поставить под вопрос конкретный королевский акт, сомневаясь в его законности. Король обладает всеми юридическими полномочиями, необходимыми для эффективного правления²⁵. *Gubernaculum* – это и есть подлинно суверенное искусство управления, уникальный, не находящий поддержки ни у закона, ни у опыта, ответ на контингентность уникального исторического события.

И, как показывает Покок, перед республикой – и в частности, перед реальными итальянскими республиками Ренессанса – встала примерно та же проблема. Все последующие размыш-

25 См.: McILWAIN C.H. *Constitutionalism Ancient and Modern*. Ithaca: Cornell University Press, 1958. Ch. III.

ления Покока о флорентийской ренессансной политической мысли и ее позднейшей рецепции – это размышление о том, как эта мысль пыталась приручить историю. Вернее, как она пыталась научиться жить в среде, отрефлексированной в качестве исторической. Как, используя почтенную аристотелевскую традицию политической мысли, выстроить надежный заслон против непредсказуемых случайностей времени – вот ключевая задача, по-разному решаемая Бруни, Гвиччардини, Макиавелли и другими гуманистами. Постепенно история из внешнего вызова превращалась в сущность самой политики – это инверсия заметна уже у Гвиччардини²⁶. Однако в целом гуманистическая мысль была консервативно-охранительной: ей не хватало «средств для анализа позитивного, созидательного [...] отправления власти»²⁷.

Это «созидательное отправление» и есть то, что Фуко назовет «управленчеством» и что придет на смену ренессансной игре *virtu* и *fortuna*. Хотя Фуко противопоставлял рождающуюся в XVI веке гувернаментальность французских «Зерцал» простым умениям макиавеллиевского Государя, речь, по всей видимости, должна идти о преимстве – пусть и через отталкивание. Понятие управленчества также пережило историческую трансформацию, схожую с теми, что претерпели понятия революции, репрезентации, демократии и истории. Первоначально управленчество было техникой, призванной «инсталлировать» нововременное государство в тела и головы подданных уже не на уровне принципов, а на уровне обычных, повседневных практик и ментальных привычек. И здесь мы сталкиваемся с чем-то вроде кибернетической системы обратной связи между историей и государством. С одной стороны, административное модерное государство – это и есть творческий ответ на вызов истории, которая буквально пропитывает собой все, к чему прикасается, размывает все естественные законы и опоры, становится самой сутью политической деятельности. С другой, – исторически формирующееся государство превращается в главный катализатор дальнейшего перехода европейского общества от космического порядка к историческому: оно привязывает все традиции и установления к фигуре суверена. Паоло Проди остроумно подметил, что, например, все полицейские меры регулярных европейских монархий, которые так плодотворно исследовал Фуко, – это и есть попытка «отвязать» повседневную жизнь от естественного, традицион-

26 «Феликс Гилберт и Витторио Де Капрариис исследовали эволюцию его [Гвиччардини. – И. К.] мысли *dalla politica alla storia*, если воспользоваться формулировкой последнего: от попытки установить условия, необходимые для стабильной политической жизни, до убежденности, что человеческое существование можно представить лишь в потоке управляемых изменений» (Покок Дж. Г. А. *Указ. соч.* С. 317–318). Сам Покок, впрочем, был не совсем согласен с такой характеристикой.

27 Там же. С. 471.

ного порядка и прикрепить ее к порядку искусственному, государственному – а значит, историческому²⁸.

И лишь на втором шаге – в своей либеральной инкарнации – гвернаментальность стала тем, что ограничивает политико-экономические и эпистемологические притязания «государственного интереса» (хотя и никогда от него не полностью отделяется). Однако сейчас нас интересует не сама эта трансформация, а связка зарождающегося в XVI–XVII веках искусства управления с тем, что Фуко назвал «открытой историчностью».

Действительно, рождение управленчества как специфического технэ ознаменовало собой «расправительство космоса»: природа, подчиненная вечным божественным принципам, окончательно отделилась от историзированного социального. Великий иерархический континуитет – отец в семье управляет ею так же, как управляет королевством суверен, который в свою очередь правит, подобно Богу, управляющему миром, – окончательно распадается. Средневековый мир аналогий уступает место новременному миру «Великого разделения» (Бруно Латур): человеческое общество, полностью предоставленное превратностям истории, как бы «открепляется», «отрывается» от царства божественного разума, воплощенного теперь только в природе:

«Principia naturae et ratio status, принципы природы и государственный интерес, природа и государство теперь перед нами предстают сформированными и разделенными, как две главные отсылочные системы знаний и техник, которые даны современному западному человеку»²⁹.

История, овладевшая государством, теперь будет искать другую рациональность, уже не совпадающую с божественным разумом, растворенным в универсуме. Она найдет ее в секуляризированной экономике, заново объединив закономерное и контингентное, единичное и общее, полностью осуществив тем самым – как это ни парадоксально – «машинный» теологический проект патристики.

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ПОСТСКРИПТУМ: АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ И АБСОЛЮТНЫЙ КОНЕЦ ИСТОРИИ

Буржуазный брак между историей и экономикой продлился, как известно, недолго. Стоило хитрости исторического разума

28 См.: Проди П. *История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права*. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 166, 188.

29 Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука, 2011. С. 314.

ИГОРЬ КОБЫЛИН

«ПОДЪЕМ ПЕРЕВОРОТОМ»:
ИСТОРИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ
ПОЛОЖЕНИИ

проложить дорогу невидимой руке рынка, как этот разум оказался более не нужен. Разделив судьбу всех исчезающих посредников, история осталась в прошлом, уступив место новой природе – экономике. Впрочем, о парадоксах классического либерального историзма, всякий раз оборачивающегося культом естественности, написано немало, в том числе героями этого эссе. Однако «концы истории» периодически ими провозглашаемые, кажутся сегодня образцами исторического оптимизма. Выше речь шла о том, что историко-материалистическая концепция Вальтера Беньямина направлена на то, чтобы застопорить работу провиденциальной машины истории. Однако сегодня – как становится все более очевидно – главная угроза для нее заключается не в том, что грядущие революционные силы смогут исполнить, наконец, мессианское обещание, разорвав порочный круг суверенного вмешательства и естественно-исторической гвернаментальности. Главная угроза – а эта угроза выглядит даже страшнее для нас, чем то, чему она угрожает, – заключается в новых техниках управления, которые элиминируют историческое измерение вообще. Прежде всего речь идет о так называемой алгоритмической гвернаментальности, теорию которой совсем недавно предложили Антуанетт Рувруа и Томас Бернс³⁰.

Рувруа и Бернс исходят из того, что новые возможности статистического агрегирования, анализа и корреляции, предоставляемые большими данными, кладут конец традиционной статистике, ориентированной на средние показатели. Большие данные позволяют ухватить социальную реальность как таковую, в ее имманентности. Новым статистическим технологиям больше не нужны понятия о среднем или о норме. Возникающий на наших глазах режим цифровой истины репрезентирует себя как теле-объективность (Поль Вирильо). Теле-объективность можно трактовать как своего рода зеркало, напрямую отражающее имманентную нормативность – нормативность «самой жизни», если воспользоваться выражением Кангийема. Другими словами, контингентная единичность теперь записывается как таковая – она более не прячется в тени обобщенной нормативности закона. Больше нет никакого напряжения между единичным и общим, различием и повторением. Все фиксируется в форме непосредственной сингулярности. Сингулярности связываются не с нормой, а друг с другом в системе взаимной корреляции.

Если прежняя статистическая информация всегда могла быть оспорена (именно в силу непреодолимого зазора между статистической репрезентацией и объективной реальностью),

30 ROUVROY A., BERNIS T. *Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation* // *Reseaux*. 2013. Vol. 177. № 1. P. 163–196.

то нынешняя подается как сама сырая и грубая реальность в ее очевидной неоспоримости. Однако ее истина не становится основой разделяемого опыта. Напротив, распространение алгоритмической гвернаментальности способствует радикальному сужению публичной сферы. Раз нечего оспаривать, то нечего и обсуждать. Делиберативная демократия классической статистики уступает место экспертным рекомендациям для частных пользователей. Ряд исследователей опасается, что создание новейших техник перехвата информации и, соответственно, рост хакерских эскалаций приведут к тому, что коллективное цифровое пространство будет и дальше приватизироваться и иммунизироваться, что, в конечном счете, приведет нас к исчезновению общего опыта в принципе. При этом Рувруа и Бернс отмечают, что приватизация опыта не означает интенсификацию процессов субъективации. Напротив, речь идет о том, что алгоритмическая экономика внимания фокусируется не на субъектах – и даже не на их дигитальных двойниках, – а на коррелятивных отношениях этих самых двойников.

Рувруа и Бернс выделяют несколько фаз работы алгоритмического управления. Первая состоит в сборе и хранении данных. Данные собираются в огромных количествах из самых разных источников. Правительства собирают их в целях интенсификации безопасности, контроля, управления ресурсами, оптимизации расходов и так далее. Частные компании собирают массивы данных в маркетинговых и рекламных целях, чтобы повысить эффективность продаж и, следовательно, свою прибыль. Ученые собирают данные в исследовательских целях. Сами люди охотно делятся своими данными в социальных сетях, блогах, списках рассылок. Все эти данные хранятся в электронном виде – в хранилищах данных с практически неограниченным объемом памяти. Они потенциально доступны в любое время с любого компьютера, подключенного к сети в любой точке мира. Участие субъекта здесь сведено к минимуму, все формы преднамеренности заранее устранены. Но именно эта педалируемая объективность и превращает данные в «обобщенный цифровой бихевиоризм» (Рувруа и Бернс): качественно разнообразная реальность разбивается на однородные «пиксели» данных, так что в итоге мы имеем дело только с совокупностью десеманизированных цифровых корреляций.

На основании этих «пиксельных» совокупностей осуществляется алгоритмическое профилирование и управление индивидуумами, построенное на анализе зафиксированных сетевых следов наших прошлых предпочтений. Важно, что эффективность прогнозирования зависит от объема данных – чем больше их массив, тем больше нам кажется, что с нами говорит сама реальность. Именно поэтому мы не замечаем управленческого

принуждения – «естественность» достигает здесь своей кульминации: никому в голову не придет спорить с принципом реальности. Неповиновение расценивается в этом случае как безумие в прямом смысле этого слова. Поскольку главная цель цифровой правительности – исключить малейшую непредсказуемость будущего, бунт против нее действительно кажется совершенно иррациональным. Асигнификативная машина управления искореняет любую неопределенность, а значит – она перестает придавать значения событиям вообще. Фактически события больше не рассматриваются в качестве таковых: каждое из них может быть разбито на совокупность данных и повторно агрегировано с другими данными. Алгоритмическое управленчество постоянно «перетасовывает карты» гомогенных данных в «пустом и гомогенном времени» (Вальтер Беньямин). *В итоге мы оказываемся в абсолютно плоском мире, лишенном всякого исторического или – если воспользоваться термином Фуко – «генеалогического» измерения.*

Современная алгоритмическая «власть» захватывает субъекта не через посредство дисциплинарного воздействия на его физическое тело и не через пастырское руководство его совестью. Она управляет им через множество «профилей», которые он оставляет в интернете, делая покупки, путешествуя или просто беззаботно листая ленту в социальной сети. «Пассивность» алгоритмического способа управлять приводит к тому, что такое управление конструирует, создает реальность в той же мере, в какой оно ее фиксирует. Оно разжигает желания и потребности и при этом деполитизирует критерии доступа к тем или иным местам, товарам и услугам. Оно обесценивает политику как таковую: больше нет необходимости самостоятельно выносить суждения и принимать решения в ситуациях неопределенности, поскольку такие ситуации более невозможны, алгоритмический разум заранее исключил всякую неопределенность. Оно устраняет любые общественные институты, предполагавшие публичное конфликтное обсуждение встающих перед обществом проблем. И так далее.

Прослеживая возможное развитие этой управленческой техники в долгосрочной перспективе, можно сделать вывод, что она доводит либеральную идею «невидимого» или «незаметного» управления до логического конца. Алгоритмическая гвернаментальность стремится управлять не реальностью, а посредством реальности (как старая добрая либеральная техника XIX века, согласно Фуко, стремилась управлять не свободой, а посредством свободы). Объектом алгоритмического управления (объектом, который никогда не сможет стать субъектом) являются отношения: совместно используемые данные являются отношениями и всегда будут существовать только как

отношения. Производимое на основе данных знание состоит из отношений отношений. И нормативные действия на основе такого знания – это действия в средах, связанных с отношениями отношений. Используемый Рувруа и Бернсом словарь философии Жильбера Симондона на первый взгляд указывает на то, что цифровая власть – в качестве своего побочного эффекта – производит позитивную трансиндивидуальную индивидуацию, то есть такую онтогенетическую ситуацию, где нет отдельно «меня», «его» или «нас», а есть совместный процесс симультанной индивидуации «я» и «мы», порождающий социальную реальность как среду формирования коллективных значений. Однако, полагают авторы, алгоритмическая гвернаментальность как раз исключает трансиндивидуальную индивидуацию, замыкая единичность в плоском «пузыре» субъективной монады.

Рувруа и Бернс настаивают, что дело тут не в онтологической и экзистенциальной редукции личности к сети данных, которые могут постоянно перекомбинироваться. И консервативная технофобия, алармистски заявляющая, что гаджеты поработили людей, здесь тоже бьет мимо цели. Скорее смысл алгоритмической гвернаментальности состоит в том, что она управляет людьми, не обращая внимания на реальные (и никуда не девшиеся) способности к пониманию, силу воли, возможности выражения и воображения. Власть в своих расчетах исходит не из этих способностей и сил, а действует на основе плоских «профилей», не столько приспосабливаясь к спонтанным желаниям людей, сколько адаптируя эти желания к уже существующему предложению (способы репрезентации продукта, ценообразования и так далее). Это не индивидуализация и демократизация экономики услуг, а сегментирование рынка. Поскольку цифровые сигналы калькулируются в независимости от их возможного значения, все происходит так, как будто все значения больше не являются необходимыми. Как будто бы Вселенная – до всякой возможной интерпретации – была уже насыщена смыслом, не нуждающимся в символическом выражении. Нам больше не нужен язык – с нами без всякого языка говорит сама реальность. Но если нет языка, то нет и никакого возможного проекта. Возможность совпадает с действительностью, потенциальное растворяется в актуальном, а контингентное в своей контингентности становится абсолютно необходимым. Все категории слипаются в ком, и даже старая добрая провиденциальная машина истории начинает восприниматься с оттенком незапланированной ностальгии.

To be continued

ДМИТРИЙ
КОЛЧИГИН

О жизни понятий: от переводчика

Дмитрий Колчигин (р. 1988) -- переводчик, филолог, работал над переводом на русский язык сочинений Якоба Гримма, Эрнста Роберта Курциуса, Эриха Ауэрбаха и других. Живет и работает в Алматы (Казахстан).

На три представленные в этом тематическом блоке статьи приходится два автора, три даты и три места публикации. Тем не менее по существу эти тексты представляют собой неделимое целое, что касается целого ряда аспектов: кольцевые ссылки, взаимодополняющие факты, единая нить повествования и собственно авторское единодушие. Лео Шпитцер и Франц Маутнер во многом пережили типичный опыт своего поколения. Оба – филологи-универсалы, с одинаковым вниманием относившиеся к мельчайшим атомам социолингвистического порядка и к целым языковым картинам, сложенным из европейских литератур. Оба – австрийские протестанты еврейского происхождения, для которых лютеранское «различие между Законом и Евангелием» увязалось, в конечном счете, с Нюрнбергским расовым законом. Оба были вынуждены покинуть свой языковой ареал; вторую половину жизни оба провели в США. Этим единством опыта в значительной степени обуславливается и целостность того культурно-исторического высказывания, которое Шпитцер и Маутнер разделили в данном случае на двоих; в 1948 году Шпитцер, обосновывая свою методiku, отмечал, что во всем опирается на принцип «метод – это опыт», сформулированный в свое время Фридрихом Гундольфом.

**ПОЛИТИКА
ТЕРМИНОЛОГИИ:
NAZI – SOZI –
SPEZI**

Три собранные здесь статьи впервые публикуются совместно и впервые переводятся на другой язык; тем временем их вполне можно считать бесценным документом эпохи, вобравшим в себя и лингвистический позитивизм, и уникальное личное переживание. Первая статья, «Жизнь слова *Nazi* во французском языке», относится к периоду взлета национал-социализма (1934); вторая, «*Nazi* и *Sozi*», – к периоду его упадка (1944); третья, «*Nazi-Spezi*», написана уже в новом мире (1946).

Эта историческая дуга прослеживается и в стилистической структуре самих работ. Первая шпитцеровская статья написана со множеством иносказаний, скрытой иронией, отчасти в дипломатическом духе и с явной надеждой на улучшение или по крайней мере стабилизацию общенемецкого положения дел. Статья Маутнера – констатация печального факта: представления о «нацистском» и «немецком» в мире начинают сливаться (к счастью, это оказалось временным явлением)¹, а осуждающе-насмешливое слово, вышедшее из народного фарса, возвращается к тем же оттенкам смысла, но уже на подмостках народной трагедии. Наконец, последняя реплика Шпитцера – это в значительной степени беспощадная инвектива против «спецов»: ученых, поставивших свое знание на службу национал-социализму. Костяк статей, впрочем, составляют специализированные сведения об отдельных лексемах: общественно-политическая позиция авторов растворена среди намеков и маскирующей тайнописи.

Стоит отметить, что политизированный эзопов язык на определенном этапе вообще был филологической специализацией Лео Шпитцера. В Первую мировую (с 1915-го по 1918 год) он работал военным цензором при венском Центральном бюро информации; через его руки проходили письма итальянских военнопленных², и на основе этого материала была создана ныне знаменитая книга «*Italienische Kriegsgefangenenbriefe*» (1921; см. о ней в комментарии к диалогу Шпитцера и Маутнера), в которой на многочисленных примерах рассмотрено искусство недомолвки и иносказания (широко известен раздел о понятии «голод», запрещенном к упоминанию; см. также интереснейшую главу «Отношение к цензуре»). В «Жизни слова *Nazi*» Шпитцер вынужден был и сам прибегнуть к разного

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
О ЖИЗНИ ПОНЯТИЙ:
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

1 Здесь необходимо упомянуть и отметить статью Лео Шпитцера «История духа против истории идей в приложении к гитлеризму» (1944), в которой он выступил с апологией немецкой культуры XIX века и категорически отверг идею о концептуальном родстве между немецким романтизмом и немецким национал-социализмом. См.: SPITZER L. *Geistesgeschichte vs. History of Ideas as applied to Hitlerism* // *Journal of the History of Ideas*. 1944. Vol. 5. № 2. P. 191–203.

2 Стоит добавить, что Шпитцер выступал как последовательный противник и критик империалистических войн. См. его ранние публикации в венской антивоенной газете «*Der Friede*», а также брошюру «*Anti-Chamberlain: Betrachtungen eines Linguisten über Chamberlains "Kriegsaufsätze" und die Sprachbewertung im allgemeinen*» (1918).

рода намекам и экивокам; в 1934 году германский «рейх» все еще сохранял лицо на международной арене, а сам Шпитцер, хотя и находился в Стамбуле, по-прежнему имел проблемы с гражданством. По этой небольшой статье совершенно отчетливо видно, что Шпитцера в высшей степени волновало положение его родной Австрии и что он внимательно следил за первыми разговорами о потенциальной аннексии. Как бы к слову, просто в виде примера, он цитирует статью под названием «Угроза для австрийской независимости» из «Bulletin du jour» и особо выделяет в ней один фрагмент, в котором рассказывается, что Австрия наводнена подпольными нацистскими листовками. Цитируя итальянскую «Corriere della Sera» – вроде бы только для того, чтобы отметить характерную форму *social-nazional*, – Шпитцер опять же берет для примера «одну статью об Австрии», в которой речь идет о противоборстве социал-демократов и национал-социалистов внутри страны. Избирательное цитирование вообще в этом случае исключительно характерно: это резко отличает шпитцеровскую технику иносказания от той, что он описывал в молодые годы – там речь шла о бытовом, народном языке, и целую главу в своих «Письмах итальянских военнопленных» Шпитцер посвящает «наивности» высказываний. Здесь же речь идет об «ученом» инословии, где главным инструментом становятся цитаты, в своей объективности одновременно безобидные и безупречные.

Так, например, цитируя Геббельса, Шпитцер подбирает фразу, в которой даже нацистскому министру приходится признать, что и в мире, и внутри Германии многие видят в национал-социалистах «каких-то культурных варваров» (опуская при этом слово «современных»; варвары, очевидно, – явление вне времени). Прекрасный пример двойного использования слов *national-socialiste* и *nazi* по отношению, соответственно, к людям и предметам, построен у Шпитцера на новости о том, как в Саарбрюккене (тогда еще французском Сарбрюке) местного жителя арестовали за открытую демонстрацию нацистской символики. Форму *nazzi* Шпитцер находит не где-нибудь, а у Льва Троцкого, что дает полное и объективное основание привести сразу несколько весьма характерных цитат. Несколько раз подчеркивается родство той же формы *nazzi* со словом *jazz* (нацисты, стоит помнить, при первой возможности запретили «вырожденческую музыку») – элемент демонстративности при этом почти целиком снимается за счет непредвзятых фонетических фактов. Говоря о редких примерах немецкого *Nazi* как хвалебного титулования, Шпитцер приводит цитату, речь в которой идет о Карле Либиге, подозреваемом в жестоком убийстве. Понятие о «нацистском приветствии» иллюстриру-

ется ссылкой на «Расы» – антифашистскую пьесу Фердинанда Брукнера. Разумеется, в этом же ряду стоит и центральный германистический факт, рассмотренный Шпитцером в этой статье и впоследствии хорошо подкрепленный у Маутнера: сама словоформа *Nazi* возводится к изначально пейоративным и насмешливым южнонемецким оборотам. Сравним *Nazi* также с риторическими приемами: называя *Nazi* «дочерней» формой от *Sozi*, Шпитцер добавляет, что это «дочь, убившая отца»; говоря о стяжении корней, приводит народную шутку о *Popo = Politische Polizei*; к слову вспоминает о французском омониме *nazi*, означающем сифилитика, и так далее. Особое торжество языковой правды Шпитцер видит во французском слове *raciste*, которым характеризуется «народное» устремление тогдашней Германии. Ученых, так или иначе согласившихся сотрудничать с режимом, Шпитцер критиковал исключительно резко (можно вспомнить, что даже Эриха Ауэрбаха, не сразу покинувшего Германию и принесшего «клятву немецкого служащего», Шпитцер довольно отчетливо осуждал), и в этом плане также весьма характерны его язвительные рассуждения в «*Nazi-Spezi*» о том, что так называемые «спецы» («беспомощные, выхолощенные прислужники»), до конца остававшиеся с номенклатурой, – это не только *Spezialisten*, но еще и *Spezialfreunde*, закадычные друзья режима.

Вся эта информация сокрыта за массой фактического материала и в глаза не бросается. Тем не менее для Шпитцера, безусловно, характерна исследовательская эмоциональность, личное вовлечение в процесс – причем это касается не только животрепещущих политических вопросов, но и тем, казалось бы, далеких от бушевания страстей: авторская стилистика, история фразеологических оборотов, этимология и литературоведческие методики... На всем протяжении шпитцеровской научной карьеры личная вовлеченность в любую тему оставалась одновременно и ахиллесовой пятой всего метода (критику можно найти у Гуго Шухардта и Эрнста Гамильшега), и гуманистическим достижением, возвышающим классические работы Шпитцера над кабинетным академизмом (о чем, со своей стороны, писали, например, Гельмут Гатцфельд и Дональд Штауфер). Статья Маутнера в этом смысле по внешним признакам отличается от шпитцеровских; во всяком случае в ней не прослеживается такого количества скрытых намеков. Тем не менее в ее основе, как и у Шпитцера, также лежит переживание личного опыта; будучи знатоком, исследователем и издателем пьес Иоганна Нестроя, Маутнер опять же находит ответы на исторический вызов у «своего» автора, в его языке и стиле. «Человеческий язык, – говорит Шпитцер, – создан в первую очередь, чтобы говорить о человеческом». Весьма ха-

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
О ЖИЗНИ ПОНЯТИЙ:
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

рактенно само название «Жизнь слова...», характеризующее, пожалуй, не только одну статью 1934 года, но и весь приведенный здесь цикл, и даже шире – всю фосслеровско-шпитцеровскую школу: слово живет, страдает и видоизменяется вместе с человеком, в слове можно найти исторические силы, воплощенные в лицах. Примечательно, что Шпитцер фактически сравнивает со словом самого себя: «Заимствованные слова, – говорит он в 1934 году, сразу после своего отъезда в Стамбул, – как и все эмигранты, попадают в совершенно иные жизненные обстоятельства». Якоб Гримм писал когда-то о грамматической безжизненности иностранных заимствований в немецком языке; во французском Шпитцер находит обратную ситуацию: «слово-эмигрант» не только не костенеет и не лишается своей внутренней силы, но даже, напротив, напитывается новой жизнью, сбрасывает с себя груз противоречивых коннотаций и по существу – освобождается³. В 1946 году Шпитцер получил предложение о восстановлении своей кельнской профессуры – возвращаться в Германию он отказался.

Удивительно, но из всех работ Шпитцера на русском языке до сих пор, с разницей в 90 лет, публиковались лишь две статьи: «Словесное искусство и наука о языке»⁴ в переводе Виктора Жирмунского и «Американская реклама как массовое искусство»⁵ в переводе Марии Вольфсон. Работы Франца Маутнера на русский язык не переводились вовсе. Эти упущения нам еще предстоит наверстать; введением же может послужить данная публикация.

- 3 Здесь стоит вспомнить и рекомендовать к прочтению раннюю брошюру Шпитцера «Травля заимствований и ненависть к инородцам», написанную «против языковых чисток» по итогам Первой мировой и тематически во многом перекликающуюся со статьей «Свое и Чужое: о филологии и национализме», ставшей своего рода филологической суммой Второй мировой войны. См.: SPITZER L. *Fremdwörterhatz und Fremdvölkerhaß. Eine Streitschrift Gegen die Sprachreinigung*. Wien: Manz, 1918. S. 65; IDEM. *Das Eigene und das Fremde. Über Philologie und Nationalismus* // *Die Wandlung*. 1945–1946. № 1. S. 576–594.
- 4 ШПИТЦЕР Л. *Словесное искусство и наука о языке* // *Проблемы литературной формы*. Л., 1928. С. 191–218.
- 5 ОН ЖЕ. *Американская реклама как массовое искусство* // *Мир образов, образы мира. Антология исследований визуальной культуры*. М.: Новое издательство, 2018. С. 154–168.

Жизнь слова *Nazi* во французском языке¹

ЛЕО
ШПИТЦЕР

История этого слова и самого явления в Германии хорошо известна. Слово *Nazi* сформировано по тому же образцу, что и *Sozi*, которое в свою очередь представляет собой фамильярную, иронически окрашенную стяжку от *Sozialist*. Форму *Sozi* (во Франции говорят *démoc-soc'*) я слышал еще в юности; ее, судя по всему, ассоциировали, с одной стороны, со словом *socius*, – «дольщик, компаньон» (в коммерческом смысле), – что доказывалось формой множественного числа: *die Sozis* – «дольщики»; с другой стороны, оно созвучно с окончаниями слов вроде *Spezi* – «закадычный друг» (*mein Spezi* – сокращение от *mein spezieller Freund*). Словом *Sozi* никогда официально не называли политическую партию, оно всегда в той или иной степени оставалось насмешливым прозвищем; с грамматической точки зрения *Sozi* – это всегда существительное.

Немецкое слово *Nazi* в точности воспроизводит ту модель, что задана в слове *Sozi*, – по форме и, собственно, по содержанию: *Nazi* как сокращение от *National-Sozialist*² представляется усечением, тем более необходимым, если учесть, что в полном варианте слово оказывается значительно длиннее просто «социалиста», и тем более удобным, если учесть, что

Лео Шпитцер (1887–1960) – австрийский и американский романист, языковед, литературовед, один из создателей «лингвистики текста» как междисциплинарного филологического направления.

1 Перевод по: SPITZER L. *La Vie du mot nazi en français // Le Français moderne*. 1934. Vol. 2. № 1. P. 263–269. – Примеч. перев.

2 Само движение зародилось в Баварии, поэтому с формой *Nazi* вполне можно сопоставить омонимичное гипокористическое имя (*Nazi* – южнонемецкая ласкательная форма от *Ignaz*). В словаре Шмеллера приводится баварский оборот «*haes, Nazi!*» (*haes = heiß*, «горячо»), который поясняется как «üblicher Ausruf, wenn man sich gebrannt oder etwas unvorsichtig heraus gesagt hat» [расхожее восклицание, когда кто-нибудь обожжется или скажет что-то опрометчивое]. В словаре швабского диалекта Фишера сообщается, что *Naze*, уменьшительная форма от чисто католического имени Игнаций, широко используется как насмешливый эпитет («*dummer, täppischer Kerl*» [туповатый, неуклюжий малый]), причем не только в католических регионах. В Швейцарии (см. «*Schweizerisches Idiotikon*») оборот *s Nazi* означает «*wunderliche Person*» [чудак, чудила]. Мне доводилось слышать, что в Базеле – задолго до появления нацистской партии – выходило детское приложение к газете «*Basler Nationalzeitung*» под названием «*Der kleine Nazi*» [Маленький Наци (из *Nationalzeitung*) / Маленький дурачок]; эта игра слов лишний раз подтверждает наше предположение, что в названии нацистской партии сливаются сразу несколько совершенно различных слов. В Вене слово *Nazi* иногда использовали в качестве перифраза для личного местоимения первого лица: *Natzi (Natzler) tut das nicht* [Наци этого не делал = я этого не делал] – как в бытовой речи, говорил иногда мой отец (а звали его Вильгельмом!). У меня сложилось впечатление (прямых доказательств, правда, не обнаруживается), что форма *Sozi* зародилась где-то в австрийских кругах, а значит – на южных землях. Вообще слово *Sozi* сейчас уже вышло из употребления, и вспоминают о нем только благодаря его дочерней форме *Nazi* – такая вот дочь, убившая отца! Нацистская пропаганда неспроста покончила с формой *Sozi*: это слово не обидное, в нем есть даже какой-то оттенок симпатии и товарищества; у гитлеровцев фигурировали только «марксисты». Тот факт, что уменьшительный аффикс *-i* характерен для

первым слогом подчеркивается отличие от *Sozi*, а заключительное *-zi*, судя по всему, указывает, если можно так сказать, на партийную принадлежность. Отмечу, что *Nazi* – это тоже насмешливое прозвище, которым, в основном, пользовались те, кто не принадлежал к числу сторонников этого движения³. Свою партию национал-социалисты всегда считали чем-то исключительным, поэтому их вообще не устраивала идея о том, чтобы встроиться в партийную череду, встать с кем-то на один уровень. Тем более есть тут и третий участник, совсем не лишней: имею в виду так называемых *Kozis*, или коммунистов. Суффикс *-zi* просматривается во всех названиях партий и во многом свидетельствует о досадной грамматикализации, об усреднении:

Na }
So } zi
Ko }

Это принципиально не соответствует претензиям национал-социализма на собственную исключительность⁴. Кроме того, форма *Kozi* не прижилась и в обиходном языке не закрепилась (даже в период до разгрома коммунистической партии в Германии).

юга Германии, нисколько не помешал вхождению этих форм на север: многие южные формы разошлись по всей стране – это и *Bubi*, и *Mädi*, и даже *Mutti*, *Vati* [малыш, малышка, мама, папа]. В некоторых районах Германии (в Рейнской области и некоторых других.) говорят: *er ist Hitler* в значении «он гитлеровец»; или *die Hitler* – «гитлеровцы». Видимо, финальное *-er* из фамилии Гитлера смешивает форму со словами вроде *Tischler* («столяр») и другими названиями профессий: в данном случае под работой понимается партийная деятельность. Такое объяснение однозначно доказывается следующим фактом: в тех регионах, где говорят *die Tischlers* (Вестфалия и прочие), говорят и *die Hitlers*. Никогда не услышишь форм вроде *die Göhring*, *die Brüning* и так далее.

- 3 Сейчас сложно себе даже представить серьезного национал-социалиста, который говорил бы: «Мы, наци». Партийные руководители этим словом пользоваться не желают; историческая судьба слова *gueux* [нищий = *gêz*] ему определенно не светит, хоть иногда нацисты в полемике и воспроизводят воззрения своих оппонентов: вот, например, слова доктора Геббельса (10 февраля 1934 года): «Da man es vielfach verabsäumt hat, sich mit dem Problem des Nationalsozialismus auseinanderzusetzen, hatte man sich unter uns Nationalsozialisten so eine Art von Kulturbarbaren vorgestellt» [Многие, не справляясь с вопросами национал-социализма, изображают нас, национал-социалистов, какими-то культурными варварами]. Так было не всегда: до 30 января 1933 года, то есть до вхождения партии во власть, вполне можно было услышать (особенно от бывших коммунистов: партию поменять проще, чем лексикон!) фразу вроде «Ich bin Nazi geworden» [Я стал наци]. Таким образом, упрощенно говоря, можно выделить три стадии в жизни этого немецкого слова: (1) стадия насмешки (словом *Nazi* пользуются только те, кто не принадлежит к числу национал-социалистов); (2) стадия объективизации и приближения к нейтральному значению (*Nazi* как обозначение партии); (3) стадия поражения в правах (после прихода национал-социалистов к власти).
- 4 Тот же принцип категоризации просматривается в таких формах, как *Schupo* (от *Schutzpolizei* [охранная полиция]) и *Sipo* (от *Sicherheitspolizei* [полиция безопасности]). В Берлине, бывало, шутили, что название *politische Polizei* вряд ли сократят по той же схеме... Слово *Kozi*, отмечу, произносится с долгим *ö*, что явно указывает на его происхождение от *Sözi* (ведь в слове *Kommunist* звук *o* краткий). Скорее всего эту форму изобрели в социалистических кругах: для гитлеровской пропаганды она слишком беззлобная, а для правых партий – слишком вульгарная (в этой среде вряд ли кому-то понравилась бы аллюзия на глагол *kotzen* [блевать]). *Kozi* так и осталось личным достоянием социалистической партии – вместе с этой партией слово и умерло.

Во Франции судьба слова *nazi* была совершенно иной. *Les nazis* – так, конечно, никогда не говорили в официальной речи; иронический подтекст поначалу сохранялся, но в целом, на мой взгляд, французское слово *nazi* очень быстро стало нейтральным, техническим термином, так что на сегодняшний день все ироническое из него уже испарилось. В редакционных статьях «Le Temps» до сих пор, как я мог заметить, слово *nazi* ставят в кавычки, чтобы опять же подчеркнуть свою объективность – *le gouvernement «nazi»*; в менее официальных фрагментах где-нибудь не на первой странице кавычек уже нет⁵. Еще в мае 1932 года мне попадались выражения вроде *députés nazis* безо всякого уничижительного оттенка.

Чем же объяснить такое расхождение между французским и немецким употреблением одного и того же слова? Прежде всего – французы, с их высокой политической культурой, умеют в любом движении выделить его объективные, теоретические стороны, нисколько не взирая на то, что сама идеология может во всем противоречить традиционному складу политического мышления⁶. Те причины, по которым гитлеровцы не принимают этого слова в Германии, здесь, во Франции, просто не играют никакой роли: вот и еще один фактор. Практически все французы – что правые, что левые – относятся к немецкой национал-социалистической партии довольно сдержанно и с опаской; слегка подтрунивать над «наци» – здесь никому это не покажется крамоллой. Еще можно добавить, что слово *nazi* во Франции никак не ассоциируется с *Sozi* – эту последнюю форму здесь, пожалуй, и не знают вовсе; независимость слова позволила ему развиваться свободнее. Может быть, это слово, короткое и энергичное, в глазах французов лучше выражает суть самой партии, чем расплывчатое *national-socialiste*? Тем

- 5** Вот, для примера, в «Bulletin du jour» от 30 января [1934 года] пишут: «реакция национал-социалистической Германии [de l'Allemagne nationale-socialiste]»; на второй странице той же газеты, в менее объективной статье под названием «Угроза для австрийской независимости», встречается такой подзаголовок: «Les journaux nazis clandestins» [«Подпольные газеты наци(стов)»] (в том же параграфе речь заходит о «нацистских листовках [les feuilles nazistes], что подпольно печатаются в Австрии». На той же странице, под рубрикой «В Германии», – такое: «L'anniversaire de l'avènement des nazis au pouvoir» [«Юбилей прихода наци(стов) к власти»]. На последней странице, в разделе новостей, речь опять заходит об этом событии; там читаем: «L'anniversaire de l'avènement du national-socialisme au pouvoir» [«Юбилей прихода национал-социализма к власти»] – более серьезная форма, объяснить которую можно непосредственным впечатлением журналиста от торжеств по случаю годовщины. В номере от 11 февраля под заголовком «Nazi condamné pour port d'uniforme interdit» [«Наци(ст) осужден за ношение запрещенной формы»] обнаруживается следующая новость: «В Сарбрюке муниципальная полиция задержала национал-социалиста [a arrêté un national-socialiste] в форме; его [...] приговорили к штрафу [...] в размере 125 франков за ношение нацистского значка [pour port de l'insigne nazi]». Укороченное слово часто требуется в заголовках; *l'insigne nazi* звучит гораздо естественнее, чем *l'insigne national-socialiste*: формы на *-iste* почти всегда относятся только к людям.
- 6** Для французского общественного мнения вообще характерна объективность, беспристрастность суждений. Иностранцу, не знакомому с речевыми нюансами, это не всегда очевидно: множество недоразумений, допустим, связано с семантикой слова «бош», а ведь даже во время войны эта форма не была столь оскорбительной и столь экспрессивной, как многие думают. Примерное значение этого слова – «типичный немец».

более, два этих слова – *national* и *socialiste* – во Франции порождают совершенно разные ассоциации и не очень-то сочетаются друг с другом. *Nazi* – это портрет в овальной раме, а *national-socialiste* есть нечто смутное и расплывчатое, без ясных контуров. Есть и грамматические аргументы против формы *national-socialiste*: порядок слов здесь противоречит французским правилам; как к тому же говорить: *les national-socialistes* (как в *les social-démocrates*⁷) или *les nationaux socialistes* (опереться можно на форму *les nationaux allemands* – *die Deutschnationalen* [немецкие националисты = члены Немецкой национальной партии])? Французам остается выбирать между двумя оборотами, один из которых оскорбляет грамматический вкус (*les national-socialistes*), а второй не вполне соответствует сути дела (*les nationaux socialistes* – это такие националисты, которые одновременно еще и социалисты; на деле же гитлеровская политическая программа во многом построена на слиянии двух явлений в одном)⁸.

Язык не попадает в эту ловушку и находит другой путь: официальный термин, неудобный и грамматически отталкивающий, просто отбрасывается, а его место занимает другое слово – фамильярное и насмешливое, но зато сжатое и энергичное, да и к тому же имеющее определенные грамматические преимущества. В немецком *Nazi* – это существительное и только существительное; составные слова вроде *ein Naziblatt* (как называют гитлеровские газеты) или *ein Nazilokal* образованы по модели *Regierungsblatt*, *Regierungslokal* [правительственный печатный орган, правительственное ведомство; от существительного *die Regierung*] и так далее. На французском вместо *Naziblatt* – если переводить это слово – получаем *jornal nazi*: отсутствие составных слов во французском языке автоматически переводит *nazi* в категорию прилагательных. Так появля-

7 В Италии боролись с этим неудобством и пытались унифицировать названия двух партий: в «Corriere della Sera» от 11 февраля 1934 года мне попала одна статья об Австрии, где *social-nazional* вступают в противостояние с *social-democratici*. Слово *nazi*, как мне кажется, в Италии используется очень редко: свою роль здесь играют и политические взаимоотношения двух государств, и сродство идеологий, проповедуемых двумя режимами.

8 Название должно соответствовать предмету: именно поэтому, как мне представляется, во Франции гитлеровское правительство (*gouvernement, parti*), равно как и гитлеровское движение в целом, часто характеризуется словом *raciste*; в Германии так вообще не говорят. «Национальную» ориентацию гитлеровцев французы замечают «расистской», в чем с явностью проявляется общефранцузская оценка всей этой немецкой затеи. Еще, на мой взгляд, есть очевидное созвучие, объясняющее такую популярность слова *raciste*: оно рифмуется с *fasciste* (по-французски чаще всего произносят здесь «с», а не «ш»). *Raciste* и *fasciste* – вот словесная пара, во многом отражающая коалицию двух авторитарных режимов, немецкого и итальянского, в значительной степени союзных. Слово *raciste* заметно старше гитлеровского движения; так традиционно переводят немецкое *völkisch*. Понятие о национализме во Франции всегда связывается с цивилизационной общностью, а не расовой. В этом нет германской предопределенности.

Г-н Доза указал мне еще на одно обстоятельство, которое могло, в теории, поспособствовать широкому распространению слова *nazi* среди городских обывателей низшего класса, склонных ко всяческому непристойным аллюзиям: речь идет об омонимии со словом *nazi*, «сифилитик»; форма зафиксирована у Риго (1878), Делесая (1896), Виллата, Доза и Лакассаня.

ются обороты вроде *la dictature nazi* (еще пишут: *nazie*), *des opinions nazi(es)*, *une attitude nazi(e)*.

Фонетически форма *Nazi*, конечно, далеко отстоит от официального названия партии. Нельзя отрицать и того, что произношение этого заимствованного слова сопряжено с некоторыми сложностями. Есть два подхода: первый – это приближение, хоть и не полное, к немецкой модели (то есть к *nātzi*; французское произношение я скорее передал бы как *nadzi*); второй – по принципу «читать, как написано» (немецкое *z* (= *ts*) произносится на французский манер; ср. с произношением *fascisme* через *s*). На мой взгляд, форма *nadzi* явно уступает автохтонному произношению; чужеродный (в такой позиции по крайней мере) немецкий звук, который здесь можно найти разве что в слове *jazz*⁹, произносят лишь те французы, что знают немецкий и имеют в какой-то степени склонность к педантизму.

В статье под названием «Что такое национал-социализм?» (опубликованной в «*La N[ouvelle] R[evue] F[rançaise]*» от 1 февраля 1934 года, но датированной 10 июня 1933-го) г-н Л. Троцкий (или его переводчик) использует форму *nazzi* (ср. опять же с *jazz*); в постскриптуме от 2 ноября 1933 года – уже *nazi*. Стоит ли полагать, что в этот промежуток времени, между июнем и ноябрем 1933 года, термин был натурализован, «офранцузен»? Фонетический разрыв между *national-socialisme* и *nazi* еще и потому вполне допускается, потому не противоречит духу языка, что в реальности между людьми и их учением тоже пролегает граница. Слово *nazisme* (ср. с *racisme*) встречается редко (чаще можно встретить форму *naziste*); Троцкий многократно упоминает *les naz(z)is*, но при этом последовательно называет саму идеологию полностью – *la national-socialisme*. Ср. у него: «Костры, на которых горят нечестивые книги марксистов, сами по себе уже проясняют классовую природу национал-социализма [*la nature de classe du national-socialisme*]» (р. 315). Даже когда *наци* [*les nazzis*] были просто партией и не воплощали собой государственную власть, к рабочему классу подступов они не знали». «Своему перевороту *наци* [*les nazzis*] присвоили имя революции. На деле же – что в Германии, что в Италии – фашизм несколько не меняет социальную систему» (р. 316). Само движение, очевидно, есть нечто официальное; но люди, которые его составляют, – это плоть и кровь, это просто группа неких «товарищей». Даже такой доктринер, как Троцкий, – любопытный, кстати, момент! – не может не подчиниться фундаментальному лингвистическому закону, закону законов: *человеческий язык создан в первую очередь, чтобы говорить о человеческом*. По сравнению

ЛЕО ШПИТЦЕР

ЖИЗНЬ СЛОВА NAZI
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

9 Еще, можно добавить, испанское слово *plaza* произносят как *pladza*, см.: *Le Français moderne*. [1933. Vol. 1. № 2.] P. 187.

со всякого рода «измами» слово *pazzi* ближе к человеку, несмотря даже на его насмешливое звучание (а во многом и благодаря этому!). Идеологи вроде Троцкого пишут об этом явлении со злобой и с отвращением, и все-таки в самом словоупотреблении проглядывает какое-то людское братство, какая-то основополагающая симпатия человека к человеку, пусть даже это смертельный враг; «измы» же – это всегда холодная абстракция, которая людей разделяет. Язык на нас возлагается как обязательство; и тот интеллектуал, который не только понимает историю, но и творит ее (например теоретик русской коллективистской революции), непременно должен утверждать человеческие права перед лицом истории. Французское слово *pazi*, в котором практически нет полемического содержания, хорошо иллюстрирует эту идею (довольно, в общем-то, популярную): исторические силы изображать следует в лицах, соотносить их следует с конкретными людьми, приведшими процесс в действие. Троцкий, как мы видели, идеологически атакует своих личных недругов, а значит – все-таки! – людей.

Из всего сказанного можно извлечь один урок: заимствованные слова, как и все эмигранты, попадают в совершенно иные жизненные обстоятельства; у них появляются новые связи и новые разноречия; материальная (то есть фонетическая) идентичность слова совершенно не гарантирует, что при переходе между языками оно будет сохранять свое семантическое и синтаксическое приложение. Французское слово *pazi* живет, по большому счету, своей жизнью и от немецкого *Nazi* практически ни в чем не зависит. Теоретически можно даже представить себе такую парадоксальную ситуацию: в Германии слово *Nazi* вообще забудется и членов гитлеровской партии станут называть исключительно «национал-социалистами», во Франции же они останутся *pazis*. Другими словами, в языке могут сохраняться такие иностранные формы, которые в стране происхождения уже отпали.

P.S.

I

К с. 264 [с. 34]: На глаза мне сейчас попала одна заметка из национал-социалистической газеты «Fränkische Tageszeitung» [чит. Tageszeitung], где слово *Nazi* употребляется в хвалебном смысле: «Karl Liebig ist ein alter, erprobter Nazi» [Карл Либиг – старьй, испытанный наци] (речь идет об убийстве в замке Вальтерсгаузен). Но это скорее всего региональное (южное) словоупотребление.

К с. 266 [с. 36]: Грамматические сложности, с которыми оборот *national-socialiste* сопряжен во французском языке, хорошо видны по гибридным формам вроде «un contrôle des formations nationale-socialistes» (так в «Le Temps» от 24 февраля 1934 года). Сравнить это в какой-то степени можно с оборотом *les néos-socialistes* (см. статью Б[енжамена] Кремье в «Nouv[el]le] Rev[ue] Fran[çaise]» (1934. P. 699)); наложение: *les néo-socialistes + les néos*.

Популярностью слова *nazi* во французском языке объясняется и тот факт, что понятие *der Hitlergruß* [гитлеровское приветствие] переводят не как *il salut hitlérien*, а как *il salut Nazi(ste), il salue nazi* (ср. у Ф[ердинанда] Брукнера в «Les races»).

Отсутствием составных слов объясняется скорее всего и то, почему книгу Лиланда Стоу «*Nazi Germany means war*» [*Нацистская Германия готовит войну*] перевели на французский под названием «*Hitler, est-ce la guerre?*» [*Гитлер – это война?*]. Французы, таким образом, неохотно пользуются переводным оборотом *L'Allemagne Nazi*; псевдогеографическое название (по типу *Bochie: Nazi-ie?*) оказывается фонетически невозможным; в то же время в слове хочется отразить характер живых представителей режима – так выбор и пал на рассматриваемое слово, максимально репрезентативное.

К с. 267 [с. 37]: Мне удалось найти *один* пример со словом *nazisme* (в «Le Temps» от 24 февраля 1934 года), но и здесь есть полемический нюанс: «Он [Гитлер] посчитал, что это второе дело [награждение шведского конькобежца] важнее, чем первое [конференция г-на Розенберга]: неудивительно, ведь с прописными истинами о миссии *нацизма* [*sur la mission du nazisme*] он и без того неплохо справляется». В немецком языке такого слова и быть не может, ведь просторечное шуточное прозвище – а слово *Nazi* именно таково или по крайней мере к этому восходит – невозможно гармонизировать с суффиксом *-ismus*, который явно указывает на какую-то объективность. Этим наблюдением еще раз подтверждается уже высказанная идея: во французском языке, в отличие от немецкого, слово *Nazi* стало «объективным».

II

Профессор Фридендер в связи с моей заметкой об «автархии» (см. «Le Français moderne» от января 1934 года, р. 29), указал мне на следующее обстоятельство: у Диона Кассия греческое *'autarkhia* (а эта форма, как утверждает – по докумен-

там? – г-н Луи Руссель, прижилась в греческом языке) представляет собой переводную кальку с латинского *imperium* (ср. с *'autokratoria*). Похоже, что слово *'autarkeia* (медицинский и политический термин) ассимилировалось во французском вместе с группой других слов на *-archie* (*monarchie* и т.д.) без влияния со стороны этой изолированной формы *'autarkhia*.

Перевод с французского Дмитрия Колчигина

I

Ванглызычным мире хорошо знают, что слово *Nazi* представляет собой сокращение от *Nationalsozialist*²; куда менее известен другой факт: «сокращение» это придумано как пародийный ответ на гораздо более старое и очень расхожее *Sozi* (насмешливое усечение от *Sozialdemokrat*). Всякому, кто видел зарождение национал-социализма изнутри немецкого мира, очевиден шуточный характер этого слова. Лео Шпитцер указывал на этот факт еще в 1934 году (см. «La Vie du mot nazi en français»), однако его выводы почему-то не привлекли внимания германистов (свою роль, вероятно, сыграла география публикации).

Шпитцер показывает: слово *Nazi* тем лучше годилось для пародийной аналогии с *Sozi*, если учитывать его омоним – деревенскую ласкательную форму от католического имени *Ignaz*; у этого *Nazi* тоже был легкий комический привкус. Шмеллер в «Баварском словаре» приводит оборот «ha's, Nazi!»: «расхожее восклицание, когда кто-нибудь обожжется»; Герман Фишер в «Швабском словаре» толкует слово *Nazi* как «туповатый, неуклюжий малый»; а в «Швейцарском идиотиконе» *Nazi* – это просто «чудак, чудило». Позднее (около 1900 года) слово *Nazi*, в его венском употреблении, приобрело функции местоимения первого лица: *Natzi (Natzel) tut das nicht!* – таким оборотом (в разговорной, семейной речи) пользовался отец профессора Шпитцера. Вот что интересует нас в указанной статье.

Но откуда в слове с традиционно негативной окраской – «дурной, нелепый, неотесанный» – появился призвук чего-то детского? В южнонемецких диалектах это настолько закрепились, что с «неполитическим» *Nazi* возникли даже шутивно-инфантильные выражения (*Natzi tut das nicht* в значении «я этого не делал», «это был не я» – явная имитация детской речи). Совершенно очевидно, что имя Наци-Игнаций смешивается здесь с образами двух персонажей из южнонемецкой

Франц Генрих Маутнер (1902–1995) – австрийский и американский германист и литературовед, специалист по творчеству Георга Лихтенберга и Иоганна Нестроя.

- 1 Перевод по: MAUTNER F. H. *Nazi und Sozi* // *Modern Language Notes*. 1944. Vol. 59. № 2. P. 93–100. – *Примеч. перев.* Эта статья представляет собой вторую часть лекции под названием «Word Formation by Shortening and Affixation», прочитанной 17 июля 1943 года в Висконсинском университете по случаю общего съезда Лингвистического общества и Американского общества [изучения] диалектов; текст приведен в соответствии с правилами журнальной публикации. Первая часть лекции также была опубликована (под вышеприведенным названием): *American Speech*. 1943. № 18. P. 200–207.
- 2 Стоит отметить, что слово сокращается здесь по первым двум слогам, а вовсе не стяжением от «Nationalsozialist», как утверждается во втором издании «New International Dictionary» Вебстера.

традиции, драматической и литературной. Об этом и хотелось бы рассказать.

Фарс Иоганна Нестроя «Уленшпигель»³ (1838), впервые поставленный на венской сцене, пользовался в XIX веке безумной популярностью. Сам автор – любимец публики и мэтр венского комического театра – исполнял в пьесе роль *Натци* [*Natzi*]. Нестрой модернизировал традиционный образ *Фаддедя*, который в свою очередь восходит к народным фигурам вроде *Касперля* и *Гансвурста*⁴ – в общем, это персонаж типический. Вот что говорит Отто Роммель, первейший знаток южнонемецких народных пьес:

«Постановка этого фарса [...] была, должно быть, сплошным торжеством озорной шалости. [...] Нестрой исполнял роль Натци, нового “Фаддедя”. [...] Но от безобидного, ребячливого веселья не осталось и следа!.. Долговязый Нестрой [в костюме мальчика] нес всякую чушь, не к месту хохотал, тарашил глаза, [...] терпел побои и верещал благим матом. [...] Но в какие-то моменты, совершенно неожиданно, он отпускал вдруг замечания, в высшей степени остроумные, так что можно было сказать: а ведь не так и глуп этот безмозглый малый. [...] Начинаешь понимать: это не глупость (в интеллектуалистском смысле), а некое скорей отупение. [...] Он давно научился недурным образом выживать, прекрасно зная о своей роли в глазах окружающих и пользуясь всеми преимуществами такой безответственности. [...] Этот Натци – и дурачок, и хитрец одновременно. [...] Когда его играл сам Нестрой, [...] этой комедией можно было [...] наслаждаться бесконечно. [...] Наглый Виллибальд⁵ – вот последнее звено в длинной цепи персонажей, начавшейся с Натци»⁶.

«Эта пьеса, [...] по существу малозначительная, оказалась одной из самых успешных работ Нестроя; [...] год за годом она шла на сцене. Комическая сила этих двух художников [Нестроя и Шольца] была просто неодолимой»⁷.

«Год за годом» здесь – это период с 1838-го по 1860-й⁸. Вполне можно предположить, что эта пьеса и эта роль Нестроя глубоко отпечатались в памяти тогдашних венцев, так что и фра-

3 См.: NESTROY J. *Sämtliche Werke* / BRUKNER F., ROMMEL O. (Hg.). 1927. Vol. IX.

4 Ср., например, с: ROMMEL O. *Johann Nestroy, Ein Beitrag zur Geschichte der Wiener Volkskomik* // NESTROY J. *Op. cit.* 1930. Vol. XV. S. 263 и далее (глава «Касперль и Фаддедь»).

5 Из «Die schlimmen Buben in der Schule» (NESTROY J. *Op. cit.* Vol. XIII); эту пьесу до сих пор можно увидеть в различных постановках, профессиональных и любительских.

6 *Ibid.* Vol. XV. S. 263 и далее.

7 *Ibid.* Vol. IX. S. 565.

8 Такова статистика постановок по трем венским театрам (*Ibid.* Vol. XV. S. 399–419). В целом она завершается 1862-м – годом смерти Нестроя. О венских представлениях после этого мы знаем только одно: 1881 год был ознаменован постановкой полного цикла нестроевских пьес – это заняло в Карл-театре 48 вечеров; играли в том числе и «Уленшпигеля», вернувшегося в те дни на сцену. (См. об этом в статье М[орица] Неккера «Johann Nestroy» из [XII] тома сочинений Нестроя под редакцией Ганхофера и Кьяваччи: 1891. Vol. [XII]. S. 211).

за «Натци этого не делал!» перешла в иронически-шутливый обиход (вместе со многими другими оборотами и типажам из работ Нестроя). В центральной Германии и на севере эффект был не так заметен; Нестрой играл Натци в Бреслау (1843) и Берлине (1844); в северной Германии он успешно и многократно выступал после 1844 года, однако полных сведений на этот счет у нас нет.

В пьесе Нестроя акцент сделан на все дурашливое; из множества ассоциаций, связанных с именем Натци, драматург выбирает именно эти, самые вздорные, попутно еще примешивая к ним сатирическую двусмысленность. В другом произведении – тоже австрийском, тоже XIX века – смех оказывается более добродушным, а инфантильный, несмышленный и неотесанный *Нац* предстает в несколько лучшем свете: имею в виду знаменитую эпическую поэму Йозефа Миссона «*Dá Náz, a niederösterreichischer Bauernbui, geht in d'Fremd*» (1860)⁹. Еще в 1920-е в австрийских гимназических учебниках давали крупные отрывки из этой поэмы. Главный герой в общей атмосфере произведения – это своего рода «непорочный глупец» (можно вспомнить юношу Парцифалья, крестьянина Гельмбрехта, Симплиция Симплициссимуса): все шутовское отходит на задний план.

К тому времени, когда по стране зашагал национал-социализм, литературные фигуры нестроевского Натци и миссоновского Наца уже подзабылись. В самих именах, однако, все еще сохранялся оттенок чего-то смехотворного, чего-то временами отталкивающего; это очевидно по юмористическим (не политическим!) газетам того времени, а также по целому ряду словарных примеров и определений. Приведем здесь лишь некоторые, дабы установить в общих чертах границы насмешливого словоупотребления: в «Швабском словаре» (1914) даны обороты *dümmer als Nazi* [тупее, чем Наци], *der tappet Nazi* [нелепый Наци]; само слово толкуется как «плутовское имя», «человек с придурью», «коварный, вероломный человек»; выражение *Es ist recht, Nazi* [молодчина, Наци] толкуется как «насмешливый ответ на приказ или распоряжение» и как «окрик на человека, который дурно поступил, чем-то рассердил говорящего». В дополнительном томе даны еще формы *Nāzl, Drecknāzl* – «грязнуля».

В «Швейцарском идиотиконе» (1901. Vol. IV) формы *Nāz, Nāzel, Nāzeli, Nāzi* обозначены как имена собственные и нарицательные. В мужском роде они означают «сумасброд»; составное *Zapfe-Nazi* (средний род) – «ограниченный человек».

⁹ Она была издана «Даберковом» в серии «Allgemeine Nationalbibliothek»; ср. с: NAGL J.W., ZEIDLER J., CASTLE E. *Deutschösterreichische Literaturgeschichte*. 1935. Vol. II. S. 607 и далее (а также другие фрагменты оттуда же).

Наконец, в «Словаре эльзасских диалектов» (1899) Мартина и Лингарта (статья *Naz*: уменьшительные – *Nazi* и др.) даны обороты *du Nazi du dummer!* [дурной же ты Наци!], *du biste tauwer Nazi!* [ты Наци скудоумный!], а также эпитеты *Drecknazel, Käsnazel*, – «о мальчишке, который ел сыр [...] и весь вымазался», – и *Karpreⁿnazi* – «насмешливое прозвище для оборванца»¹⁰.

Итак, *Наци* – из числа «несерьезных» имен, которыми привычно – и чаще всего с оттенком осуждения и насмешки – нарекают людей определенного типа. В этом же ряду такие, например, образы, как нелепый *Касперль* (от Каспар), косолапая *Наннерль*¹¹ (от Анна), малодушный *Фейдль* (от *Фейт*)¹², клоун *Август*; полоумная *Гретль* (или *Гредль*) – устоявшиеся словосочетания.

Соответствующее сокращение от названия партии появилось где-то на заре национал-социализма: пародийная аналогия с *Sozi* и связь с ругательной кличкой из бытовой речи сделали слово *Nazi* прекрасным оружием в руках оппонентов¹³, причем в первую очередь – в южных землях¹⁴, откуда национал-социалистическое движение и вышло. В Баварии и Вюртемберге издавались – и оттуда по всей Германии расходились – сатирические журналы «*Jugend*», «*Simplicissimus*», «*Fliegende Blätter*» и «*Meggendorfer Blätter*»: благодаря этому слово *Nazi*, насмешливое прозвище новой партии, стало известно повсюду, в том числе и на севере, где за него схватились социал-демократы, искавшие реванша за кличку *Sozi*¹⁵. В скором времени слово широко распространилось: сначала как насмешка, а затем как удобное название, короткое и емкое (точно так же популяризовалось и *Sozi*). Это новое, идеологическое, понятие приобретало все больший вес: повседневность с каждым днем

10 Во фрайбургском (баденском) диалекте все эти обороты оставались в ходу еще к 1914 году (как сообщает доктор Бернгард Небель из медицинской школы Университета Рочестера).

11 Ср. с: SCHMELLER-FROMMANN. Vol. I. S. 1745; см. также областные словари [Франца Серафа] Хюгеля и [Игнаца Франца] Каstellи.

12 Ср. с: Ibid. S. 692.

13 В областях свою роль могла сыграть и еще одна, четвертая, группа ассоциаций. Слово *Nazion* (в краткой форме – *Natz*) на alemаннском диалекте означает «народ, люди – в пейоративном смысле: *Des ist eine böse Natz* [это дурной народ, плохие люди], *Heut hat er wieder seinen Nazionalstolz* [он опять о себе воображает, опять начал выпендриваться; буквально: опять обрел национальную гордость]» (из дополнений к «Швабскому словарю»).

14 По сведениям из все того же «Швабского словаря», пейоративное *Nazi* из швабских регионов (католических) попадало и в приграничные франконские (лютеранские).

15 Как ни парадоксально, но поначалу, еще в XIX веке, и самих социалистов клеймили многозначным словом *Nazi*. Хороший пример в этом смысле – это «Отец Филуций», политико-сатирическая поэма Вильгельма Буша («аллегорический образ современности»). Там сказано, что у немца *Михеля* есть два врага: патер *Филуций* (католическая церковь) и *Интер-Наци* (социал-демократ, увлеченный идеями Интернационала): «*Pater Luzi, finster blickend, / Heimlich schleichend um das Haus / Wählt zu neuem Rachezwecke / Zwo verwogne Lumpen aus. – / Einer heißt der Inter-Nazi / Und der zweite Jean Lecaq / Alle beide wohl zu brauchen, / Denn es mangelt Geld im Sack*» [Хмуро глядит патер Луци, рыскает тайком вокруг дома. Выбирает он для новых козней двух отчаянных проходимцев. Одного звать Интер-Наци, а второго – Жан Лекак. В карманах у обоих пусто, так что они готовы служить] (по второму изданию: 1873. S. 29).

политизировалась, а слово *Nazi* звучало повсюду и постоянно; в итоге традиционные коннотации резко отодвинулись на задний план вместе с воспоминаниями о происхождении самого слова; в естественных условиях семантическое развитие идет гораздо медленнее.

Сами национал-социалисты, будучи еще оппозиционерами, иногда с вызовом принимали на себя эту презрительную кличку – как гёзы в свое время приняли ярлык «нищих», *les gueux*; когда же гитлеровцы пришли к власти, а национал-социализм отождествился с государственностью как таковой, слово *Nazi* оказалось ненужным для их сторонников и просто опасным для их противников. Более этим словом в Германии пользоваться не разрешалось¹⁶. В тех, впрочем, местах, где национал-социалистическая партия по-прежнему была запрещена (в той же, допустим, Австрии), временами привычное прозвище все-таки употреблялось¹⁷.

Политический термин *Nazi* на момент его запрета в Германии уже далеко вышел за пределы чисто немецкого словоупотребления. Распространение этого понятия в разных языках (например в английском) и на разных стилистических уровнях требует отдельного исследования, в значительной степени уходящего в области политологии. Слово *Nazi* все чаще и чаще – в зависимости от политической культуры говорящего и от самой речевой ситуации – стали соотносить с «немецким» как таковым; кроме того, так теперь называют само идеологическое направление без специфической привязки к Германии и НСДАП: вот две основные черты этого процесса, если рассматривать его с точки зрения семантических сдвигов. Схожим образом в немецком языке изменялось слово *Bolschewik*, а в английском – слово *Red*.

II

Итак, при первом же своем пародийном приложении слово *Nazi* уже могло похвастаться целым спектром политических значений; его модельная основа – слово *Sozi* – поначалу тоже

¹⁶ Ср.: SHIRER W. L. *Berlin Diary*. 1941. S. 495 (вторая запись от сентября 1940 года).

¹⁷ Так, например, в Австрии нелегально издали «катехизис» – «Der Nazi-Katechismus» – запрещенного там Гитлерюгенда (*New York Times*. 1938. January 9. P. 24). Другие примеры см. у Шпитцера в уже процитированной статье (р. 264 [с. 33, 35]). В этих случаях, на наш взгляд, имеет место давний полемический прием, когда высмеивается манера речи оппонента (наиболее известные примеры – это «*Epistulae Obscurorum Virorum*» и Паскалевы «*Lettres Provinciales*»). Точно так же этим запрещенным словом иногда пользовались в «*Das Schwarze Korps*» (а это печатный орган СС), чтобы спародировать при этом речь врагов партии: «No one can expect the State to condemn more and more Nazi functionaries just to make the Müllers of Germany happy» [Не стоит рассчитывать, что страна будет направо и налево судить должностных наци с тем только, чтобы немецкие мюллеры были довольны] (цит. по: *Inside Germany Reports* // *American Friends of German Freedom*. 1942. № 22. P. 2).

содержала в себе множество оттенков, не связанных напрямую с простым сокращением от *Sozialdemokrat*. В словаре Шмеллера и Фроммана (по изданию 1872–1877 годов) есть статья *Sozi*, из которой явствует: оборот *ä̃grober Sozi*, зафиксированный еще Шмеллером (умершим в 1852 году), был в ходу с достаточно давних пор. Восходит он к слову *Socius*, «вахлак, невежа»¹⁸; в указателе Шмеллера *Socius* по смыслу приравнивается к *Sozi*. Слово *Socius* в этом значении было широко распространено – по крайней мере на австрийско-баварских землях между XVIII и XIX столетиями, – его можно найти во множестве региональных комедий народного толка¹⁹. Сокращенную форму *Sozi* же мне удалось найти только у Шмеллера. Диминутив, очевидно, появился позднее, а основное значение – «невежа» – в течение нескольких десятилетий стало побочным и абсорбировалось в новом, политическом, контексте²⁰. Для сатиры сгодилось бы любое сокращение от слова *Sozialdemocrat* с достаточно комичным звучанием и уничижительной окраской, но само поведение социалистов, отчасти показное, подсказывало критикам этот образ «грубого», «невежественного» *Sozi*: двусмысленность пришлась к месту и служила лишним напоминанием о «небуржуазных», «некрасивых» повадках, характерных вроде бы для сторонников этой партии.

Шмеллер задумывался о том, почему произошло смысловое снижение слова *socius*, и объяснял это социологически – и культурно-исторически²¹. Второе свое истолкование Шмеллер (опираясь на тот факт, что слово в своем пейоративном значении встречается только в южных районах) возводит к католическим кругам, с их специфической культурой. Я, однако же, полагаю, что здесь следует вспомнить о целой череде аналогичных слов, также подвергшихся семантическому снижению: это и *Gesell* (*RäuberGesell* [темная личность], *sonderbarer Gesell* [чудной малый], *was für ein Gesell!* [что за тип!]), и *Kumpen*, и *copain*, и *fellow*. Традиционное представление о «содружестве», которое проглядывает в *Sozi*, тесным образом увязывается с пролетарским «товариществом». Особую изюминку всей этой истории придает тот факт, что само обра-

18 См. «Словарь венского диалекта» под редакцией Ф[ранца] С[ерафа] Хюгеля.

19 Ср. с примером из Шиканедера (1793; приложение в: NESTROY J. *Op. cit.* Vol. IX. S. 607). Еще – отрывок (первое действие, 15 явление) из пьесы Нестроя «Eine Wohnung ist zu vermieten» (1837): «Каетан, неотесанный домоправитель: [...] а все эти девки, положительно, ниже моего достоинства. Лизетта: Он, друг мой, совсем невежа [*ein Socius*], ему бы брать пример со здешнего домоправителя, вот у кого манеры – так манеры» (МАУТНЕР Ф.Н. (Hg.). *Nestroys Ausgewählte Werke*. 1938. S. 141).

20 Социал-демократическая рабочая партия была основана в 1869 году, а Социалистическая рабочая партия – в 1875-м. «Закон о социалистах» – удивительное явление! – действовал с 1878-го по 1890 год. В самом начале XX века слово *Sozi* в его политическом преломлении уже имело всеобщее широчайшее хождение.

21 «Наверное, от *socius divinatorum* – помощник священников? Или что-то из иезуитских времен? По орденским предписаниям, иезуит по возможности вообще ничего не должен был делать в одиночку (ни жить, ни путешествовать, ни принимать решения): во всем его должен был сопровождать *socius*».

щение «товарищ», *Genosse*, представляет собой по существу перевод того самого *socius*.

ФРАНЦ ГЕНРИХ МАУТНЕР

NAZI И SOZI

Южнонемецкий уменьшительный суффикс *-i* в значительной степени лишает формы *Sozi* и *Nazi* заветного достоинства, которое было присуще изначальным формам; это и поспособствовало широкому распространению насмешливых форм на севере, где слово *Socius* в значении «невежа» было скорее всего мало кому известно. Исковерканные сокращения, в которых уже не опознаются первоначальные смыслы, суть политическое оружие, и они всегда будут популярнее официальных названий. В этих последних слишком много программного (в нашем случае – понятия о *социальном, демократическом, национальном, социалистическом*), и это всегда становится уязвимым местом. «The decrease in the logical content of the word involves an increase in its range of applicability» [«Когда слово теряет в своем логическом содержании, вместе с этим всегда расширяется область его применения»]²².

Перевод с немецкого Дмитрия Колчигина

Лео Шпитцер (1887–1960) – австрийский и американский романист, языковед, литературовед, один из создателей «лингвистики текста» как междисциплинарного филологического направления.

Мы с доктором Ф[ранцем] Маутнером уже продемонстрировали (см.: *Modern Language Notes*. [1944. Vol.] 59. [№ 2. P.] 93; *Le Français modern*. [1934. Vol.] 2. [№ 1. P.] 263), что слово *Nazi* – это не просто сокращение от «национал-социалист»: оно, во-первых, образовано в пару к более раннему *Sozi* (фамильярное именование социалиста), а во-вторых, как словоформа оно опирается на диалектное употребление – ср. с южнонемецким *Nazi*, означающим «дурень, болван» (изначально: ласкательное от имени Игнаций). *Nazi* в исконном смысле есть эпитет (южнонемецкий) для того, кто противится всякому движению и развитию. Собственно, и слово *Sozi* нельзя рассматривать линейно и возводить только к «социал-демократу»: здесь явно прослеживается связь с (опять же, южнонемецким) уменьшительным *Sozi* – от *Socius*, «невежа» (см. указанную статью Маутнера; могу предположить, что слово идет из студенческого жаргона).

В пару к этому *Sozi* мне удалось найти и еще более раннее южнонемецкое *Spezi*. У Шмеллера читаем: «*Der Spezi* (доверительное) – закадычный друг [*Spezialfreund*], дружище, побратим». Примеры употребления: «*Des is mei Spezi, Leibspezi. De san Spezi zsam*». Это расхожие выражения, я слышал их лично в живой венской речи; у Кастелли обнаруживается один из первых зафиксированных примеров (1847), который может быть даже старше шмеллеровского (1852) «*ein grober Sozi*» [в значении «неотесанный мужлан»]. Движение здесь очевидное: от *Spezialfreund* (примеры из Келлера см. в «Немецком словаре»), через упрощенное *Spezial* (принято в центральной Германии; примеры из Готтера, Жан-Поля и, опять же, Келлера см. там же) – к баварско-австро-пфальцскому *Spezi*; в названной диалектной зоне это слово звучит как ласкательное – из-за уменьшительного суффикса *-i* (ср. с *Bubi, Mädi* [малыш, малышка]).

Недавно я узнал, что само *Spezi* – слово, которое можно числить среди предков (пусть и дальних) формы *Nazi*, закрепившейся при Гитлере, в том числе и под этим влиянием, – что *Spezi* в свою очередь тоже напиталось новыми силами от *Nazi* и зажило, милостью тех самых наци, новой жизнью, что оно вдруг возвратилось как вторичный неологизм, причем не где-

¹ Перевод по: SPITZER L. *Nazi–Spezi* // *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. 1946. Vol. 21. № 2. S. 114–117. – Примеч. перев.

нибудь, а именно в северной Германии: еще одно неоспоримое доказательство южно-северной миграции словоформ.

ЛЕО ШПИТЦЕР

NAZI-SPEZI

Пауль Кале, известный востоковед, в 1945 году напечатал в Лондоне брошюру под названием «Bonn University in Pre-Nazi and Nazi Times»; там можно найти такой рассказ об отношениях Кале с тогдашним куратором Боннского университета Клингельхёфером, которому – хотя тот и не был членом партии – нацисты выделили место в Министерстве просвещения:

«Whenever I went to the Ministry in Berlin I paid him a visit. He was always interested to hear what had happened in Bonn and told me what he was doing in the Ministry. Once when I asked him how he was getting on he said to me: «I am quite right as a “Spezi”». I did not know this term and asked about its meaning. He said: «We differentiate in the Ministry between Nazis and Spezis. All matters concerned in any way with Nazi politics are dealt with exclusively by the Nazis. But these young and inexperienced politicians cannot do without the knowledge and experience of the old specialists in the Ministry; they need our collaboration. “Spezi” is an abbreviation of Spezialist». It was always refreshing for me when I had to deal with a «Spezi» in the Ministry. To them belonged my old friend Dr. Gustav Rothstein...

[Бывая в берлинском министерстве, я всякий раз заходил к нему. Он обязательно интересовался, что творится в Бонне, и рассказывал мне о своих министерских делах. Однажды я спросил, как он держится, и он сказал: “В качестве «спеца» [Spezi] я на своем месте”. Я такого понятия не знал и спросил, что это значит. Он ответил: “Мы здесь, в министерстве, делимся на «наци» и «спецов». Всем, что хоть как-то связано с нацистской политикой, занимаются исключительно «наци». Но это политики, молодые и неискушенные, они не справятся без опыта и познаний старших специалистов; нам с ними нужно работать совместно. «Spezi» – это сокращение от «Spezialist»”. Я всегда с удовольствием имел дело со “спецами” в министерстве. Был среди них и мой старый друг, доктор Густав Ротштейн.]

Итак, если наши предположения о слове *Spezi* верны и это (1) южнонемецкое сокращение от *Spezialfreund* и (2) рейхснемецкое сокращение от *Spezialist*, сложившееся под влиянием и в противоположность *Nazi*, то параллели с *Nazi* наблюдаются просто поразительные – ведь это (1) южнонемецкое сокращение от *Ignaz* и (2) рейхснемецкое сокращение от *Nationalsozialist*, сложившееся под влиянием и в противоположность *Sozi*².

- 2 Сюда же можно подставить и само *Sozi*: (1) южнонемецкое сокращение от *Sozius*, «невежа» и (2) рейхснемецкое сокращение от *Sozialist* – сложившееся, как оказывается, под влиянием более раннего южнонемецкого синонима *Spezi*. Можно вспомнить, что уже в Вильгельмовской империи центром политической критики был Мюнхен («Симплициссимус» и прочее). Что касается чисто пейоративной формы множественного числа, *die Sozen* (ср. со словами Геринга из книги К. Гейдена «Adolf Hitler» (s. 376): «Соцы на сегодняшний день у власти держатся уже по десять–двенадцать лет; любопытно, сможем ли мы продержаться больше десятилетия»), здесь я не вполне уверен: может быть, она возникла под влиянием слова «бонзы» (партийные): *die (Partei)-bonzen*.

Все исконные формы (*Spezi-Nazi*), на которых впоследствии угнездились «кукушкины значения»³, происходят из южной Германии; это не удивительно, если вспомнить, что само движение зародилось в Мюнхене. В обоих случаях старым оборотам пришлось претерпеть поляризирующее влияние от все-сильной на тот момент нацистской идеологии. *Spezi* сделалось вспомогательной формой, придаточной к *Nazi*; полное ее значение таково: «специалист в рамках нацистской организации». Имеются в виду дозволенная специализация и такие эксперты, которые с готовностью делают промокашками для нацистов. Новое сокращение, *Spezialist* → *Spezi*, вряд ли появилось бы без уже устоявшегося *Spezial(freund)* → *Spezi* и, разумеется, без оттеняющей формы *Nazi*. Слово *Nazi* быстро укоренилось и стало политическим термином; о его былом значении – «болван, балаганный шут» – изредка вспоминали только с тем, чтобы дать отпор служебному употреблению этого слова. Форма *Spezi* же возникла в эпоху победившего нацизма – когда, соответственно, слово *Nazi* было выведено из официальной речи – и стала, как можно заметить, ироническим самоназванием: беспомощные, выхолощенные «специалисты» с какой-то нищенской гордостью на самих себе отразили уничижительную форму *Nazi*; прислужники втайне отомстили своим ненавистным повелителям.

Встает вопрос: а было ли первое значение слова *Spezi* («лучший друг», *Spezi-1*) все еще в ходу на тот момент, когда сложилось значение второе – «специалист» (*Spezi-2*)? Профессор Кале – а сам он родом из восточной Пруссии – эту южнонемецкую форму, как мы видели, не опознал. Другой вопрос: а не проскакивает ли в нашей цитате основное значение, связанное с дружбой и побратимством? «Специалисты», которых Кале навещал в министерстве, были одновременно и его «близкими друзьями», которые сохраняли с ним контакты, оказывали ему услуги и тому подобное («It was always refreshing for me when I had to deal with a “Spezi” in the Ministry»). Может быть, эти

- 3** Можно еще называть их, скажем, привоим: суть в том, что значения искусственно привиты к словам. Существующее слово остается в рамках внешнего габитуса, но при этом к нему подсаживается новое морфологическое или семантическое толкование и происходит это в определенный момент по чьей-то творящей (или скорее преобразующей) воле – вместо естественного развития, непрерывного и неуловимого (как, например, «пером» начали называть стальное перо). В жизни языка такое случается нередко: допустим, новое слово *Schwarm*, означающее объект страсти (как в *sie ist sein Schwarm* [она его пассия]), фонетически тождественно старому, означающему «рой, стая» (как в *Bienenschwarm* [пчелиный рой]); вполне можно сказать, что новый смысл приращен, привит к старому: слово представляет собой девербатив от глагола *schwärmen* [роиться / восхищаться] (по тому же морфологическому образцу, что и, допустим, *Harm* от *härmen*, и по тому же семантическому образцу, что и *lieben* – *sie ist seine Liebe*). В «Le Français moderne» (№ 6. P. 127) я показал, что «сакральное» – это первоначально медицинский термин, «соотносящийся с *os sacrum* [крестцовой костью]»; фольклористы с историками религии переиначили слово и «соотнесли его со сферой божественного». Очень примечательно, как язык экономит на словесном материале: слова делают своего рода пустой оболочкой, которая время от времени заполняется новым содержанием.

люди чувствовали себя «побратимами» тех, кто не примкнул к нацистам. Может быть, южнонемецкие антинацистские круги в министерстве сами снесли новое «кукушкино значение». Если же, напротив, рассматривать *Spezi-2* как самостоятельное образование, никак не связанное со *Spezi-1*, то здесь придется провести аналогию со словом *Kozi*, «коммунист» (прямое уподобление формам *Sozi* и *Nazi*); *-zi* становится тогда прямым суффиксом партийной принадлежности⁴. Это экстремальный случай, гораздо менее вероятный, чем непосредственное происхождение от *Spezi[alist]* с его корневым *-zi*. Но даже так сохраняется поляризация между *Spezi[alist]* и *Nazi*. Беспартийные специалисты сознательно в таком случае исковеркали свое обозначение, исказили его по образцу *Nazi* и обрисовали таким образом – вполне наглядно и не без иронии – собственную ситуацию: человеческое бессилие перед лицом режима отражается в «изувеченной» языковой форме.

Как бы то ни было, здесь мы вновь подтверждаем общее наше соображение: «линейные» этимологии далеко не всегда соотносятся с реальностью, с историческим развитием; всякий неологизм следует рассматривать в соотношении с его аналогами, в рамках соответствующей культурной ситуации. Слово *Spezi* просто невозможно производить только и исключительно от *Spezialist*. Здесь мы ступили на тропу, которую ранее проторил уже Г[анс] Шпербер: именно он первым указал, что объективное происхождение политических формул требует немедленного изучения (из последнего см. его статью «Language and Politics» в «A Co-operative Research Project on a Dictionary of Political Words and Phrases». Columbus, 1945).

Перевод с немецкого Дмитрия Колчигина

⁴ «Политический» суффикс *-i-* можно вычлени́ть из окказиональной формы *die Bolschis* («большевики»; пример обнаруживается, допустим, в «Das neue Tagebuch» от 15 мая 1936 года). Уменьшительный суффикс *-i-* глубоко проник на север Германии (ср. с теми же *Bubi* и *Mädi*).

ДМИТРИЙ
КОЛЧИГИН

Комментарий к диалогу Лео Шпитцера и Франца Маутнера

«Жизнь слова *Nazi* во французском языке» [с. 33]

Дмитрий Колчигин
(р. 1988) – переводчик,
филолог, работал над
переводом на русский
язык сочинений Якоба
Гримма, Эрнста Роберта
Курциуса, Эриха Ауэр-
баха и других. Живет
и работает в Алматы
(Казахстан).

Первая (и единственная) публикация статьи Лео Шпитцера «*La Vie du mot nazi en français*» состоялась в журнале «*Le Français moderne*» (1934. Vol. 2. № 1. P. 263–269). Крупные фрагменты этой работы переведены на шведский язык в статье Нильса Отто Хейнерца «*Sozi, Nazi och Kozi*»¹, в значительной степени представляющей собой пересказ соответствующих работ Шпитцера и Маутнера.

Парижский журнал «*Le Français moderne*» был основан в июне 1933 года и выходит по сей день. Журнал несколько раз менял подзаголовки, с неизменным движением в сторону большей специализации – если первоначально целью провозглашалась «популяризация лингвистики», то уже с 1937 года речь зашла об «исследовании французского языка», с последующей конкретизацией – «от XVI века до наших дней». До 1955 года бессменным главным редактором этого издания был его создатель Альбер Доза. Шпитцер познакомился с Доза в годы Первой мировой войны; оба они, каждый в своем духе, попытались представить языковую картину тогдашней эпохи: «Военный жаргон» за авторством Доза² и шпитцеровские «Письма итальянских военнопленных»³ – это две выдающиеся книги, легшие в основу целого направления, известного как филология Великой войны. Некоторые сведения о «Письмах итальянских военнопленных» можно почерпнуть из бахтиноведческих комментариев Виталия Махлина⁴, однако в целом обе эти книги по-прежнему остаются не известны русскоязычному читателю.

Знакомство с Альбером Доза обернулось для Шпитцера многолетним сотрудничеством с журналом «*Le Français moderne*»: именно там появилась первая шпитцеровская публикация после вынужденного отъезда из Германии (1934) – речь идет, что

1 HEINERTZ O. *Sozi, Nazi och Kozi* // *Moderna språk*. 1947. Vol. 41. S. 133–145.

2 DAUZAT A. *L'Argot de la guerre, d'après une enquête auprès des officiers et soldats*. Paris: A. Colin, 1918.

3 SPITZER L. *Italienische Kriegsgefangenenbriefe. Materialien zu einer Charakteristik der volkstümlichen italienischen Korrespondenz*. Bonn: Hanstein, 1921.

4 См.: БАХТИН М.М. *Собрание сочинений: В 7 т.* М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 757.

весьма примечательно, о статье «Автархия» (о ней см. ниже). В последующие годы Шпитцер оставался постоянным автором этого периодического издания (был, правда, значительный перерыв между 1940-м и 1946 годами, когда французская семантика временно выпала из круга его интересов); после смерти Доза (1955) ни одной статьи Шпитцера в «Le Français moderne» не выходило. Из 38 статей и заметок, опубликованных Шпитцером в этом журнале за два десятка лет, ни одна не входит в переиздаваемые сборники, и можно, соответственно, сказать, что эти работы, по существу, забыты. Тем временем там есть интереснейшие труды о бытовании французского языка в Турции (вспомним, что в 1933–1936 годах Шпитцер преподавал на французском языке в Стамбульском университете), о языковом стиле Жюлья Ромена и Луи-Фердинанда Селина; воспоминания о Вильгельме Мейере-Любке, у которого Шпитцер учился в Венском университете; множество заметок об отдельных словах и выражениях. В целом можно сказать, что публикации Шпитцера из «Le Français moderne» дожидаются своей второй жизни и нового осмысления.

Стоит добавить, что Доза регулярно публиковал и других немецких филологов-антифашистов: так, уже в первом номере (1933) «Le Français moderne» выходили две статьи Ойгена Лерха, чуть позже лишившегося профессорской должности в Мюнстерском университете. В 1973 году вышла обзорная статья Раймона Арвейе «Lexicologie et sémantique dans “Le Français moderne”», в которой среди авторов, публиковавшихся в журнале, упоминается «Лео Шпитцер – поразительный эрудит и человек недюжинного ума; он писал о таких словах, как *autarchie, nazi, photogénique, total, sacral..*»⁵.

«Nazi как сокращение от *Nazional-Sozialist*» [с. 33]

Статье о «Жизни слова *Nazi* во французском языке» не повезло вдвойне. Во-первых, ей в значительной степени не хватило известности и охвата (об этом с сожалением говорит и Маутнер, связывая этот факт с тем, что германисты мало интересуются французской периодикой). Во-вторых, в том единственном случае, когда речь все-таки заходит о широком цитировании этой работы Шпитцера, цитирование это построено на ошибочном понимании текста. Дело в том, что «*La Vie du mot nazi en français*» удостоилась упоминания в «*Trésor de la langue française*» – многотомном толковом словаре французского языка; там, впрочем, ссылкой на Шпитцера подтверждается

5 ARVEILLER R. *Lexicologie et sémantique dans «Le Français moderne»* // Le Français moderne. 1973. Vol. 41. № 4. P. 362.

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
КОММЕНТАРИЙ К ДИАЛОГУ
ЛЕО ШПИТЦЕРА И ФРАНЦА
МАУТНЕРА

Речь идет о «Schwäbisches Wörterbuch» (1904–1924) под редакцией Германа Фишера (1851–1920; словарь завершен Вильгельмом Пфлейдерером). К идее швабского словаря первым приступил Адальберт фон Келлер (см. его статью «Anleitung zur Sammlung des schwäbischen Sprachschatzes», 1855), и Фишер с необычайной скромностью назвал свой многотомный труд продолжением работы Келлера, хотя в действительности речь может идти только о соблюдении некоторых общих принципов. В научной биографии Шпитцера был один любопытный эпизод, в значительной части построенный на швабской диалектологии. В 1951 году в швейцарском журнале «Trivium» была опубликована переписка Эмиля Штайгера с Мартином Хайдеггером относительно стихотворения Эдуарда Мёрике «Auf eine Lampe» (1846; Хайдеггер отзывался на «Искусство толкования», более раннюю работу Штайгера). Шпитцер подключился к этой дискуссии⁶, указав обеим сторонам, литературоведу и философу, на недостаточное внимание к чисто лингвистическим особенностям текста. В строке «Was aber schön ist, selig scheint es in ihm selbst» Штайгер рассматривает слово *scheinen* в значении «видеться, казаться», а Хайдеггер – в значении «сиять, светиться»; на этом построен спор толкователей: «кажимость» эстетического феномена против «свечения» его истины. По Шпитцеру, однако, эту строку следует рассматривать через диалектологическую призму: в швабском диалекте, родном для Мёрике, глагол *scheinen* означает «быть красивым» (а *in ihm* вместо *in sich* – дополнительное свидетельство диалектного происхождения этой фразы); смысл фразы, соответственно, в том, что красивый предмет самодостаточен в своей красоте. Шпитцер характеризует стихотворение Мёрике как «вещное, предметное»: лампа не «кажется», и красива она не посторонним «светом», а сама по себе, своей округлой формой; о ее свечении вообще не упомянуто. Штайгер и Хайдеггер, говорит Шпитцер, «исследованием прекрасного» подменяют «опыт прекрасного»; сам метод Хайдеггера он характеризует как «старомодную анноминацию в духе Августина и Исидора». Все это прекрасно характеризует шпитцеровскую филологию: одновременно очень конкретную – такую же «вещную», как лампа у Мёрике, – опирающуюся на осязаемые языковые единицы, при этом способную не только к анализу, но и к междисциплинарному синтезу; полную к тому же иронии по отношению к окружающим (стоит вспомнить, что многие письма Шпитцера до сих пор закрыты для публикации из-за того, что они полнятся сардо-

6 SPITZER L. *Widerum Mörikes Gedicht «Auf eine Lampe»* // Trivium. 1951. № 9. S. 133–146.

ническими комментариями о коллегах). «Будь Мёрике Хайдегером, – говорит Шпитцер в той же статье, – он написал бы: “Что, украшением служа, украсит, то самость отправляет в себе самом и благодатно-благодатствует в себе же”».

«Schweizerisches Idiotikon» [с. 33, сн. 2]

Он же «Словарь швейцарского немецкого языка»; издается с 1881 года по сей день. На момент публикации шпитцеровской статьи вышли девять томов (опять же – см. выше о словаре Шмеллера – встает вопрос, каким образом Шпитцер пользовался этим изданием в Стамбуле). В 1937 году⁷ Шпитцер, пользуясь материалами «Идиотикона», отклонил конъектуру Вильгельма Куррельмейера к «Teutscher Dictionarius» Симона Рота (немецкий словарь конца XVI века). Куррельмейер предполагал, что слова «das ort da die Sonn... zu *genaden gehet*» следует исправлять на «zu *gadem gehet*» (толкование на слово «запад»: то место, куда солнце уходит «в свои покои»; такой оборот зафиксирован в «Немецком словаре» братьев Гримм, см. там статью «Gadem, Gaden»). Шпитцер, со своей стороны, опираясь на материалы «Schweizerisches Idiotikon», указывает, что «zu Gnaden gehen» – это реально существующее выражение, означающее «умирать»; далее он связывает это с мифологическими представлениями о солнце как об умирающем и воскресающем божестве и с христианизацией этих мифов: солнце уподобляется святому человеку, смерть для которого есть «отход ко благодати».

«Мне доводилось слышать, что... выходило детское приложение к газете “Basler Nationalzeitung” под названием “Der kleine Nazi”» [с. 33, сн. 2]

Основателем и главным автором этой детской газеты был швейцарский художник и журналист Рудольф Боло Меглин (1898–1973); первый ее номер вышел 1926 году, и с тех пор «Der kleine Nazi» выходила каждую среду на протяжении, как ни удивительно, 51 года. Шпитцер, судя по всему, предполагал, что это издание уже исчезло в 1934-м, а оно тем временем существовало до 1977 года. В 1950 году приложение официально сменило название с немецкого «Der kleine Nazi» на швейцарское «Dr glai Nazi»; игра слов, о которой говорит Шпитцер («маленький Наци» как производное от «большого», то есть

7 SPITZER L. *Die Sonne geht zu Gnaden* // Modern Language Notes. 1937. Vol. 52. № 7. S. 506–508.

от основной «национальной» газеты), стала еще очевиднее: немецкий подзаголовок «Kinderbeilage der *National-Zeitung*» сменился на «базельский», имевший вид «d’Kinderbylag vo dr *Nazi-Zytting*». Газета регулярно публиковала оправдания, сообщая о том, что «Маленький Наци» не имеет никакого отношения к нацизму, что это приложение существует с 1926 года, что саму газету всегда считали скорее левой. Что интересно, об имени Игнаций никогда не упоминалось – речь шла только о сокращении слова «National» из оборота «National-Zeitung» (впрочем, Базель – протестантский город с XVI века, в то время как имя Игнаций, на что указывает и Шпитцер, чисто католическое).

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
КОММЕНТАРИЙ К ДИАЛОГУ
ЛЕО ШПИТЦЕРА И ФРАНЦА
МАУТНЕРА

«а звали его Вильгельмом!» [с. 33, сн. 2]

Вильгельм Шпитцер родился в Пресбурге (Братиславе) в июне 1848-го; к концу того же года венгерское восстание было подавлено и Пресбург вернулся во владение Австрийской империи. Вильгельм Шпитцер добился заметных успехов по части предпринимательства и владел несколькими лесозаготовительными предприятиями в Моравии. В 1977 году Фриц Шальк в мемориальной статье о Лео Шпитцере изложил биографию Вильгельма Шпитцера в искаженном виде, и эти сведения широко распространились: Шальк, в частности, утверждал, что Вильгельм Шпитцер был артистом венского кабаре и это якобы заметно повлияло на интересы юного Лео⁸. Мать Лео Шпитцера, Адель Вольф-Шпитцер, умерла в 1899 году, так что воспитанием сына Вильгельм Шпитцер занимался в одиночку. Первую свою крупную книгу «*Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistik*» (1918; сборник более ранних статей – примечательно, что монографий как таковых Шпитцер не писал вообще; все его книги представляют собой тематические подборки очерков) Шпитцер посвятил отцу с такими словами, в значительной степени проясняющими отношения отца и сына⁹:

«Тебе, дорогой отец, посвящаю эту книгу! Представляя тебе на рассмотрение разрозненные труды, я всегда думал о том, чтобы собрать их воедино: удалось ли мне сказать что-то новое – пусть об этом судят специалисты, но все написанное здесь по праву принадлежит тебе. Часто, отец, ты меня спрашивал о том, над чем я работаю, – спрашивал о предмете, охвате, значении. Часто ты беспокоился, что мой порывистый характер приведет меня к случайным

8 См. об этом: SCHNACK I. (Hg.). *Marburger Gelehrte in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts*. Marburg: Elwert, 1977. S. 523–535. Опровержение см. в: HURCH B. (Hg.). *Leo Spitzers Briefe an Hugo Schuchardt*. Berlin: De Gruyter, 2006. S. XXIII.

9 SPITZER L. *Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistik*. Halle: F. Niemeyer, 1918. S. 1.

выводам, к пылкой поспешности, к бесконечному многописанию. Ты так переживал, что я не сумею достигнуть творческой зрелости, что обилие идей никогда не перерастет у меня в глубину мысли, что интеллектуальный труд подкосит мое здоровье... Ты все беспокоился и переживал – пожалуй, зря; но такова уж природа любви, таково ее исключительное право. Прими этот томик “безделиц” и постарайся увидеть в нем мою тягу к упорядочиванию, к исправлению и дополнению уже сказанного, тягу к *собранности* (в прямом и переносном смысле!), которую сам я всегда ощущал в тебе!

Вена. Зима 1918».

Умер Вильгельм Шпитцер 20 мая 1919 года (скоропостижно, как сказано в сыновьем некрологе) и, таким образом, главных работ своего сына увидеть не успел.

«вот, например, слова доктора Геббельса» [с. 34, сн. 3]

Цитата из речи рейхсминистра народного просвещения и пропаганды, произнесенной перед работниками кино (в рамках подготовки к прошедшему в Берлине Международному киноконгрессу 1935 года) в здании «Кроль-оперы» 9 (или 10, как указывает Шпитцер) февраля 1934 года (в том же оперном театре через пять лет Гитлер фактически провозгласил начало Второй мировой войны). Шпитцер цитирует речь по газете «Völkischer Beobachter»¹⁰. В обороте «eine Art von Kulturbaren» Шпитцер (вероятно, намеренно?) пропускает слово *modernen*. Ни Шпитцер, ни Маутнер не упоминают о брошюре Геббельса «Der Nazi-Sozi», название которой, очевидно, представляет некоторый интерес для исследования. Это своего рода катехизис раннего национал-социализма, построенный в форме вопросов и ответов, комментирующих «десять национал-социалистических заповедей». В тексте не встречаются слова *Nazi*, *Sozi* или *Nazi-Sozi*, но само название тем не менее весьма примечательно: кажется, это вообще единственный случай, когда национал-социализм характеризуется подобным образом. Сама тенденция описана у Шпитцера: так называемая стадия объективизации термина (вторая), когда нацисты пытались вырвать обидное название из рук своих оппонентов; но других примеров, в которых обе части слова сокращались бы до кличек, пожалуй, нет (стоит добавить, что эта форма сама по себе опровергает предположение французских лексикографов – см. выше – о том, что частица *-zi* в *Nazi* происходит из слова *Sozialist*). Грамматически *Nazi-Sozi* – это, если пользоваться словами Шпитцера, «такой

¹⁰ См. также: *Der Aufbau des deutschen Führerstaates*. Berlin: Junker und Dünhaupt, 1938. S. 261–269.

националист, который одновременно еще и социалист». Почему же ни Шпитцер, ни Маутнер не вспоминают об этой работе Геббельса? Скорее всего дело в том, что названная брошюра принадлежит к очень ранним образцам нацистской агитации: в 1927 году у Маутнера и Шпитцера, университетских профессоров, не было, пожалуй, никаких оснований следить за деятельностью Геббельса, и о «Der Nazi-Sozi» они просто не знали.

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
КОММЕНТАРИЙ К ДИАЛОГУ
ЛЕО ШПИТЦЕРА И ФРАНЦА
МАУТНЕРА

«ведь даже во время войны эта форма не была столь оскорбительной» [с. 35, сн. 6]

Слово *boche* вошло в широкий обиход в период Первой мировой; Шпитцер совмещал тогда занятия филологией с работой военным цензором. Соответственно, в тогдашнем его интересе к пейоративным, жаргонным, перифрастическим оборотам военного времени (и их проникновению в живой язык) профессиональное любопытство встречалось с конкретными требованиями эпохи. Интерес к слову *boche* подкреплялся, кроме того, одноименными статьями Гуго Шухардта (1916) и Элизы Рихтер (1919), хорошо известными Шпитцеру.

«Название должно соответствовать предмету» [с. 36, сн. 8]

Шпитцер последовательно исповедовал принцип «*nomina sunt consequentia rerum*». Наиболее яркий и заметный пример тех выводов, к которым он приходил, опираясь на эту максиму, можно найти в программной статье «*Bemerkungen zu Dantes Vita Nuova*»¹¹. Само слово *Beatrice*, утверждает Шпитцер, в большинстве фрагментов «Новой жизни» не следует рассматривать как имя собственное и записывать стоит со строчной буквы. Принадлежность личного имени, по мнению Шпитцера, лишь в поздние времена стала рассматриваться как нечто абстрактное и неотъемлемое, в то время как «для средневекового поэта неразрывная связь между именем и самим предметом [...] гораздо важнее, чем разделение на индивидуальное и видовое». Соответственно, *beatrice*, то есть «несущая благодать», – это скорее характеристика, «соответствующая предмету», эпитет, которым мистическая возлюбленная зовется по своей природе, а не потому, что таково ее христианское имя. В «Новой жизни» лишь изредка, по Шпитцеру, «имя» можно рассматривать в чисто личном смысле (и записывать с заглавной буквы): в большинстве случаев речь идет о «именовании сущности».

11 SPITZER L. *Bemerkungen zu Dantes Vita Nuova* // *Travaux du Séminaire de Philologie romane*. 1937. № 1. S. 162–208.

«речь идет об омонимии со словом *nazi*, “сифилитик”»
[с. 36, сн. 8]

В 1936 году Шпитцер посвятил этой теме отдельную заметку, тоже на французском языке¹². Приведем ее здесь полностью:

«Г-н Рафаэль Леви посвятил этому слову специальную заметку в журнале “The Jewish Forum” от марта 1935 года [эта работа Леви нам недоступна. – *Примеч. перев.*]. Он поддерживает мнение Цэйняну (“Le langage parisien du XIXe siècle”, p. 93), а тот утверждает, что это слово, впервые, по его словам, зафиксированное в 1900 году (г-н Леви уточняет дату и называет 1890 год; тем временем слово упоминается уже у Риго в 1878-м), восходит к форме *lazi* – сокращению от “болезнь из Сен-Лазар” (так называлась женская тюрьма в Париже), о чем вроде бы упоминается у Видока. В словаре Видока (1837), однако же – по свидетельству, между прочим, самого Цэйняну (“Les Sources de l’argot ancien”. № II. P. 139) – сказано только следующее: “*lazi-loffe* – венерическая болезнь”. Цэйняну в своем глоссарии поясняет эту форму как составную из *lofffe*, “болван” + *lazi*, “из Сен-Лазар” = Сен-Лазара. Но кто сказал, что это правильное толкование? (На мой взгляд, например, форму можно объяснить через немецкий оборот *lass sie laufen*, – “пусть уходят” (допустим, бедняки, страдающие от этой болезни) или “пусть уходит” (сама болезнь?), – проясняющий сразу оба составных элемента. Кстати, той же идеи придерживается Виллат в своих “Parisismes”.) Как бы то ни было, форма *lazi* у Видока встречается только в составной форме *lazi-loffe*. Совершенно, кроме того, неясно, каким образом *lazi* должно было превратиться в *nazi*; *nenstilles* вместо *lentilles* – это другой случай (диссимилиация *l-l > n-l*); неопределенный артикль *un* тоже не меняет начальную *l* (*un livre > un *nivre?*).

Отмечу также, что доктор Лакассань в своей книге “L’argot du «milieu»” (статья *nasi, nazi*) приводит еще слова *naze, nasin, nasiqué, nazbroque*, “очень употребительные”; значение у них то же, что и у *nazi*. Вместе с тем, формы *naz* и – каламбурная – *nazareth* приводятся у Видока в значении “нос”; восходят они, как Цэйняну указывает в указателе ко глоссарию в своих “Sources”, к провансальскому *nas*, “нос”, от *naser* (ср. с оборотом “avoir quelqu’un dans le nez” [презирать кого-либо, воротить нос]; см. у Цэйняну там же). Жаргонный синоним *nasiqué*, тоже означающий сифилитика, непосредственно возвращает нас к современным провансальским *nasica*, “портить, истачивать (о работе ремесленника)”, *bos nasica*, “погрызенное дерево” – все это от *nasico*, “ноздря, ноздрина” (ср. у Мистрала); слово *nasiqué*, соответственно, означает просто “прогнившего” человека. Жаргонное *nazin*, “зад, задний проход” (дано у Лакассаня) тоже связано с формой *naser*. *Naze, nazi*, “сифилис”, схожим образом произведено от провансальской радикальной основы. О сокращенных формах (на *-i* или *-θ*) см. у Челльмана в разных фрагментах из “Mots abrégés”;

12 ИДЕМ. *Nazi (argot français), syphilitis, syphilitique* // Modern Language Notes. 1936. Vol. 51. № 1. P. 35, 36.

с *nasbroque* ср. жаргонное *albroque*, “спичка” (см. “L’argot de guerre” Доза, р. 181). Слово *nazi* в своем “сифилитическом” значении на каком-то этапе осложняло жизнь немецкому политическому термину *nazi*, “национал-социалист”, пришедшему во Францию вскоре после известных событий. К слову-новичку немедленно приклеился этот язвительный оттенок, о чем я уже упоминал в своей статье о “Жизни слова *nazi* во французском языке” (*Le français contemporain* [чит. *moderne*]. [1934]. [Vol.] 2. [№ 1. P.] 266, сн. 7 [8])».

В декабре того же года Рафаэль Леви возразил на эту заметку Шпитцера (*Modern Language Notes*. 1936. Vol. 51. № 8. P. 566, 567). Он приводит различные примеры афрезы начального *l* и его чередования с *n* (*lutria* – *nutria*; *livel* – *nivel*; *lympa* – *nympa*) и добавляет: «второй семантический мост, что соединяет “сифилис” с “ноздрей”, значительно, как мне кажется, длиннее первого, в котором та же болезнь увязывается с тюрьмой для проституток». Странно, что Шпитцер, ссылаясь на *nazi* с «носом», не делает логичного следующего шага и не упоминает о западении «изъеденного» (*rongé*; у Шпитцера: *nasica* – «*riquer, ronger*») носа как характерном симптоме болезни; ср. у Вольтера в «Кандиде»: «*Savez-vous bien que vous m’avez coûté le bout du nez?*». В эльзасских формах (приведенных у Маутнера) *Drecknazel* и *Käsnazel*, означающих грязнулю, тоже можно усмотреть связь со словом *Nase*.

«у Риго (1878), Делесаля (1896), Виллата, Доза и Лакассаня» [с. 36, сн. 8]

Речь идет, соответственно, о (1) «*Dictionnaire du jargon parisien*» Люсьена Риго. Соответствующая статья из этого словаря (р. 232 по указанному у Шпитцера изданию) выглядит так: «*Nazi* – венерическое заболевание; из жаргона бандитов и воров, насмотревшихся на туберкулоидный сифилис в *Hôpital du Midi* [венерическая лечебница для неимуших]»; (2) «*Dictionnaire argot-français et français-argot*» Жоржа Делесаля. Соответствующая статья (р. 190, 191): «*Nazi*, или *nasi* (жаргон преступников) – венерический недуг»; (3) «*Dictionnaire encyclopédique français-allemand et allemand-français*» Сезара Виллата и Карла Закса (толкование опять же – «венерическая болезнь»; р. 219 по изданию 1894 года); (4) «*L’argot de guerre*» Альбера Доза (см. о нем выше); (5) «*L’argot du “milieu”*» Жана Лакассаня 1928 года («*nasi*, *nazi* – сифилис, тж. как прилагательное – сифилитический»).

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
КОММЕНТАРИЙ К ДИАЛОГУ
ЛЕО ШПИТЦЕРА И ФРАНЦА
МАУТНЕРА

«см.: Le Français moderne. [1933. Vol. 1. № 2.] P. 187»
[с. 37, сн. 9]

Шпитцер ссылается на заметки Андре Терива «Querelles de langage». Соответствующее место выглядит так: «Я слышал, как г-н Т. постоянно коверкает имена Вагнера и Бетховена, произнося их на английский манер: *Ouagnère* и *Bithoven*. В потоке речи он же произносил испанское слово *plaza* как *pladza*, будто по-итальянски». Здесь же стоит упомянуть, что через два года Альбер Доза приложил к новой статье Шпитцера (о словах *le business* и *galfâtre*) следующую заметку под названием «A propos de nazi» (Le Français moderne. 1935. Vol. 3. № 1. P. 54):

«В прошлом июне у нас выходила интересная статья “Жизнь слова *Nazi* во французском языке” нашего постоянного автора Лео Шпитцера. Откликнувшись на нее, г-н Джон Либис из Брюсселя прислал в редакцию письмо с примечательными размышлениями об истории слова *Nazi* в немецком языке. До войны существовала еще одна антисемитская партия, тоже именовавшаяся *национал-социалистической* [*national-social*], и члены ее часто говорили о себе: *wir Nazi*; слово можно найти в “*Semi-Kürschner*” Филиппа Штауфа (Berlin, 1913; см. так колонку 111).

Г-н Либис добавляет, что такого произношения, как *nadzi*, во Франции он никогда не слышал (оно вправду ограничено определенными социальными кругами). Что касается слова *jazz*, он отмечает, что в Англии это слово всегда произносят с *z*, а не с *dz* (во Франции сам я слышал только вариант *jaz*). О слове *plaza* и его разговорном превращении в *pladza* писал г-н Терив (Le Français moderne. [1933. Vol. 1.] № 2. P. 187). Другие испанские слова тоже произносят иногда на итальянский манер (итальянское произношение *z*, *zz* как *dz* в целом больше распространено, чем испанское *z*): так, на недавней постановке “Рюи Блаза” в “Комеди Франсез” актеры отчетливо говорили *Migouel* и *Ibidza*».

Здесь не вполне понятно, что имеется в виду под «еще одной национал-социалистической партией»; вероятно, речь идет о Nationalsozialer Verein, просуществовавшем до 1903 года?

Филипп Штауф (1876–1923) – немецкий публицист из круга Гвидо фон Листа; его «*Semi-Kürschner*» (1913) – это антисемитского толка энциклопедия, в которой собраны сведения «о писателях, поэтах, банкирах, ювелирах, врачах, актерах, художниках, музыкантах, офицерах, адвокатах, революционерах, борцах за права женщин, социал-демократах (и т.д.) еврейского происхождения, работавших или прославившихся в Германии за период 1813–1913». Слово «наци» упоминается там в статье о берлинском прокуроре Карле Мартине Фюрстенберге, который вроде бы говорил, что из всех титулов принял

бы только чин консисториального советника (лютеранский), поскольку ни один еврей в такое звание еще не возводился; к этому добавлен такой комментарий Штауфа: «Эти господа больше ценят свой ранг внутри еврейства: быть “наци” им важнее, чем все награды от гоев». Здесь, соответственно, слово означает национальное представительство внутри группы.

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
КОММЕНТАРИЙ К ДИАЛОГУ
ЛЕО ШПИТЦЕРА И ФРАНЦА
МАУТНЕРА

«речь идет об убийстве в замке Вальтерсгаузен»

[с. 38, постскрипtum, «К с. 264 [с. 34]»]

Так называемый «Mordfall Waltershausen» сравнительно мало известен за пределами Германии. 30 ноября 1932 года в замке Вальтерсгаузен был застрелен его владелец Вальдемар Вертер; одновременно была ранена его жена Вильгельмина Вертер. Подозреваемым считался их садовник Карл Либиг, член СА и НСДАП. Адвокат Либига, Петер Деег, также член НСДАП, сумел превратить уголовный процесс в политический, представив эту ситуацию в суде и в прессе как попытку «проеврейских» аристократических кругов переключать свои преступления на простых немцев, представителей рабочего класса. Либига за недостатком доказательств признали невиновным.

«см. статью Б[енжамена] Кремьё»

[с. 39, постскрипtum, «К с. 266 [с. 36]»]

Речь идет о статье Бенжамена Кремьё (1888–1944) под названием «Partis à prendre». Кремьё – известный переводчик и литературный критик, постоянный автор «Nouvelle Revue Française». В 1940 году вступил во французское Сопротивление; в 1942-м, после публикации антивишистских манифестов, был арестован гестапо и брошен в Бухенвальд, где и умер через два года. На книгу Кремьё «Du côté de Marcel Proust» (1919) Шпитцер отчасти опирается в своей статье «Zum Stil Marcel Proust's» (1928).

«ср. у Ф[ердинанда] Брукнера в “Les races”»

[с. 39, постскрипtum, «К с. 266 [с. 36]»]

Антифашистская пьеса австрийского драматурга Фердинанда Брукнера «Die Rassen» написана за несколько недель после прихода национал-социалистов к власти; ее немецкая премьера (в Цюрихе) прошла приблизительно одновременно с французской (в Париже, в авторском переводе).

«Профессор Фридендер» [с. 39, постскрипtum, II]

Имеется в виду Пауль Фридендер (1882–1968; Friedländer, у Шпитцера здесь – Friedlander; впрочем, в «Le Français moderne» в целом наблюдались некоторые проблемы с немецкой диакритикой). Шпитцер и Фридендер одновременно работали в Марбургском университете и оба были отстранены от преподавания после прихода нацистов к власти. Шпитцер попал под первую же волну увольнений и сразу же покинул Германию; Фридендер оставался там до 1939 года и даже несколько недель просидел в концлагере Заксенхаузен. После эмиграции в США работал – опять же вместе со Шпитцером – в Университете Джонса Хопкинса.

«в связи с моей заметкой об “автаркии”»

[с. 39, постскрипtum, II]

Шпитцер в статье «Autarchie»¹³ рассматривает формы «автаркия» (самодостаточность) и «автархия» (самовластие) в применении к французской фонетике и выводит несколько принципов, по которым галлицизировались фонемы из греческих *αρχεῖν* и *ἄρχεῖν* через посредство в том числе и немецкого языка. Это первая стамбульская публикация Шпитцера (ответ на более раннюю заметку Антуана Мейе). В ней, что интересно, Шпитцер представлен как «профессор Константинопольского университета»; уже после отъезда в США, в 1937 году, Шпитцер посвятил этой теме специальную статью под названием «Где я был: в Стамбуле или в Константинополе?».

«Nazi и Sozi» [с. 41]

Статья представляет собой авторский немецкий перевод лекции Маутнера, изначально прочитанной на английском языке. Первая публикация статьи состоялась в «Modern Language Notes» (1944. Vol. 59. № 2. P. 93–100). Позднее эта работа Маутнера вошла в сборник его малых сочинений «Wort und Wesen: Kleinere Schriften zur Literatur und Sprache» (Berlin: Insel-Verlag, 1974. S. 314–319). Там Маутнер пишет, что в этой статье он обратился в теме «взаимосвязи политико-исторических обстоятельств с психологическими и литературными ассоциациями».

13 ИДЕМ. *Autarchie* // *Le Français moderne*. 1934. Vol. 2. № 1. P. 29–32.

«Первая часть лекции также была опубликована...»

[с. 41, сн. 1]

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН

КОММЕНТАРИЙ К ДИАЛОГУ
ЛЕО ШПИТЦЕРА И ФРАНЦА
МАУТНЕРА

Эта работа Маутнера посвящена двум политическим неологизмам английского языка: терминам *Sudetens* и *Yugos*, обозначающим соответственно жителей Судетской области и Югославии. На примере первого случая Маутнер рассматривает явление аффиксации (*Sudetens* – искаженная форма слова *Sudeten*, означающего горный массив), а на примере второго – явление сокращений, подобных случаю *Nazi* и *Sozi*.

«Фарс Иоганна Нестроя», «говорит Отто Роммель»

[с. 42]

Иоганн Нестрой (1801–1862) – австрийский драматург и актер; филологическая деятельность Маутнера связана главным образом с именами Нестроя и Георга Лихтенберга. Среди публикаций Маутнера, посвященных Нестрою, следует отметить брошюру «Johann Nestroy und seine Kunst» (1937), книгу «Nestroy» (1974), сборник главнейших фрагментов из работ Нестроя «Nestroy-Brevier» (1981), а также целый ряд критических изданий: «Nestroys Ausgewählte Werke» (1938), «Der Talisman» (1959) и, главное – шеститомник «Nestroys Komödien» (1979). Маутнер был постоянным автором журнала «Nestroyana», издающимся Международным Нестроевским обществом.

Отто Роммель (1880–1965) известен в первую очередь как редактор целого ряда многотомных академических собраний, посвященных венскому театру: это и «Alt-Wiener Volkstheater», и 15-томное полное собрание сочинений Нестроя, и многое другое. В контексте работы Маутнера особого внимания заслуживает более поздняя статья Роммеля «Die großen Figuren der Alt-Wiener Volkskomödie. Hanswurst, Kasperl, Thaddädl, Staberl, Raimund und Nestroy» (1946).

«двух художников [Нестроя и Шольца]» [с. 42]

Имеется в виду Венцель Шольц (1787–1857) – австрийский актер, друг и бессменный напарник Нестроя по Венскому народному театру; многие персонажи в поздних пьесах Нестроя написаны специально под актерскую манеру Шольца. О сотрудничестве и актерской паре Нестроя и Шольца написано очень много, но особо следует выделить роман Карла Хафнера «Scholz und Nestroy» (1866).

«в статье М[орица] Неккера», «под редакцией
Гангхофера и Кьяваччи» [с. 42, сн. 8]

Фундаментальная статья венского филолога и журналиста Морица Неккера (1857–1915; известен в первую очередь как редактор 16-томного полного собрания сочинений Франца Грильпарцера) «Johann Nestroy – eine biographisch-kritische Skizze» занимает значительную часть последнего, двенадцатого, тома цитируемого издания. По словам Иоганна Хютнера, «литературно-исторические труды Неккера в значительной степени способствовали популяризации самих произведений; неккеровская хронология творческого пути Нестроя до сих пор в ходу, несмотря даже на недостаток в ней документальных свидетельств».

О Людвиге Гангхофере (1855–1920) см. книгу Винценца Кьяваччи (1847–1916) «Ludwig Ganghofer: ein Bild seines Lebens und Schaffens» (1905).

«областные словари [Франца Серафа] Хюгеля
и [Игнаца Франца] Кастелли» [с. 44, сн. 11]

Имеются в виду «Der Wiener Dialekt» (1873) Франца Серафа Хюгеля (1808–1876) и «Wörterbuch der Mundart in Österreich unter der Enns» (1847) Игнаца Франца Кастелли (1781–1862). Как показано в шпитцеровском «Nazi-Spezi» (см. ниже), форма *Spezi* (от *Spezialfreund*) может быть даже старше формы *Sozi* (от *Socius*), поскольку последняя впервые зафиксирована у Шмеллера, а первая – у Кастелли, на несколько лет раньше.

«спародировать при этом речь врагов партии»
[с. 45, сн. 17]

Следует учитывать, что эта цитата известна только в ее английском переводе; ср. с американской книгой Бернарда Таурера и Георга Элиасберга (бывших участников немецкого сопротивления; книга написана под псевдонимами) «The Silent War: The Underground Movement in Germany» (Philadelphia; New York: J.B. Lippincott, 1943. P. 313, 314). Вполне вероятно, что оборотом *Nazi functionaries* переведено типичное для немецких газет того времени сочетание *NS-Funktionäre*. Под «немецкими мюллерами» здесь имеются в виду рядовые граждане, обыватели; газета обвиняет их в нелояльности к партийным деятелям и в недоверии к немецкому суду: когда под следствием оказывается функционер, публика «единодушно требует

смертной казни» и обвиняет суд в предвзятости, если виновному назначают только тюремное заключение.

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
КОММЕНТАРИЙ К ДИАЛОГУ
ЛЕО ШПИТЦЕРА И ФРАНЦА
МАУТНЕРА

«примером из Шиканедера» [с. 46, сн. 19]

Приводится следующий пример из пьесы Эмануэля Шиканедера (1751–1812) «Das abgebrannte Haus» (1793): «– Und wer ist denn der Socius? – Sotschius?! Ich bin kein Sotschius!» Само слово *Socius* толкуется там, по словарю Хюгеля, как «грубый, неотесанный человек». Гангхофер и Кьяваччи указывают, что комедия «Das abgebrannte Haus» не публиковалась; ситуация не изменилась и по сей день.

«*Nazi-Spezi*» [с. 48]

Статья публиковалась лишь единожды в «The Germanic Review: Literature, Culture, Theory» (1946. Vol. 21. № 2. S. 114–117).

«“Симплициссимус” и прочее», «ср. со словами Геринга из книги К. Гейдена» [с. 49, сн. 2]

Имеется в виду сатирический журнал «Simplicissimus» (ср. с упоминанием у Маутнера), издававшийся в Мюнхене с 1896-го по 1944 год. Шпитцер цитирует первый том (озаглавленный «Эра безответственности») из трехтомной (первой научно примечательной) биографии Гитлера за авторством Конрада Гейдена (1901–1966). Полностью цитата выглядит так:

«Из всех лидеров этого движения он [Геринг] меньше всех национал-социалист; будучи человеком самодовольным, он наслаждался успехом, и однажды, незадолго до захвата власти, он у банкетного стола, среди старых товарищей-летчиков, сказал циничные слова: “Соцы на сегодняшний день у власти держатся уже по десять-двадцать лет; любопытно, сможем ли мы продержаться больше десятилетия”».

«суть в том, что значения искусственно привиты к словам» [с. 50, сн. 3]

Тему привоя, или «кукушкиных значений», Шпитцер поднимал в своих работах неоднократно; что интересно, его излюбленный пример со словом *Schwarm* присутствует едва ли не во всех случаях.

Первое упоминание – в статье «Die Namengebung bei neuen Kulturpflanzen im Französischen» (1912):

«Можно привести еще множество примеров “отглагольного перетолкования существительных” (это явление можно называть и по-короче: *отглагольные дублиеты*): по-итальянски, например [в значении «комоч встал в горле»], говорят и *far groppo alla gola*, и *far gruppo alla gola*. Последнее – отглагольная форма от *aggrupparsi* [собираться] (где-то я видел фразу *le lagrime si aggrupparano alla sua gola* [слезы собрались у него в горле]; здесь прослеживается омоним со словом *gruppo*, “группа”, однако происхождение сходных форм совершенно разное. В Вене могут шуточно сказать о девушке: *sie ist der Schwarm des N.*; *Schwarm* здесь – отглагольная форма от *schwärmen*, никак не связанная со словом *Schwarm* [рой]»¹⁴.

Ср. в статье «Beiträge zur französischen Wortbildungslehre» (1923):

«Подобные случаи [субстантивация прилагательных в манере собственного имени: *Schwätzerich*, *Wüterich*, “*Herr von Dünkelshausen*”] можно сопоставить и с другими немецкими “кукушкиными значениями”, как я их иногда называю (суть в том, что в гнезде появляется чужое яйцо, внешне почти неотличимое): *sie ist sein Schwarm* (образовано от *schwärmen*; омоним к слову *Schwarm* [рой]); *sein Verzug* (от *verziehen*, “баловать” [омоним к слову *Verzug*, “задержка, затяжка”]); *Dirndel* в значении *Dirndelgewand* [баварский женский костюм] (простое сокращение слова); словом *Auto* в Вене называют телефон-автомат (никак не связано с *Auto* = автомобиль, хотя, очевидно, эта последняя форма благоприятствовала возникновению новой). Ср. также с французским *tribun*, “высокопоставленный служащий” (NYROP, § 539), – от *tribune*: этимологически форма никак не связана с римской должностью трибуна, однако, судя по всему, существование латинского слова облегчило возникновение новых значений»¹⁵.

Другой фрагмент – из статьи «L’avant-guerre = Vorkriegszeit» (1931):

«Часто бывает, что вторичная словоформа захватывает первичную и полностью переменяет ее значение: ср. с немецкими (1) *Schwarm* [рой]; (2) *mein Schwarm* [объект моих мечтаний]; я когда-то назвал такие явление “кукушкиными значениями”»¹⁶.

Соответственно, рассуждения Шпитцера о приводе в «*Nazi-Spezi*» следует рассматривать в череде многолетних размышлений на эту тему.

14 ИДЕМ. *Die Namengebung bei neuen Kulturpflanzen im Französischen* // Wörter und Sachen. 1912. Vol. 4. S. 164.

15 ИДЕМ. *Beiträge zur französischen Wortbildungslehre* // Zeitschrift für romanische Philologie. 1923. Vol. 43. S. 651.

16 ИДЕМ. *L’avant-guerre = Vorkriegszeit* // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 1931. Vol. 54. № 5-6. S. 329.

«я показал, что “сакральное” – это первоначально медицинский термин» [с. 50, сн. 3]

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
КОММЕНТАРИЙ К ДИАЛОГУ
ЛЕО ШПИТЦЕРА И ФРАНЦА
МАУТНЕРА

Ср. у шотландского анатома Джона Баркляя (1758–1826) в «Anatomical Nomenclature» (1803):

«Анатомы, говоря о позвоночном столбе, называют позвонок, ближайший к голове, атлантом [*Atlas*], а скопление позвонков на противоположной оконечности – крестцом [*Sacrum*]... Поэтому я предлагаю заменить слова “верхний” и “нижний” на “атлантический” и “сакральный”» ([цит. по:] *Le Français moderne*. 1938. Vol. 6. № 1. P. 129).

«которую ранее проторил уже Г[анс] Шпербер» [с. 51]

В 1918 году у Ганса Шпербера (1885–1963) и Лео Шпитцера вышел совместный сборник: «*Motiv und Wort. Studien zur Literatur- und Sprachpsychologie*». Шперберу там принадлежит очерк, посвященный творчеству Густава Майринка («*Motiv und Wort bei Gustav Meyrink*»), а Шпитцеру – основополагающая работа о стиле и языке Кристиана Моргенштерна («*Die groteske Gestaltungs- und Sprachkunst Christian Morgensterns*»), включающая, помимо прочего, ранее не опубликованные письма поэта. Этот свой труд Шпитцер предваряет специальным «девизом» «*Le mot est le mot de la situation*» со следующим пояснением «Во французском языке *le mot* означает не только “слово”, но еще и “разгадка”». Этот ранний автокомментарий можно и вправду считать девизом Лео Шпитцера как филолога, ключом к его научному методу: в словах он искал «следствия вещей», разгадку к вопросам мировой истории и объективное выражение самых сложных порывов человеческого духа.

КОНСТАНТИН
ТАРАСОВ

«Двоевластие»: политическое использование понятия в марте–июле 1917 года¹

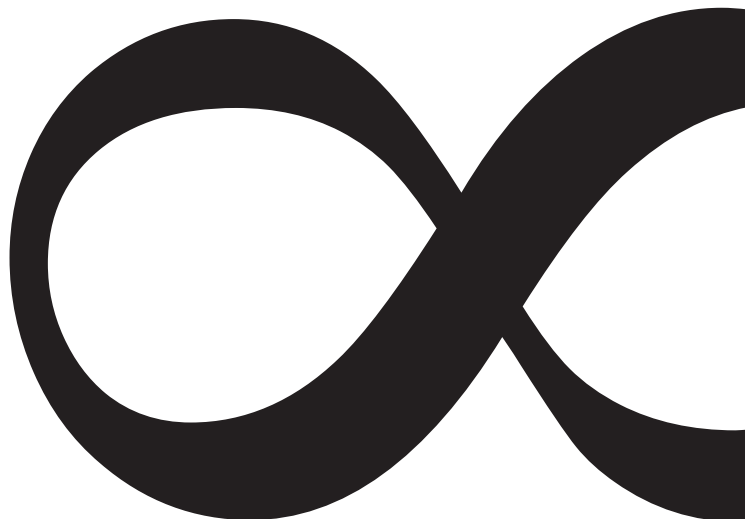
Константин Андреевич
Тарасов (р. 1988) – науч-
ный сотрудник Санкт-
Петербургского инсти-
тута истории РАН.

В советской историографии одной из основных характеристик политической системы, сложившейся после падения монархии, считалось двоевластие. Оно преподносилось как период сосуществования двух центров власти – Временного правительства и Советов, – продолжавшееся до июля 1917 года. Этот период описывался как момент, когда выборные органы рабочих и солдат сохраняли потенциал встать во главе государства мирным путем². После подавления антиправительственного выступления 3–5 июля вся полнота власти оказалась в руках «буржуазии», вставшей на путь борьбы с Советами. Советская историография следовала за выводами Ленина.

В современной российской историографии наметились попытки пересмотреть концепцию двоевластия. Предлагаются

- 1 Статья подготовлена в рамках исследования, осуществлявшегося при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».
- 2 Бурджалов Э.Н. *Вторая русская революция. Восстание в Петрограде*. М., 1967. С. 308–333; *Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде*. Л., 1967. С. 128–145; Злоказов Г.И. *Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль–июнь 1917 г.)*. М., 1969. С. 62–67; Токарев Ю.С. *Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г.* Л.: Наука, 1976. С. 78–103.

CASE
STUDY

иные его хронологические рамки (например май или октябрь) и дается иная интерпретация, предполагающая не конфликт, а ту или иную степень сотрудничества³. Владимир Булдаков вовсе утверждает, что концепция двоевластия подтверждается лишь эмоциональными и ангажированными свидетельствами современников: «Событиями управляли скорее страхи двоевластия – столь понятные в специфических условиях русской смуты»⁴.

Данная статья не пытается взглянуть на двоевластие с точки зрения институциональной истории. Она не посвящена изучению функционирования власти в ситуации революции, ее юридическим или административным основам. Основное внимание уделено анализу текстов эпохи, употреблению выражения «двоевластие». Оно не используется как аналитическое понятие – наоборот, являясь объектом исследования, рассматривается как часть политического языка, смысл которого нуждается в прояснении.

«Двоевластие» не было словом, изобретенным в дни революции. Его, в частности, использовали в годы Первой мировой войны, подразумевая противостояние гражданской и военной властей в разных сферах жизни государства⁵. Однако о двоевластии заговорили и в дни февральского восстания. Вероятно, первым, кто произнес это слово в новых реалиях, был лидер кадетов Павел Миллюков. 28 февраля он несколько раз выступал перед солдатами Петроградского гарнизона, убеждая их подчиняться только Временному комитету Государственной думы (ВКГД) и не допускать двоевластия⁶. Данные заявления следует воспринимать как проявление конкуренции ВКГД с Исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов за контроль над Петроградским гарнизоном⁷.

Петроградскому совету удалось одержать верх в этой борьбе благодаря изданию Приказа № 1. В нем среди прочего говорилось, что «во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов».

- 3 Гайда Ф.А. *Механизм власти Временного правительства (март–апрель 1917 г.)* // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141–153; Коваленко Н.А. «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды // Научный вестник МГТУ ГА. Серия «История, философия, социология». 2007. № 113. С. 19–23; Шубин А.В. *Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года*. М., 2014. С. 156, 159; Николаев А.Б. *Двоевластие в политической системе революционной России (1917 г.)* // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. СПб., 2017. С. 32–39.
- 4 Булдаков В.П. *Красная смута: природа и последствия революционного насилия*. М., 2010. С. 620.
- 5 В Государственной Думе // Новое время. 1916. 16 марта; В госуд. совете // Новое время. 1916. 27 ноября; Двоевластие // День. 1916. 27 ноября; Государственная Дума // Московские ведомости. 1916. 30 ноября.
- 6 Речь Миллюкова к лейб-гренадерам; П.Н. Миллюков в Первом запасном полку // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 28 февраля.
- 7 Тарасов К.А. *Создание Военной комиссии при Временном комитете Государственной Думы по воспоминаниям* // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2020. Ч. 1. С. 190–199.

Согласно записи первых совещаний ВКГД и членов исполкома Совета, появление Приказа № 1 2 марта был оценено членами ВКГД как проявление двоевластия. Василий Шульгин, обращаясь к делегатам Совета, предлагал им взять на себя всю ответственность, арестовать комитет и самостоятельно сформировать правительство. Если же они не готовы были это сделать, то Шульгин требовал не связывать руки деятелям Думы⁸.

Представители Совета власть взять отказались и в тот же день, 2 марта, приняли формулу о поддержке Временного правительства «постольку, поскольку» оно выполняет программу преобразований⁹. Несмотря на это, на первом заседании правительства министры вынуждены были констатировать, что приходится считаться с мнением Совета. Для того, чтобы не допустить вмешательства в действия правительства, которое «являлось бы недопустимым двоевластием», должны были проводиться частные совещания с членами Совета¹⁰. Таким образом, формирование Временного правительства проходило на фоне череды конфликтов и соглашений, а сложившаяся система, включающая, например, «контактную комиссию» министров и членов исполкома, имела своей целью избежать двоевластия в управлении.

Очередное столкновение правительства и Совета снова произошло из-за военного вопроса. Связано оно было с пространственным военным министром Александром Гучковым текста присяги, где военнослужащие обязались повиноваться Временному правительству. Ее содержание не согласовалось с «контактной комиссией», и 12 марта солдатская секция Совета по предложению исполкома приняла постановление не присягать. Причем председатель собрания специально оговорился, что резолюция исполкома не «зовет к какому-то двоевластию или двум правительствам, к какой-то анархии». Наоборот, такое решение, по его словам, было принято, «чтобы этой опасности избежать, чтобы не было двоевластия и анархии»¹¹. Таким образом, и некоторые члены правительства, и часть лидеров Совета рассматривали двоевластие не как сложившуюся реальность, а как некий нежелательный сценарий развития, сценарий, который следует предотвратить.

По всей видимости, наиболее ранняя резолюция с упоминанием двоевластия была вынесена 15 марта на первом заседании комитета солдат и офицеров Минска: «Не создавайте двоевластия, опасного для страны и гибельного для фронта»¹².

8 Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 130–131.

9 Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 195.

10 Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. М., 2002. Т. 1. С. 385.

11 Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. СПб., 1993. Т. 1. С. 285.

12 Голос защитников фронта // Петроградская газета. 1917. 17 марта.

Военнослужащие отправили свое постановление по телеграфу в Петроградский совет с копией Гучкову. Впоследствии оно было перепечатано во многих газетах. Широко разошлось и заявление общего собрания офицеров, врачей, чиновников и военного духовенства штаба I армии 20 марта 1917 года, являвшееся откликом на резолюцию из Минска. Собравшиеся просили Петроградский совет не мешать исполнять их долг, призывая: «В единении – сила, в двоевластии – гибель!»¹³. В дальнейшем газеты печатали настоящий шквал резолюций из разных воинских подразделений с указанием, что двоевластие деморализует армию и может сказаться на победе над врагом¹⁴. Подобные постановления можно интерпретировать как то, что политическая ситуация, которая описывалась с помощью понятия «двоевластие», в глазах по крайней мере части офицеров подрывала принцип единоначалия и беспрекословного выполнения приказов военного руководства, лежавших в основе армейской системы.

Вполне возможно, что волна армейских резолюций была вызвана целенаправленной агитацией, которую 11 марта потребовал вести от командующих фронтов генерал Михаил Алексеев. В его предписании говорилось, что Временное правительство не имеет реальной силы, фактически сосредоточенной в руках Петроградского совета, затопившего армию своими распоряжениями. Алексеев предлагал для противодействия вести целенаправленную агитацию силами работников Земгора, членов Государственной Думы и наиболее умеренных деятелей Советов¹⁵. Реагируя на это предписание, временный командующий Западного фронта Владимир Смирнов заявил, что считает одним из основных пунктов необходимой агитации «безусловное подчинение единой власти Временного правительства»¹⁶. Штаб Западного фронта находился как раз в Минске, где и появилась первая резолюция о двоевластии.

Точно известно, что во второй половине марта агитацию против Совета под лозунгом борьбы с двоевластием в Петроградском гарнизоне вел Союз «Родина и Народная армия», возглавлявшийся полковником Владимиром Плетневым¹⁷. Плет-

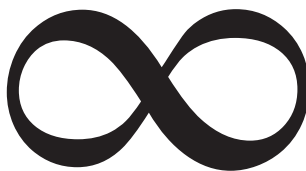
13 *Воззвание офицерского состава 1-й армии* // День. 1917. 25 марта.

14 *Не создавайте двоевластия* // Русская воля. 1917. 24 марта; *Из действующей армии* // Новое время. 1917. 26 марта; Н. Ах. *Голоса из армии* // Современное слово. 1917. 26 марта; *Заявление сибирских стрелков* // Новое время. 1917. 28 марта; *Совет рабочих и солдатских депутатов о войне* // Русские ведомости. 1917. 30 марта; Москвин С. *Настроение армии* // Утро России. 1917. 31 марта; *Голос армии* // Новое время. 1917. 1 апреля; *Петроградские уланы* // Новое время. 1917. 1 апреля.

15 *Ставка и революция. Штаб Верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года*. М., 2019. Т. 1. С. 594–595.

16 Там же. С. 637.

17 *Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.* Т. 1. С. 535; *Митинг Союза «Родины и Народная армия»* // Новое время. 1917. 31 марта; *Известия*. 1917. 1 апреля; *От гарнизона Василеостровского района* // Земля и воля. 1917. 7 апреля.

нев являлся адъютантом военного министра и выступал за продолжение войны до победы, восстановление дисциплины в армии, отказ от введения восьмичасового рабочего дня на заводах¹⁸. В статье, опубликованной в кадетской газете «Речь», он призывал поддерживать только Временное правительство, отказавшись от «всякой двойной власти, от вражды и розни»¹⁹. Агитацию «плетневцев» удалось нейтрализовать, благодаря активному вмешательству членов Совета. Сам Плетнев лишился должности при военном ведомстве, а в апреле его Союз уже никоим образом себя не проявлял²⁰.

Резолюции против нежелательного двоевластия поступали в этот период не только из армии – разнообразные и повсеместные гражданские собрания и митинги постановляли, что оно чревато гибелью страны. Некоторые напрямую указывали на свой страх перед возможными последствиями двоевластия²¹. Наиболее подробно такая аргументация проявилась в воззвании Всероссийского крестьянского союза. По мнению его авторов, правом издавать распоряжения пользовалось только правительство, а иные «частные и общественные организации» лишь вносили беспорядок и раздор, опасные из-за угрозы внешнего врага. «Двоевластия мы не допустим – в нем наша погибель», – резюмировало воззвание²². Как мы снова видим, двоевластие воспринималось в этот период не как уже сложившаяся конфигурация власти, но как нежелательная тенденция.

Газета Петроградского совета «Известия» отреагировала на эту кампанию двумя статьями, опубликованными 29 марта. В первой из них говорилось, что «вопли буржуазии» о пагубности двоевластия имели своей целью лишь устранить контроль над правительством и восстановить в армии прежние порядки. В разжигании социальной вражды, которая приписывалась двоевластию, обвинялись те, кто вел агитацию против Совета²³. С точки зрения автора второй статьи, под заголовком «О двоевластии», попыткам установить общественный контроль за действиями власти всегда «противопоставляют страхи двоевластия и анархии». Такие страхи он считал безосновательными:

18 ТАРАСОВ К.А. В.Д. Плетнев и Союз «Родина и Народная армия». Последняя попытка Временного правительства завоевать Петроградский гарнизон // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды*. СПб., 2019. С. 152–162.

19 ПЛЕТНЕВ В. *Воинская дисциплина* // *Речь*. 1917. 12 марта.

20 ТАРАСОВ К.А. В.Д. Плетнев и Союз «Родина и Народная армия»... С. 159.

21 *Последние известия* // *Речь*. 1917. 19 марта; *Провинция и государственный переворот* // *Русские ведомости*. 1917. 21 марта; *Учителя о двоевластии* // *Русская воля*. 1917. 25 марта; *Митинг у памятника Пушкину* // *Русские ведомости*. 1917. 28 марта; *Провинциальная почта* // *Русские ведомости*. 1917. 30 марта.

22 *Воззвание крестьянского союза* // *Вестник X армии*. 1917. 28 марта.

23 *Против вейтелей раздора* // *Известия*. 1917. 29 марта.

«Без контроля не сможет быть доверия. Контроль не колеблет власть. Контроль ослабляет, умаляет значение отдельных носителей власти, отдельных правителей, но улучшает само управление страной»²⁴.

Деятели Совета отрицали двоевластие. Николай Соколов опровергал слухи о недоразумениях между правительством и Советом и о том, что «стране грозит анархия вследствие сложившегося двоевластия». Он доказывал дружную их работу, результатом которой стали несколько важных деклараций²⁵. Николай Чхеидзе на фронтовом съезде в Минске также заявил, что двоевластия «нет и в помине». Он считал, что есть только контроль над членами правительства, причем всегда уместный и нужный. Более того, Чхеидзе назвал взаимоотношения двух органов «взаимной поддержкой»²⁶.

Министры Временного правительства также отрицали двоевластие. Александр Керенский в конце марта на митинге заявил, что «правительство объединено и никакого двоевластия не существует», сорвав аплодисменты²⁷. Александр Мануйлов и Михаил Терещенко отрицали двоевластие, признавая все-таки некоторые трения²⁸. Николай Некрасов даже доказывал, что вместо двоевластия между правительством и Советом царит полное взаимное доверие²⁹. Даже Гучков, которого сложно заподозрить в симпатиях к Совету, разяснял, что вместо двоевластия обе стороны признали друг друга и что все расхождения «никогда не носят оттенка непримиримости», а совместная работа способствует «смягчению трений и установлению единства»³⁰. Милюков позже говорил, что депутатам от армии члены правительства неизменно отвечали, что слухи о двоевластии преувеличены, а все недоразумения остались в прошлом³¹. Мотивы подобных заявлений были разными, но показательно, что они адресовывались военным служащим. Вполне возможно, что министры, как и деятели Советов, опасались спровоцировать социальный конфликт.

Важнейшим событием в укреплении положения Советов стало Всероссийское совещание, проходившее 29 марта – 2 апреля. Юрий Стеклов от имени исполкома сделал доклад о кампании против Совета, который упрекали в попытках устано-

24 *О двоевластии* // Известия. 1917. 29 марта.

25 *Всероссийский учительский съезд* // Русская воля. 1917. 11 апреля.

26 *На фронтовом съезде* // Петроградская газета. 1917. 11 апреля.

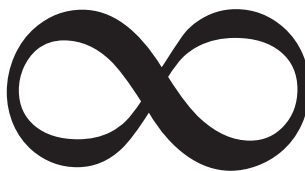
27 *Мариинский театр (концерт-митинг волынцев)* // Петроградский листок. 1917. 26 марта.

28 *А.А. Мануйлов в типографии «Русских ведомостей»* // Русские ведомости. 1917. 1 апреля; *В финансовом комитете* // Утро России. 1917. 14 апреля.

29 *Армия и продовольственный вопрос* // Русская воля. 1917. 20 апреля.

30 *Речь А.И. Гучкова к делегатам VI армии* // Русская воля. 1917. 6 апреля.

31 *Государственное совещание. Стенографический отчет*. М.; Л., 1930. С. 130.

вить в стране двоевластие, грозившее опасностью в военное время³². С одной стороны, докладчик указал на то, что Совет не издавал законов, следовательно, не претендовал на власть. С другой стороны, он рассказал о целом ряде случаев вмешательства Совета в действия правительства. Это вмешательство Стеклов считал полезным для установления порядка в стране: «В таких случаях о “двоевластии” не говорят, а к “двоевластия” взывают»³³.

Во время последовавшей дискуссии некоторые делегаты говорили, что доверия правительству быть не может, раздавались предложения о необходимости отчета министров перед совещанием – и даже об их аресте. Эти настроения отразил в своей речи большевик Лев Каменев. В начале своего выступления он подчеркнул: «Теперь мы стоим перед фактом, несомненно, фактом двоевластия»³⁴. Этот вывод он сделал из доклада Стеклова, в котором речь шла не только о соглашении между правительством и Советом, но и об упорной борьбе между ними. Большевик считал, что ситуацию двоевластия требуется подчеркнуть в итоговой резолюции, выделив роль Совета наравне с Временным правительством. Кроме того, Каменев предлагал, чтобы совещание призвало не к поддержке правительства, а к строжайшему контролю за ним³⁵. Подобная уступка была сделана в итоговой резолюции, и Каменев снял с голосования отдельную резолюцию большевиков³⁶. Свою резолюцию сняли и меньшевики. Федор Дан заявил, что они хотели бы видеть в резолюции ясный ответ о «так называемом, и часто злобно называемом, двоевластии». Их позиция заключалась в следующем:

«Мы хотели, чтобы было сказано ясно, что власть – это Временное правительство, а революционная демократия, в лице Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], осуществляет свое влияние на ход политической жизни и деятельности правительства путем непрерывного, организованного давления на него и контроля над ним»³⁷.

В итоговую резолюцию тезис о власти Временного правительства не попал – только о его контроле со стороны Совета. Решение съезда одна из крупнейших газет России «Новое время» резюмировала так: «Съезд санкционировал двоевластие»³⁸.

32 *Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет.* М.; Л., 1927. С. 106–107.

33 Там же. С. 121.

34 Там же. С. 132.

35 Там же. С. 134.

36 Там же. С. 187.

37 Там же. С. 188.

38 *Контроль или борьба // Новое время.* 1917. 7 апреля.

Весь период с конца марта до начала апреля был посвящен политическим спорам по поводу отношений между правительством и Советами. Так, на VII съезде Партии народной свободы 25–28 марта выступавшие соглашались с тем, что власть правительства должна основываться на доверии народа и внимательном отношении ко всем мнениям. Вместе с тем кадеты считали Советы крупными общественными организациями, следовательно, если одна группа будет вмешиваться в работу министров, появятся и новые претенденты на власть, что приведет к многовластию, к полному хаосу³⁹. Кадеты первыми подчеркнули опасность логики двоевластия.

Социал-демократы соглашались с тем, что ни двоевластие, ни единовластие Советов недопустимы⁴⁰. Вернувшийся из ссылки Ираклий Церетели уже в первых своих заявлениях подчеркивал, что вся полнота власти должна принадлежать Временному правительству до тех пор, пока эта власть укрепляет революцию. Совет же, по его мнению, ни к какому двоевластию не стремился⁴¹. Однако официальный печатный орган меньшевиков «Рабочая газета», в отличие от Церетели, констатировал наличие двоевластия и считал нужным преодолеть его путем «организованного давления» на правительство⁴². Дискуссия на конференции Бунда в те дни свелась к тому, какое давление лучше, чтобы устранить двоевластие: изнутри правительства или извне⁴³.

В лексиконе партии эсеров понятие «двоевластие» употреблялось нечасто. На страницах их главной газеты «Дело народа» оно практически не использовалось. Один из редких случаев упоминания двоевластия касался как раз отрицания его существования:

«Для социалистов не может и существовать вопроса о двоевластии, на каждом шагу возбуждаемого робеющей буржуазией и наивными подголосками ее среди межеумочной прогрессивной интеллигенции. Властью является в данный момент Временное правительство, которое осуществляет – и поскольку оно осуществляет – свою программу».

По мнению автора статьи, без постоянного контроля правительство немедленно отказалось бы от полезных реформ⁴⁴.

39 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 367, 422, 482.

40 Конторович В. *Неправильный курс* // День. 1917. 22 марта; *Всероссийская конференция Бунда* // Речь. 1917. 6 апреля.

41 *Беседа с Г.И. Церетели* // Петроградская газета. 1917. 22 марта; *Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.* Т. 1. С. 441.

42 *Временное правительство и рабочий класс* // Рабочая газета. 1917. 12 марта.

43 Бунд: документы и материалы, 1894–1921. М., 2010. С. 1065–1066.

44 Дело народа. 1917. 31 марта; см. также: *Вторая петроградская городская конференция партии социалистов-революционеров* // Дело народа. 1917. 6 апреля.

Поначалу можно было заметить сближение позиции большевиков с другими социалистами по вопросу о двоевластии, однако она начала меняться после возвращения политических эмигрантов. Впервые понятие «двоевластие» появилось в текстах Ленина вскоре после приезда в Россию. В набросках к своей речи в Таврическом дворце 4 апреля лидер большевиков отметил: «Мы должны умело, осторожно, прояснением мозгов вести пролетариат и беднейшее крестьянство вперед от “двоевластия” к полновластию Советов рабочих депутатов»⁴⁵.

В специальной статье «О двоевластии», датируемой 9 апреля, Ленин подчеркивал, что своеобразие российской революции в том, что рядом с правительством буржуазии сложилось постепенно укрепляющееся правительство рабочих и крестьян. Хотя это второе правительство могло бы взять власть в свои руки, лидеры Советов уступили полномочия «олигархическому» правительству. Статья заканчивалась следующим пассажем: «Буржуазия за единовластие буржуазии. Сознательные рабочие за единовластие Советов, [...] мелкая буржуазия колеблется и мешает пролетариату осознать свои интересы»⁴⁶.

Георгий Зиновьев также высказался по поводу двоевластия, сравнив позицию своей партии с кадетской: «Мы тоже не хотим двоевластия – отвечаем мы, революционные социал-демократы. – Мы тоже за то, чтобы в нашей стране существовала единая власть. И этой властью должны быть Советы рабочих и солдатских депутатов»⁴⁷. Таким образом, кадеты считали любой контроль правительства вредным двоевластием. Умеренные социалисты открыто признавали власть правительства, а контроль со стороны Советов не считали претензиями на власть, то есть отрицали наличие двоевластия. Наконец, большевики после приезда Ленина стали рассматривать ситуацию двоевластия как возможность для радикального социального переворота.

Решения Всероссийского совещания Советов отразились в резолюциях рабочих, которые стала публиковать социалистическая пресса в начале апреля⁴⁸. Формула «давления и контроля» со стороны Совета вполне соответствовала давнему требованию «рабочего контроля» над внутренним распорядком и личным составом предприятий⁴⁹. Но и в солдатских резолюциях отразилась идея о том, что двоевластия на самом деле не существует⁵⁰.

45 Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. М., 1969. Т. 31. С. 123.

46 Там же. С. 148.

47 Зиновьев Г. *Наша революция и западноевропейский пролетариат* // Правда. 1917. 8 апреля.

48 Рабочая газета. 1917. 5, 6, 25, 26, 28 апреля; Известия. 1917. 23 апреля.

49 Михайлов Н.В. *Язык революции: «рабочая конституция» или рабочий контроль в 1905 и 1917 гг.* // *Эпоха войн и революций: 1914–1922*. СПб., 2017. С. 351–374.

50 *Граждане-солдаты о фронте и тыле* // Петроградская газета. 1917. 8 апреля; *Резолюция общего собрания Штаба X армии и Молодечненского гарнизона* // Вестник X армии. 1917. 26 апреля.

Вновь заговорили о двоевластии после апрельского кризиса. Городская газета «Петроградский листок» в эти дни писала, что в момент, когда дом горит, не должно быть «розни, двоевластия, недоверия, безвластия». «Кораблем не могут управлять одновременно двое, а тем более в бурю и в тумане»⁵¹. В прессе вновь появились обвинения в адрес Совета, который своим недоверием правительству провоцировал беспорядки и полное безвластие⁵². Особенно часто в эти дни вспоминали эпизод, когда исполком заблокировал попытку генерала Лавра Корнилова вывести войска для наведения порядка. Сам Корнилов назвал это причиной своей отставки:

«Я главнокомандующий, но командовать хотят другие. А так как первое дело для меня благо родины, то я и говорю – возьмите на себя командование, примите власть, но несите ответственность, не перелажайте ее на плечи других. У нас царит двоевластие»⁵³.

27 апреля военный министр Гучков призывал к решительным мерам по спасению армии от разложения. Помимо прочего, он произнес слова, которые потом часто цитировала пресса: «Наша военная мощь слабеет и разлагается. [...] Она переживает тот же недуг, как страна: двоевластие, многовластие, безвластие». Гучков призывал к немедленному «лечению» этой болезни⁵⁴. Впрочем, сказано это было за два дня до его отставки. На это выступление бывшего коллеги отреагировал Милюков на совещании делегатов фронта:

«Меня вы также опрашиваете о том, какого я мнения по поводу высказанной во вчерашнем заседании Гос[ударственной] Думы фразы "о двоевластии". Да, я должен констатировать, что Правительство, несущее в настоящее время тягчайшую ответственность пред народом, должно сосредоточить в своих руках всю власть, и в этом отношении Временному правительству должно быть выражено полное доверие»⁵⁵.

Апрельский кризис повлиял и на решения петроградской конференции большевиков. За несколько дней до событий в своем докладе о текущем моменте Ленин подчеркнул, что суть двоевластия заключалась в «бессознательно-доверчивом отношении мелкобуржуазного большинства солдатских масс и части рабочих к Временному правительству, добровольном подчинении революционной демократии буржуазной диктатуре»⁵⁶.

51 *Быть или не быть* // Петроградский листок. 1917. 22 апреля.

52 Рабочая газета. 1917. 22 апреля; Речь. 1917. 26 апреля; О контроле // Русские ведомости. 1917. 26 апреля; Политический кризис // Русские ведомости. 1917. 27 апреля; Анархия // Новое время. 1917. 30 апреля.

53 Уход генерала Корнилова // Русская воля. 1917. 30 апреля.

54 В память первой Государственной Думы // Русская воля. 1917. 28 апреля.

55 Совещание делегатов с фронта // Русская воля. 1917. 29 апреля.

56 Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917. М., 1958. С. 317.

Тогда конференция приняла резолюцию о том, что прежде, чем говорить о свержении правительства и переходе всей власти Советам, требовалась «длительная работа по прояснению классового пролетарского сознания»⁵⁷. После столкновений 20–21 апреля эта резолюция была дополнена оценкой апрельского кризиса: «Вследствие неустойчивого положения, вытекающего из двоевластия, повторение таких попыток неизбежно». Это означало, что партия должна убеждать народ в необходимости отказа от доверия правительству, чтобы предотвратить «массовые расстрелы пролетариата, как в июньские дни в Париже в 1848 г.»⁵⁸. Последний пункт резолюции 27 апреля был без поправок одобрен и Всероссийской конференцией большевиков⁵⁹. Таким образом, апрельский кризис укрепил сторонников Ленина в выводах о ситуации двоевластия в России.

Правосоциалистическая газета «День» назвала двоевластие основной причиной столкновений в Петрограде. Сотрудник издания считал беспочвенной надежду на то, что правительство будет выполнять все, чего требует Совет. Единственный выход из ситуации виделся им не в «скомпрометированном компромиссе двоевластия», а в разделении социалистическими и либеральными партиями ответственности за управление страной⁶⁰. Ту же мысль повторила и газета либерального направления «Русская воля»: «Наоборот, реявший еще вчера над столицей страшный призрак гражданской войны возник как естественное и неизбежное следствие существующего положения вещей». Двоевластие, по мнению газеты, по определению, вело или к полной анархии, или к открытой борьбе между конкурирующими властями⁶¹. Тот же вывод из событий делал сотрудник «Русской воли» в другой статье: «Двоевластие есть уже безвластие и основа для гражданской войны»⁶². Коалиционное правительство же должно было устранить изъяны системы. «Петроградский листок» убеждал своих читателей: «Лозунг дня – вместо двоевластия – единство сильной власти правительства, объединяющего все партии»⁶³.

Подобные заявления из недружественного Советам лагеря в том числе могли повлиять на решение исполкома одобрить идею коалиционного правительства, которая первоначально была им отвергнута. 5 мая 1917 года социалисты вошли в новый кабинет. Ряд газет приветствовал это решение как окон-

57 Там же. С. 37.

58 Там же. С. 178–179.

59 Там же. С. 185.

60 Ю[шкевич] П. *Урок вчерашнего дня* // *День*. 1917. 21 апреля; Юшкевич П. *Неизбежный выход* // *День*. 1917. 22 апреля.

61 *Коалиционное правительство* // *Русская воля*. 1917. 23 апреля.

62 Александров А. *«Кто сеет смуту, тот враг народа»* // *Русская воля*. 1917. 23 апреля.

63 *В ответственный час* // *Петроградский листок*. 1917. 30 апреля.

чание двоевластия, завершение оппозиции правительству со стороны Совета, приведшей страну к анархии⁶⁴. Впрочем, раздавались и голоса леворадикальных групп, утверждавших, что уничтожение двоевластия являлось большим успехом «буржуазии» и лишь упрочило ее позиции⁶⁵.

Вопрос о коалиционном правительстве *post factum* обсуждался на VIII съезде Партии народной свободы. Милюков считал, что в дни кризиса правительство оказалось бессильно что-то предпринять из-за двоевластия. Петроградский совет, по его мнению, узурпировал право распоряжаться военными силами в столице. Выходом из этой ситуации оказалось включение социалистов в состав правительства⁶⁶. Максим Винавер также считал двоевластие первоисточником апрельского кризиса. По его мнению, формула доверия правительству со стороны Совета (знаменитое «постольку, поскольку») «создала в населении подозрительность по отношению к правительству»⁶⁷. Уйти из правительства кадеты посчитали чреватым усилением «анархии и контрреволюции», а потому вынуждены были пойти на соглашение с социалистами⁶⁸. В итоговой резолюции партийный съезд одобрил осуществленное социалистами разделение ответственности за государственное управление. Коалиционное правительство должно было придать «власти силу и устойчивость и устранить пагубный элемент двоевластия как на фронте, так и в стране»⁶⁹.

Меньшевики, разделившие с кадетами и эсерами министерские портфели, в те же дни провели свою конференцию. Один из ее ключевых вопросов так же касался вхождения членов партии в правительство. Эту точку зрения защищал новый министр почт и телеграфа Церетели. Он убеждал своих однопартийцев в том, что идея коалиции была вызвана апрельским кризисом: «Власть фактически ушла, и перед нами стал выбор: или захват власти Советом, или вхождение в составленное на коалиционных началах Временное правительство»⁷⁰. Также он объяснял необходимость коалиции стремлением избежать гражданской войны. О той же ситуации сказал в своем докладе от имени Организационного комитета РСДРП Борис Батурский. Он заявил, что решение руководства меньшевиков было вы-

64 Кризис безвластия // День. 1917. 2 мая; Новая власть // Новое время. 1917. 4 мая; Действительная власть // Русская воля. 1917. 5 мая; Новая власть // Русская воля. 1917. 7 мая.

65 АНГАРСКИЙ Н. Объединенное министерство и борьба за мир // Волна. 1917. 14 мая; Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917. М., 1958. С. 103; Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 2. С. 506.

66 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 496.

67 Там же. С. 499.

68 Там же. С. 500.

69 Там же. С. 651.

70 Меньшевики в 1917 году. М., 1994. Т. 1. С. 284.

звано стремлением радикальных групп Совета использовать ситуацию и взять власть в свои руки. Комитет посчитал, что такое двоевластие опасно⁷¹. Федор Дан еще более четко объяснил причину вхождения социалистов в правительство: «Перед нами было безвластие»⁷². То есть под угрозой министров уйти в отставку и стремления леворадикальных сил передать власть Советам, лидеры меньшевиков согласились уйти от политики внешнего контроля за деятельностью правительства.

Дискуссия на конференции меньшевиков показала, что часть делегатов вовсе отрицала, что двоевластие существовало, а если оно и имело место, то скорее приносило пользу. Другие, прежде всего из интернационалистического крыла, отстаивали идею сохранения двоевластия. В итоговой резолюции вхождение меньшевиков в правительство объяснялось неспособностью прежних министров энергично проводить реформы, отчего родилось недоверие к ним, и они перестали обладать «всею необходимой полнотой власти»⁷³. Иными словами, двоевластие оказывалось следствием подозрительности в отношении правительства. Коалиция должна была решить эту проблему.

На следующий день после принятия этой резолюции, 9 мая, на конференции выступил Юлий Мартов, только что вернувшийся из эмиграции. Он нашел нужным высказаться по вопросу о двоевластии. Мартов считал, что вхождением социалистов в правительство двоевластие не было устранено. Политик опасался, что этот факт обернется «худшим видом двоевластия», поскольку неминуемо столкнет социалистов с Советами⁷⁴.

Лев Троцкий, также вернувшийся в Россию уже после создания коалиционного правительства, занял очень близкую позицию. Его речь на заседании Петроградского совета сильно напоминала тезисы Мартова:

«Я не верю в чудо, которое может совершить министерство сверху. У нас было раньше двоевластие, которое происходило от противоречия двух классов. Коалиционное министерство не избавит нас от двоевластия, а лишь перенесет его в министерство»⁷⁵.

Через три недели Троцкий говорил уже о «двоебезвластии», когда «Временное правительство бессильно, а Совет не решается взять власть»⁷⁶. В те же дни к теме двоевластия вернулся Ленин, который отрицал его исчезновение. Лидер большевиков доказывал, что инициативы министров-социалистов бло-

71 Там же. С. 290.

72 Там же. С. 299.

73 Там же. С. 317.

74 Там же. С. 358

75 *Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.* Т. 2. С. 538.

76 Там же. Т. 3. С. 214.

кируются остальным составом правительства, но Совет уже не был в силах на это повлиять. «Корень зла – в двоевластии», – писал Ленин. Бездеятельность правительства доказывала его аргумент о том, что новый состав министров «остаётся правительством капиталистов», а Советы «остаются организацией большинства». Главные же политические оппоненты большевиков – меньшевики и эсеры – «беспомощно мечутся, желая усесться между двух стульев»⁷⁷.

В июне понятие «двоевластие» почти не употреблялось в прессе, гораздо чаще начинали говорить о полном безвластии. Один из редакторов левосоциалистической газеты «Новая жизнь» писал:

«Если в первые недели революции у нас кричали о двоевластии, то теперь крылатым словечком стало выражение тов. Троцкого “двоебезвластие”. И, действительно, теперь приходится говорить уже не о конкурирующих властях, а о разложении власти»⁷⁸.

Двоевластие вспоминали, как правило, в моменты кризисов управления в регионах. Например, так описывался конфликт между комиссаром Эстляндской губернии и местным Советом⁷⁹ или принятие Первого Универсала Центральной Рады, провозгласившего автономию Украины⁸⁰.

Июльский кризис вновь возродил дискуссии о двоевластии. Несоциалистические газеты внезапно согласились с Лениным, что оно никуда не исчезало за время коалиционного правительства. Массовая городская «Петроградская газета» писала, что новый кризис вырос из того же двоевластия, которое она называла хуже безвластия⁸¹. «Новое время» считало, что лидеры Совета, не вошедшие в правительство, продолжали давить на него, «навязывая ему свою волю». Власть оказалась парализованной тем, что «система пагубного двоевластия, установившаяся с первых дней революции, сохранилась в прежнем виде»⁸². Сотрудник «Русской воли» доказывал читателям:

«Прежде всего и больше всего нам нужна единая воля и единая власть. Всякая власть, которая будет построена на скрытом или явном двоевластии, будет властью кажущаяся и временная, кратковременная»⁸³.

77 Ленин В.И. Указ. соч. Т. 32. С. 128, 129.

78 Базаров В. Кризис власти и хозяйственная разруха // Новая жизнь. 1917. 31 мая.

79 Местная хроника // Ревельские известия. 1917. 31 мая; Уничтожение двоевластия // Утро правды. 1917. 9 июня.

80 Обсуждение «Универсала» в исполнительных комитетах // Киевлянин. 1917. 16 июня; К созыву краевого съезда // Киевлянин. 1917. 21 июня; Ольгин С. «Фактическое» осуществление автономии Малороссии // Киевлянин. 1917. 25 июня; Отделение Малороссии // Новое время. 1917. 25 июня.

81 Бехтерев В. О новой сильной власти // Петроградская газета. 1917. 25 июля.

82 Перед тупиком // Новое время. 1917. 23 июля.

83 С.Д. Две воли // Русская воля. 1917. 25 июля.

На совещании членов Государственной Думы 18 июля Михаил Родзянко высказался о том, что причиной событий последних дней являлся «захват безответственными партийными организациями прав государственной власти и в создании ими двоевластия в центре и безвластия на местах»⁸⁴. Перед тем же собранием выступил Миллюков: «Мы требуем, чтобы было уничтожено многовластие явочных и самочинных комитетов, исполняющих свою полную волю»⁸⁵. Министры-кадеты в открытом письме Керенскому требовали, «чтобы в основу внутреннего управления положено было начало уничтожения многовластия и восстановления порядка в стране»⁸⁶. В этот период шли болезненные переговоры о новом составе правительства, подобрать который было доверено Керенскому. Публикации о двоевластии могли появиться, чтобы убедить основные политические силы в необходимости окончательно избавиться от влияния Совета и других выборных организаций.

В этом контексте Ленин, уже находившийся в подполье, опубликовал брошюру «К лозунгам». Именно в ней содержалась важная для советской историографии оценка, что двоевластие, «выражавшее неопределенно-переходное состояние государственной власти», закончилось 4 июля. Раньше оружие находилось в руках народа, теперь же, после арестов рабочих и расформирования полков, власть перешла к «контрреволюции». Ленин делал вывод о том, что мирный этап революции закончился и что большевики должны снять свой лозунг «Вся власть Советам», которые по сути стали бессильными⁸⁷. Подготовленный Центральным комитетом большевиков «Манифест РСДРП» содержал в себе именно ленинскую оценку июльского кризиса⁸⁸.

Троцкий, находясь в заключении в тюрьме «Кресты», написал работу «Что случилось?». В ней он также развил мысль о том, что июльский кризис положил конец двоевластию. Неустойчивое равновесие, по мнению Троцкого, неизбежно должно было прийти к тому, что «либо Совет должен взять власть, либо капиталистическое правительство должно смести Совет»⁸⁹. События 3–5 июля привели к тому, что «мелкобуржуазная „идиллия“, основанная на „мирном“ сожительстве двух исключаящих друг друга режимов, получила смертельный удар»⁸⁹.

Проанализировав использование основными политическими акторами понятия «двоевластие» в первой половине 1917 года,

84 Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной Думы. М.; Л., 1932. С. 192.

85 Там же. С 214.

86 Открытое письмо А.Ф. Керенскому // Новое время. 1917. 18 июля.

87 Ленин В.И. Указ. соч. Т. 34. С. 11–17.

88 Шестой съезд РСДРП(б)... С. 275.

89 Троцкий Л.Д. Сочинения. Сер. 1: Историческое подготовление Октября. М.; Л., 1924. Т. 3. Ч. 1. С. 222–224.

можно сделать несколько выводов. «Двоевластие» передавало целую гамму эмоций в отношении власти после падения монархии. Это понятие использовали, чтобы внушить страх или описать свою неуверенность или стремление к социальной справедливости. В некоторых случаях «двоевластие» могли интерпретировать как поддержку Временного правительства или единственное спасение от общественных столкновений. Вместе с тем очень часто «двоевластие» подразумевало существующие разногласия или потенциальный конфликт. Особенно ясно это проявлялось в периоды политических кризисов. Такие моменты часто объяснялись именно существованием двоевластия.

Умеренные социалисты долгое время отрицали существование двоевластия. Зачастую они вообще отказывались от употребления этого слова. Можно предположить, что они также вкладывали негативный смысл в понятие «двоевластие», поэтому стремились в описании политической системы его избегать. Однако его долгое время использовали и радикальные социалисты, и «буржуазные» авторы.

Важно обратить внимание на семантический ряд, который складывается в текстах сторонников полновластия Временного правительства: от двоевластия, через многовластие, к безвластию. Кадеты не считали правительство просто ответственным министерством, исполнительной властью, которая должна отчетываться перед неким квазипарламентом. Оно имело в своих руках и законодательную, и исполнительную власть, являясь практически диктаторским. Следовательно, любые покушения на компетенцию правительства рассматривались как угроза, любые попытки компрометировать правительство – как игра на руку «анархии» и «контрреволюции».

Создание коалиционного правительства приветствовали даже противники Советов, поскольку оно означало устранение оппозиции и принятие ею части ответственности за государственное управление. Здесь могла проявляться инерция в восприятии политической борьбы периода парламентаризма. Объединение конкурирующих политических сил в правительстве для многих означало возможность установления гражданского мира, подобного *union sacrée* во Франции или *Burgfrieden* в Германии. В этом контексте многие считали образование коалиционного правительства окончанием двоевластия.

И либералы, и умеренные социалисты объясняли создание коалиции опасностью безвластия, грозившего хаосом в тылу и поражением на фронте. И под этим безвластием и хаосом они подразумевали переход власти в руки Совета, на котором настаивали леворадикальные группы. Для крайних полюсов по-

литического спектра понятие «двоевластие» использовалось в качестве негативного клише для утверждения своих политических целей. Особенно это заметно после июля 1917 года, когда большевики оценивали поражение радикальных сил, «торжество реакции» как окончание двоевластия. Партия вслед за Лениным делала вывод о необходимости насильственного свержения правительства. Правые политики использовали июльский кризис для усиления агитации в поддержку ничем не ограниченной центральной власти и возможности борьбы с радикальными силами. И та и другая сторона рассматривала ситуацию двоевластия как конфликт, требующий скорейшего разрешения.

Назад к Бакунину!

Заметки об анархизме, теологии и праве

АНАТОЛИЙ
РЯСОВ

Почему, когда «Процесс» и «Замок» попадают в списки романов-антиутопий, возникает чувство неловкости? Откуда оно берется? Дело не только в том, что это жанровое определение кажется слишком узким для текстов Франца Кафки. Понятие «антиутопия» едва ли будет работать, даже если мы вообразим, что проблематика этих романов не выходит за рамки взаимоотношений героя с разладившейся – но оттого лишь более жестокой – юридической системой. Дело в том, что пониманию текстов Кафки едва ли будет способствовать само представление о погрязшем в ненужной бюрократии аппарате, который мог бы быть совсем иным, а при определенном усилии даже поддастся ремонту и снова начнет исправно функционировать. Нет, этот механизм подчинен своей внутренней логике. И своеобразной точкой отсчета здесь оказывается не крупная проза, а миниатюра под названием «К вопросу о законах». Хотя эта притча повествует о некоем народе, управляемом аристократами, она недвусмысленно указывает на теологические основания всякого права: «Законы идут из глубокой древности, над их истолкованием люди трудились века, так что само истолкование

*Анатолий Рясков
(р. 1978) – независимый
исследователь.*

**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

теперь обрело силу закона»¹. Синхронии права и нескончаемому производству юридических документов у Кафки всегда сопутствует диахрония: онтология Закона, уходящая корнями в непроглядный мрак истории.

Эта мысль, хотя и с совсем иначе расставленными акцентами, получила более конкретные формулировки в работах Карла Шмитта, едва ли не самым известным из тезисов которого стал следующий: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия»². Не все, однако, помнят, что словосочетание «политическая теология», хотя и ассоциируется сегодня с именем Шмитта, было позаимствовано им у философа, в полемике с которым формулировались многие его тезисы. Впервые это понятие было концептуализировано в работах анархиста Михаила Бакунина, где «юристы» часто отделены лишь запятой от «теологов» и «метафизиков», с которыми они образуют органичную триаду (нередко, впрочем, обнаруживающую потенциал к расширению за счет включения «политиков» и «экономистов») ³. Бакунин первым указал на то, что для устранения политической власти необходимо, чтобы вместе с ней исчезли теология и право. Целью Бакунина было искоренение политической теологии, целью Шмитта, для которого ее исчезновение знаменовало падение в хаос, напротив, стало ее сохранение любыми средствами. Однако именно эта полемика обнажила прочную связь между теологией и политикой. Шмитт, называвший католическую церковь «носителем юридическому духа самого большого стиля и подлинной наследницей римской юриспруденции»⁴, всячески отстаивал упрочнение теологии внутри права, что недвусмысленно указывает на опасения по поводу утраты этой связи. Но если присутствие теологии в праве может быть поставлено под вопрос, то потенциальные причины подобной утраты стоит сформулировать более обстоятельно.

«Правое» возражение Шмитта, появившееся почти через полвека после смерти Бакунина, не получило, однако, достойного ответа от анархистов. Дело в том, что в какой-то момент исчезло само теоретическое поле для подобной реакции: Петр Кропоткин осуществил поворот антигосударственной мысли от философии к социологии, и теология права быстро превратилась для анархистов в периферийный (если не сказать – забытый) сюжет. Более того, изначальный радикализм Бакунина сменился

1 Кафка Ф. *Америка* // Он же. *Собрание сочинений*. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 1. С. 646.

2 Шмитт К. *Политическая теология* // Он же. *Понятие политического*. СПб.: Наука, 2016. С. 34.

3 См., например: Бакунин М.А. *Избранные философские сочинения и письма*. М.: Мысль, 1987. С. 344–445, 365–366, 368, 441, 480.

4 Шмитт К. *Римский католицизм и политическая форма* // Он же. *Понятие политического*. С. 75.

всевозможными компромиссами с правом. Характерным примером здесь могут выступить работы Алексея Борового:

«Но есть ли этот бунт – бунт против “права” вообще? [...] Анархизм прежде всего признает “организацию”. Он только строит ее не на началах классового господства, как строит капиталистический режим, но на началах солидарности».

«Скажем категорически – анархизм знает и будет знать “право”, свое анархическое “право”»⁵.

Кропоткину и Боровому вопрос о связи права с теологией не представлялся важным, а в дальнейшем для анархистов эта проблема так и сохранила свою подвешенность и неразрешенность.

Тем интереснее, что лишь через тридцать с лишним лет после смерти Шмитта на русском языке появилась книга «Право имеющий. К критике политической теологии», указывающая на то, что заочный спор между Шмиттом и Бакуниным нисколько не утратил актуальности. Работа Олега Горяинова, одна из глав которой называется «По направлению к анархистской критике права», была издана в 2018 году, а после того, как весь тираж был распродан, текст появился в свободном доступе на сайте издателя⁶. Несмотря на это, работа оказалась практически обделена вниманием рецензентов. Она заслуживает подробного комментария – хотя бы потому, что это первая за многие десятилетия попытка возвращения философии права в анархистскую повестку.

Прежде всего нужно вспомнить о том, что «ответ слева» прозвучал еще при жизни Шмитта: его дал Вальтер Беньямин. Однако Горяинов предлагает не только взглянуть на эссе «К критике насилия» как на точку отсчета полемики со Шмиттом, а на тезисы «О понятии истории» как на ее своеобразный итог, но и прочесть все наследие Беньямина «в анархистской перспективе»⁷. К слову, роль «моста» здесь вполне могли бы сыграть заметки Беньямина о Кафке, в которых существенное внимание было уделено проблемам теологии и права: «У Кафки понятие “законов”, в отличие от понятия “учения”, имеет скорее иллюзорный характер и, по сути, оказывается муляжом»⁸.

Итак, насилие. Если, по словам Гегеля, «то обстоятельство, что насилие и тирания могут быть элементом позитивного права, является для него чем-то случайным и не затрагивает

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

НАЗАД К БАКУНИНУ!
ЗАМЕТКИ ОБ АНАРХИЗМЕ,
ТЕОЛОГИИ И ПРАВЕ

5 Боровой А.А. *Анархизм*. М.: КомКнига, 2007. С. 137, 146.

6 Горяинов О.В. *Право имеющий. К критике политической теологии*. СПб.: Транслит, 2018 (www.trans-lit.info/wp-content/uploads/2022/02/Goryainov.pdf).

7 Там же. С. 36.

8 Беньямин В. *Письмо Вернеру Крафту от 12.11.1934* // Он же. *Франц Кафка*. М.: Ad Marginem, 2000. С. 194.

его природу»⁹, то Бенъямин в своем раннем эссе сформулировал нечто противоположное: в основе права лежит вовсе не общественный договор, а кровопролитие. Насилие – вот подлинный источник всякого права, и потому природа права изначально насильственна. В основе Закона не высший божественный порядок, а побоище с применением оружия – война, предшествовавшая миру и утвердившая, в каком виде будет существовать мир. Именно «в осуществлении насилия через власть над жизнью и смертью право утверждает само себя сильнее, чем в каком-либо другом правовом акте»¹⁰. Эти мысли едва ли утратили свою скандальность. Но еще одной проблемой, волновавшей Бенъямина на протяжении многих лет, было разграничение теологии и права, или шире – отделение веры от политики. Не соглашаясь со Шмиттом, он считал, что юриспруденция не наследует теологии, ведь «у теократии нет политического смысла, только религиозный»¹¹. Нужно заметить, что с этой мыслью вряд ли согласился бы Бакунин, однако, по мнению Горяинова, именно стратегия Бенъямина открывает возможность «разоблачения и нейтрализации теологии и религии, принявших форму светских институтов власти»¹², и потому обнаруживает анархистскую перспективу. Дополнительные основания для этого дает заключительная фраза «Теолого-политического фрагмента» о мировой политике, «метод которой должен зваться нигилизмом»¹³.

В основе права лежит вовсе не общественный договор, а кровопролитие. В основе Закона не высший божественный порядок, а побоище с применением оружия – война, предшествовавшая миру и утвердившая, в каком виде будет существовать мир.

Еще одним «союзником» на этом пути вполне закономерно оказывается Джорджо Агамбен, согласно которому подлинный атеизм заключается не «в отрицании существования Бога, но в отрицании божественного управления миром»¹⁴. В области юриспруденции фундаментальная подмена происходит как раз

9 Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 62.

10 Бенъямин В. *К критике насилия* // Он же. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ, 2012. С. 77.

11 Он же. *Теолого-политический фрагмент* // Он же. *Учение о подобии...* С. 235.

12 Горяинов О.В. *Указ. соч.* С. 11.

13 Бенъямин В. *Теолого-политический фрагмент*. С. 236.

14 Цит. по: Горяинов О.В. *Указ. соч.* С. 87.

тогда, когда профанному начинают приписываться характеристики сакрального, когда изменчивое и поддающееся реформированию законодательство начинает претендовать на незыблемость. Одна из наиболее объемных работ Агамбена «Царство и слава» посвящена истории превращения божественной ойкономии в экономику – тому, как внутри богословской традиции онтология сущности постепенно оказалась вытеснена онтологией отношений. Но одновременно Агамбен указывает на «лакуны» внутри христианской традиции, определяющие линии разделения сакрального и профанного. Одним из таких примеров стало францисканское учение о *пользовании*, противопоставленном *владению*, – об отказе от собственности, благодаря которому жизнь монашеского ордена «могла безоговорочно утверждать себя как существование, располагающееся за пределами права, – как то, что должно отречься от права»¹⁵.

Олег Горяинов определяет *нигилизм* Беньямина и *профанацию* Агамбена «не только как предметное поле для исследования, но как руководство к действию»¹⁶, прямо предлагая читателю воспользоваться этими методиками в качестве политических инструментов. А в роли концептуального персонажа здесь выступает фигура Бартлби – героя рассказа Германа Мелвилла. Как ни странно, именно этот «неподвижный молодой человек»¹⁷ оказывается своеобразной точкой пересечения всех заявленных тем, кстати, выступая и в роли предвестника будущих сюжетов Кафки, например – новеллы о голодаре. Дело в том, что кредо «я предпочел бы не» становится не только символом «еще одной критической позиции, но альтернативной моделью субъективности»¹⁸. Переписчик Бартлби не сопротивляющийся власти бунтарь, для которого можно найти наказание и подчинить, – проблема в том, что перед нами герой, с которым начальству в принципе не удастся вступить в коммуникацию. Он выпадает за традиционные политико-правовые рамки, существует за пределами их юрисдикций, коллеги называют его «помешанным». И в таком смысле безумец внушает властям бóльшую тревогу, чем революционер. Конечно, можно вспомнить о вероятной мнимости опасений, ведь, в конце концов, Бартлби умирает в тюрьме, однако Горяинов убедительно демонстрирует, что эта радикальная стратегия не обязательно должна быть привязана к индивиду. Помимо *пользования*, отказывающегося от *владения*, примером «коллективного Бартлби» может выступить всеобщая забастовка, которую

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

НАЗАД К БАКУНИНУ!
ЗАМЕТКИ ОБ АНАРХИЗМЕ,
ТЕОЛОГИИ И ПРАВЕ

15 АГАМБЕН ДЖ. *Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни*. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2020. С. 200.

16 ГОРЯИНОВ О. В. *Указ. соч.* С. 12.

17 МЕЛВИЛЛ Г. *Писец Бартлби* // Он же. *Повести*. М.: Художественная литература, 1977. С. 27.

18 ГОРЯИНОВ О. В. *Указ. соч.* С. 29.

Беньямин называл «анархической»¹⁹. Парадоксальным образом обращение к мелвилловскому персонажу действительно способно указать на трансгрессивный выход из политико-правового лабиринта: «на место “право имеющего” должен прийти “вне-права пользующий(ся)”»²⁰. Подобные жесты, не обнаруживающие ясных предпосылок и не вписывающиеся в существующую логику, зачастую открывают для мышления новые ресурсы. Бартлби не просто находит в законодательстве лазейку, позволяющую бездельнику увиливать от исполнения своих обязанностей, а подрывает в существующей системе нечто большее: его ответ, балансирующий между согласием и отказом, не имеет критериев для юридической оценки и указывает на пределы возможностей права.

Однако здесь имеется еще один уровень – религиозный. Агамбен утверждал, что «аполог о юристе и его писце не менее теологичен, чем “Моби Дик”»²¹, и даже посвятил этой проблеме отдельную статью – «Бартлби, или О случайности», в которой возвел кредо мелвилловского героя к богословскому мотиву творения из пустоты²². Нотариус – начальник переписчика – тщетно пытается разгадать его мотивы, обращаясь к метафизическим трактатам Эдвардса и Пристли, но Бартлби – это чистая потенциальность, несводимая к воле и необходимости, ускользающая от конвенций и именно поэтому способная на радикальное преобразование действительности. Его выход за пределы принудительной оппозиции *согласие/отказ* открывает впечатляющий спектр «случайных» возможностей.

Нечто схожее Беньямин писал о понимании будущего у иудеев: «В нем каждая секунда была маленькой калиткой, в которую мог войти Мессия»²³. Горяинов убедительно показывает, почему не стоит прочитывать этот тезис исключительно в теологическом ключе: «Мессия Беньямина – это возможность другого настоящего в пределах настоящего, а не утопического будущего»²⁴. И именно здесь и возникает «зазор» между теологией и политикой, который позволяет приостановить их связь и «выйти за рамки теологического мышления средствами теологии»²⁵. При этом сохранить «политику как порядок профанного – значит лишить оснований и источников силы любые надежды на потустороннее, то есть удержать мессианское в своей чистой пустоте и в состоянии не-отношения

19 Беньямин В. *К критике насилия*. С. 84.

20 Горяинов О.В. *Указ. соч.* С. 88.

21 АГАМБЕН Дж. *Автопортрет в кабинете*. М.: Ad Marginem, 2018. С. 38.

22 АГАМБЕН Г. *Bartleby, or On Contingency* // ИДЕМ. *Potentialities. Collected Essays in Philosophy*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 244–271.

23 Беньямин В. *О понятии истории* // Он же. *Учение о подобии...* С. 249–250.

24 Горяинов О.В. *Указ. соч.* С. 72.

25 Там же. С. 79.

к историческому»²⁶. Таким образом, проблема взаимоотношений политики и теологии, в свое время сформулированная Бакуниным, оказывается – причем без отказа от анархистских установок – переакцентирована и получает «второе дыхание», а философские ставки едва ли можно назвать заниженными. Какие же вопросы вызывает эта стратегия?

Одним из способов разграничения сакрального и профанного у Бенямина стало обращение к понятию *божественного насилия*. Для Горяинова эти размышления оказываются парадоксальной попыткой, «несмотря на фигуру Бога, выйти за рамки политико-теологического мышления, средством для чего оказывается перспектива анархистского нигилизма»²⁷, а «нигилизм Бенямина – несмотря на широкое использование теологической терминологии, в первую очередь понятия “мессианского” – носит последовательно атеистический и материалистический характер»²⁸. И здесь требуется дополнительный комментарий.

Итак, божественное насилие. У Гегеля есть еще одно суждение о правовом насилии:

«Абстрактное право есть *принудительное право*, так как неправо по отношению к нему есть насилие над наличным бытием моей свободы во *внешней* вещи; сохранение этого наличного бытия в противовес насилию есть тем самым внешнее действие и насилие, снимающее то первое насилие»²⁹.

Когда Бенямин на материале древнегреческих мифов разделяет насилие на мифическое и божественное, его мысль кажется предельно далекой от гегелевской: его интересуют не принципы функционирования правовых норм, а разделение права и теологии. Если насилие в мифах является правоустанавливающим и властным, то противоположное ему монотеистическое насилие – правоуничтожающим, искупительным и справедливым. Однако дальнейший ход мысли уже не так далек от гегелевского, как может представиться на первый взгляд:

«Божественное насилие можно было бы назвать уничтожающим; однако оно является таковым лишь относительно, например, в отношении благ, права, жизни и т.п., но никогда в отношении души живого человека»³⁰.

Иными словами, божественное насилие не только выступает как противовес мифическому, но и оказывается способным осуществить процедуру его *снятия*, поставив небесную спра-

26 Там же. С. 80.

27 Там же. С. 46.

28 Там же. С. 78.

29 ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф. *Философия права*. С. 143.

30 БЕНЬЯМИН В. *К критике насилия*. С. 91.

ведливость на место земного волонтаризма. Только на этот раз на смену принудительному праву, вытеснившему насильственное неправо, приходит божественное неправо, вытесняющее насильственное право.

Речь, однако, идет не о том, чтобы обнаружить в Беньямине гегельянца – едва ли это открытие будет сенсационным. Разворачивающаяся здесь проблема заключается в другом: над несправедливым, властным насилием у Беньямина сохраняется справедливое и искупительное, и для него не находится другого определения, кроме того же самого *насилия*, парадоксальным образом рождающегося раньше самого разделения на божественное и мифическое. По этой причине заметки Беньямина о насилии (кстати, лишённые охранительных интонаций, характерных для Рене Жирана и оказывающиеся куда более близкими к теории религии Жоржа Батая) могут быть разом прочитаны и как радикальное исключение теологии из разговора о праве, и как ее подспудное сохранение. В этом смысле ставка на атеизм и материализм Беньямина представляется несколько поспешной. Впрочем, идея нейтрализации теологического в пространстве права таит в себе более серьезные проблемы.

Как можно было убедиться, сама спутанность теологии и права побуждает к мысли о том, каким именно образом этот узел может быть развязан, а нити положены по отдельности друг от друга. Но тем не менее право и религия выступают понятиями, произрастающими из одного исторического корня, иными словами – нити изначально существовали в переплетенном виде. В таком случае приостановка существующей между ними связи едва ли сможет стереть тот неприметный остаток теологии, который, говоря дерридианским языком, продолжит свое существование в виде «призрака». Выявить этот полупрозрачный религиозный осадок будет куда сложнее, чем секуляризированные теологические понятия. В «Процессе» Кафки «неугасимый свет, что струится из врат Закона»³¹, бесконечно затеняется юридическими крючкотворством – «мнимыми оправданиями» и бюрократической «волоконитой». Сама природа закона такова, что он одновременно и апеллирует к незыблемой высшей справедливости – к каменным Скрижалям Завета, – и предстает чем-то постоянно корректируемым, поддающимся разнообразным интерпретациям, напоминая бесчисленные толкования Торы.

Еще одной проблемой здесь выступает сама онтологизация насилия, предложенная Беньямином. Если признать, что именно насилие является источником любого права, то едва ли

31 Кафка Ф. *Процесс* // Он же. *Собрание сочинений*. Т. 2. С. 206.

репрессивный характер закона исчезнет после избавления от теологических обертонов. Двусмысленность каждого закона заключается в том, что он держится на возможности его преступления. Если закон невозможно нарушить, то потеряется целесообразность его существования. Иными словами, закону всегда требуется нарушитель. Поговорку «был бы человек, а статья найдется» принято ассоциировать со сталинскими репрессиями, однако она восходит к латинскому выражению *da mihi facta, dabo tibi ius* («дай мне факты, и я дам тебе право») и гоббсовской формуле *auctoritas non veritas facit legem* («авторитет, а не истина, создает закон»). Формально язык правовых кодексов претендует на четкость, но множасьее количество оговорок и подпунктов позволяет юристам апеллировать к тому или иному закону даже там, где при буквальном прочтении он в принципе не подразумевает применения. Один из первых аргументов, адресованных Йозефу К. во время обыска, гласит: «вина, как сказано в законе, сама притягивает к себе правосудие»³².

В этом смысле изначальный жест Бакунина, заключавшийся в двойном отрицании как права, так и религии, по-прежнему остается наиболее последовательным для анархиста: избавление от власти не может состояться без отречения от теологии и юриспруденции. Все предшествующие и последующие компромиссы (суд присяжных у Годвина, правила и обычаи у Кропоткина, анархистское право у Борового) подспудно сохраняют механизмы первонасилия. Сегодня стратегия Бакунина продолжает казаться не только чрезмерно радикальным, но и невыполнимым требованием, однако именно апелляция к невозможному всегда и была магистральным направлением анархизма. Политическим институтам свойственно сменять друг друга, и тем не менее едва ли не каждый из них настаивает как на собственном постоянстве, так и на демонизации – а порой и на забвении – тех времен, когда его не существовало. Так, на определенном историческом этапе феодализм и инквизиция казались абсолютно незыблемыми, словно не подчиненными логике рождения и смерти, а сегодня таковыми представляются право, парламентаризм, выборы и президентская власть. Пока сложно судить, насколько состоятельную альтернативу им составят методы *профанации* и *пользования*, но это вовсе не означает, что «незаконно» само усомнение в претензии политических институтов на бессрочный статус. Вопреки тому, что Бенъямин писал о правоустанавливающих мифах, Симона Вейль напоминает, что древние греки «не имели понятия права, у них не было слов, чтобы его выразить»³³.

32 Там же. С. 12.

33 Вейль С. *Личность и священное*. СПб.: Jaromír Hladík press, 2019. С. 35.

АНДРЕЙ
ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД
ИСАЕВ

«Последнее прибежище вчера в мире завтра»: Иордания до и после «арабской весны»

Иордания покоряет своей странной, чарующей красотой и ощущением вневременности. Испещренная руинами некогда великих империй, она последнее прибежище вчера в мире завтра.

Иорданский король Хусейн
«Но нет покоя голове в венце»¹

В ноябре 1920 года Абдалла, старший сын шерифа Мекки Хусейна, совершил, преодолев тысячу километров, путешествие из своего родного города в Маан – маленькую деревушку посреди пустыни, приютившуюся на периферии управляемой британцами послевоенной Палестины. Незадолго до этого Лондон разделил полученный от Лиги Наций палестинский мандат на две части, что позволило территории, куда прибыл знатный гость из Хиджаза, обзавестись собственным наименованием на географических картах. Место теперь называли Трансиорданией, фиксируя тот факт, что одна из самых знаменитых рек Ближнего Востока – и всего мира – делила его

1 *«Uneasy Lies the Head». The Autobiography of His Majesty King Hussein I of the Hashemite Kingdom of Jordan.* London: Bernard Geis Associates, 1962. P. 4.

**ВОСТОК
УМИРОТВОРЕННЫЙ
И ВОЮЮЩИЙ**

пополам. Экспедиция, которую возглавлял Абдалла, состояла из трехсот вооруженных людей, снабженных шестью пулеметами. Им предстояло основать государство буквально на пустом месте – вопреки полному отсутствию в Трансиордании того, что британский востоковед Филип Робинс называет «сырьем государственности»².

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

ТВОРЕНИЕ ИЗ НИЧЕГО

Эта особенность национальной истории объяснялась тем, что появление Иордании на карте мира обошлось без предварительного выращививания каким-то территориальным сообществом собственных и самобытных политических институций. Иордания стала «новоделом», вызванным к жизни амбициями британских колонизаторов, переустроивавших после Первой мировой войны доставшийся им кусок Ближнего Востока: она практически по-библейски творилась из ничего. Молодым государствам, однако, присущи не только очевидные слабости, но и бесспорные преимущества: избавленные от тяжеловесного, а подчас и неудобного исторического прошлого, они более свободны в своем развитии, совершая порой такие прорывы, которые не под силу солидным державам с великим, но тягостным бременем за плечами. Возможно, это обстоятельство отчасти объясняет едва ли не чудесное и хронологически довольно быстрое превращение нелепого *artificial creature* в современное *nation-state*³. На протяжении этого пути Иордании многократно предрекали крах, причем иногда казалось, что он совсем близко; но государство не только не было растерзано опасными соседями и внутренними врагами, но и смогло устоять в бурях «арабской весны» 2011–2012 годов, основательно подчистивших чердаки и кладовки ближневосточной политики.

Экспедиции под предводительством Абдаллы предшествовали знаменательные события. Надо сказать, что до Первой мировой войны династические амбиции Хашимитов⁴, обосновавшихся на Аравийском полуострове еще во времена Пророка, были довольно скромными: турецкий султан в своей ипостаси «халифа правоверных» доверял им наследственное попечение над мусульманскими святынями Мекки и Медины, с которым они весьма качественно справлялись, не досаждая своему сюзерену и извлекая из своего блюстительского статуса очевидные выгоды. Однако казавшееся вечным положение вещей

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – арабист, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Африки РАН.

2 ROBINS P. *A History of Jordan*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 17.

3 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Jordan: A Hashemite Legacy*. London; New York: Routledge, 2009. P. XIV.

4 Подробнее о происхождении и особенностях Хашимитской династии см.: АГАНИН А. Р. *Племена и кланы Хашимитского королевства*. М.: Институт Ближнего Востока РАН, 2013. С. 67–77.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

поколебала младотурецкая революция конца 1900-х. Взявшие власть реформаторы руководствовались стремлением превратить ветшавшую космополитическую империю в подобие современного национального государства – с турками в качестве государствообразующего народа.

В Аравии, как и во многих других частях османского мира, такие инициативы воспринимали с настороженностью: образованные и амбициозные местные горожане не желали перековываться из османских подданных в турецких граждан, а «сыны пустыни»-бедуины опасались чрезмерного вмешательства централизующегося – и, как следствие, все более вездесущего – государства в бережно лелеемый ими кочевой быт. Упорядочение имперской периферии, затеянное Константинополем, означало среди прочего встраивание бедуинских сообществ в государственные правоохранительные структуры, а это лишало их возможности собирать с земель, примыкавших к Аравийскому полуострову с севера, традиционный «налог на безопасность», теперь отправлявшийся в имперскую казну. Наконец, стоит отметить, что здешнее население без энтузиазма восприняло строительство Хиджазской железной дороги, развернутое османскими властями в первые годы XX века. Эта магистраль, призванная, по замыслу инженеров, соединить Дамаск с Меккой, больно била по экономическим интересам больших племен, привыкших собирать мзду с многочисленных паломников, караваны которых издавна проходили через их земли⁵. Перечисленные обстоятельства не могли не подтолкнуть Абдаллу и Фейсала, старшего и младшего сыновей шерифа Мекки, к интенсивным контактам с арабами-националистами из Дамаска и Бейрута, которые уже накануне 1914 года начинали мечтать о замене султанского покровительства на скипетры арабских царственных династий⁶. В свою очередь начавшаяся вскоре Первая мировая война окончательно убедила шерифа Хусейна, их отца, в том, что равняться следует на Лондон, способный сделать для арабского самоопределения (и арабийского кошелька) гораздо больше, чем Константинополь.

Детальное описание того, как зрело это недовольство, как оно вылилось в Арабское восстание 1916 года и как ожидания арабов были посрамлены в ходе послевоенного урегулирования, не вписывается в тематику настоящей работы⁷. Рассуждая о том, каким образом появилась на свет современная Иордания, мы вынуждены ограничиться лишь отдельными

5 ROVINS P. *Op. cit.* P. 8.

6 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 15–16.

7 Подробное изложение этой драмы предлагают, например, Юджин Роган и Шон Маккикин: ROGAN E. *The Arabs: A History*. London: Penguin, 2012. P. 182–216; McMEEKIN S. *The Ottoman Endgame: War, Revolution and the Making of the Modern Middle East, 1908–1923*. London: Penguin, 2016. P. 295–314.

аспектами этой захватывающей истории, напрямую связанными с превращением сыновей шерифа Мекки в новоявленных арабских венценосцев. Когда разразилась мировая война, Абдалла первым из двух братьев вступил во взаимодействие с англичанами, помогая им наладить контакты со своим отцом. Коммуникация была обоюдовыгодной: англичанам важно было предотвратить джихад, объявлением которого грозила поддерживавшая немцев Блистательная Порта, а шериф Мекки, способный влиять на реализацию подобных планов, надеялся с помощью Лондона расширить свои политические и экономические амбиции за пределы родного Хиджаза. После того, как многократно обещанное Хашимитам арабское государство так и не состоялось, сыновья Хусейна попытались устроить свою судьбу самостоятельно. Несмотря на то, что войска под началом принца Фейсала в июле 1917-го без боя оккупировали портовый город Акаба, а в сентябре следующего года столь же тихо взяли Амман, земли, на которых сегодня располагается Иордания, в то время не рассматривались в качестве какого-то обособленного территориального образования – в отличие, скажем, от соседнего Ирака. Подлинным центром едва ли не всей политической активности арабского мира в те времена оставался Дамаск. Разумеется, этот город был предметом вождений и для героев недавнего Арабского восстания.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

Иордания стала «новоделом», вызванным к жизни амбициями британских колонизаторов, переустраивавших после Первой мировой войны доставшийся им кусок Ближнего Востока: она практически по-библейски творилась из ничего.

В ноябре 1918 года была обнародована англо-французская декларация, благословившая создание в Ираке и Сирии местных управленческих структур. Воодушевившись этим документом, Фейсал при содействии иракских и сирийских националистов, а также британских офицеров учредил в сирийской столице правительство под своим началом. Но, как пишут британские специалисты по Иордании, «вопреки арабским чаяниям, европейцы-победители четко разграничивали между собой автономию и независимость»⁸. Летом 1919-го Сирийский конгресс, собравшийся в Дамаске, сначала призвал союзные державы признать независимость Сирии (с включением в нее

8 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 18.

Палестины) под началом короля Фейсала, а потом провозгласил Абдаллу королем Ирака. Поскольку Антанта проигнорировала эти решения, Фейсал самолично отправился на Парижскую мирную конференцию, чтобы доказать правоту дела, отстаиваемого Хашимитами. В основе его аргументации лежали три довода: во-первых, переписка между шерифом Мекки и британским верховным комиссаром в Египте, имевшая место в 1915–1916 годах и недвусмысленно обещавшая арабам собственное государство; во-вторых, помощь, оказанная союзникам в ходе Арабского восстания; наконец, в-третьих, фактическое учреждение в Дамаске монархической администрации под его собственным началом.

Между тем французам, которые считали Фейсала англофилом, его возвышение совсем не нравилось; желая ограничить самоуправство принца из Хиджаза, они напомнили англичанам о том пункте подписанного в 1916 году соглашения Сайкса – Пико – Сазонова, который предусматривал передачу послевоенной Сирии под контроль Французской Республики. (Несмотря на то, что обнародование соответствующего документа вызвало в арабском мире грандиозный скандал, отменено оно не было.) Союзники решили проблему, опираясь на учрежденную Парижской конференцией систему подмандатных территорий: в 1920 году англичане оставили сирийские земли, а сменившие их французские войска заставили младшего сына шерифа Мекки уйти из Дамаска. После того, как через год Фейсал получил компенсационное возмещение, приняв от Лондона прерогативы короля Ирака, перед англичанами встал вопрос о трудоустройстве его старшего брата. Хашимитские владения на Аравийском полуострове трещали по швам под натиском местных ваххабитов: многие уже понимали, что удержать в своих руках Хиджаз шерифу Мекки не удастся. Именно тогда Абдалла и предпринял тот пустынный марш-бросок, с которого начинался этот текст. Ему нужна была собственная империя, хотя бы маленькая, но свободного места вокруг почти не оставалось. Задержавшись в Маане на три месяца, старший принц перебрался в Амман. Трудно не согласиться с тем, что, в конечном счете, вся авантюра Абдаллы была «попыткой вновь привлечь к себе внимание англичан, благорасположение которых, как он рассчитывал, могло принести ему какие-то выгоды»⁹.

Британских чиновников, занимавшихся налаживанием мандатной системы в бывших османских землях, присутствие Абдаллы и раздражало, и настораживало. Им, размышлявшим, нужно ли включить территорию Трансиордании в состав под-

мандатной Палестины или лучше учредить там военную администрацию, наличие под боком представителя одной из древнейших ближневосточных династий казалось совсем не к стати. Но применить силу против оставшегося без царства бывшего товарища по оружию они не решились; именно так, по умолчанию, будущий иорданский король понемногу пустил корни на земле своего будущего королевства. Способствовало его предпримчивости и то, что в Вестминстере довольно быстро осознали: политический вакуум, оставленный на берегах Иордана, будет угрожать коммуникациям между исключительно важными британскими приобретениями – Ираком и Палестиной¹⁰. Именно так Трансиордания, совершенно неожиданно для ее редких обитателей, обрела стратегическую значимость, пусть даже в качестве «буфера» или «моста», соединяющего более важные для англичан земли – и вытекающую из этой значимости перспективу политического самоопределения. В итоге в марте 1921 года на конференции в Каире, организованной британским Министерством по делам колоний, венценосным братьям, наконец, воздали по заслугам: Фейсалу доверили учреждать арабскую государственность в Ираке, а Абдалле – в Трансиордании. Англичане, больше доверявшие младшему брату, предложили ему по-настоящему серьезную должность: Ирак был очень важен для их политических игр. Старшему же достался лишь «утешительный приз», причем последний, как отмечает Филип Робинс, испытывал «нескрываемое презрение к своему явно нежизнеспособному приобретению»¹¹.

Интересно, что для старшего установили нечто вроде испытательного срока: на протяжении шести месяцев ему предстояло доказывать, что он способен к управленческой работе. «У британцев были сомнения по поводу компетентности Абдаллы, но, в конечном счете, они решили, что будет проще и, главное, дешевле оставить его там, где он есть»¹². В сентябре 1922 года Лига Наций формально изъяла Трансиорданию из под действия палестинского мандата¹³, а в мае 1923-го Великобритания признала Трансиорданский эмират в качестве «независимого конституционного государства». Последние штрихи в этот государствообразующий процесс внесли саудовские ваххабиты: в 1925 году они, добившись отречения Али, еще одного сына шерифа Мекки, от престола владыки Хиджаза, окончательно изгнали Хашимитов с исторической родины – лишив Абдаллу последних надежд на возвращение домой. Вместе

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

10 Ibid. P. 14.

11 Ibid. P. 17.

12 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 19.

13 ABU NOWAR M. *The Development of Trans-Jordan 1929–1939: A History of the Hashemite Kingdom of Jordan*. Reading: Ithaca Press, 2006. P. 3.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

с тем мобилизованные трансирданским эмиром бедуинские племена – которым, надо сказать, оказывали содействие британские военно-воздушные силы – не только отбили неоднократные попытки последователей Ибн Сауда продвинуться севернее, но и отвоевали для новорожденного государства приграничные Маан и Акабу. Они были аннексированы и благополучно пребывают в составе Иордании до сих пор: саудиты не стали отвоевывать их назад отчасти из-за того, что англичане хотели ограничить саудовский экспансионизм западной частью хиджазских земель, оставив восточную часть под своим надзором. «Не заступившись за Хашимитов во время падения Хиджаза, британцы тем не менее гарантировали их династическое выживание в Трансиордании», – резюмирует историк¹⁴.

УКРОЩЕНИЕ БЕДУИНОВ, ДРУЖБА С СИОНИСТАМИ И ЖЕЛАННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Демографический профиль новорожденного государства поначалу был таким же зыбким, как и его границы. В 1922 году в Трансиордании проживали около 225 тысяч человек; это население делилось на оседлое и кочевое примерно поровну. С присоединением Маана и Акабы цифра выросла до 300 тысяч. (Численность иорданского населения «плавала» и дальше, что было обусловлено несколькими волнами беженцев, принимаемых страной в 1940–1990-е¹⁵.) Вместе с тем, в отличие от некоторых своих соседей, Трансиордания отличалась выдающейся этнической и религиозной гомогенностью. На долю арабов приходилось 94% населения, а следующей по численности этнической группой были черкесы, насчитывавшие 5%. В религиозном плане в стране выраженно преобладали мусульмане-сунниты, в то время как греко-православные и греко-католики совокупно составляли 10%¹⁶. Подобная однородность не только избавляла молодую страну от «сектантских» распрей – главным предметом споров здесь традиционно оставалась земля, а не религия или этничность, – но и обеспечивала ей запас прочности на будущее: именно в этом обстоятельстве не без основания можно усмотреть одну из причин того, почему в «арабскую весну» 2011–2012 годов иорданское королевство устояло, в то время как многие соседние государства рухнули.

14 ROBINS P. *Op. cit.* P. 28.

15 О том, как менялась этно-религиозная композиция иорданского общества с основания государства до наших дней, подробнее см.: WINCKLER O. *From Small Sheikdom to Over-Population* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *The Palgrave Handbook of the Hashemite Kingdom of Jordan*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. P. 29–47.

16 См.: MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 20. Об иорданских меньшинствах см. также: LANGLEY M.E. *Minorities* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 69–79.

Местный социум представлял собой иерархически организованное племенное общество. На первых порах Абдалла, не оставлявший мечтаний о сирийском троне – новое владение рассматривалось им лишь как «аванпост для дальнейшего расширения Хашимитских земель» за счет Палестины или Сирии¹⁷, – пытался управлять, вообще не привлекая местных нотаблей и полагаясь исключительно на своих сподвижников из Хиджаза и английских чиновников на местах, но эта схема могла быть лишь временной. По мере того, как перспектива обретения сирийского трона делалась все более зыбкой, а Хиджаз вообще был потерян Хашимитами, владыка Трансиордании все основательнее опирался на здешних кочевников-бедуинов. Взаимопонимание с ними было достигнуто не сразу, ибо «в ранние годы бедуинские племена Трансиордании постоянно бунтовали и отвергали власть Абдаллы, а поскольку они отказывались платить налоги, их поселения разорялись правительственной кавалерией»¹⁸. Именно так, в частности, в 1923 году новоявленный эмират и поддерживавшие его англичане поступили с племенем аль-Адван, «одним из самых могущественных и воинственных»¹⁹. Постепенно, однако, контакт налаживался, а стороны приспособлялись друг к другу; в конечном счете, монархия, используя убеждение и принуждение, выстроила более или менее гармоничные отношения со своеобразными кочевниками.

«Позволяя своему кабинету административно управлять страной, Абдалла напрямую взаимодействовал с традиционными вождями на низовом уровне. Он старался, чтобы шейхи и нотабли знали о его желаниях и целях, деликатно убеждая их в том, что это их собственные желания и цели»²⁰.

К 1930 году из приблизительно 300 тысяч жителей страны кочевники-бедуины составляли около 140 тысяч. Новые государственные границы, появившиеся на карте Ближнего Востока после краха Османской империи, резко осложнили жизнь бедуинских племен, лишившихся одного из важнейших атрибутов своей жизни – свободы передвижения: «Они больше не могли игнорировать свои новые правительства в той же манере, в какой они игнорировали прежние власти в Стамбуле»²¹. Эта ситуация в свою очередь предъявляла новые требования и к правительствам: ограничение практики рейдерства, издавна распространенной в пустыне, требовало направить энергию

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

17 ROBINS P. *Op. cit.* P. 21.

18 YITZNAK R. *King Abdullah I* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 217.

19 Эту характеристику см. в работе: АГАНИН А.Р. *Указ. соч.* С. 161.

20 АБУ NOWAR M. *Op. cit.* P. 6.

21 *Ibid.* P. 82.

бедуинов в более позитивное и безопасное для новоявленных властей русло. Надо сказать, что эмир Абдалла с этой задачей справился успешнее многих.

Поскольку вплоть до 1939 года британское казначейство покрывало треть всех государственных расходов, новоявленное государство не могло претендовать даже на подобие самостоятельности: англичане – к немалому раздражению властителя – долго отказывались называть его владения «эмиратом», но зато подобный уровень зависимости позволял им без стеснения вмешиваться не только в любые вопросы государственной жизни, но и в функционирование самого двора.

«Расходование каждого фунта из фондов, которые были определены [англичанами] на содержание эмира Абдаллы, подлежало одобрению британских властей. И, хотя властитель не страдал от дефицита престижа в собственных владениях, его политическая власть ограничивалась и сдерживалась нехваткой денег. Ведь даже то малое, что было в его распоряжении, контролировалось иностранцами»²².

Более того, авуары, которыми распоряжался эмир, отнюдь не увеличивались: всего за три года (1923–1926) персональные дотации, выделяемые ему британским комиссаром в Иерусалиме, были сокращены с 36 тысяч до 12 тысяч фунтов, то есть в три раза²³. Главная причина, по-видимому, заключалась в том, что «эмир пользовался национальным бюджетом как собственным кошельком, а его арабские министры не желали или не могли ограничить аппетиты своего патрона»²⁴. Какое-то время британский представитель в Аммане даже рассматривал возможность замены Абдаллы на Саида – еще одного сына плодовитого шерифа Мекки. В глазах колониальной администрации Абдалла долгое время оставался «ленивым, слабым и расточительным» правителем²⁵. Разумеется, помимо финансов, колонизаторы держали под своим неусыпным надзором и новорожденную трансйорданскую армию, так называемый Арабский легион, в 1923 году состоявший из 1300 бойцов, причем местные уроженцы составляли в нем всего 65%²⁶.

В феврале 1928 года был подписан англо-иорданский договор, надолго предопределивший пути конституционного развития Трансйордании. Согласно этому документу, Великобритании и впредь предстояло жестко контролировать внешнюю и оборонную политику ближневосточной страны, а также ее

22 Ibid. P. 71, 73.

23 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 21.

24 ROBINS P. *Op. cit.* P. 31.

25 Ibid. P. 22.

26 О происхождении и эволюции этого воинского формирования, не раз игравшего важнейшую роль в иорданской истории, см.: JEVON G. *The Arab Legion* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 243–255.

коммуникации и финансы: по меткой формулировке историка Мэри Уилсон, «неравенство было прописано в каждой статье этого договора»²⁷. К немалому огорчению иорданской верхушки, английские чиновники не упустили случая подчеркнуть контраст между очевидным прогрессом государственного строительства в Ираке и столь же бесспорным отставанием Трансиордании. Тем не менее после подписания договора страна получала дополнительные бонусы: в частности, эмир радикально укреплял свою личную власть, его владениям предписывалось обзавестись собственной Конституцией, а иорданские земли навсегда получали иммунитет от сионистской колонизации²⁸. Впоследствии Органический закон Трансиордании, базовые положения которого вошли в упомянутый договор, был переработан в 1939-м и 1946 годах, послужив базой иорданской Конституции 1952 года. (Интересно, что в Органическом законе не было упоминания о том, что ислам является официальной религией нового государства.)

В свою очередь вступление этого государствообразующего акта в силу позволило учредить национальный Законодательный совет, состоявший из 21 члена: четырнадцать из них избирались, двое представляли бедуинские племена, не наделенные избирательными правами, а еще пятеро делегировались исполнительной властью. Оценивая деятельность этого учреждения, историки довольно заметно расходятся во мнениях: если местные специалисты считают появление парламента серьезным прорывом в общественном развитии страны, называя его «реальной политической силой»²⁹, то их зарубежные коллеги склонны видеть в нем не слишком значимую декорацию, посредством которой монарх иногда пугал англичан³⁰. Факты между тем делают вторую точку зрения более состоятельной: в своей последующей истории Иордания на протяжении целых десятилетий неплохо обходилась без парламента, который «замораживался» по велению короны, присваивавшей себе законотворческие полномочия. Впрочем, несмотря на все свое бессилие, в трансиорданском контексте Законодательный совет оставался единственной площадкой, на которой государству могли быть представлены запросы и пожелания иных социально-политических акторов, нарождавшихся в стране³¹.

На рубеже 1920-х и 1930-х по настоянию британской администрации Трансиордания провела аграрную реформу, имевшую глубочайшие социально-политические последствия. За-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

27 WILSON M.C. *King Abdullah, Britain and the Making of Jordan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 102.

28 ABU NOWAR M. *Op. cit.* P. 11.

29 *Ibid.* P. 22.

30 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 23.

31 ROBINS P. *Op. cit.* P. 42.

являя о желании создать в стране стабильный средний класс земельных собственников, англичане принудительно раздробили крупные надель, прежде находившиеся в коллективной собственности племен, и раздали их в частные руки. Преобразования изменили не только принципы землепользования, но и саму систему управления. В процессе передела в Трансиордании появилась небольшая группа по-настоящему крупных земельных магнатов в лице шейхов наиболее значимых племен, к которым в 1931-м присоединился и сам Абдалла – желая компенсировать эмиру огорчения, вызываемые постоянно сокращаемым довольствием, колониальные власти выделили ему в личную собственность обширные угодья. С появлением новой аграрной элиты, возглавляемой самим монархом, прежние коллективные права, на которых базировалась экономическая (и политическая) жизнь племен, были подорваны. В стране началось интенсивное формирование немногочисленной олигархии, лояльность которой надолго превратилась в главную гарантию благополучия Хашимитской монархии. Несмотря на то, что бедуинские племена официально превозносились и почитались, реальная власть оказалась в руках миниатюрной клики, вообще не нуждавшейся в демократических способах политической репрезентации и неизменно предпочитавшей силовые способы разрешения проблем. Это обстоятельство также помогает объяснить не только гипертрофированное пренебрежение к массовым формам политического волеизъявления, которое Иордания демонстрировала на протяжении последующих десятилетий, но и относительно недавний провал здешней «арабской весны».

Земельная реформа стала важной, но не единственной составляющей укрощения племенной периферии, без чего построить современное государство было нельзя. Потребность в упорядочении социально-экономических практик повлекла за собой корректировку традиционного кочевого быта. Полукочевые племенные конфедерации изначально воспринимались британской администрацией с немалым подозрением: «бедуины считались мародерами-беспредельщиками, чей разбой угрожал не только принципам верховенства права, но и мирным земледельцам, усердно обрабатывающим скудные орошаемые земли»³². Кочевое население надо было превратить в оседлое, не поссорив его при этом с короной и снабдив новыми источниками жизнеобеспечения. Как уже говорилось выше, видным шейхам в порядке компенсации за отказ от прежнего образа жизни были выданы земельные надель. Что же до рядовых членов племенных союзов, то

им трансйорданское государство предложило своеобразную программу трудоустройства, создавая новые силовые структуры. Так, в 1926 году была учреждена Трансйорданская пограничная служба, которая, с одной стороны, пресекала неупорядоченную циркуляцию населения между свежеепеченными государственными границами, а с другой стороны, превращала часть воинственных кочевников в дисциплинированных «бюджетников». Новое формирование координировало свою деятельность с Арабским легионом и британской армией. «Инкорпорация племенной периферии в государственные структуры, – отмечает Робинс, – устранила последнее социоэкономическое препятствие на пути консолидации государства в Трансйордании»³³. Иерархичность, элитаризм и герметичность стали главными признаками нарождавшейся структуры власти.

В 1930-е Абдалла начал более трезво оценивать фантастичность своих упований на престол «Великой Сирии», подрываемых не только немощью его государства, но и Хашимитской родней, обосновавшейся в соседнем Ираке и сполна пользовавшейся нефтяными богатствами этой страны. Но утверждение в Дамаске администрации режима Виши, состоявшееся в 1941 году, оживило его амбиции: в 1942–1944 годах владыка Аммана не раз выступал с новыми инициативами сирийско-йорданской интеграции. Из этих затей вновь ничего не вышло, но устремления, однако, никуда не делись – первому властителю Трансйордании по-прежнему было тесно в его маленьком царстве³⁴. Продолжая выдвигать разнообразные проекты панарабского объединения стран-соседей – под своим, разумеется, началом, – Абдалла с нарастающим вожделем присматривался к близлежащим территориям, которые примыкали к реке Йордан. В середине того же десятилетия он, проигнорировав негодование арабского мира, поддержал британский план раздела Палестины на еврейскую и арабскую части, предусматривавший передачу населенных арабами территорий под покровительство Трансйордании. Еще в 1921 году, во время самых первых переговоров с Уинстоном Черчиллем, возглавлявшим тогда Министерство по делам колоний, Абдалла упоминал о перспективе объединения Трансйордании и Палестины под скипетром одного арабского правителя. Теперь, правда, палестинские националисты категорически отказывались обсуждать раздел, но Абдалла руководствовался собственными целями, прагматично сотрудничая в их реализации

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

33 Ibid. P. 46.

34 Об интеграционных устремлениях Абдаллы подробнее см.: PORATH Y. *In Search of Arab Unity: 1930–1945*. London: Routledge, 2013; см. также: ЗАХАРОВ А., ИСАЕВ Л. *Бесконечная история: федерализм и арабская идея* // Неприкосновенный запас. 2021. № 5(139). С. 102–144.

даже с сионистскими организациями³⁵. Именно тогда были посеяны зерна того взаимного неприятия, которое не раз проявлялось в иорданской политике, а для самого эмира обернулось преждевременной кончиной – гибелью от рук палестинского террориста.

Начало Второй мировой войны отсрочило «палестинскую интригу» Абдаллы: его страна, как верный союзник Лондона, одной из первых официально вступила в конфликт с Германией. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что вера в победу антигитлеровской коалиции утвердилась в сердце монарха не сразу: в первые месяцы сражений, как свидетельствует Робинс, «Абдалла был удручен развитием обстановки на фронтах – он всерьез сомневался, на ту ли лошадь поставил»³⁶. В ходе мобилизации колоний Трансиордании удалось укрепить свой военный потенциал: к 1945 году численность Арабского легиона, составлявшего костяк ее армии, увеличилась в четыре раза – до 7400 человек, а количество единиц техники выросло с 27 в 1937-м до 600 в 1943-м³⁷. Вместе с тем наращивание политического престижа шло гораздо хуже, поскольку послевоенная иорданская монархия сильно уступала в этом плане монархиям Ирака и Египта. Ощутимым ударом по устремлениям Абдаллы стало учреждение Лиги арабских государств: эмир надеялся, что это новое политическое объединение поможет воплотить его мечты о панарабской федерации «Плодородного полумесяца», но арабские политики категорически отказывались поступаться даже малой толикой суверенитета. «Семь голов просто засунули в один мешок», – так иорданский монарх позже охарактеризовал новоявленную Лигу³⁸.

Разочаровавшись в общеарабской интеграции, Абдалла после завершения войны сосредоточился на обретении своей страной полной независимости: к тому моменту архаичный статус его владения выглядел вопиющей аномалией – среди учредителей Лиги арабских государств Иордания была единственной страной, не обладавшей суверенитетом. К марту 1946 года, когда между Амманом и Лондоном был подписан договор «о вечном мире и дружбе», Иордания стала полноценным королевством. Впрочем, это была довольно удобная форма независимости, поскольку молодое государство продолжало жить на британские средства, а его безопасность обеспечивалась

35 Подробнее см.: ROVINS P. *Op. cit.* P. 49–54. «В отличие от прочих арабских националистов, ни сам Абдалла, ни Хашимиты в целом не испытывали никакой враждебности к сионистскому движению», – констатирует Ронен Ицхак (YITZNAK R. *Op. cit.* P. 218).

36 ROVINS P. *Op. cit.* P. 55–56.

37 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 26; ROVINS P. *Op. cit.* P. 58.

38 Цит. по: MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 27; подробнее см.: ЗАХАРОВ А., ИСАЕВ Л. *Указ. соч.*

британским военным присутствием, рассчитанным, согласно договору, на ближайшую четверть века. Указывая на эти факты, Советский Союз наложил вето на принятие Иордании в Организацию Объединенных Наций, причем парадоксальным образом с ним на первых порах солидаризировались и Соединенные Штаты Америки, чутко прислушивавшиеся к собственным сионистам, которые относились к Трансиордании более настоятельно, чем их палестинские единомышленники. Но если США все же установили дипломатические отношения с ново-рожденной страной в 1949 году, то советское вето оставалось в силе до 1955-го.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

«ЭФФЕКТ ФРАНЦА-ИОСИФА»

В послевоенный период Абдалла вернулся к продвижению проекта, который впервые был поддержан им в 1937 году: речь идет о разделе Палестины между евреями и арабами, в результате которого, как надеялся новоявленный король, его страна должна была обогатиться новыми землями. Амман находился в постоянном и неафишируемом контакте с еврейским руководством, поскольку без сионистской поддержки план был бы нереализуем. Иорданская линия радикально противоречила тому, на чем настаивали не только палестинцы, но и другие арабские государства, выступавшие против подобной сделки. Тем не менее предельное обострение арабо-еврейского конфликта, простимулированное состоявшимся в середине мая 1948 года уходом англичан из Палестины, все-таки втянуло Абдаллу в масштабное и вооруженное противостояние, которое ни ему лично, ни его государству было абсолютно не нужно. Когда 14–15 мая формирования Египта, Сирии и Ирака при поддержке добровольческой (и очень плохо подготовленной) Арабской освободительной армии вторглись в Палестину, именно Абдалла оказался их номинальным командующим: то была нарочитая попытка оживить дух Арабского восстания 1916 года, возглавляемого в свое время Хашимитами. Как хорошо известно, для арабов война не задалась; отряды только что провозглашенного Государства Израиль громили их повсеместно. Единственным воинским подразделением, доказавшим за несколько недель боев свою эффективность, стал иорданский Арабский легион, которому к завершению конфронтации удалось удержать в своих руках иерусалимский Старый город со всеми мусульманскими святынями³⁹, а также Хеврон на юге и Самарию на севере. Эти успехи очень помогли иорданцам в последующем терри-

39 О роли Иерусалима в иорданской политике см.: REITER Y. *Jerusalem: The Hashemite Quest for Legitimacy* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 295–309.

ториальном торге: опираясь на успехи Арабского легиона, Абдалла I смог «легитимизировать и осуществить свои экспансионистские амбиции в Палестине»⁴⁰. Теперь он выступал в роли покровителя и защитника униженных израильтянами палестинцев, а его страна, которую «изначально воспринимали в качестве крошечной и слабой, теперь выглядела наиболее эффективной во всем арабском мире как в дипломатическом, так и в военном отношении»⁴¹.

В 1950 году Иордания узаконила свои палестинские приобретения, официально объявив об аннексии занимаемых ее войсками территорий, а парламент страны единодушно принял резолюцию об объединении Восточного и Западного берегов реки Иордан. Накануне судьбоносного голосования двор много сделал для того, чтобы эта акция предстала перед мировой общественностью не причудой амбициозной династии, традиционно озабоченной экспансионизмом, а удовлетворением давнего общенародного требования⁴². Если Великобритания признала инициативу Аммана незамедлительно, то Лига арабских государств обязала Абдаллу заявить, что унификация является временной и будет действовать только до полного освобождения Палестины. Практическим же следствием такого развития событий стала не только изоляция Хашимитского королевства в арабском мире, но и возникновение вечного для иорданской монархии «палестинского вопроса». Присоединив Западный берег, отличавшийся более передовым сельским хозяйством, страна выиграла экономически, но выигрыш был начисто съеден мощным потоком беженцев из только что провозглашенного Государства Израиль. К маю 1949 года число таких изгнанников составляло полмиллиона человек, а население национальной столицы выросло с 50 тысяч в 1948-м до 120 тысяч в 1950-м⁴³. Тем не менее те палестинцы, которые противились разделу своей исторической родины, ненавидели Абдаллу как его соучастника и исполнителя; в июле 1951 года один из таких возмущенных (и психически неуравновешенных) активистов застрелил короля прямо на ступенях мечети Аль-Акса, едва не убив заодно его внука – будущего короля Хусейна.

Однако прежде, чем Хусейн начал свое правление, продолжавшееся почти полвека, страну ждал краткий период междуцарствия, во время которого на престоле находился его отец Талал – старший сын Абдаллы⁴⁴. Новый монарх, страдавший

40 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 30.

41 ROBINS P. *Op. cit.* P. 62.

42 Ibid. P. 74.

43 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 31.

44 Детали династического перехода от Абдаллы к Хусейну, включая междуцарствие Талала, подробно освещаются в книге: SATLOFF R. *From Abdullah to Hussein: Jordan in Transition*. New York: Oxford University Press, 1994.

психическим заболеванием, царствовал менее года, причем его пребывание на троне было отмечено в 1952 году принятием нового Основного закона королевства. Документу были присущи две отличительные особенности: во-первых, он закреплял роль ислама в общественной жизни, подтвердив существование судов шариата со светской судебной системой; во-вторых, учреждал парламентскую форму правления с двухпалатной системой и довольно широкими полномочиями депутатского корпуса. Согласно Конституции, принятие нового законодательства требовало согласия обеих палат, первая из которых избиралась на основе всеобщего голосования мужского населения, а вторая назначалась монархом, причем депутаты даже могли отстранять от должности отдельных министров и отправлять в отставку правительство. (За последующие полвека подобное, однако, происходило в иорданской истории лишь дважды – несмотря на многочисленные полосы политической турбулентности.) Впрочем, полноценно опробовать работу представительных институтов стране так и не удалось: в 1952 году Талал, у которого начиналась шизофрения, отрекся от престола, передав власть своему юному сыну, не слишком ценившему всю эту парламентскую канитель. Справедливости ради надо сказать, что речь не шла о какой-то врожденной неприязни к ассамблеям и многопартийности – ведь, в конце концов, Хусейн получил английское образование, да и мать его была англичанкой; скорее здесь могучим образом проявил себя рациональный выбор, обусловленный крайне серьезными вызовами, с которыми 18-летний монарх начал сталкиваться с первых месяцев своего едва ли не бесконечного правления.

По-видимому, наиболее существенным из них стал подъем левого национализма, после египетской революции 1952 года затронувший почти весь арабский мир. В эйфории того времени «иорданская общественность, особенно в городах, в подавляющем большинстве симпатизировала Насеру»⁴⁵. На фоне харизматичного и популярного президента Египта неискушенный монарх Иордании казался политическим карликом, и отмеченные демонстрациями, бунтами и даже попыткой переворота 1953–1957 годы дались ему нелегко. Кроме того, на тот же период пришлась и иракская революция, с крайней жестокостью покончившая с багдадской ветвью Хашимитов. Тем не менее Хусейн устоял. Поначалу тактика маневрирования и лавирования, усвоенная им с первых дней правления, позволяла обходить острые углы, поодиночке разбираясь с врагами и точно подкупая клиентов. Потом, когда конвенциональные

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

45 ROBINS P. *Op. cit.* P. 99.

способы преодоления все новых и новых кризисов иссякли, Хусейн с 1957 года обратился к жесткой консолидации своего политического режима, распустив все политические партии, заморозив работу парламента, взяв под контроль прессу, изолировав оппозиционеров и подвергнув чистке силовые структуры. Легислатура и кабинет министров превратились в чисто совещательные учреждения, технически обслуживающие королевское окружение и лично венценосца. В итоге в Иордании на десятилетия утвердился выраженно персоналистский и типично авторитарный режим, главными опорами которого были королевский двор и вооруженные силы. Если первая из этих институций, вбирая в себя представителей правящей династии, знатных фамилий и племенных вождей, символизировала власть немногих, то вторая, известная под названием «Хашимитской арабской армии» и ассоциировавшаяся «в первую очередь персонально с монархом и лишь во вторую очередь – с государством»⁴⁶, цементировала олигархическое правление. Кроме того, армия играла ключевую роль и в самой легитимации иорданской государственности, лелея память об Арабском восстании 1916 года и бедуинской верности бывшим хозяевам Мекки и Медины⁴⁷. Оценивая способность Иордании к социально-политическому реформированию, ни в коем случае нельзя забывать о многолетнем бытовании в стране этой уродливой системы, радикально и всесторонне ограничивавшей всякое политическое участие. «Арабская весна» здесь отнюдь не случайно ограничилась незначительной оттепелью.

Вместе с тем рукотворный штиль во внутренней политике не избавлял молодого монарха от тревог и волнений. Неуклонное обострение в первой половине 1960-х арабо-израильских отношений, которое происходило на фоне мощного давления, оказываемого на Хусейна Египтом и Сирией, вовлекло его страну в очередной ненужный ей конфликт, причем снова с Израилем. В полном соответствии с ожиданиями реалистов и прагматиков в первые же часы Шестидневной войны 1967 года иорданская армия, на этот раз оказавшаяся далеко не на высоте, уступила войскам еврейского государства арабскую часть Иерусалима и весь Западный берег. С утратой этих территорий иорданская экономика потеряла 40% ВВП, почти 50% индустриальных мощностей и 25% орошаемых земель⁴⁸. Причем, помимо экономического шока и психологической травмы, иорданский монарх вынужден был иметь дело и с серьезнейшей угрозой своему правлению.

46 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 37.

47 О роли армии в системе иорданских государственных институтов см.: ALLISON J. *The Struggle for the State in Jordan: The Social Origins of Alliances in the Middle East*. London; New York: I.B. Tauris, 2016. Ch. 3.

48 ROBINS P. *Op. cit.* P. 131.

Проблема заключалась в том, что внешние неприятности на глазах превращались во внутренние вызовы. Дело не ограничивалось новыми потоками беженцев, хотя, разумеется, они дестабилизировали царство Хашимитов. Гораздо более серьезным в плане последствий оказалась вынужденная передислокация созданной в 1964 году Организации освобождения Палестины, в новой ситуации избравшей владения Хусейна в качестве главного форпоста своей непримиримой борьбы с Израилем. Израильская оккупация последних остатков исторической Палестины спровоцировала резкую радикализацию в рядах изгнанников. Массовый приток вооруженных палестинцев нервировал Амман, причем продление введенного в дни конфликта военного положения никак не сказалось на активности незваных гостей: в течение 1968 года палестинские партизаны фактически учредили на территории Иордании неподконтрольное местным властям «государство в государстве». Вылазки феодалов в Израиль не позволяли иорданскому правительству нормализовать отношения с Тель-Авивом, в чем оно нуждалось в силу экономических резонансов. Кроме того, палестинская «вольница» не могла не возбуждать остатки оппозиции внутри самой Иордании: палестинские радикалы, также пользовавшиеся местным гостеприимством – в частности, Народный фронт освобождения Палестины, – без стеснений призывали к свержению реакционных арабских монархий, включая, конечно, и иорданскую. Более умеренный и не согласный с этим Ясир Арафат не имел рычагов влияния на собственных экстремистов.

На протяжении нескольких лет в иорданском обществе углублялся раскол, сопровождавшийся взаимной ненавистью «своих» и «чужих»: как пишет Робинс, «если в глазах палестинцев трансйорданцы были *al-hufa*, “босоногими”, или невежественной деревенщиной, то для трансйорданцев палестинцы были трусами, в 1967-м бежавшими от израильтян, словно зайцы»⁴⁹. Нараставшее напряжение вылилось в короткую, но кровавую гражданскую войну осени 1970 года, в ходе которой режим Хусейна одержал безоговорочную победу. Иорданская армия, используя эффект внезапности, переиграла палестинцев повсюду, одновременно отразив все попытки помочь им извне: 12 тысяч иракских солдат, дислоцированных на территории Иордании, ушли домой сами, не сделав ни единого выстрела, а вторжение сирийской бронетанковой колонны, шедшей на помощь Арафату, было остановлено иорданцами – причем сирийцы в этом бою потеряли более половины своих танков. О готовности оказать помощь Амману заявили израильские власти,

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

49 Ibid. P. 134.

и, хотя дальше слов дело здесь не пошло, эти декларации ощути- тимо остудили пыл некоторых арабских союзников Органи- зации освобождения Палестины. Перемирие, установленное в октябре 1970 года при посредничестве египтян, не решило всех проблем, и поэтому через год противостояние вспыхнуло вновь, на этот раз завершившись окончательным изгнанием партизан. Совокупным же итогом гражданской смуты стало превращение конфликта между (пришлыми) палестинцами и (коренными) иорданцами в часть повседневной жизни:

«Хотя официально палестинское население и жители Восточного берега рассматривались в качестве “единой нации”, на деле на- следие гражданской войны вылилось в разнообразные практики дискриминации, сохраняющиеся и сегодня»⁵⁰.

По некоторым данным, палестинские беженцы и их потомки составляли к началу XXI века до 60% иорданского населения – такая пропорция, разумеется, остается причиной вечной голов- ной боли для местных политиков, в особенности если учесть, что палестинцы, по словам российского востоковеда Александ- ра Демченко, в отличие от бедуинов и черкесов, «никогда не считались абсолютно лояльными правящей династии». Но, хотя палестинское представительство в государственной админист- рации – и в особенности в силовых структурах – всегда оста- валось минимальным, независимая Иордания не мешала им завоевывать прочные позиции в бизнесе. Ближневосточный конфликт всегда оставался для них глубоко экзистенциальной темой, что едва ли не автоматически превращало их в социаль- ную опору местных исламистов, причем «не столько из инте- реса к политическому исламу, сколько потому, что им близок жесткий подход к Израилю»⁵¹. Эти факторы в последующие десятилетия иорданской истории еще не раз напомнят о себе.

В 1980-е Иордания пребывала в своеобразной политической спячке, обусловленной бесконечным продлением военного положения и эффективной работой репрессивного аппарата. Вместе с тем стагнация конвенциональной политики обра- чивалась зарождением новых форм политического действия, в которых ключевую роль начали играть негосударственные организации – в первую очередь студенческие и профессио- нальные объединения, а также религиозные группировки во главе с «Братьями-мусульманами». Режим, впрочем, тоже не дремал: именно в то время в уставах некоммерческих органи- заций в массовом порядке утвердилась норма, в соответствии

50 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 44–45.

51 См.: ДЕМЧЕНКО А.В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании // Системный мониторинг глобальных и регио- нальных рисков. Арабский мир после Арабской весны / Под ред. А.В. КОРОТАЕВА, Л.М. ИСАЕВА, А.Р. ШИШ- КИНОЙ. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 85–106.*

с которой их ежегодные конференции, съезды и собрания обретают правомочность только в том случае, если на мероприятии официально присутствует сотрудник госбезопасности (*Mukhabarat*)⁵². В 1986 году, после студенческих беспорядков в государственном Университете Ярмук, вызванных повышением платы за обучение, король вынес на рассмотрение парламента новое электоральное законодательство. Хотя оно впервые наделяло избирательными правами иорданских женщин, сохранявшийся запрет на деятельность всех политических партий делал новации бессмысленными. Внешние и внутренние наблюдатели, однако, усмотрели в этой инициативе намек на возможный запуск – когда-нибудь в будущем – долгожданных реформ. «Успокоительный» эффект этой меры в 1988 году был дополнен беспрецедентным решением Хусейна отказаться от всяких юридических притязаний на Западный берег реки Иордан и арабскую часть Иерусалима, выдвинутых королевством в 1950-м. Несмотря на неоднозначные последствия – 20 тысяч гражданских служащих Западного берега в одночасье потеряли работу, а остальные его жители лишились прав на иорданское гражданство, – это был важный жест: король тем самым косвенно заявлял, что навсегда отказывается от намерения представлять на международной арене палестинцев и передает это право получавшей все более широкое признание Организации освобождения Палестины. Непосредственным политическим итогом демарша стало примирение иорданцев и палестинцев; иначе говоря, дипломатический акт иорданского монарха еще более «подморозил» его страну, ослабив давний источник внутренней дестабилизации.

Тем не менее социальный капитал всех этих мероприятий был растрочен чрезвычайно быстро; произошло это из-за экономического кризиса, обрушившегося на Иорданию в конце 1980-х и вылившегося в разгул инфляции и рост безработицы. В 1988 году всего за полгода иорданский динар потерял почти четверть своей стоимости, и правительство вынуждено было объявить о дефолте по внешним долгам. Поскольку щедрость богатых соседей приучила местную элиту жить не по средствам, к тому моменту иностранные заимствования королевства, рассчитанные на душу населения, были самыми большими в мире⁵³. Обращение за помощью к МВФ повлекло за собой применение шоковых мер, закономерным образом спровоцировавших первые за много лет серьезные протесты. Весной 1989 года массовые волнения вспыхнули на юге страны – в тех городах, которые традиционно считались оплотами Хашимитского люлизма. «Не бросая открытого вызова режиму, протестующие

52 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 45.

53 ROBINS P. *Op. cit.* P. 176.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

тем не менее выражали глухое недовольство деятельностью монарха, который, как считали многие, глух к народным чаяниям»⁵⁴. Требование масштабных политических реформ, с которыми люди выходили на улицы в Маане, Караке и Тафиле, было для Иордании беспрецедентным; однако, реагируя на народное возмущение, власти повели себя довольно мягко, и это было не удивительно. Если бы ареной возмущения стали палестинские кварталы столицы или лагеря беженцев, реакция государства была бы совсем иной. Но тут зачинщиками протестов выступили «свои» – те социальные группы, на которые режим рассчитывал и которые старался поощрять. Власти незамедлительно поняли, что «в протестах отразилась не только озабоченность экономическим кризисом, с которым столкнулась страна, но и убеждение многих коренных трансирданцев в том, что они превращаются в уязвимое меньшинство в собственной стране»⁵⁵. Подъем рождаемости среди палестинского населения обеспечивал не только паритет двух ключевых групп иорданского общества, но и неминуемое в будущем численное превосходство «пришлых» над «местными»; тому же способствовала иммиграция и исторически укорененное доминирование палестинцев в некоторых сферах экономики. Иначе говоря, протестуя против родной власти, трансирданцы (восточные иорданцы) требовали политических и конституционных гарантий собственного выживания в будущем – и получили их. Как и следовало ожидать, монарх отнесся к народному волеизъявлению вполне по-отечески: он лично увещевал толпы, выходя к людям на улицах, что не могло не произвести впечатления на манифестантов. В конце концов, не будем забывать, что родословная Хашимитов идет от самого Пророка.

В принципе, события 1989 года можно считать своеобразной репетицией «арабской весны», пришедшей в Иорданию через два десятилетия. Дело в том, что любые проявления социального протеста в этой стране неизбежно несут на себе отпечаток глубочайшего и непреодолимого размежевания внутри иорданского общества, о котором говорилось выше. Наличие «палестинской проблемы» и достижение палестинцами паритета с коренными жителями автоматически снижают градус противостояния режиму и девальвируют протестные настроения. Если, предположим, суннитское население в Сирии без труда могло массово сплотиться против алавитского режима аль-Асада, а в Ливии Джамахирия полковника Каддафи, до предела надоевшая всем, с такой же легкостью настроила против себя почти все национальное сообщество, то в социуме, устроенном по принципу «50 на 50», подобное крайнее ожес-

⁵⁴ Ibid. P. 180.

⁵⁵ MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 48.

точение недостижимо технически. Всякий более или менее масштабный протест здесь будет разворачиваться с оглядкой: власть, конечно, может вызывать крайнее негодование – как, например, иорданское государство традиционно возмущает даже лояльных граждан своей невероятной коррумпированностью, – но слишком жестоко обрушиваться на нее нельзя. Издержки, вызванные ослаблением режима, могут оказаться хуже его пороков. Разумеется, властители, которым посчастливилось править в подобных ситуациях, этим пользуются.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

**В социуме, устроенном по принципу «50 на 50»,
крайнее ожесточение недостижимо технически.
Всякий более или менее масштабный протест здесь
будет разворачиваться с оглядкой: власть, конечно,
может вызывать крайнее негодование, но слишком
жестоко обрушиваться на нее нельзя. Издержки,
вызванные ослаблением режима, могут оказаться
хуже его пороков.**

Еще одним специфическим фактором, делавшим иорданские протесты последних десятилетий особенным процессом, можно считать ресурсную бедность страны. По сравнению с другими государствами региона здесь потенциальный приз в борьбе за власть всегда выглядел довольно скромно. Действительно, в 1970–1980-е благодаря дружественным отношениям с Саудовской Аравией и, особенно, с Ираком – исторические обиды, нанесенные Хашимитам обеими этими державами, к тому времени были полностью забыты – «Иордания начала приобретать атрибуты “нефтяной экономики”, самостоятельно не производя ни капли нефти»⁵⁶. Особый вклад в это превращение вносил баасистский Ирак, лидер которого не только поддерживал экономику соседнего государства (в конце 1980-х 75% иорданского экспорта предназначались Ираку), но и с 1976 года безвозмездно выделял крупные суммы денег лично своему «другу», королю Хусейну. Тем не менее, даже несмотря на эти странные отношения, которые Робинс иронично называет «дружбой крестьянина и патриция»⁵⁷ и которые сначала заставили Хусейна пылко поддержать Саддама Хусейна в его войне с революционным Ираном, а потом отказаться помогать американцам в освобождении Кувейта, суть дела оставалась преж-

⁵⁶ ROBINS P. *Op. cit.* P. 150.

⁵⁷ *Ibid.* P. 160.

ней: любая потенциальная оппозиция в этой стране не могла не понимать, что слишком многого от обретения власти она не получит. Далее, поскольку в подобных условиях благосостояние страны зависело не столько от предпринимательской активности, сколько от умения монарха договариваться с великодушными партнерами, главным генератором общественного благосостояния выступала сама корона. Отсюда в свою очередь проистекали два следствия, помогавшие заглушать протестные настроения: во-первых, в стране всегда было много бюджетников, которые во всем мире являются «охранителями поневоле», а во-вторых, степень государственного вмешательства в экономику всегда была очень высокой.

Урегулировав кризис и предвосхищая грядущую политическую оттепель, Хусейн инициировал внесение поправок в электоральное законодательство: согласно новациям, норма парламентского представительства в стране менялась в пользу округов, расположенных в селах и маленьких городах, где проживало подавляющее большинство коренных трансирданцев. Палестинцы же, жившие в крупных городах, включая столицу, этой мерой ощутимо – хотя и вполне законно – ущемлялись. Именно на таком фоне престол объявил о проведении первых за 22 года более или менее полноценных парламентских выборов, назначенных на осень 1989-го. Заявка на либерализацию, однако, была воспринята экспертами с понятным скептицизмом: учитывая олигархическую природу иорданской государственности, многие считали пределом возможного «фасадную демократию», ничего не меняющую по существу. Тем не менее выборы прошли на подъеме, вопреки даже тому, что политические партии были от них отстранены, явка составила более 70%. Несмотря на то, что из восьмидесяти мест в парламенте 34 достались исламистам, ассоциировавшимся с «Братьями-мусульманами», у монархии не было повода для тревог, поскольку за королем сохранялось право в любой момент распустить представительное учреждение. Осознавая прочность своего положения, власти после голосования предприняли ряд либеральных реверансов, адресованных обществу: во-первых, правительство объявило, что оно отказывается от позорной практики предварительного «просвечивания» спецслужбами всех соискателей, претендующих на должности в государственных структурах; во-вторых, была обнародована директива, предписывавшая восстановить на работе тех государственных служащих, которые были уволены из-за политической активности; в-третьих, по инициативе монарха началась работа над Национальной хартией – своеобразным общественным договором, который в перспективе позволил бы стране вернуться к плюралистичной, демократической, партиципаторной поли-

тике, за полвека основательно подзабытой⁵⁸. Престиж правящего режима внутри иорданского социума парадоксальным образом еще более укрепился благодаря акту, в котором большинство наблюдателей (и инвесторов) увидели очевидный внешнеполитический провал – а именно, категорическому отказу Хусейна поддержать военную операцию по освобождению Кувейта от иракской оккупации. Несмотря на огромные экономические потери и едва ли не полную изоляцию в арабском мире, авторитет короля, отказавшегося идти в ногу с американцами, сильно вырос в глазах его подданных. В 1992 году монарха, возвращавшегося на родину после очередного курса лечения в американской онкологической клинике, спонтанно встречали ликующие толпы из сотен тысяч иорданцев.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

**На руку королю работал и феномен, который
специалисты называют «эффектом Франца-Иосифа»:
после 46 лет правления его предстоящий уход
представлялся чем-то невообразимым или даже
катастрофическим, что явно укрепляло социальную
сплоченность.**

В 1991 году монархия, реализуя новый курс, санкционировала процесс образования и регистрации иорданских политических партий, запретив им получать финансовую и иную помощь из-за рубежа. Вскоре после этого было отменено военное положение, действовавшее в стране с 1967 года – почти четверть века. На 1992 год были запланированы первые за десятилетия многопартийные выборы. Обновление нарезки избирательных округов, ставшее следствием протестного движения 1989 года, дало свои результаты: в ходе избрания нового созыва парламента мусульманская оппозиция, объединенная в Исламский фронт действия, потеряла почти половину прежних мандатов, хотя и осталась крупнейшей фракцией в составе шестнадцати депутатов. Тот же алгоритм сработал и в 2003-м, уже при новом монархе Абдалле II. До своей кончины от рака в 1999 году король-ветеран Хусейн, вполне удовлетворенный итогами произведенного им «умиротворения» иорданского социума, больше не вспоминал о демократических реформах: в последние годы его жизни в стране возобновилось давление на прессу, профсоюзы, гражданские организации. На руку королю работал и феномен, который специалисты называют

58 Ibid. P. 183–187.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

«эффектом Франца-Иосифа»: после 46 лет правления его предстоящий уход представлялся чем-то невообразимым или даже катастрофическим, что явно укрепляло социальную сплоченность⁵⁹. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что, даже несмотря на это, Иордании было очень и очень далеко до стандартов «полицейского государства», функционировавшего в ту пору в Сирии или в Ираке. Король Хусейн, например, преследуя исламских радикалов, не позволял их казнить, не желая создавать мучеников, – подобной осмотрительностью, надо сказать, отличались далеко не все его соседи.

НАВСТРЕЧУ «АРАБСКОЙ ВЕСНЕ»

Так или иначе, но даже едва слышных намеков на реформы было достаточно для того, чтобы «в начале 1990-х Иордания часто упоминалась в качестве наиболее вдохновляющего примера демократизации в ближневосточном регионе»⁶⁰. Смена власти поначалу укрепила этот имидж. Передовая часть населения, с энтузиазмом поддерживавшая молодого и динамичного лидера, надеялась, что он вернет к жизни программу либерализации, инициированную Хусейном, а потом им же и свернутую. Особые надежды на «новую Иорданию» возлагали молодые профессионалы, составлявшие в местном обществе довольно солидную страту. Более широкие массы граждан ожидали очистительной борьбы с коррупцией, поскольку в их глазах к моменту воцарения нового государя «престол был основательно запятнан своей ассоциацией с крошечной группой лиц, обслуживающей исключительно своекорыстные интересы»⁶¹.

Пытаясь соответствовать этим чаяниям, в 2002 году новый король выдвинул государственную доктрину «Иордания превыше всего». Одновременно цель престола заключалась в том, чтобы минимизировать то негативное влияние, которое на внутривнутриполитическую ситуацию оказывали палестинско-израильское противостояние и иракский кризис. Отчасти это действительно удалось сделать. К концу 2000-х Абдалла II заметно преуспел в избавлении себя от влияния не чувствовавшей перемены «старой гвардии», сплоченной его отцом, но на серьезные преобразования он так и не решился:

«Хотя в обществе довольно громко звучала критика нарушений прав человека и электоральных махинаций, а также имелось ощущение избыточного присутствия силовых структур в социальной

59 Ibid. P. 210.

60 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 56.

61 ROBINS P. *Op. cit.* P. 217.

жизни, сохранялось так же и признание того, что в нестабильном регионе, которому постоянно угрожает терроризм, невозможно защитить государство, не обращаясь к драконовским мерам»⁶².

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

При подобном общественном настроении ни у оппозиции, ни у демократии не было особых шансов. И действительно, на парламентских выборах 2007 года Исламский фронт действия смог завоевать всего лишь шесть мандатов, продемонстрировав наихудший результат с самого «размораживания» многопартийности. Этому не стоит удивляться: благодаря манипуляциям с округами в больших городах типа Аммана с их «проблемным» электоратом на каждого законодателя приходилось 95 тысяч избирателей, в то время как в прорежимной глубинке каждый законодатель представлял около 2 тысяч избирателей. Хотя такая линия помогала минимизировать политический потенциал палестинских избирателей, сосредоточенных в основном в городских районах, справиться со всеми проблемами, стоящими перед страной, она явно не позволяла. В итоге в ноябре 2009 года монарх распустил парламент, проработавший лишь половину срока, а через две недели отправил в отставку и кабинет министров. Комментаторы объясняли решение Абдаллы II низкой критикой его социально-экономической политики, дефекты которой усугублялись мировым финансовым кризисом, начавшимся в 2008-м. Однако перемены в высших эшелонах власти вовсе не были прологом радикальных преобразований; предпринимая очередную перетасовку в верхах, король лишь успокаивал недовольных, не замахиваясь на что-то более серьезное. На протяжении всей истории страны иорданские элиты исходили из того, что не надо ремонтировать машину, которая еще не сломалась, – именно это правило использовалось и на этот раз. Тем не менее на первых порах перемены в парламенте и правительстве были положительно восприняты оппозицией, в том числе и исламистами.

Оптимизм, однако, продержался недолго: уже к маю 2010 года очередное обновление избирательного законодательства составило все по своим местам. Иорданцам предлагалось руководствоваться вполне демократическим принципом «один человек – один голос», который в условиях запредельно кланового общества оборачивался тем, что избиратели, пренебрегая партиями и их программами, отдавали предпочтения представителям «своих» кланов и племен. Увеличив численность парламента со 110 до 120 депутатов, власти предусмотрели систему квот от «общественных организаций», стабильно поддерживавших корону: гарантированные места резервировались за

62 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 61.

женскими, этническими и конфессиональными объединениями (представительство женщин, например, увеличилось вдвое: с шести до двенадцати мандатов; иорданские христиане получили девять гарантированных кресел, а северокавказские черкесы – три кресла). Все эти манипуляции наряду с неравными нормами представительства для города и деревни, о которых говорилось выше, обеспечили ожидаемые властями результаты. Впервые сложившаяся в Иордании коалиция оппозиционных партий – в нее вошли Демократическая народная партия, Иорданская баасистская партия, Коммунистическая партия Иордании и Партия национального единства, – выставив восемь кандидатов, сумела провести в парламентарии лишь одного представителя. Похожая ситуация складывалась и с исламистами: из семерки их претендентов мандат получил тоже лишь один, да и то потому, что баллотировался в качестве независимого. Вполне можно было понять пресс-секретаря «Братьев-мусульман», который, комментируя эти выборы, раздраженно заявил: «Это не провал политических партий, это провал демократии и политической реформы»⁶³. Кроме того, наблюдатели обратили внимание и на резкое – в два раза – сокращение числа депутатов-палестинцев, которых и раньше-то было не более 20%, несмотря на внушительную пропорцию выходцев из Палестины в иорданском обществе. Оценивая все эти результаты *post factum*, вполне можно сказать, что корона перестаралась: Палата представителей, которой вскоре предстояло встречать «арабскую весну», оказалась слишком ручной и слишком одноцветной. Оппозиция, которую вытолкнули из парламента на улицу, в начале 2011 года с энтузиазмом примкнула к протестному движению. Кстати, аналогичная история синхронным образом разворачивалась и в Египте: здешние парламентские выборы, состоявшиеся почти одновременно с иорданскими, точно так же дезактивировали легальную исламистскую оппозицию и способствовали тем самым вовлечению исламистов в революционные процессы⁶⁴.

Первые протесты в Иордании начались 22 января 2011 года, сразу после того, как стало известно об отставке и бегстве тунисского президента Бен Али. Главным требованием вышедших на улицы людей стала широкая конституционная реформа, ограничивающая полномочия короля и расширяющая prerogatives парламента. Как и следовало ожидать, протестующие возмущались ростом цен на топливо и продукты, а также высокой инфляцией. В отличие от некоторых других арабских правителей той поры, в частности, от короля Марокко, иорданский

63 Цит. по: Демченко А.В. *Иордания* // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9. С. 153.

64 Подробнее см.: Шишкина А.Р., Исаев Л.М. *Египетская смута XXI века*. М.: Либроком, 2012.

монарх в дни протестов обнаружил крайнюю неуступчивость, особенно в плане коренного пересмотра Конституции. По мнению специалистов, объяснялось это не столько нежеланием делиться властью с парламентом, сколько опасениями, что форсированные реформы в стране, отмеченной крайней немощью политических партий и острым соперничеством палестинского и бедуинского населения, могут обернуться катастрофой⁶⁵. Тем не менее иорданские власти сразу же постарались удовлетворить если не политические, то хотя бы социально-экономические требования протестующих. «Арабская весна началась не из-за политики, – убеждал монарх своих подданных и не только их. – Она началась из-за экономики, бедности и безработицы»⁶⁶. Старое правительство, объявленное неэффективным, было отправлено королем в отставку, а новое немедленно выделило около полумиллиарда американских долларов на повышение зарплат государственных служащих, а также субсидирование цен на топливо и двенадцати социально значимых товаров. Проведению экстренных мер очень помогла финансовая помощь в размере 1,6 миллиарда долларов США, предоставленная королевству монархиями Персидского залива. Более того, в состав нового кабинета пригласили и исламистов, но они ответили на это предложение отказом⁶⁷.

Однако бунтующая улица посчитала финансовые меры властей недостаточными и недальновидными; кроме того, протестующие полагали, что силовики, поставленные Абдаллой во главе нового кабинета, просто в силу своей ментальной ограниченности ничего не смогут реформировать. Наряду с правительством досталось и парламенту, который после избрания в 2010 году чуть ли не единогласно оказал доверие тому самому составу кабинета, который теперь был разогнан королем за неумение работать. Пестрая, но быстро консолидировавшаяся оппозиция требовала внедрить в Конституцию нормы, повышающие ответственность правительства перед парламентом, а также предусмотреть формирование кабинета министров не монархом, а парламентскими партиями. Иными словами, недобольные настаивали на превращении формальной конституционной монархии в реальную. Важно подчеркнуть, что одним из отличий иорданских протестов 2011 года от похожих событий в республиканских государствах стало то, что местные оппозиционеры совсем не ставили под сомнение саму монархическую

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

65 См.: Демченко А.В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании*.

66 King to «The Washington Post»: *Political Reform Cannot Be Realized without Economic Reform* (<https://kingabdullah.jo/en/news/king-washington-post-political-reform-cannot-be-realised-without-economic-reform>).

67 Крылов А.В. *Особенности демократических реформ в Иордании* // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2(29). С. 117–118. Подробнее об исламском факторе в иорданской политике см.: WAGEMAKERS J. *Muslim Brotherhood and Salafism* // KUMARASWAMY P. R. (Ed.). *Op. cit.* P. 257–276.

систему; они вели речь не о смещении Хашимитской династии, а лишь о существенном сокращении ее полномочий и придании престолу по большей части церемониальных и символических функций. Активисты «иорданской весны» без устали повторяли, что Иордания не Египет, а их самих интересует не смена режима, а политические реформы. Как заявлял в разгар протестов один из лидеров Фронта исламского действия, «мы признаем и подтверждаем легитимность Хашимитов»⁶⁸. В то же самое время фундамент монархии пытались укрепить лоялисты, хотя они и делали это по-своему. Представители консервативных элит Восточной Иордании, вообще не желавшие перемен, во время протестов адресовали Абдалле II петицию, в которой подвергли жесткой критике его супругу, королеву Ранию, выразив недовольство как ее палестинским происхождением, так и общественной деятельностью, противоречащей, по их мнению, «патриархальным ценностям пустыни» и способствующей укреплению влияния палестинцев. При этом авторы обращения подчеркивали, что игнорирование их предупреждений может привести Иорданию к таким же событиям, какие случились в Тунисе и Египте.

«Реакцию руководства страны на действия оппозиции можно охарактеризовать как сдержанную, осторожную и отчасти компромиссную. Активно обсуждая вопросы, связанные с социальной сферой и борьбой с коррупцией, власти старались не заострять внимания на требованиях оппозиции по поводу изменения Конституции, ограничиваясь обещанием пересмотреть закон о выборах, повысить роль партий, содействовать развитию свободных СМИ и гражданского общества»⁶⁹.

Тем не менее отделаться просто декларациями и полумерами в сложившейся на тот момент ситуации было невозможно. Согласно королевскому решению, 15 марта 2011 года был создан Национальный комитет по диалогу, в который вошли 52 представителя общественно-политических кругов: оппозиционеры, общественники, представители профсоюзов, ученые и правозащитники. Возглавил новый орган спикер сената. Властям, однако, не удалось привлечь к участию в комитетской работе исламистов, которые уличили новое учреждение в избыточной лояльности королю: демонстрируя немалую проникательность, те заявили, что комитет создается сугубо для того, чтобы позволить властям обойтись без серьезных уступок протестующим, а несущественные законодательные новшества изобразить в качестве итога широкого общественно-политического диалога.

68 Цит. по: *Islamists, State Open Dialogue in Jordan* // Emirates247.com. 2011. January 31 (www.emirates247.com/news/world/islamists-state-open-dialogue-in-jordan-2011-01-31-1.349590).

69 Демченко А. В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании*. С. 94.

Через полтора месяца, 26 апреля 2011 года, Абдалла II образовал Королевский комитет по пересмотру Конституции, вскоре представивший свой проект поправок в Основной закон. Среди прочего они предполагали создание Конституционного суда, функции которого ранее выполнял Верховный суд во главе со спикером сената. Также было решено создать независимую Центральную избирательную комиссию для наблюдения за выборами, отобрав эту важнейшую функцию у Министерства внутренних дел. Далее монарх предложил снизить минимальный возраст членов парламента с 30 до 25 лет, запретить правительству принимать законы в период, когда парламент распущен, а также ограничить собственное право досрочно прекращать полномочия членов нижней палаты. В соответствии с новыми правилами в случае роспуска нижней палаты правительство автоматически тоже отправлялось в отставку. Помимо обновления Конституции, власти пообещали более ответственно относиться к правам человека, предусмотрев ужесточение уголовной ответственности за посягательство на свободы граждан и их частную жизнь. «В некоторых странах мы продолжаем наблюдать одну революцию за другой, а успокоения все нет, – говорил Абдалла II. – Но здесь, в Иордании, нас больше интересует эволюция»⁷⁰. Спустя полгода после выдвижения всех этих инициатив предложенные Королевским комитетом новации были одобрены парламентом и приняты монархом, подведя тем самым черту под конституционной реформой. Ее главный итог был очевиден: широкие полномочия трона сохранились практически в неприкосновенности, а изменения политической системы остались символическими и декоративными. Основным выгодоприобретателем от такого исхода были, разумеется, «коренные» иорданцы Восточного берега.

Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что некоторые издержки неуступчивая королевская власть все-таки понесла. После реконструкции Основного закона иорданские оппозиционеры все смелее и громче начали высказывать претензии в адрес самого Абдаллы II, что в иорданском контексте было чем-то почти неслыханным; при этом выпады в адрес первого лица «варьировались от обвинений в нежелании проводить реформы для установления в стране реальной, а не декларативной, с точки зрения оппозиции, конституционной монархии, до намеков на возможность отстранения правителя от власти за его неспособность проводить реформы»⁷¹. Такой тренд, однако, не получил особого развития; персональные

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

70 King Abdullah: Jordan Needs Stable «Middle Class» // National Public Radio. 2011. September 22 (www.npr.org/2011/09/22/140670554/king-abdullah-jordan-needs-stable-middle-class).

71 Демченко А.В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании*. С. 97.

атаки на венценосца не были поддержаны большей частью оппозиционеров и не нашли понимания в массах. Исследователи не раз отмечали, что для Иордании, в отличие от большинства ее соседей, события «арабской весны» не стали судьбоносными и роковыми: здешние недовольные в большинстве своем, выходя на улицы, требовали перемен в управлении государством, но не настаивали на смещении монарха или упразднении устоявшегося режима. А это резервировало за иорданскими элитами широкий простор для маневрирования и подмены реальных преобразований косметическими реформами: королю была доступна такая широкая гибкость в диалоге с протестующими, какой никогда не располагали ни Хосни Мубарак в Египте, ни Зин аль-Абидин Бен Али в Тунисе, ни Муаммар Каддафи в Ливии⁷². Власти же в свою очередь активно поддерживали легенду о том, что в «иорданской весне» погиб лишь один человек, да и тот умер от сердечного приступа, а Абдалла II, указывая на безудержное кровопролитие в соседней Сирии, не раз повторял, что он скорее отречется от престола, чем прикажет стрелять в свой народ⁷³.

С одной стороны, насилия действительно было относительно мало; но, с другой стороны, власти просто не видели в нем необходимости, поскольку значительные сегменты протестного движения типа, например, Национального комитета отставных военных или Национального профсоюза учителей, представляли вполне умеренных лоялистов. В результате «король Абдалла II отреагировал на протесты 2011–2012 годов политическими и экономическими уступками, оставив саму государственную систему в неприкосновенности»⁷⁴. При этом, правда, Иордании удалось избежать и классической «арабской зимы», в ходе которой в некоторых странах главными бенефициарами протестного движения оказались исламисты, довольно быстро блокировавшие любые надежды на демократизацию⁷⁵. Здешние «Братья-мусульмане», на протяжении нескольких десятилетий испытывавшие на себе железную руку короля Хусейна, весной 2011 года на улицах почти не появлялись. Точнее говоря, рутинно проводя свои пятничные акции с участие не более пяти тысяч человек, они старались не смешиваться с иными группами манифестантов. Кроме того, наблюдатели обращали внимание и на то, что палестинские общественные организа-

72 См.: Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. *О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт качественного анализа событий Арабской весны* // Полис. 2013. № 4. С. 137–163; Труевцев К.М. *Год 2011 – новая демократическая волна? М.*: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.

73 ROVINS P. *Op. cit.* P. 221–222.

74 TETI A., ABBOTT P., SAVATORTA F. *The Arab Uprisings in Egypt, Jordan and Tunisia: Social, Political and Economic Transformations*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 3.

75 См.: FELDMAN N. *The Arab Winter: A Tragedy*. Princeton: Princeton University Press, 2020.

ции поддержали «иорданскую весну» сдержанно, если не сказать вяло⁷⁶.

Слабость профсоюзов, которые в Иордании немногочисленны и неопытны, поскольку не имеют за плечами долгой истории, а также апатичность гражданского общества, сосредоточенного не на решении политических вопросов, а на предоставлении различных услуг, позволили режиму в очередной раз с выгодой для себя противопоставить «коренных» жителей «пришлому» населению. В то время как первым, предки которых обитали на территории иорданского государства с самого его образования, всегда предоставлялись особые возможности для трудоустройства в административном аппарате или силовых структурах, для вторых, среди которых преобладали изгнанники из Палестины, ничего подобного не было. Даже обладая заметным влиянием в бизнесе, палестинцы с трудом его реализуют, поскольку местное электоральное законодательство, как уже отмечалось, устроено так, что норма представительства искажена в пользу сельской местности, где живут «коренные», ущемляя городские агломерации, где обосновались «пришлые». Для страны, в которой беженцы составляют 17% населения, это весьма важный фактор⁷⁷.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

ИЗ ВЧЕРА В ЗАВТРА И ОБРАТНО

В Иордании, как и в прочих странах «арабской весны», «люди, принявшие участие в протестах или просто поддержавшие их, имели разнообразный социально-экономический бэкграунд и разделяли различные политические устремления»⁷⁸. Тем не менее заботы и чаяния, волновавшие иорданцев, заметно отличались от тех требований, с которыми на улицы своих городов выходили, скажем, египтяне или тунисцы. Кроме того, в Иордании уровень распространения протестных сантиментов был не столь широким: согласно постреволюционным социологическим опросам, если в здешних демонстрациях 2011 года принимал участие лишь каждый двадцатый гражданин старше восемнадцати лет, то в Египте – каждый десятый, а в Тунисе – каждый четвертый. Иначе говоря, иорданская молодежь не была движущей силой протестов – поколенческий состав недовольных здесь был более разнородным, чем, скажем, в Тунисе. Более того, политическая составляющая протестных лозунгов,

76 См.: ACHILLI L. *The Deep Play: Ethnicity, the Hashemite Monarchy and the Arab Spring in Jordan* // MAGGIOLINI P., OUANES I. (Eds.). *Minorities and State-Building in the Middle East: The Case of Jordan*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 151–173.

77 ТЕТТ А., АББОТТ Р., САВАТОРТА Ф. *Op. cit.* P. 10.

78 *Ibid.* P. 29.

как уже отмечалось, звучала глуше, чем в других местах. Если в Иордании экономические проблемы выступали главной причиной народного возмущения по мнению 63,7% опрошенных, то в Египте аналогичный показатель составлял 55,7%, а в Тунисе – 48,5%. Обратной стороной такого положения вещей было то, что иорданский авторитарный режим опережал тунисскую и египетскую диктатуры в предоставлении такой услуги, как безопасность: тогда как пробелы в этой сфере в Египте волновали половину, а в Тунисе – треть населения, в Иордании об этом тревожилась лишь пятая часть граждан⁷⁹. Впрочем, подобные цифры едва ли можно считать удивительными в контексте того, что из 350 тысяч государственных служащих в этой маленькой стране 150 тысяч служат в армии, полиции или полувоздушных структурах⁸⁰. Опросы также свидетельствовали о том, что защита со стороны государства была обменена иорданцами на некоторые гражданские права. Согласно данным 2011 года, подавляющее большинство египтян и тунисцев (92,1% и 85,7%) считали, что они могут свободно критиковать собственные правительства; среди иорданцев аналогичного мнения придерживались лишь 44% респондентов⁸¹.

Поскольку градус радикализма в Иордании был ниже, чем в других местах, совокупные итоги «арабской весны» оценивались жителями этой страны более оптимистично. Согласно данным, полученным исследовательской службой «Арабский барометр», в 2013 году иорданцы ощущали себя более свободными, чем накануне потрясений 2011 года. Вместе с тем в противовес ценностной эволюции граждан некоторых других арабских стран их постреволюционные установки по ряду важнейших позиций оказались гораздо более консервативными, чем до 2011-го. Так, в 2014 году существенная часть иорданцев была убеждена в том, что у парламентарной формы правления есть альтернативы, которые ничуть не хуже: около 20% опрошенных не имели возражений против авторитарного лидера; столько же полагали, что к парламентским выборам нужно допускать лишь исламистские партии, а 38% были готовы жить по исламским законам и без парламента и партий⁸². Интересно, что через пару лет, когда набрало силу запрещенное в России «Исламское государство», только 7% иорданцев с одобрением воспринимали акты джихадистского насилия, а в рядах боевиков ИГИЛ насчитывалось лишь шесть–семь тысяч иорданцев – при десятиллионном населении страны⁸³. Ни в Египте, ни

79 Статистические данные, приводимые в этом абзаце, см.: Ibid. P. 36, 41, 45.

80 ROVINS P. *Op. cit.* P. 229.

81 ТЕТТ А., АБВОТТ Р., САВАТОРТА Ф. *Op. cit.* P. 46.

82 Ibid. P. 63, 69.

83 ROVINS P. *Op. cit.* P. 250.

в Тунисе представить себе такой расклад мнений было нельзя. Разумеется, подобные умонастроения не могли не повлиять на довольно плавный ход умиротворения иорданского общества. Фактически результатом уличных протестов в этой стране стали лишь перетасовки в правительстве, произведенные монархом и подкрепленные обещаниями некоторых малозначащих реформ – типа расширения электоральных квот для женщин или допуска к голосованию с шестнадцатилетнего возраста. В отличие, скажем, от Марокко, где стабильность была куплена ценой принятия новой Конституции, в Иордании возвращение к спокойствию обошлось правящим элитам гораздо дешевле. В целом «Иордания смогла поддержать свое реноме “островка стабильности на Ближнем Востоке” – несмотря на смуту в регионе, войну в Сирии и конфликт в Ираке»⁸⁴.

Несмотря на то, что после конституционной реформы политические мотивы в уличных протестах звучали все глуше, о полном и окончательном умиротворении общества иорданским правителям оставалось только мечтать. По сути дела, Абдалла II был прав: действительно, маховик «арабской весны» изначально был заглушен сбоями в экономике; но проблема заключалась в том, что политическая санация, успешно произведенная монархом, не принесла экономического выздоровления. Эффекты от экстренных мер 2011 года, обеспеченных внешней поддержкой режима, оказались краткосрочными; они никак не могли решить структурные проблемы иорданской экономики, негативно сказывающиеся на социальном благополучии граждан и провоцирующие все новые проявления недовольства. К 2016 году иорданский внешний долг, удвоившись за пятилетку, достиг 35,1 миллиарда долларов США и составил 93% ВВП⁸⁵. Прежде всего этому способствовали два фактора: во-первых, категорическое нежелание правительства Иордании идти на непопулярные экономические преобразования, чреватые новыми протестами; во-вторых, ухудшение регионального политико-экономического климата, обусловленное притоком сирийских беженцев (Иордания к тому моменту вышла на второе место в мире по их числу на душу населения, а содержание бежавших от войны сирийцев сейчас обходится ей в 2,5 миллиарда долларов США в год⁸⁶), расползанием террористических структур на Ближнем Востоке и соответствующим ростом

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

84 ТЕТТ А., АББОТТ П., КАВАТОРТА Ф. *Op. cit.* P. 84.

85 SOWELL K.H. *Jordan Is Sliding toward Insolvency*. Carnegie Endowment for International Peace – Sada. 2016. March 17 (<https://carnegieendowment.org/sada/?fa=63061>).

86 TURNBULL E. *Jordan Remains Second Largest Refugee Host Globally – UNHCR* // The Jordan Times. 2019. July 28 (www.jordantimes.com/news/local/jordan-remains-second-largest-refugee-host-globally-%E2%80%94-unhcr); МАЛКАВИ К. *Syrian Refugees Cost Kingdom \$2.5 Billion a Year – Report* // The Jordan Times. 2016. February 6 (www.jordantimes.com/news/local/syrian-refugees-cost-kingdom-25-billion-year-%E2%80%94-report).

расходов на безопасность, а также сокращением иностранных инвестиций. В силу неудачного для Аммана стечения обстоятельств внешняя подпитка, которая позволила иорданскому режиму выстоять во время «арабской весны», тоже начала сокращаться. На национальной экономике весьма болезненно сказалось, например, то, что Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, также испытывавшие затруднения, были вынуждены приостановить оказание экономической помощи Амману, после протестов направлявшейся на создание новых рабочих мест и составлявшей миллиард долларов США ежегодно⁸⁷. В итоге Абдалла II был вынужден публично обратиться за помощью к мировому сообществу: страна, заявил монарх в 2016 году, уже не в состоянии кормить сирийских беженцев самостоятельно – она «дошла до “точки кипения”»⁸⁸.

Ответом короны на множющиеся трудности стала очередная смена правительства, состоявшаяся в том же, 2016, году. У нового кабинета не оказалось иной рецептуры финансово-экономической стабилизации, кроме внедрения жесткой экономии. Получив от Международного валютного фонда кредит, обусловленный требованием сократить к 2021 году размер государственного долга до 77% ВВП, правительство обрекло себя на нелегкую жизнь: преодоление долгового кризиса не могло не сопровождаться ростом цен на основные продукты питания, а на это с крайним раздражением реагировала иорданская улица, еще не забывшая протестов пятилетней давности. Напряжение достигло критической точки в мае 2018 года, когда иорданское правительство вынесло на рассмотрение парламента новый вариант налогового кодекса, предусматривавший более высокую налоговую ставку для физических лиц, а также для некоторых секторов экономики – банковской сферы, лизинговых и страховых компаний и так далее. По неудачному совпадению рассмотрение нового фискального законопроекта совпало с подъемом мировых цен на нефть, вынудившего кабинет поднять тарифы на топливо и электроэнергию. Такая комбинация несчастий оказалась не по силам и без того небогатому иорданскому населению. В самом конце мая 2018 года в Аммане, а затем и в других крупных городах началась всеобщая забастовка протеста, организованная профсоюзами. Главным лозунгом протестующих стало слово *taanash* – в переводе с арабского оно означает «у нас нет»⁸⁹. По географическому

87 SWEIS R. *Jordan's Prime Minister Quits as Protesters Demand an End to Austerity* // The New York Times. 2018. June 4 (www.nytimes.com/2018/06/04/world/middleeast/jordan-strike-protest.html).

88 *Jordan at «Boiling Point» Over Refugees* // The Daily Star. 2016. February 2 (www.thedailystar.net/world/jordan-%E2%80%98boiling-point%E2%80%99-over-refugees-211297).

89 Su A. *Jordan PM Caught between Angry Public, International Lenders* // AP News. 2018. June 14 (apnews.com/article/c55f2d1d1dff443bba1b9eaf5cb2d813).

охвату и массовому участию это возмущение стало крупнейшим с «арабской весны».

«Протесты объединили самые разные слои населения – безработную молодежь, женщин, владельцев магазинов, семьи, бедуинов, сотрудников высокотехнологичных компаний. Их участники стремились показать, что они представляют не какую-то конкретную политическую или демографическую группу, а самые широкие круги иорданцев низших и средних страт»⁹⁰.

Интересно, что ни исламисты, ни группировки, выступавшие зачинщиками беспорядков «арабской весны», в этой уличной активности никак себя не проявили.

Реакция со стороны короля оказалась незамедлительной: уже на следующий день Абдалла II потребовал от министров остановить рост цен на топливо. Как и в прежних подобных ситуациях, недовольство «залили деньгами»: такое решение обошлось бюджету в 35 миллиардов долларов США и торпедировало всю предшествующую политику жесткой экономии, которую страна начала было проводить под давлением МВФ. Разумеется, старое правительство было отправлено в отставку, а новое одним из первых своих решений отозвало проект нового налогового кодекса⁹¹. Как и следовало ожидать, непосредственным итогом отказа от непопулярных мер стало прекращение забастовок. Однако перед новым кабинетом стояла та же проблема, которая мучила предыдущее правительство на протяжении всей его работы: министрам приходилось искусно балансировать между суровыми требованиями зарубежных кредиторов и не менее жесткими запросами недовольных масс. Иными словами, новому правительству, согласно точной оценке журналистов, предстояло «смягчить общественный гнев по поводу экономической политики, которую многие иорданцы считают несправедливой, и в то же время снизить соотношение государственного долга и ВВП страны до уровня, приемлемого для международных кредиторов»⁹². Главные упования иорданского государства вновь возлагались на страны Запада и Персидского залива, не раз выручавшие местную экономику. И партнеры, надо сказать, опять не подвели: США пообещали предоставить Иордании в общей сложности почти 6,4 миллиарда долларов США до 2022 года, Саудовская Аравия и ОАЭ выразили готовность выделить ей 2,5 миллиарда долларов в течение пяти лет, а Катар объявил об инвестициях

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

90 SWEIS R. *Op. cit.*

91 О «дыре» в 35 миллиардов долларов США см.: Ibid; см. также: AKOUR O. *New Jordan PM Says He Will Cancel Tax Bill* // U.S. News & World Report. 2018. June 7 (www.usnews.com/news/world/articles/2018-06-07/new-jordan-pm-says-working-on-changes-to-tax-plan).

92 Su A. *Op. cit.*

в 0,5 миллиарда долларов в инфраструктуру Иордании⁹³. Кроме того, от МВФ ожидалось разрешение на отсрочку налоговой реформы.

Тем не менее уже в 2019 году власти Иордании столкнулись с новыми забастовками: на этот раз работать отказались учителя, недовольные низкими зарплатами. Акции, начатые педагогами, традиционно пользующимися в Иордании большим авторитетом, быстро были подхвачены другими бюджетниками. Забастовка продолжалась четыре недели и завершилась, как водится, очередным вмешательством короля: он поручил правительству пересмотреть первоначальную идею повысить учительские оклады на 35%, которые были названы протестующими не иначе, как «хлебными крошками». В результате прибавка составила 60%, а правительство в очередной раз подтвердило свой статус «заложника» старых проблем, зажатого между необходимостью проводить жесткую экономию и одновременно поддерживать необычайно раздутый бюджетный сектор⁹⁴. Совокупный итог протестной волны 2019-го был вполне очевиден: государству вновь удалось справиться с протестами, в очередной раз отсрочив назревшие экономические реформы.

* * *

Иорданским Хашимитам, в отличие от марокканских Алауитов, в начале 2010-х удалось довольно эффективно обуздать волну политического недовольства и подменить реальные конституционные преобразования декоративными законотворческими «новациями». В то же время события «арабской весны» и вызванные ими региональные последствия, включая обострение террористической угрозы и подъем новых волн беженцев, усугубили социально-экономические проблемы королевства⁹⁵. В результате власть Иордании оказалась перед привычной для себя дилеммой: либо проведение непопулярных экономических реформ, несмотря на немалый протестный потенциал, накопленный обществом, либо дальнейшая экономическая стагнация, поддерживаемая латанием бюджетных дыр за счет внешних спонсоров.

93 Ibid.

94 См.: *Jordan Teachers End Four-Week Strike in Pay Deal with Government* // Al Jazeera. 2019. October 6 (www.aljazeera.com/news/2019/10/6/jordan-teachers-end-four-week-strike-in-pay-deal-with-government); *Jordan, Teachers Union Reach Deal to End 1-Month Strike* // Voice of America. 2019. October 5 (www.voanews.com/a/middle-east-jordan-teachers-union-reach-deal-end-1-month-strike/6177105.html).

95 Подробнее см.: ИСАЕВ Л. М., КОРОТАЕВ А. В., МЕДВЕДЕВ И. А., АЙСИН М. *Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2020. Т. 22. № 4. С. 713–730.

Иорданский опыт 2010-х свидетельствует, что монархия Хашимитов не просто предпочла политическую стабильность экономическому развитию – она, фактически, подтвердила заявку на то, что во всех подобных ситуациях ее выбор и впредь останется тем же самым. Избегать по-настоящему серьезных социальных трудностей пока удается исключительно за счет дипломатических талантов монарха, умеющего работать с международными структурами и богатыми соседями. С одной стороны, это позволяет гасить недовольство граждан, но, с другой стороны, вынуждает откладывать назревшие экономические реформы, включая решительный отказ от обанкротившейся модели «государства-рантье». При этом Абдалла II, конституционно наделенный последним словом в определении политического курса, с поражающей воображение скоростью увольняет собственные правительства, на которые перманентно возлагается ответственность за все провалы и неудачи. Ему, впрочем, было у кого учиться: его отец, король Хусейн, за 46 лет правления сменил 44 кабинета министров⁹⁶.

Все сказанное означает, что Иордании, по-видимому, не избежать больших потрясений в будущем. События так называемой «арабской весны 2.0» 2018–2019 годов показали, что даже волнения, вызванные ростом цен на товары первой необходимости, достаточно быстро перерастают в политический протест, актуализируя застарелые проблемы. В свою очередь ситуация в самой Иордании на рубеже 2010–2020-х продолжает оставаться беспокойной. Не успела страна оправиться от протестов второй революционной волны, как в 2020-м на улицы Аммана вышли манифестанты, возмущенные тем, что правительство отказалось-таки повышать зарплаты учителям из-за кризиса, вызванного пандемией. Спустя год по Иордании прокатилась новая волна недовольства, на этот раз спровоцированная заключением «водного соглашения» с Израилем⁹⁷. Кроме того, в тот же самый период страну ощутимо сотрясал, пусть и не слишком публично, династический кризис, в ходе которого король выяснял отношения с родней. Таким образом, не исключено, что тема конституционных реформ, которую Абдалле II удалось благополучно обойти в 2011 году, уже в обозримом будущем вновь выйдет на первый план и «прибежищу вчера в мире завтра» придется заняться коренным переосмыслением себя.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

96 KUMARASWAMY P.R. *Introduction* // IDEM (Ed.). *Op. cit.* P. 19.

97 См.: DAVIS H. *Hundreds Protest in Jordan against Water-Energy Deal with Israel* // Al Jazeera. 2021. November 26 (www.aljazeera.com/news/2021/11/26/hundreds-protest-in-amman-against-water-energy-deal-with-israel).

Частные военные и охранные компании: ближневосточные уроки

Полина Викторовна
Максимова (р. 2000) –
политолог, научный
ассистент Центра
теоретической и при-
кладной политологии
Института обществен-
ных наук РАНХиГС.

«Соединенные Штаты более не смогут осуществлять длительные и комплексные чрезвычайные операции без мощной поддержки подрядчиков», – таков был вывод доклада комиссии Конгресса США по контрактам военного времени в Ираке и Афганистане, подготовленного в 2011 году. Причем США, оставаясь мировым лидером по уровню военной мощи, оказались далеко не одиноки в подобных суждениях¹. Приведенная цитата – показательная иллюстрация к реалиям четвертого поколения военных действий², переход к которым состоялся по завершении «холодной войны»³. Аутсорсинг ранее находившихся в ведении государства функций, асимметричность и нелинейность боевых действий, отсутствие четких линий фронта и использование совместных сил, децентрализация и цифровизация военной экономики, маневренность и высокая мобильность участников конфликта, расширение гражданского компонента (*civilianization*) – таковы черты нового этапа в истории социальной организации насилия⁴.

Правовые аспекты войны – *jus ad bellum, jus in bello* – оставались предметом споров независимо от поколения военных действий, но в современных условиях ситуация стала еще более неоднозначной из-за размывания границ межгосударственного, внутригосударственного и негосударственного насилия. Типичным для нынешнего времени стало явление, которое Майкл Гленнон назвал «туманом закона»⁵: в ходе вооруженных

- 1 См.: COMMISSION ON WARTIME CONTRACTING IN IRAQ AND AFGHANISTAN. *Transforming Wartime Contracting: Controlling Costs, Reducing Risks*. Washington, D.C. August 2011 (<https://www.hsd.l.org/?view&did=685405>).
- 2 Теория четвертого поколения военных действий (4GW) была выдвинута советником Комитета Сената США по вооруженным силам Уильямом Линдом и офицером корпуса морской пехоты США Грегори Тилем. Теория описывает децентрализованный, гетерогенный и выходящий за рамки конвенциональных представлений о войне порядок военных действий. Для 4GW характерна своеобразная феодализация, сочетающаяся с глобализацией. См.: LIND W., THIELE G. *4th Generation Warfare Handbook*. Zug: Castalia House, 2016.
- 3 SLOAN E.C. *Modern Military Strategy: An Introduction*. London: Routledge, 2012. P. 70.
- 4 LIND W.S. ET AL. *The Changing Face of War: Into the Fourth Generation* // KARP A., KARP R., TERRIFF T. (Eds.). *Global Insurgency and the Future of Armed Conflict: Debating Fourth-Generation Warfare*. London: Routledge, 2007. P. 13–20; KALDOR M. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 76.
- 5 См.: GLENNON M.J. *The Fog of Law: Pragmatism, Security, and International Law*. Stanford: Stanford University Press, 2009; ROCHESTER J.M. *The New Warfare: Rethinking Rules for an Unruly World*. London: Routledge, 2016. P. 4.

конфликтов все чаще встают ранее проясненные, казалось бы, вопросы защиты прав гражданских лиц и комбатантов, легальности упреждающей самообороны, гуманитарной интервенции и обращения к услугам частных военных и охранных компаний (далее – ЧВОК). Несмотря на невнятность, царящую в вопросах аутсорсинга, с начала 1990-х присутствие ЧВОК было замечено в конфликтных зонах в Афганистане, Ираке, Колумбии, Мьянме, Руанде, Сьерра-Леоне, Сирии, Мали, Центрально-Африканской Республике. В каждом из упомянутых случаев непременно возникала проблема мониторинга этих структур, нередко обвиняемых в применении чрезмерной силы – нарушении международного гуманитарного права и международного права в области прав человека.

Эта статья посвящена пробелам в международном правовом поле регулирования ЧВОК, что создает препятствия для выстраивания успешного взаимодействия клиентов с предприятиями и утверждения «корпоративных армий» в качестве легитимных акторов глобальной политики. Разбор правовых аспектов поможет прояснить нечетко определенные понятия и провести принципиальное разграничение между наемниками, иностранными добровольцами и контрактными армиями. Несмотря на широкий географический охват деятельности ЧВОК, мы ограничим спектр изучаемых кейсов Афганистаном, Ираком и Сирией, которые относим к региону «большого» Ближнего Востока. Одной из причин такого сужения выступает внушительный объем общедоступных источников, касающихся этих стран. Безусловно, зоны работы ЧВОК не сводятся к локациям повышенного риска, однако в данном случае интерес представляют именно вооруженные конфликты – прежде всего из-за наибольшей неоднозначности высвечиваемых ими правовых аспектов.

Статья выстроена следующим образом. Вначале представляется важным описать специфику современной военно-охранной индустрии, ее краткую историю и причины подъема, наблюдаемого с 1990-х. Далее на материалах трех указанных стран будет прочерчена концептуальная граница между легальными предприятиями и тем феноменом, который принято называть «наемничеством». Здесь же на примерах выполнения ЧВОК правительственных контрактов в Афганистане, Ираке и Сирии будут рассмотрены правовые проблемы, возникающие в их деятельности. В завершении статьи – поскольку Рубикон уже перейден, а степень приватизации государственных функций в сфере безопасности будет неизбежно нарастать – предполагается обозначить некоторые базовые механизмы мониторинга ЧВОК, потенциально способные минимизировать риски и повысить качество сотрудничества клиентов с контрактными силами в «горячих точках».

ЧАСТНОЕ ВОЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: НЕМНОГО ИСТОРИИ

Хотя большинство ученых согласны, что предшественниками ЧВОК были именно наемники эпохи Средневековья и Нового времени, считать эти явления идентичными – значит, чрезмерно упрощать действительность. Несмотря на то, что главными героями политической истории обычно изображаются государства, их лидеры и подчиненные им регулярные армии, в исторической перспективе монополия на легитимное насилие выступает скорее исключением, чем правилом. Суверенное национальное государство представляет собой относительно новую организационную модель; военный историк Мартин ван Кревельд иронично называет ее «театральной постановкой, в которой военным учреждениям нравится и выгодно играть»⁶. Тем не менее даже на протяжении недолгого четырехсотлетнего существования этой модели политические акторы продолжали опираться на частную силу в том или ином формате⁷. Наемные войска оставались неотъемлемой частью военного дела с самых его истоков: начиная с германских племен, поступавших на службу к римлянам, воинов-варягов, ищущих заработка у киевских князей, итальянских кондотьеров и немецких ландскнехтов эпохи Возрождения, частных армий Ост-Индских компаний и заканчивая отрядами «Бешеного Майка» в конголезских войнах 1960-х.

Безусловно, с утверждением регулярных армий и профессионализацией военной деятельности, а также постепенным становлением национальных государств после Вестфальского мира (1648) использование порой сомнительной и ненадежной наемной силы значительно сократилось. На протяжении последующих столетий «частники» продолжали привлекаться для сопровождения первых лиц, торговых миссий, подавления восстаний в колониях, хотя их прежняя слава угасала. По словам Джеффри Хербста, «частное предоставление насилия было обычным делом в международных отношениях вплоть до XX века»⁸. Такому положению способствовало то, что до начала деколонизации, в ходе которой отряды наемников выступали на стороне великих держав, не существовало никаких законодательных актов, запрещающих или ограничивающих их деятельность. Первые международные и национальные проекты,

6 CREVELD M. VAN. *The Transformation of War: The Most Radical Reinterpretation of Armed Conflict Since Clausewitz*. New York: Free Press, 1991. P. 131 [КРЕВЕЛЬД М. ВАН. *Трансформация войны*. М.: ИРИСЭН, 2019. – Примеч. ред.].

7 SINGER P.W. *Corporate Warriors: The Rise of Privatized Military Industry*. Ithaca: Cornell University Press, 2008. P. 20.

8 HERBST J. *The Regulation of Private Security Forces* // MILLS G., STREMLAU J. (Eds.). *The Privatisation of Security in Africa*. Pretoria: South Africa Institute of International Affairs, 1999. P. 117.

нацеленные на преодоление давно устоявшейся практики, появились во многом из-за возникшей ассоциации наемничества с подавлением права народов на самоопределение, нарушении прав человека и, соответственно, Устава ООН⁹.

Так, наемничество сегодня уголовно наказуемо во многих государствах (например в случае Российской Федерации это установлено статьей 359 Уголовного кодекса) и осуждается международным гуманитарным правом – в частности, статьей 47(2) первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям (1977) и Международной конвенцией о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (1989). Однако международные документы не содержат четкого определения наемничества, а из-за малой поддержки со стороны членов ООН они остаются не слишком эффективными¹⁰. Более подробно нюансы этой темы будут рассмотрены ниже, а пока уточним определение интересующего нас бизнеса военно-охранных услуг и причины возрождения интереса к аутсорсингу государственных функций в сфере безопасности.

В самом общем смысле ЧВОК – адаптированная версия наемников прошлого, подверстанная под современную социальную реальность, включая военные действия четвертого поколения. Они унаследовали многие характеристики предшественников, однако, в отличие от «обычных» наемников, представляют собой коммерческие структуры и действуют в легальном поле¹¹. Причем многие ЧВОК оказываются аффилированными с добывающими предприятиями (например «Halliburton», «Anglo-American» или «Branch Energy»), а их акции свободно обращаются на фондовом рынке (например акции компаний «DynCorp», «G4S» «ArmorGroup», «MPRI», «Garda World» торгуются на биржах Лондона, Нью-Йорка и Торонто). Формально первой ЧВОК считается «WatchGuard International», учрежденная в 1965 году ветеранами британской Особой воздушной службы (SAS). Она заключала контракты с правительствами Ирана, Замбии, Сьерра-Леоне по подготовке местных регулярных армий, однако вплоть до окончания «холодной войны» подобные практики широко критиковались. С чем же связан рост глобального спроса на ЧВОК и почему расцвет индустрии пришелся именно на 1990-е?

После распада коммунистического блока произошло резкое снижение расходов на оборону и, соответственно, сокращение штатной численности военнослужащих как в странах НАТО, так и в странах, связанных с прекратившим свое действие Варшав-

9 SINGER P.W. *Op. cit.* P. 37.

10 GOVERN K.H., BALES E.C. *Taking Shots at Private Military Firms: International Law Misses Its Mark (Again)* // *Fordham International Law Journal*. 2008. Vol. 32. № 55. P. 95.

11 SINGER P.W. *Op. cit.* P. 9.

ским договором¹². В результате рынок труда оказался перенасыщенным квалифицированными кадрами, уволенными в запас и нуждавшимися в заработке. Одновременно с 1980-х во многих странах Запада наметился тренд на либерализацию экономики и сокращение государственного участия в ней¹³. Кроме того, в тот же период из-за масштабных геополитических и экономических трансформаций, обусловленных крахом биполярного мира, в хрупких (*fragile*) государствах, ранее патронируемых военными блоками, образовался своего рода «вакуум безопасности»¹⁴. Оставшись без внешней поддержки, эти государства не могли далее сдерживать «спящие» внутригосударственные конфликты. Ради удержания власти их режимы были готовы обращаться за помощью к сторонним акторам, в том числе и негосударственным. Именно эта совокупность факторов способствовала росту спроса на услуги охранных предприятий, готовых взять на себя часть государственных функций по обеспечению безопасности.

В самом общем смысле ЧВОК – адаптированная версия наемников прошлого, подверстанная под современную социальную реальность, включая военные действия четвертого поколения.

Согласно законам рынка провайдером военно-охранных услуг нужны были клиенты, готовые платить. Возродившиеся после адаптации к новой системе международных отношений «свободные компании» сумели привлечь заказчиков широким набором услуг, кадровым потенциалом, результативностью и эффективностью¹⁵. ЧВОК превратились в инструменты, которые нередко использовались государствами для повышения боеспособности собственных армий, сохранения власти и контроля над ресурсами, оказания внешнеполитического влияния без прямого военного вмешательства. В то же время для корпораций и фирм, международных и неправительственных организаций подобные услуги оказались привлекательным способом защиты инфраструктуры и персонала в условиях повышенного риска. Соответственно, сами военно-охранные

- 12** AVANT D. *Market for Force: The Consequences of Privatizing Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 80–81; БАЕВ П. *Траектория российской армии: сокращение, разложение, поражение // Вооруженные силы России: власть и политика / Под ред. С. Миллера, Д. Тренина. М.: Индердиалект+, 2005. С. 51.*
- 13** BRANOVIĆ Ž. *The Privatization of Security in Failing States: A Quantitative Assessment // Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces*. 2011. № 24. P. 3.
- 14** AVANT D. *Op. cit.* P. 83.
- 15** RICHARDS A., SMITH H. *Addressing the Role of Private Security Companies within Security Sector Reform Programmes // Journal of Security Sector Management*. 2007. Vol. 5. № 1. P. 2.

предприятия, вышедшие на рынок, видят в вооруженных конфликтах ресурс для достижения корпоративных целей, а насилие интересует их исключительно как товар или условие получения прибыли.

Разумеется, востребованность и расширение военного бизнеса мотивируются также его прибыльностью. Ежегодный прирост этого сегмента мирового рынка в среднем составляет 7,4%; например, с 1990 года мировой годовой оборот ЧВОК вырос с 55,6 миллиарда до 250–300 миллиардов долларов США¹⁶. Компании, как правило, рекрутируют бывших военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов для выполнения множества функций в области безопасности, среди которых тыловое и техническое обеспечение военных действий, тактическое и стратегическое планирование, реализация мер по поддержанию мира и его силовому установлению (*peace enforcement*)¹⁷.

В настоящее время по всему миру действуют сотни ЧВОК. Например, после вторжения международных коалиционных сил в Ирак на территории этого государства по контрактам с Министерством обороны США и оккупационной администрацией в разное время работали до 32 ЧВОК, насчитывавших 163 тысячи сотрудников¹⁸. Наиболее известные из них – такие корпорации-гиганты, как «Triple Canopy», «Aegis Defence Services», «DynCorp International LLC». Каждая из подобных компаний занимала отдельную нишу, выполняя функции, варьировавшие от личной охраны первых лиц и объектов инфраструктуры, управления рисками, тренировки местной армии и до обеспечения действий сил коалиции в ходе боевых операций¹⁹. Согласно типологии, которую предложил Питер Сингер, ЧВОК можно классифицировать по трем категориям в зависимости от приближенности их персонала к переднему краю обороны: это провайдеры тыловой поддержки, военного консалтинга и собственно военной силы²⁰.

Понятно, что наибольшее внимание привлекают компании – провайдеры военной силы, поскольку именно они, находясь в эпицентре боевых действий, являются своеобразными «множителями силы» (*force multipliers*)²¹. В качестве классических

16 Никитин А.А., Небольсина М.А. *Перспективы регулирования частных военных и охранных компаний* // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2(47). С. 146.

17 OWENS P. *Distinctions, Distinctions: «Public» and «Private» Force?* // International Affairs. 2008. Vol. 84. № 5. P. 980.

18 LOVEWINE G. *Outsourcing the Global War on Terrorism: Private Military Companies and American Intervention in Iraq and Afghanistan*. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 6; CONGRESSIONAL RESEARCH SERVICE (CRS). *Private Security Contractors in Iraq: Background, Legal Status, and Other Issues: CRS Report for Congress, August 25, 2008* (<https://sgp.fas.org/crs/natsec/RL32419.pdf>).

19 AVANT D. *Op. cit.* P. 19.

20 SINGER P.W. *Op. cit.* P. 91.

21 Ibid. P. 95.

примеров таковых можно сослаться на южноафриканскую «Executive Outcomes» и британскую «Sandline International», прославившиеся в 1990-е. Но вопреки распространенному мнению подобные фирмы остаются на рынке относительной редкостью. Именно поэтому в настоящей статье аббревиатура ЧВОК подменяет собой более известную аббревиатуру ЧВК: последняя охватывает лишь малый спектр услуг, связанных с работой на линии соприкосновения.

Резкое увеличение количества компаний к концу 1990-х и, следовательно, нарастание конкуренции между ними вынудили фирмы более интенсивно адаптироваться под рыночные условия. Для стабильного роста, ведения транснационального бизнеса и привлечения новых клиентов компаниям требовалась легитимация на международной арене, а тесная ассоциация провайдеров военной силы с нереспектабельными «солдатами удачи» несла с собой слишком большие репутационные и финансовые риски²². В связи с этим большая часть предприятий примерно с начала 2000-х стремится избавиться от неприятного клейма наемничества посредством расширения набора услуг, приспособленных к конфликтам нового типа, и акцентирования охранных (оборонительных) функций. Иначе говоря, эпоха упомянутых «множителей силы» практически закончилась: сегодня лишь небольшое число локальных компаний берутся за исключительно «грязную» работу, о которой, как правило, в открытых источниках не сообщается.

Соответственно, гораздо чаще встречаются две другие категории ЧВОК, которые и составляют сегодня большинство на мировом рынке военных услуг. Консалтинговые агентства, провайдеры тыловой поддержки, материального снабжения и боевой подготовки – главные подрядчики правительственных сил и коммерческих структур на театрах военных действий в Афганистане, Ираке и Сирии. В эту группу попадают упомянутые выше фирмы, а также нанятые Министерством обороны США в Ираке «Blackwater» (известная по громким заголовкам, ныне часть «Triple Canopy»), «EOD Technology», «Special Operations Consulting-Security Management Group» и даже зарегистрированная в России «RSB Group»²³. Тем не менее, даже не выполняя функции «множителей силы», компании подобного типа и их клиенты продолжают сталкиваться с многочисленными правовыми препятствиями, что тормозит полную легитимацию международного рынка военно-охранных услуг.

22 ABDEL-FATAU M., FAYEMI J. *Mercenaries: An African Security Dilemma*. London: Pluto Press, 2000. P. 24.

23 Примечательно, что «RSB Group», которую основатель организации Олег Криницын, как отмечено на официальном сайте, позиционирует в качестве российской частной *военной* компании, по всем документам проходит в качестве ООО «ЧОО «РСБ-ГРУПП» – частной охранной организации – из-за отсутствия в правовом поле России понятия ЧВОК (ЧВК). См. сайт организации: <https://rsb-group.ru/documents>.

Подтверждения этого тезиса можно найти в кейсах трех указанных стран. Поэтому, кратко рассмотрев индустрию в целом, перейдем к тонкостям правового регулирования разносторонней деятельности компаний на материале обширного опыта аутсорсинга военно-охранных функций в конфликтах Афганистана, Ирака и Сирии.

Американские военные операции в Афганистане и Ираке, являющиеся частью глобальной «войны с террором», начались в октябре 2001-го и марте 2003-го соответственно. Они сопровождались значительным вовлечением союзнических сил НАТО и ООН²⁴. Тем не менее, чтобы поддержать военные усилия, профильные ведомства США направили на оба театра военных действий тысячи сотрудников ЧВОК, специализировавшихся на консалтинге и тыловой поддержке. На протяжении американского присутствия в Афганистане и Ираке сотрудники ЧВОК составляли в среднем половину общей численности воинского контингента. Иногда цифра была выше: например, согласно данным Министерства обороны США, в 2016 году «частники» составляли около 72% американского контингента, дислоцированного в Афганистане²⁵. Миссии США официально завершились совсем недавно: в августе (Афганистан) и декабре (Ирак) 2021 года; при этом надо понимать, что вывод войск далеко не всегда означает полную демилитаризацию – вполне вероятно, что большинство функций выводимых войск просто перешли в руки подрядчиков.

Военно-охранные предприятия, вышедшие на рынок, видят в вооруженных конфликтах ресурс для достижения корпоративных целей, а насилие интересует их исключительно как товар или условие получения прибыли.

Сирийский случай в этом смысле более сложен, поскольку активная фаза боевых действий еще не завершена и «на земле» по-прежнему остается немало неясностей. Революция 2011 года в Сирии с самого начала привлекла пристальное внимание региональных игроков в лице Ирана, Катара, Турции, Саудовской Аравии, заинтересованных либо в сохранении, либо в свержении баасистского режима. В 2014-м началась ин-

24 Никитин А.И. *Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование*. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 326–327.

25 PETERS H., SCHWARTZ M., KAPP L. *CRS Report R44116, Department of Defense Contractor and Troop Levels in Iraq and Afghanistan: 2007–2017*. Congressional Research Service. 2017. May 13 (www.hsdl.org/?view&did=800732).

тервенция США, а со вступлением в конфликт осенью 2015-го России ситуация еще более обострилась ввиду значительно-го умножения возможностей, которыми располагали игроки. С эскалацией сирийского конфликта на сцену вышли разнообразные прокси-силы, представляющие заинтересованных внешних акторов: иностранные добровольцы, отряды самообороны, ЧВОК, исламистские формирования различного толка²⁶. Высокая степень вовлеченности государственных акторов и их негосударственных агентов весьма затрудняет идентификацию и мониторинг ЧВОК, присутствующих на сирийском театре военных действий. Тем не менее ниже мы попытаемся прочертить границу между контрактниками и прочими участниками, а также охарактеризовать правовые пробелы, обнаружившиеся и в сирийском, и в прочих упомянутых кейсах.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧВОК И Уязвимость их сотрудников

Итак, о каких сложностях применения принципов международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах идет речь, когда мы занимаемся частными военными и охранными компаниями? Здесь можно выделить три основных момента, связанных друг с другом: 1) неопределенность статуса ЧВОК в контексте гуманитарного права и, соответственно, проблема классификации их сотрудников в ходе военных действий; 2) неоднозначность субъекта, несущего ответственность за незаконные действия персонала ЧВОК; 3) размытое представление о механизмах управления, уровнях контроля и контрактных правилах компаний. Рассмотрим эти пункты подробнее.

Обратимся для начала к упомянутому ранее острому вопросу наемничества. В статье 47 первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям утверждается, что наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного. Наемником называется любое лицо, которое:

- а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;
- б) принимает непосредственное участие в военных действиях;
- в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение;

26 См.: Семенов К.В., Коротаев А.В. *Сирийский кризис // Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта* / Под ред. А.М. Васильева, А.В. Коротаева, Л.М. Исаева. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 132–147.

дение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

г) *не является* ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

д) *не входит в личный состав вооруженных сил* стороны, находящейся в конфликте;

е) *не послано* государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил²⁷.

Международное гуманитарное право не стремится пресекать использование наемников *per se* или подвергать их наказанию, а лишь помогает государствам это сделать²⁸. Последствия отмены иммунитета законного участника боевых действий могут быть весьма серьезными: потерявшее его лицо будет подлежать уголовному преследованию согласно внутреннему праву государства, а также потеряет привилегии обращения с военнопленными. Соответственно, ослабление защиты, обеспечиваемой международным гуманитарным правом, может косвенно препятствовать тому, чтобы лица добровольно ставили себя в уязвимое положение, занимаясь наемничеством²⁹.

Для лучшего понимания разберем неоднозначности, возникающие при рекрутировании. Помогут нам в этом семьдесят граждан Фиджи, которые в 2005 году были наняты британскими ЧВОК «ArmorGroup» и «Global Risk Strategies» для предоставления услуг по охране аэропорта Багдада, управлению рисками, разминированию и техническому обеспечению систем безопасности³⁰. Будут ли эти люди подпадать под определение наемников из статьи 47 первого Дополнительного протокола? Предварительный ответ – нет. Однако при более тщательном прочтении пунктов статьи обнаруживается ряд нюансов и спорных моментов. Прежде всего – в документе речь идет об индивидуальных наемниках, а не о юридических лицах, к каковым относятся исследуемые бизнес-структуры. Безусловно, можно исходить из того, что сами по себе сотрудники ЧВОК – лица физические, потенциально имеющие шанс быть уличенными в наемничестве, но даже при допущении подобной трактовки вопросы мотивации и интерпретации «непосредст-

27 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)*. International Committee of the Red Cross. 1977. June 8 (www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf).

28 CAMERON L. *Private Military Companies: Their Status under International Humanitarian Law and Its Impact on Their Regulation* // International Review of the Red Cross. 2006. Vol. 88. № 863. P. 580.

29 *Ibid.* P. 583.

30 MACLELLAN N. *Fiji, Iraq and Pacific Island Security* // Race and Class. 2007. Vol. 48. № 3. P. 52–53.

венного участия в боевых действиях» остаются не до конца проясненными.

Во-первых, оценивая работу упомянутых граждан Фиджи, трудно доказать наличие материальной мотивации – несмотря на то, что месячная зарплата привлеченных сотрудников (1700–3000 долларов США) значительно превышала их доходы на родине³¹. Теоретически они могли быть побуждаемы, скажем, идеологическими соображениями, желая искоренить международный терроризм, а вознаграждение воспринималось ими только как приятный бонус. Более того, в статье 47 указано, что вознаграждение наемника должно быть обещано *стороной конфликта* или по ее поручению, но в данном случае трудовой договор фиджийцы заключали с юридическими лицами – с «Homeland Security Ltd» (дочерней компанией «Armor-Group») и «Global Risk Strategies», – а не напрямую с официальными представителями государств-участников войны в Ираке. Во-вторых, необходимо выяснить, будет ли факт найма для исполнения описанных выше задач вербовкой с целью «непосредственного участия». Несмотря на попытки уточнения этого понятия, на сегодняшний день не существует его четкого определения – за исключением разъяснительно-рекомендательного документа Международного Комитета Красного Креста от 2009 года³². Из-за этого трактовка пунктов а) и б) всякий раз будет определяться конкретной ситуацией, хотя к сотрудникам, выполняющим тыловые задачи, эти пункты, как правило, относиться не будут.

Но как тогда, например, можно интерпретировать применение персоналом «Global Risk Strategies» оружия для отражения атаки иракских повстанцев в 2004-м в Мосуле или похожий случай в Наджафе в том же году, когда люди из «Blackwater» в ходе столкновения с шиитскими боевиками израсходовали «тысячи патронов»?³³ Можно ли было эти действия, имевшие явно оборонительный характер, расценивать как «прямое участие»? В соответствии с международным гуманитарным правом любые акты насилия независимо от наступательного или оборонительного характера будут считаться нападением, и, трактуя «прямое участие» как синоним «нападения», мы получаем утвердительный ответ³⁴. Однако даже в такой ситуации главный аргумент ЧВОК будет сводиться к тому, что в соответствии

31 Ibid. P. 54.

32 MELZER N. *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law*. International Committee of the Red Cross. 2009 (www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf).

33 MACLELLAN N. *Op. cit.* P. 55; PRIEST D. *Private Guards Repel Attack on U.S. Headquarters // The Washington Post*. 2004. April 6 (www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/04/06/private-guards-repel-attack-on-us-headquarters/fe2e4dd8-b6d2-4478-b92a-b269f8d7fb9b/).

34 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года...* Ст. 49.1.

с договором сотрудники не нанимались для реализации *этой задачи* – то есть выполнения боевых функций на постоянной основе.

Иначе говоря, похоже, что категория «наемник» в международном гуманитарном праве слишком вариативна и с правовой точки зрения мало применима к современным военно-охранным предприятиям и их сотрудникам. В перспективе и международного, и национального права для попадания в эту категорию необходимо удовлетворять всем требованиям положений первого Дополнительного протокола³⁵. Суммарный опыт Афганистана и Ирака показывает: большая часть подрядчиков широко нанимала людей, являющихся гражданами государств – сторон конфликта; при этом они исходили из практических соображений боевой подготовки, знакомства с местным ландшафтом и населением, знания языков. Так, в 2016 году среди находившихся в Афганистане 25 тысяч подрядчиков американского Министерства обороны примерно 41% составляли местные контрактники, 36% – граждане США (в основном руководящий состав) и остальные 23% – граждане других стран, преимущественно входящих в НАТО³⁶. Между тем рекрутирование граждан, представляющих стороны конфликта, уже противоречит самому определению наемника.

В итоге дефиниция наемничества предстает настолько абстрактной, что, как писал Джеффри Бест, «любой адвокат, неспособный оградить своего клиента от признания за ним этого статуса, заслуживает как минимум лишения лицензии»³⁷. Тем не менее клеймо по-прежнему широко применяется к сотрудникам военных предприятий и фирм, возможно, из-за эффектных заголовков в СМИ. Так, например, довольно часто появляются статьи и журналистские расследования о работающих в Сирии «российских наемниках» или «ЧВК Вагнера» – неофициальной военной организации, не имеющей юридического статуса на территории России³⁸. Возможно, компания представляет своего рода собирательный образ коллективного актора, деятельность которого отождествляется с интересами Российской Федерации за рубежом. В тех ситуациях, когда намеренно конструируемый информационный поток не позволяет отличить действительность от виртуальной реальности,

ПОЛИНА МАКСИМОВА

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ
И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ...

35 PAŁKA W. *The Awakening of Private Military: Special Report*. Warsaw: Warsaw Institute, 2020 (<https://warsawinstitute.org/awakening-private-military-companies>).

36 PETERS H., SCHWARTZ M., KAPP L. *Op. cit.*

37 BEST J. *Humanity in Warfare: The Modern History of the International Law of Armed Conflict*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1980. P. 375.

38 См., например: Рождественский И., Баев А., Русяева П. *Призраки войны: как в Сирии появилась российская частная армия* // Журнал РБК. 2016. 9 сентября (www.rbc.ru/magazine/2016/09/57bac4309a79476d978e850d); LINDER A. *Russian Private Military Companies in Syria and Beyond* // *New Perspectives in Foreign Policy*. 2018. № 16. P. 14–21.

довольно трудно определить, с чем же все-таки мы имеем дело – с инструментом информационного воздействия или же с составной частью какой-то *grand strategy*³⁹. Поэтому ради сохранения объективности упомянутая «группа Вагнера» в этой статье затрагиваться не будет; о ней нужно писать отдельно и основательно.

Любопытно, что ассоциируемые с наемниками сотрудники ЧВОК также нередко приравниваются к иностранным добровольцам (*foreign fighters / foreign volunteers*). Это происходит, как правило, из-за того, что их происхождение или гражданство не имеет отношения к локации конфликта, а их участие в нем добровольно. Но такой подход опять же не вполне корректен и создает дополнительные сложности при категоризации акторов военных действий. Наиболее яркий пример подобного недоразумения – сирийский кризис с его беспрецедентной численностью иностранных добровольцев, в том числе и российских, исчисляющихся сотнями и тысячами, воюющих за самые разные стороны⁴⁰. По данным Сирийского центра мониторинга соблюдения прав человека, с начала гражданской войны в 2011-м и по 2020 год в ходе боевых действий были убиты около 10 тысяч проправительственных иностранных добровольцев и в несколько раз больше антиправительственных, состоящих в военном альянсе сирийских демократических сил или воюющих на стороне радикальных группировок, террористических организаций⁴¹.

Однако в международном гуманитарном праве термин «иностраный доброволец» отсутствует, поэтому мы можем отталкиваться только от общепринятого в академических кругах определения, которое гласит:

«Иностранные добровольцы – это частные лица, движимые идеологическими, религиозными и/или родственными соображениями, которые покидают страну своего происхождения или постоянного пребывания для присоединения к стороне вооруженного конфликта и участия в нем»⁴².

Очевидно, что персонал ЧВОК не может быть отнесен к этой категории: если принадлежащие к нему лица и покидают страну происхождения (проживания), то они делают это на контрактной основе и исключительно в качестве сотрудников биз-

39 EDELMAN M. J. *The Politics of Misinformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

40 См., например: *Зачем добровольцы едут в Сирию? Ветеран о группе Вагнера* // Regnum. 2018. 10 июля (<https://regnum.ru/news/2445879.html>); BAKKER E., SINGLETON M. *Foreign Fighters in the Syria and Iraq Conflict: Statistics and Characteristics of a Rapidly Growing Phenomenon* // DE GUTTRY A., CAPONE F., PAULUSSEN C. (Eds.). *Foreign Fighters under International Law and Beyond*. The Hague: Asser Press, 2016. P. 13–14.

41 SYRIAN OBSERVATORY OF HUMAN RIGHTS. *Fourteen Years of Championing Human Rights in Syria* (www.syriaohr.org/en/wp-content/uploads/2020/06/14-y-en.pdf).

42 BAKKER E., SINGLETON M. *Op. cit.* P. 12. *Курсив мой.* – П. М.

нес-структур, ориентированных на повышение экономической эффективности. Их персональные мотивы в данном случае не имеют значения. Кроме этого, как и в ситуации с наемниками, здесь не вполне ясной остается трактовка «участия в вооруженном конфликте». Поэтому, говоря о добровольцах в контексте сирийских или любых других военных действий, следует избегать причисления к ним ЧВОК.

Но раз сотрудники ЧВОК не наемники и не иностранные добровольцы, то кто же они? Возможно, комбатанты? Согласно пункту 2 статьи 43 первого Дополнительного протокола, для присвоения этого статуса лица обязаны входить «в состав *вооруженных сил* стороны, находящейся в конфликте»⁴³, и это дает им право принимать непосредственное участие в военных действиях с сохранением положения военнопленного в случае попадания в руки противной стороны. В этом же пункте утверждается, что «вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из *всех* организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных»⁴⁴.

Означает ли сказанное, что сотрудникам фирм-подрядчиков, заключавших напрямую с Министерством обороны США или, например, с Министерством обороны России контракты на выполнение небоевых задач на театрах военных действий, тоже будет предоставлен такой статус? Ведь пусть и косвенно, но они также будут находиться под командованием ответственных ведомств. К сожалению или к счастью, но самого наличия этой сложной иерархии подчинения недостаточно, чтобы рассматривать персонал военно-охранных фирм в качестве военнослужащих. Чтобы стать таковыми, на них должна распространяться *обязанность* быть включенными в личный состав стороны конфликта или обладание специальным документом, подтверждающим их статус приписанных к вооруженным силам лиц⁴⁵.

То есть, если бы два упомянутых условия выполнялись, то это решило бы большинство вопросов регулирования ЧВОК в рамках международного гуманитарного права. Однако войны в Афганистане и Ираке показали, что государства и их институты ни разу не прибегали к подобной практике, и понятно почему: ведь весь смысл приватизации как раз в том, чтобы передать частному сектору то, что ранее было прерогативой государственных органов⁴⁶. Так, в действующей доктрине Ми-

43 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года...* Ст. 43.2. Курсив мой. – П. М.

44 Там же. Курсив мой. – П. М.

45 *Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными.* Ст. 43.4 (www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml).

46 CAMERON L. *Op. cit.* P. 583.

нистерства армии США от 2019 года прямо указано, что ЧВОК исключаются из структуры военного управления:

«Руководство деятельностью подрядчика осуществляется через ответственную подрядную организацию, а не через командные структуры. Полномочия командиров подразделений не распространяются на подрядчиков или их сотрудников; только подрядные организации ответственны за координацию действий сотрудников и контроль над ними»⁴⁷.

Выведение из системы военного командования не означает, что военные ведомства вообще не влияют на работу подрядчика на местах, однако из него следует, что сотрудники ЧВОК – исходя из статьи 43 – не могут рассчитывать на статус комбатантов.

Сирийский случай здесь несколько выделяется. Безусловно, там тоже действуют многопрофильные ЧВОК, но, например, из-за обилия российских оффсетов⁴⁸ в сфере военно-технического сотрудничества и присутствия в регионе множества акторов нередко возникает путаница. В рамках оффсетов обычно производится логистическое сопровождение и материально-техническое обеспечение закупок. Эти программы реализуются лицами, которых в западной литературе нередко путают с сотрудниками ЧВОК (как, в частности, это произошло в 1997–1999 годах с персоналом авиационного холдинга «Сухой»)⁴⁹. Но, действительно являясь инструкторами или советниками, эти лица скорее будут представлять предприятия, входящие в состав государственной корпорации «Ростех», или Министерство обороны России, чем какое-то военно-охранное предприятие. Поэтому в сирийской ситуации исследователь зачастую будет иметь дело с лицами, либо гражданскими, либо «следующими за вооруженными силами»⁵⁰ и обладающими соответствующими удостоверениями, либо инкорпорированными в состав вооруженных сил. Эти лица, согласно Женевской конвенции об обращении с военнопленными, могут при определенном развитии событий претендовать на статус военнопленных. При этом сотрудникам ЧВОК подобный документ не положен⁵¹.

47 U.S. JOINT CHIEFS OF STAFF. *Operational Contract Support*, JP 4–10. Washington, D.C., 2019 (www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp4_10.pdf).

48 Оффсеты – сделки, в рамках которых экспортер продукции военного или двойного назначения принимает на себя обязательство компенсировать импортеру, в данном случае Сирийской Арабской Республике, в той или иной форме часть расходов, связанных с приобретением товара. См.: МАРЧЕНКО Е. А. *Оффсетная деятельность на мировом рынке вооружений: показатели и перспективы развития* // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2009. № 4. С. 1.

49 См., например: SINGER P.W. *Op. cit.* P. 173.

50 Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Ст. 4.4.

51 НИКИТИН А. А., НЕБОЛЬСИНА М. А. *Указ. соч.* С. 148.

В пункте 3 статьи 43 первого Дополнительного протокола также говорится, что сторона конфликта может при уведомлении других участников включать в свой личный состав «полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка»⁵², которая формально будет приравнена к комбатантам. Для этого представители этой организации обязаны, как и комбатанты, а) отличать себя от гражданского населения и б) открыто носить оружие⁵³. Однако, не являясь ни сопровождающими, ни инкорпорированными в состав вооруженных сил структурами, многие ЧВОК, работающие в горячих точках, не имели и не имеют единых нормативов, регулирующих внешний вид персонала, а также регламентов об открытом ношении оружия. Опыт аутсорсинга во времена Афганистана продемонстрировал, что большинство сотрудников ЧВОК носят гражданскую одежду вместо уникальных униформ с отличительными знаками⁵⁴. То же было и в последующих вооруженных конфликтах, в том числе и в Сирии, поскольку, по словам сотрудников, выделяться из толпы в условиях повышенного риска крайне невыгодно и опасно⁵⁵.

Вопрос об оружии также непрост: и для Афганистана, и для Ирака американское Министерство обороны разработало два типа контрактов: по обеспечению внутренней безопасности в масштабах всего театра военных действий (Theatre Wide Internal Security Services – TWISS) и по поддержке безопасности при реконструкции (Reconstruction Security Support Services – RSSS). Контракт типа TWISS предполагал наиболее гибкие условия работы подрядчиков и их допуск не только к стрелковому, но и артиллерийскому вооружению, а также авиационной технике⁵⁶. Скорее всего для контрактников, работающих сегодня в Сирии с американской стороны, действуют схожие правила. Кроме того, многие подрядчики на территории Ирака и Афганистана также привлекались к эксплуатации и техническому обеспечению состоящего на вооружении ВВС США дрона MQ-1 «Predator»⁵⁷. Выполнение функций операторов беспилотных летательных аппаратов, равно как и использование огнестрельного оружия, может быть приравнено, в соответствии со статьей 49 первого Дополнительного протокола, к нападению⁵⁸. Следовательно, TWISS и подобные ему контрак-

52 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года...* Ст. 43.3.

53 Там же.

54 JORAS U., SCHUSTER A. *Private Security Companies and Local Populations: An Exploratory Study of Afghanistan and Angola*. Bern: Swiss Peace Foundation, 2008. P. 19 (www.files.ethz.ch/isn/55112/WP_1_2008.pdf).

55 RONDEAUX C. *Inquiry into the Murder of Hamdi Bouta and Wagner Group Operations at the Al-Shaer Gas Plant, Homs, Syria 2017*. Washington, D.C.: New America, 2020. P. 17–26.

56 LOVEWINE G. *Op. cit.* P. 8.

57 *Ibid.* P. 189.

58 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года...* Ст. 49.1.

ты ставят сотрудников ЧВОК, не являющихся по всем параметрам полноправными участниками военных действий (комбатантами), в неоднозначное и «пограничное» положение.

В официальных ресурсах персонал ЧВОК обычно именуют «гражданскими инструкторами», подчеркивая тем самым, что они выполняют исключительно вспомогательные функции и не принимают участия в боевых действиях. Заказчики исходят из той логики, что *raison d'être* международного гуманитарного права состоит в защите гражданских лиц в вооруженных конфликтах. Собственно, ради этого и проводится граница между гражданскими лицами и объектами, с одной стороны, и комбатантами и военными объектами, с другой стороны. Статья 50 первого Дополнительного протокола гласит:

«Гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4А 1), 2), 3) и 6) Третьей конвенции и в статье 43 настоящего Протокола. В случае сомнения относительно того, является ли какое-либо лицо гражданским лицом, оно считается гражданским лицом»⁵⁹.

Положение не дает четкого определения гражданского лица, а вместо этого перечисляет ряд антихарактеристик; иными словами, эта категория людей состоит из всех тех, кто не является военнослужащими или *hors de combat*. Теоретически то же должно относиться и к персоналу ЧВОК даже при наличии неясностей, например, с ношением оружия: если они не комбатанты и не наемники, то они, судя по всему, – гражданские.

Поэтому, с одной стороны, позиционировать персонал ЧВОК в качестве гражданских лиц, обладающих привилегиями, невероятно практично: во-первых, не нужно обосновывать присутствие в регионе дополнительного военного контингента (вспомним соотношение подрядчиков к вооруженным силам на Ближнем Востоке); во-вторых, есть возможность действовать определенным образом, избегая уголовного преследования за серьезные нарушения, которое предусматривается Женевскими конвенциями 1949 года и первым Дополнительным протоколом 1977 года; в-третьих, возникает возможность использовать при необходимости тактику «живого щита»; в-четвертых, пресекается излишнее внимание медиа.

Но, с другой стороны, подобное позиционирование сопряжено и с немалыми издержками для самого персонала. Действительно, с формальной точки зрения сотрудники фирм, участвовавших в ближневосточных конфликтах, принадлежали к упомянутой выше «гражданской» категории, но на деле деятельность предприятий, работающих по государственным

59 Там же. Ст. 50.1.

контрактам, с большим трудом можно отнести к гражданской сфере: ведь ЧВОК оказываются на театре военных действий не случайно и не поодиночке, а организовано и с предписанными целями и задачами⁶⁰. С началом «войны с террором» США обратились к аутсорсингу прежде всего ради компенсации кадровых недостатков и перераспределения живой силы. Министерство обороны предполагало, что с помощью такой стратегии вооруженные силы смогут поддерживать необходимый уровень боеготовности⁶¹. Например, в Афганистане ЧВОК («Aegis Defence Services», «EOD Technology», «Sabre International Security», «Triple Canopy»), как и их коллеги в Ираке, оказывали не только логистическую поддержку американским и коалиционным силам, но и выполняли материально-технические функции на средних и крупных базах передового развертывания⁶². В Сирии же контрактники дислоцируются на военной базе международной коалиции Эт-Танф в провинции Хомс, где совместно с военнослужащими тренируют представителей «Свободной сирийской армии»⁶³.

Таким образом, сотрудники фирм оказываются на стыке частного и публичного международного права и не имеют фиксированного статуса в международном гуманитарном праве, что ставит их в невыгодное положение. Поскольку сторонам в соответствии с *jus in bello* разрешается нападать на военные объекты, среди которых оказываются и базы передового развертывания, отражение подобного нападения не будет трактоваться как самооборона. Значит, работая на военных объектах и участвуя в их защите, гражданские подрядчики не смогут ссылаться на индивидуальное право на самооборону и рискуют получить уголовные обвинения в свой адрес⁶⁴. Это очень тонкий момент: ведь в случае многостороннего конфликта грань между охраной военного персонала и военных объектов от неприятельских нападений и охраной тех же лиц и объектов от насильственных посягательств, не связанных с военными действиями, порой неразличима⁶⁵. И, хотя в угрожающих жизни обстоятельствах редко удается вежливо поинтересоваться статусом соперника, при инциденте первого типа и тесном сотрудничестве с военным контингентом ЧВОК рискуют, сами того не

60 НИКИТИН А.А., НЕБОЛЬСИНА М.А. Указ. соч. С. 149.

61 LOVEMINE G. *Op. cit.* P. 3.

62 *Ibid.* P. 9.

63 *US Private Military Companies Plunder Syrian Oil Facilities – Russia’s General Staff* // TASS. 2019. July 29 (tass.com/world/1070821).

64 DREWS I. *Private Military Companies: The New Mercenaries? An International Law Analysis* // JÄGER T., KÜMEL G. (Eds.). *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. P. 353–354.

65 МЕЛЬЦЕР Н. *Непосредственное участие в военных действиях: руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права*. Международный Комитет Красного Креста. 2009. С. 44 (www.icrc.org/ru/document/rukovodstvo-neposredstvennoe-uchastie-v-voennyh-deystviyah).

зная, быть впоследствии осужденными за незаконное участие в боевых действиях и потерять свой иммунитет – право на защиту от нападения⁶⁶. Иначе говоря, из-за «плавающего» статуса ЧВОК их сотрудники сами могут оказаться под угрозой: в определенный момент их вполне могут привлечь к ответственности за преднамеренное нарушение прав человека.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Совершение ЧВОК и их сотрудниками незаконных действий, в том числе связанных с нарушениями международных гуманитарного права и права в области прав человека, вызывает много вопросов. Прежде всего – кого следует привлекать к ответственности за нарушения прав человека или военные преступления: государство-контрагента, ЧВОК или ее сотрудников персонально? Не менее важен вопрос, какой – международный или национальный – суд должен карать за неправомерные действия? Между тем по-прежнему отсутствуют как консенсус относительно зоны и субъекта ответственности за преступления, так и должные механизмы мониторинга и пресечения нелегальной активности. Ближневосточный регион богат примерами, подтверждающими это.

Первые новости об инцидентах, связанных с нарушениями прав человека, появились в апреле 2004 года, когда стало известно об издевательствах над заключенными в иракской тюрьме Абу-Грейб. Позже выяснилось, что к ним, помимо американских военнослужащих, были причастны и гражданские подрядчики из американских ЧВОК «Consolidated Analysis Center» и «Titan»⁶⁷. Хотя некоторые военнослужащие США предстали перед военным трибуналом за свои действия в Абу-Грейб, ни один сотрудник ЧВОК не был привлечен к уголовной ответственности. Через год после инцидента в иракской тюрьме в сети появилось так называемое «трофейное видео» с сотрудниками нанятого Министерством обороны предприятия «Aegis Defence Services». Видео с подмонтированной музыкой Элвиса Пресли содержало четыре отдельных клипа, в которых персонал стрелял по гражданским автомобилям в Багдаде⁶⁸. Несмотря на очевидность правонарушения, Министерство армии США решило, что «все было в рамках оговоренных прин-

66 SCHMITT M. *Humanitarian Law and Direct Participation in Hostilities by Private Contractors or Civilian Employees* // Chicago Journal of International Law. 2005. Vol. 2. № 5. P. 541.

67 ARNPRIESTER N. *Combating Impunity: The Private Military Industry, Human Rights, and The Legal Gap* // University of Pennsylvania Journal of International Law. 2017. Vol. 38. № 3. P. 1196.

68 RAYMENT S. «Trophy Video» Exposes Private Security Contractors Shooting up Iraqi Drivers // The Daily Telegraph. 2005. November 27 (www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/1504161/Trophy-video-exposes-private-security-contractors-shooting-up-Iraqi-drivers.html).

ципов применения силы; нет никаких вероятных оснований полагать, что было совершено преступление»⁶⁹. Никто не был обвинен или привлечен к ответственности.

Следующий громкий случай произошел 16 сентября 2007 года на площади Нисур в Багдаде, когда сотрудники «Blackwater» открыли стрельбу, в результате которой пострадали 37 человек, 17 из которых, в том числе женщины и дети, были убиты. По словам иракского гражданина, чей девятилетний сын погиб в тот день, «“Blackwater” была настолько могущественной, что ее сотрудники могли убить кого угодно и выйти сухими из воды, [...они] обладали властью Саддама Хусейна»⁷⁰. В конечном счете, четверо осужденных за это преступление американских контрактников в 2020 году получили от президента Дональда Трампа полное помилованию и амнистию⁷¹.

Приведенные примеры – лишь ничтожная часть зафиксированных случаев чрезмерного использования силы *гражданскими* контрактниками и совершения ими правонарушений, приводящих к гибели мирного населения. Как полагает эксперт рабочей группы ООН по наемникам, представление о нахождении ЧВОК вне зоны досягаемости международного гуманитарного права создает ощущение безнаказанности и полной свободы действий, а следовательно, подталкивает сотрудников фирм к совершению все новых противозаконных актов⁷². Упомянутая рабочая группа ООН предложила ряд ключевых принципов регулирования деятельности ЧВОК, позволяющих предотвращать или минимизировать нарушение ими прав человека. Действие этих принципов затрагивает и государства, и юридические лица, и индивидуальных сотрудников компаний. Помимо очевидного требования соблюдать права человека и нормы гуманитарного права, среди принципов фигурируют: законность приобретения, владения и использования ЧВОК оружия; адекватное, пропорциональное и осуществляемое на основе мандата применение силы; подотчетность компаний национальным правительствам страны происхождения (регистрации) и возможность регулирования допуска компаний в страну конфликта⁷³.

ПОЛИНА МАКСИМОВА

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ
И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ...

69 *Aegis Statement Regarding the «Trophy Video»*. Business and Human Rights Resource Centre. 2008. February 27 (www.business-humanrights.org/en/latest-news/doc-aegis-statement-regarding-trophy-video/).

70 Apuzzo M. *Ex-Blackwater Guards Given Long Terms for Killing Iraqis* // The New York Times. 2015. April 13 (www.nytimes.com/2015/04/14/us/ex-blackwater-guards-sentenced-to-prison-in-2007-killings-of-iraqi-civilians.html).

71 *Trump Pardon of Blackwater Iraq Contractors Violates International Law – UN* // Reuters. 2020. December 30 (www.reuters.com/article/us-iraq-blackwater-un-idUSKBN294108).

72 GÓMEZ DEL PRADO J. *Impact in Human Rights of Private Military and Security Companies' Activities* // The Brown Journal of World Affairs. 2011. Vol 18. № 1. P. 153.

73 *Report of The Working Group on The Use of Mercenaries as a Means of Violating Human Rights and Impeding the Exercise of The Right of People to Self-Determination A/HRC/7/7*. UN. Human Rights Council. 2008 (<https://digitallibrary.un.org/record/616722>); Никитин А.А., Небольсина М.А. *Указ. соч.* С. 153.

Перечисленные положения понятны и логичны; но как добиться их воплощения в жизнь? Именно с этой целью в 2008 году была запущена так называемая «швейцарская инициатива», призванная ликвидировать все «серые зоны» в правовом положении ЧВОК. В целом она представляет собой комплекс документов и разработок, призванных обеспечить соблюдение военно-охранными фирмами международного гуманитарного права и права в области прав человека⁷⁴. На сегодняшний день инициатива состоит из трех компонентов, первым из которых является адресованный государствам «Документ Монтрё», предусматривающий их юридические обязательства в отношении ЧВОК. Он содержит рекомендации для четырех категорий государств, касающиеся ответственности в случае незаконных действий ЧВОК, а также свод методов, позволяющих приспособить национальные законодательства к более эффективному регулированию компаний. В упомянутые четыре категории входят: а) государства-контрагенты (*contracting states*), нанимающие ЧВОК; б) государства территориальной юрисдикции (*territorial states*), где ЧВОК выполняют свои функции; в) государства происхождения (*home states*), где ЧВОК зарегистрированы и на которые, в соответствии с документом, возлагается обязанность «расследовать и [...] осуществлять судебное преследование, выдачу или передачу лиц, подозреваемых в совершении преступлений, предусмотренных международным правом»; г) прочие государства.

Вторым компонентом выступает адресованный ЧВОК Международный кодекс поведения ЧВОК, который обязует подписавшие его компании соблюдать положения «Документа Монтрё» и Устава ООН, разработав для этого соответствующие внутренние процедуры и взаимодействуя с национальными органами для создания универсальных стандартов для всех компаний⁷⁵. У кодекса есть много преимуществ: во-первых, его стандарты являются критерием оценки предпринимательской деятельности ЧВОК; во-вторых, он стремится уточнить применяемые к фирмам нормы международного права, очертить границы применения силы, установить иерархию ответственности по линии начальников и подчиненных; в-третьих, он позволяет потенциальным клиентам выявить для себя степень риска при заключении контракта и уровень профессионализма компаний⁷⁶. Все эти преимущества и объясняют, собственно, интерес самих

74 См.: Документ Монтрё. *О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта*. Женева; Берн: Международный Комитет Красного Креста; Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии, 2011 (www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf).

75 INTERNATIONAL CODE OF CONDUCT ASSOCIATION. *International Code of Conduct for Private Security Service Providers* (<https://icoca.ch/the-code/>).

76 Никитин А.А., Небольсина М.А. *Указ. соч.* С. 155.

ЧВОК, являющихся бизнес-структурами, к подписанию этого документа: ведь таким образом они укрепляют свою репутацию надежных партнеров, получают шанс расширить клиентскую базу и, соответственно, увеличить прибыль.

Третьим компонентом является Ассоциация Международного кодекса поведения ЧВОК, которая представляет собой механизм глобального мониторинга, посредством которого отслеживается соблюдение компаниями вышеупомянутого кодекса. Эта структура надзирает за компаниями в полевых условиях и проводит их сертификацию. Кроме того, она занимается приемом жалоб в отношении компаний и юридическим консультированием.

ПОЛИНА МАКСИМОВА
ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ
И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ...

Если ЧВОК все это время служат для государств удобными прокси-силами, зачастую действующими тайно и даже в обход законов, то в чем же смысл нынешнего стремления к саморегулированию и устранению «серых зон»?

Изначально «швейцарскую инициативу» поддержали семнадцать государств, подписавших «Документ Монтрё». На сегодняшний день среди присоединившихся уже 58 стран, в том числе США и Великобритания – крупнейшие поставщики частной силы на Ближний Восток, – а также Афганистан и Ирак, ставшие «привычной средой обитания» для компаний. Сирия документ не подписала, равно как и Россия, которая была приглашена к участию в его разработке еще в 2008 году⁷⁷. Здесь можно задать вопрос: если ЧВОК все это время служат для государств удобными прокси-силами, зачастую действующими тайно и даже в обход законов, то в чем же смысл нынешнего стремления к саморегулированию и устранению «серых зон»? Ответ, видимо, состоит в том, что, действуя в крайне сложных условиях войн четвертого поколения, когда вооруженный конфликт все более походит на продолжение не политики, но бизнеса, приходится больше думать о долгосрочных и разрушительных последствиях неопределенности. Отсюда и возникают потребность в самоконтроле и стремление к сдерживанию своих партнеров и потенциальных соперников. К тому же непосредственных издержек от «швейцарской инициативы» не так уж и много; в конце концов, пути обхода всегда при большом желании можно найти.

77 Подробнее см.: FEDERAL DEPARTMENT OF FOREIGN AFFAIRS OF SWISS CONFEDERATION. *Participating States of Montreux Document* (www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/international-law/international-humanitarian-law/private-military-security-companies/participating-states.html).

КРАТКИЕ ИТОГИ

Обратившись к анализу индустрии ЧВОК на основе примеров из Афганистана, Ирака и Сирии, накопивших весьма богатый опыт присутствия частной силы, нам удалось выявить множество пробелов в правовом регулировании военно-охранных компаний. Эти пробелы, касающиеся в основном неясного статуса их сотрудников, объясняют непрозрачность их деятельности, а также вытекающие из нее безнаказанность и склонность к нарушениям прав человека.

При этом ЧВОК являются неотъемлемой частью военных действий XXI века. Их присутствие в вооруженных конфликтах неизбежно будет расширяться в силу многократно подтвержденной эффективности и практичности подобного аутсорсинга. ЧВОК менее бюрократизированы, чем военные ведомства; они не нуждаются в особом санкционировании своих действий межправительственными организациями в лице, например, ООН; они обладают высокой мобильностью и маневренностью; их руководящий состав комплектуется из профессионалов военного дела; они адаптивны, многофункциональны и рекрутируют персонал на основе пожеланий заказчика и условий среды⁷⁸. Поэтому даже при наличии у мирового сообщества возможности пресечь деятельность ЧВОК это было бы крайне нецелесообразно и контрпродуктивно.

Следовательно, остается только добиваться все большей подотчетности бизнеса военно-охранных услуг и дальнейшего упорядочивания его деятельности. На достижение именно этих целей направлены «швейцарская инициатива» и деятельность профильной рабочей группы ООН. Однако и на национальном уровне также необходимы сдвиги; соответствующих изменений требует, в частности, российское законодательство. Поэтому столь важно привлечение дополнительного внимания к сохраняющимся «серым зонам», угрожающим и самим сотрудникам военно-охранного бизнеса, и их клиентам, и мирному населению в пределах театров военных действий.

О некоторых особенностях восприятия России в современном Египте и не только в нем¹

ЯКОВ
ЛИОКУМОВИЧ,
ИВАН
ГЕРАЩЕНКО

Осенью 2015 года Россия начала военную операцию в Сирии, выступив на стороне правительства Башара аль-Асада в идущей в этой стране гражданской войне. Многими наблюдателями это событие было воспринято как начало «возвращения России на Ближний Восток»². Действительно, после распада Советского Союза в 1991 году геополитическое влияние Москвы в ближневосточном и североафриканском регионе оставалось лишь номинальным; теперь же прямое военное вмешательство во внутренний конфликт, разгоревшийся в одном из арабских государств, снова превращало Россию в одного из наиболее заметных внешнеполитических акторов, действующих на Ближнем Востоке. Иными словами, для новейшей истории российско-арабских отношений это был по-настоящему переломный момент. В свою очередь Египет, будучи самым многонаселенным арабским государством, причем занимающим ведущее место в региональной политике, в значительной степени традиционно предопределяет общественные настроения всего арабского мира. По этой причине исследование того, как нынешняя Россия воспринимается в «стране пирамид», позволит составить представление о том, как наша страна выглядит в глазах ближневосточной публики в целом.

Яков Борисович Лиокумович (р. 1998) – стажер-исследователь научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иван Денисович Геращенко (р. 1998) – главный специалист отдела международного сотрудничества ФГБУ «Центр оценки качества зерна».

ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИРИИ КАК ПРЕДЫСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде, чем начать разговор о том, как трактуется нынешняя Россия египтянами, полезно остановиться на отношении ближневосточных комментаторов к тому событию, которое не-

- 1 Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году при поддержке гранта РНФ (21-18-00123).
- 2 См., например: КАРАГАНОВ С.А., МАКАРОВ И.А. *Поворот на Восток: итоги и задачи* // Журнал Сибирского гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 8. С. 6–10; KOROLEV A. *Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications* // Pacific Affairs. 2016. Vol. 89. № 1. P. 53–73;

сколько лет назад и реанимировало российскую тему в арабском политическом дискурсе. В арабском мире российское решение об интервенции в Сирии было встречено по-разному, а его оценки варьировали от апологетических до негативных. В дискуссиях на эту тему довольно громко звучали голоса тех местных наблюдателей, согласно которым Россия, непосредственно занявшись Сирией, допустила серьезную ошибку, а применяемые ею силовые методы неминуемо повредят имиджу страны в ближневосточном регионе. Так, сирийский политический аналитик Абдель Насер аль-Айед, работающий в Исследовательском центре «Al Jazeera» в Катаре, в октябре 2015 года заявлял, что истинной целью военной операции Москвы является вовсе не декларируемая борьба с террористами запрещенного в Российской Федерации «Исламского государства Ирака и Леванта» («ИГИЛ»), а защита диктаторского режима аль-Асада, что с неизбежностью приведет Москву к конфронтации со всеми фракциями сирийской оппозиции, как светскими, так и исламистскими³. Как полагал автор, это в свою очередь должно будет вылиться в столкновение со странами, их поддерживающими – в первую очередь монархиями Персидского залива. Кроме того военное вмешательство в сирийский конфликт, не согласованное с западными державами, вполне может обернуться даже не региональным, а глобальным кризисом. Наконец, операция в Сирии, доказывалось в статье, имела и внутривнутриполитические цели, задаваемые сугубо местными трендами: с ее помощью российское руководство удовлетворяет запрос консервативно-милитаристских элит и поддерживающих их сегментов общества, которые хотят видеть свою страну «влиятельным глобальным игроком».

Палестинский политолог Салам ас-Саади был не столь категоричен в своих оценках, хотя его доводы в статье 2015 года во многом схожи с мыслями аль-Айеда в том, что главной целью российской операции выступает поддержка властей Дамаска, а не противостояние «ИГИЛ»⁴. При этом, однако, эксперт высказывал предположение, что сирийский лидер аль-Асад, несмотря на огромную помощь, оказанную ему Россией, вовсе не готов исполнять все предъявляемые ему требования Москвы. В подтверждение отмечалось, что он и ранее саботировал многие инициативы России, включая попытки сформировать

BLAKKISRUUD H. *An Asian Pivot Starts at Home: The Russian Far East in Russian Regional Policy* // BLAKKISRUUD H., WILSON ROWE E. (Eds.). *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 11–30.

3 AL-'AYYED A. *At-Tadakhul al-'Askari ar-Rusi fi Suriya: ad-Dawa'i w-at-Tada'iyat w-al Afaq* [Аль-Айед А. *Российская военная интервенция в Сирии: мотивы, последствия и перспективы*]. Aljazeera Centre for Studies. 2015 (<https://studies.aljazeera.net/ar/reports/2015/10/2015101105029303116.html>).

4 AS-SA'ADI S. *Ahdaf Rusiya Tawilat-l-Amd fi Suriya* [Ас-Саади С. *Долгосрочные цели России в Сирии*]. Carnegie Endowment for International Peace – Sada. 2015. 6 октября (<https://carnegieendowment.org/sada/61524>).

в Сирии правительство национального единства и проведение под российской эгидой конференций по мирному урегулированию. Россия, как полагает ас-Саади, сталкивается с парадоксом: ее неспособность эффективно воздействовать на сирийского президента неумолимо подрывает тот самый авторитет, желание восстановить и укрепить который виделось Кремлю одной из принципиальных целей сирийской кампании.

Довольно критичный настрой по отношению к Москве тогда демонстрировал и египетский аналитик Мохаммед Мансур: подобно другим арабским комментаторам, он придерживался мнения, что российская военная операция в Сирии значительно осложнит отношения Москвы с суннитскими монархиями Персидского залива⁵. Согласно Мансуре, несмотря на то, что в уничтожении «ИГИЛ» заинтересованы все страны региона, государства Залива одновременно выступают против сохранения режима аль-Асада из-за его прочных связей с шиитским Ираном и проиранской группировкой «Хизбалла», поскольку их беспокоит протестный потенциал собственных шиитских меньшинств, ориентированных на Тегеран. И в этом плане поддержка, оказываемая Москвой Дамаску, ими приветствоваться никак не может.

Следуя в целом линии упомянутых выше авторов и разделяя их аргументы, директор Арабского центра политических исследований в Дохе (Катар) Азми Бишара дополнял и развивал их, обвинив Россию в политике двойных стандартов. По его мнению, Москва, не имея четко выраженной внешнеполитической идеологии, «борется с сепаратистами в одних странах и поддерживает их в других странах» исходя из сугубо собственных прагматических интересов⁶. Кроме того, катарский эксперт был убежден, что Россия воюет главным образом с силами умеренной сирийской оппозиции, а не с «ИГИЛ», позиции которого ее действия объективно усиливают.

Тем не менее среди арабских авторов тогда оказалось и много тех, кто оценил российскую военную операцию в Сирии позитивно и воодушевленно. Например, египетский политолог и телеведущий Ахмед Муса, обычно высказывающий точку зрения официального Каира, с самого начала российской интервенции выражал ей поддержку. В одной из телепередач, показывая видео российских ударов по целям «ИГИЛ», Муса хвалил российские вооруженные силы за «решительность и эффективность», противопоставляя их американской армии,

**ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

5 MANSOUR M. *Arab Countries' Conflicting Views on Russian Intervention in Syria*. Fikra Forum: An Initiative of the Washington Institute for Near East Policy. 2015. November 4 (www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/arab-countries-conflicting-views-russian-intervention-syria-0).

6 BISHARA A. *Russian Intervention in Syria: Geostrategy Is Paramount*. Doha: Arab Center for Research & Policy Studies, 2015.

**ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

не сумевшей, по его словам, за год своего военного присутствия добиться в Сирии сколько-нибудь заметных результатов. (Позже выяснилось, что за репортаж о российских ударах по экстремистам Муса принял кадры из видеоигры, что немного подпортило впечатление у зрителей, но не умалило энтузиазма у самого эксперта.) Как пишет упоминавшийся выше Мохаммед Мансур, десятки египетских журналистов и интеллектуалов придерживаются мнения, высказанного Мусой⁷.

Сторонники военной операции, разумеется, есть и среди сирийских интеллектуалов⁸. К примеру, сирийский политолог Мухаммед Сейф ад-Дин в одной из своих статей заявлял, что Россия своей решимостью бороться с терроризмом в Сирии разрушила турецкие планы по дестабилизации этой страны и всего региона⁹. Турцию и страны Запада автор материала напрямую обвинял в поддержке террористов. Кроме того, Сейф ад-Дин подчеркивал, что, в отличие от других стран, вмешивающихся в сирийский конфликт, Россия присутствует на сирийской территории вполне легитимно, поскольку она проводит военную операцию по просьбе законного правительства из Дамаска.

Похожего мнения придерживался и сирийский политолог Ибрагим аль-Амин, который в одном из ливанских изданий позитивно отзывался о формировании регионального антитеррористического альянса, состоящего из России, Сирии, Ирана, Ирака и движения «Хизбалла»¹⁰. По мнению автора, такой коалиции предстоит стать «силой, способной противостоять “Аль-Каиде” и двум ее ответвлениям в лице “ИГИЛ” и “Ан-Нусры”» (все они запрещены в России). При этом главными спонсорами терроризма аль-Амин называет альянс Турции, Катара и Саудовской Аравии, а также западные страны, совокупно именуя их «врагами Сирии». Россия же, соответственно, играет в союзе «4+1» решающую роль, поскольку располагает изрядной военной мощью и немалым международным влиянием.

Семь лет назад, когда российские вооруженные силы вернули масштабную военную операцию на сирийской территории, арабские комментаторы оценивали эту инициативу по-разному, но почти все сходились в одном: Москва вновь, причем весьма стремительно, превратилась в одного из клю-

7 MANSOUR M. *Op. cit.*

8 См., например: SHADIYAQ I. *Al-'Awdah ar-Rusiyyah ila-sh-Sharq al-Awsat* [Шадыяк И. Возвращение России на Ближний Восток] // Lebanese National Defense. 2022. 10 января (www.lebarmy.gov.lb/ar/content); MATAR G. *Rusia fi-sh-Sharq al-Awsat. Keyfa wa ila Mata wa bi Eyy Thaman* [Матар Г. Россия на Ближнем Востоке. Как, насколько и какой ценой?] // Asharq Al-Awsat. 2019. 26 ноября (<https://aawsat.com/home/article/2008101>).

9 SEYF AD-DIN M. *At-Ta'irat ar-Russiyah wa Ahlam as-Sultan* [Сейф Ад-Дин М. Русские самолеты и мечты султана] // Al-Mayadeen. 2015. 17 ноября (www.almayadeen.net/butterfly-effect/611235/).

10 AL-AMIN I. *Tahaluf 1+4 li Muwajuhat al-Irhab* [Аль-Амин И. Альянс «4+1» по противодействию терроризму] // Al-Akhbar. 2015. 22 сентября (<https://al-akhbar.com/Syria/11475>).

чевых акторов ближневосточной геополитики, что действительно позволяет говорить о полномасштабном российском «возвращении» в регион. Более того, и недруги, и сторонники России видели в ней силу, с которой впредь придется считаться таким традиционным региональным игрокам, как Саудовская Аравия, Турция, Израиль, Европейский союз и США.

**ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

ОБРАЗ РОССИИ В АРАБСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Безусловно, на оценках сирийского эпизода, как и на формировании образа России в арабском мире в целом, ощутимо сказывается предшествующая история политического, экономического, культурного присутствия Советского Союза на Ближнем Востоке. СССР сначала поддерживал арабские национально-освободительные движения, а потом предоставлял молодым независимым государствам экономическую и технологическую помощь, участвуя в реализации важных инфраструктурных проектов. Кроме того, СССР рассматривался как противовес западному влиянию и источник альтернативной модели социально-политического устройства¹¹. Начиная с 1960-х Москва активно поддерживала арабские страны в конфликте с Израилем, который в ближневосточном обществе исторически воспринимался как форпост западного влияния в регионе и заклятый враг арабского мира. Поэтому, как отмечают российские ученые, в арабском общественном дискурсе сохранился довольно устойчивый положительный образ России, особенно среди людей старшего поколения.

Однако, по мнению российского арабиста Алексея Васильева, политическая линия, которую проводит на Ближнем Востоке современная Россия, качественно отличается от прежней советской – в первую очередь тем, что в ней отсутствует идеология и преобладает прагматизм¹². Покончив с «простоем» 1990-х, на протяжении которых Ближний Восток не был для Москвы приоритетным направлением, России удалось установить партнерские отношения со всеми значимыми региональными акторами, включая Саудовскую Аравию и Израиль, с которыми СССР по идеологическим причинам не сотрудничал¹³. Соответственно, образ современной России, бытующий на Ближнем Востоке, сочетает в себе элементы, унаследованные от СССР, с отсутствием

11 Подробнее см.: Мохова И.М. *Образ России в арабском мире: от советско-арабской дружбы до проблемы поиска нового образа*. Институт Ближнего Востока. 2013. 1 февраля (<http://www.iimes.ru/?p=16683>).

12 См.: Васильев А.М. *От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке*. М.: Центрполиграф, 2018.

13 КАРАГАНОВ С.А., МАКАРОВ И.А. *Указ. соч.*

**ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

марксистско-ленинской догматики и готовностью сотрудничать со всеми здешними государствами¹⁴.

Из характерных черт, объединяющих образы СССР и Российской Федерации, эксперты и публика выделяют вечное противостояние со странами Запада во главе с США. Практически во всех политических событиях на Ближнем Востоке российская и американская позиции были диаметрально противоположными: в частности, нынешняя Россия, подобно прежнему Советскому Союзу, стабильно поддерживала диктаторские режимы Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи и Башара аль-Асада, против которых выступали демократические страны Запада. По мнению некоторых аналитиков, опираясь на популярность в регионе антиамериканских нарративов, России стоит и в дальнейшем последовательно позиционировать себя в качестве силового центра, противодействующего Западу, убеждая в принципиальности такой позиции своих арабских партнеров¹⁵. Стоит отметить, что подобная стратегия пользуется определенным успехом: как считает ливанский политолог Хелаль Хашан, у большинства арабов давно сформировалась подсознательная враждебность к Западу из-за непоколебимой американской поддержки Израиля. Соответственно, арабы – прежде всего «арабская улица» – готовы поддерживать любую страну, лишь бы только она выступала против внешней политики Вашингтона¹⁶.

Помимо этого, в таком регионе, как Ближний Восток, где легитимность власти исторически связывалась с харизмой, Россия воспринимается через образ ее президента Владимира Путина¹⁷. Российский лидер превратился в своего рода бренд, символизирующий военную мощь возглавляемого им государства. Как считает Хашан, для многих арабов, особенно мусульман-шиитов, поддерживающих Башара аль-Асада, Путин стал «народным героем сродни Саладину»: они видят в нем «лидера большой и могущественной державы, которая не сгибается под давлением Соединенных Штатов Америки, поскольку обладает ядерным оружием»¹⁸.

Перечисленные выше тенденции в полной мере проявили себя в египетском контексте. Египетские дискурсивные практи-

14 ISSAEV L., SHISHKINA A. *Russia in the Middle East: In Search of Its Place* // MUHLBERGER W., ALARANTA T. (Eds.). *Political Narratives in the Middle East and North Africa: Conceptions of Order and Perceptions of Instability*. Cham: Springer, 2020. P. 95–114.

15 ВАСИЛЬЕВ А.М. *Указ. соч.*

16 HASHAN H. *Limadha Yahdhi Butin bi-Sha'abiyyah lada-l-'Arab* [Хашан Х. Почему Путин пользуется популярностью у арабов] // Al-Quds Al-Arabi. 2022. 9 апреля (www.alquds.co.uk).

17 RUMER E., WEISS A. *A Brief Guide to Russia's Return to the Middle East*. Carnegie Endowment for International Peace. 2019. October 24 (<https://carnegieendowment.org/2019/10/24/brief-guide-to-russia-s-return-to-middle-east-pub-80134>).

18 HASHAN H. *Op. cit.*

ки, касающиеся международной политики, традиционно резонируют по всему региону, и отношение к Российской Федерации в этом смысле не исключение. Безусловно, в «стране пирамид» устойчивости положительного восприятия России заметно способствует историческая память: Москва выстраивала теплые отношения с Каиром со времен президента Гамала Абдель Насера, при котором советские специалисты участвовали в возведении Асуанской плотины, а также строительстве почти сотни инфраструктурных и промышленных объектов¹⁹. Москва оказывала поддержку Египту во время Суэцкого кризиса 1956 года, а также арабо-израильских войн, поставляя вооружения и обучая кадры. Важно подчеркнуть, что с нынешним египетским режимом, который возглавляет президент Абд аль-Фаттах ас-Сиси, у Кремля так же сложились весьма хорошие отношения.

**ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

Образ современной России, бытующий на Ближнем Востоке, сочетает в себе элементы, унаследованные от СССР, с отсутствием марксистско-ленинской догматики и готовностью сотрудничать со всеми здешними государствами.

Официальный Каир неоднократно выражал поддержку российской операции на сирийской земле: в частности, министр иностранных дел Самех Шукри открыто приветствовал желание России бороться с террористами и остановить их продвижение в Сирии²⁰. Схожим образом о российской операции отзывались многие египетские общественные деятели и интеллектуалы. По мнению местных экспертов, главным преимуществом российско-египетских отношений является их прагматичный, то есть лишенный идеологической компоненты, характер: Россия оказывает Египту военную помощь, не обращая внимания на то, как египетское руководство решает свои внутригосударственные проблемы. Египтянам это по душе, поскольку США, стойко выражая заинтересованность в демократических реформах в стране, неоднократно замораживали поставки вооружений после очередного разгона египетскими властями антиправительственных демонстраций или каких-то иных отступлений от правозащитного канона²¹. С нынешней Россией, которая закрывает глаза на подобные вещи, вести дела гораздо проще.

19 Подробнее см.: БЕЛЯЕВ И.П., ПРИМАКОВ Е.М. *Египет: время президента Насера*. М.: Мысль, 1981.

20 ТАРАСОВ Д. *МИД Египта: Каир выступил в защиту действий ВКС РФ в Сирии* // ТАСС. 2016. 13 января (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2583241>).

21 См., например: RYAN M. *Obama Administration Ends Long Hold on Military Aid to Egypt* // The Washington Post. 2015. March 31 (www.washingtonpost.com/world/national-security/obama-administration-ends-long-hold-

**ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

Причем военной областью российско-египетские отношения не ограничиваются: две страны активно сотрудничают в сферах торговли, энергетики и туризма. О положительной динамике двухсторонних отношений во всех областях и о взаимной удовлетворенности партнеров свидетельствует тот факт, что в октябре 2018-го Москва и Каир подписали Договор о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве, который заменил собой Договор о стратегическом партнерстве от 2009 года²². Новый документ предусматривает более широкое поле двустороннего взаимодействия²³. Впрочем, поскольку межгосударственные связи не всегда точно фиксируют отношение населения той или иной страны к ее официальным партнерам, полезно сверить высказанные в этом разделе предположения с результатами полевых исследований, проведенных в минувшем году в Египте.

РОССИЙСКИЙ ИМИДЖ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В декабре 2021 года сотрудники научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» провели в Египте полевое исследование, задача которого заключалась в реконструкции образа России, бытующего среди египетской молодежи в контексте российского возвращения на Ближний Восток. В ходе этой работы было проведено анкетирование, включающее двадцать закрытых вопросов, которые задавались египтянам и египтянкам моложе 35 лет, проживающим в Каире; всего были опрошены 123 человека. При построении выборки использовался вероятностный отбор.

Сначала остановимся на вопросах, относящихся к восприятию России в целом. Обработка анкет показала, что 65% опрошенных вне зависимости от пола, возраста и религии считают, что политика Российской Федерации в целом позитивно влияет на Египет; лишь 2% респондентов полагали, что Россия воздействует на их страну негативно. Интересно, что при-

on-military-aid-to-egypt/2015/03/31/6f528c2c-d7d6-11e4-8103-fa84725dbf9d_story.html); JAKES L., EL-NAGGAR M. *U.S. Blocks \$130 Million in Aid for Egypt over Rights Abuses* // The New York Times. 2022. January 28 (www.nytimes.com/2022/01/28/us/politics/egypt-us-human-rights.html).

22 См.: *Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве от 17 октября 2018 года (вступил в силу 10 января 2021 года)* (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101110009>).

23 См.: AL-ANANI K. *Growing Relations between Egypt and Russia: Strategic Alliance or Marriage of Convenience?* Arab Center. Washington, D.C. 2021. September 27 (<https://arabcenterdc.org/resource/growing-relationships-between-egypt-and-russia-strategic-alliance-or-marriage-of-convenience/>).

мерно в том же соотношении опрошенные оценивали и роль бывшего Советского Союза: 62% дали ей позитивную оценку, а 1% – отрицательную. Учитывая такой контекст, представляется вполне естественным, что 73% опрошенных рассматривают Россию в качестве экономически развитого государства, а 50% ощущают экономическую и политическую поддержку, оказываемую Россией Египту. Лишь 22% опрошенных имели опыт личного общения с россиянами; это означает, что образ России в глазах молодого поколения египтян формируется в основном под влиянием СМИ. Наконец, 83% респондентов полагают, что Египет испытывает дефицит информации о России. Это в свою очередь может указывать на слабую эффективность российской публичной дипломатии. В целом же исходя из стойко положительного отношения к нашей стране, которое складывается при минимальном опыте общения с россиянами, можно сделать вывод, что на современную Россию проецируется положительный образ СССР, заимствуемый из прошлого.

Что касается вовлеченности России в ближневосточную политику, то исследование показало, что по многим вопросам, затрагивающим международные конфликты, египетская молодежь довольно индифферентна: так, 81% и 86% опрошенных затруднились оценить роль России в разрешении сирийского и ливийского кризисов соответственно. Причем если в отношении сирийского кризиса официальные позиции Москвы и Каира существенно не различались, то в Ливии Россия зачастую действовала не так, как хотелось официальному Каиру. В то время как Египет встал на сторону международно-признанного правительства, обосновавшегося в Триполи, Москва поддерживала маршала Халифу Хафтара, контролирующего восточную часть страны. Тем не менее расхождение ливийских интересов России и Египта не вело к возникновению антироссийских настроений. Иначе говоря, складывается впечатление, что вмешательство Москвы в региональные конфликты почти не влияет на общее отношение к России – если только речь не идет непосредственно о населении тех стран, на территории которых такие конфликты разворачиваются.

В последние годы участие российских частных военных компаний (ЧВК) в локальных конфликтах стало одним из наиболее распространенных способов обозначения российского присутствия как на Ближнем Востоке, так и в Африке: ЧВК из России участвовали в конфликтах в Сирии, Ливии, ЦАР, Судане, Мозамбике и Мали. При этом деятельность российских ЧВК нередко подвергалась жесткой критике, особенно на Западе²⁴.

24 См., например: CARTER H. *Vlad's Monsters: Putin's Wagner Group Mercenaries «Killed Kids, Raped and Tortured Women “Like Animals” & Executed Men in Mosques»* // The Sun. 2021. May 7 (www.thesun.co.uk/news/14879449/putins-wagner-group-mercenaries/).

**ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

**ЯКОВ ЛЮКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

Однако, как показали результаты нашего исследования, молодые египтяне слабо осведомлены о российских ЧВК. Лишь 2% опрошенных утвердительно ответили на вопрос «Слышали ли вы о присутствии российских ЧВК в Африке и на Ближнем Востоке?». Соответственно, подавляющее большинство респондентов оказались не в состоянии оценить их деятельность. При этом 24% опрошенных положительно оценили роль России в борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке, в то время как отрицательно высказались по этому поводу лишь 2%.

Результаты опроса также подтвердили тенденцию, типичную для многих государств региона, – а именно, негативное отношение местной публики к ближневосточной политике США. Лишь 4% опрошенных считали американскую политику на Ближнем Востоке эффективной, причем, несмотря на существенную финансовую помощь, которая издавна оказывалась и продолжает оказываться американцами Египту. По-видимому, преобладающее негативное отношение египтян к политике Вашингтона следует объяснять действиями Соединенных Штатов в Ираке и Ливии, а также поддержкой, оказываемой ими Израилю. Около 50% респондентов заявили, что египетские проблемы являются в основном следствием внешнего вмешательства; при этом 86% считали подобное внешнее вмешательство причиной большей части ближневосточных проблем в целом, что вполне коррелирует с зафиксированными ранее антиамериканскими и антизападными настроениями. В отношении России подобная корреляция отсутствовала: большинство опрошенных, осуждающих стороннее вмешательство в ближневосточные дела, положительно или нейтрально отзывались о роли России в региональной политике и, в частности, в борьбе с терроризмом. Сказанное означает, что российское и американское вмешательство не приравнивается египтянами друг к другу. В целом одним из аспектов положительного отношения к России выступает ее противопоставление Западу и США, представляющее своеобразным продолжением советско-американского соперничества времен «холодной войны».

Любопытно при этом, что 43% опрошенных не смогли назвать ни одного известного им россиянина, в то время как 29%, отвечая на соответствующий вопрос, упомянули имя президента России Владимира Путина. Впрочем, 17% респондентов смогли назвать даже два имени (по частоте упоминаний вторым оказался Рамзан Кадыров), а 11% – три. Похоже, что президент Путин действительно превратился для арабской публики в своего рода бренд. Наконец, следует отметить, что положительное отношение к России остается для египтян чем-то чисто интуитивным: они не имеют достоверной информации о российской активности на Ближнем Востоке, но склонны

априорно относиться к ней положительно. Подобный уровень доверия, вероятно, объясняется памятью о взаимовыгодном сотрудничестве между Советским Союзом и Египтом после революции 1952 года. Иначе говоря, на бытовательском уровне простые египтяне не делают разницы между нынешней Российской Федерацией и бывшим Советским Союзом: в их глазах это по-прежнему одно и то же государство.

**Яков Лиокумович,
Иван Герашенко**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

На бытовательском уровне простые египтяне не делают разницы между нынешней Российской Федерацией и бывшим Советским Союзом: в их глазах это по-прежнему одно и то же государство.

* * *

Начав в 2015 году военную операцию в Сирии, Россия вернула себе статус одного из ключевых акторов ближневосточной политики. Тем не менее анализ и экспертного, и бытовательского дискурса свидетельствует, что образ России как в Египте в частности, так и в регионе в целом, находится в стадии формирования. Элементы, унаследованные от советского прошлого, продолжают сочетаться в нем с новыми чертами, среди которых выделяется избавленный от идеологических мотивов прагматизм, превратившийся в основу всей внешнеполитической деятельности Кремля. При этом есть все основания предполагать, что линия, основывающаяся, с одной стороны, на противостоянии Западу, а с другой стороны, – на отказе от идеологического миссионерства, может помочь России не только сохранить старых союзников, но и обзавестись новыми.

Мистика и эстетика: Аннемари Шиммель и ее новаторский взгляд на ислам¹

Штефан Вейднер (р. 1967) – немецкий исламовед, писатель и переводчик, член исполнительного комитета Немецкой академии языка и поэзии, лауреат Премии шейха Хамада за перевод и взаимопонимание между народами (Катар, 2018). Среди его недавних книг «Jenseits des Westens. Für ein neues kosmopolitisches Denken» (2018), «1001 Buch. Die Literaturen des Orients» (2019), «Ground Zero. 9/11 und die Geburt der Gegenwart» (2021).

Великий немецкий исламовед Аннемари Шиммель (1922–2003), чей столетний юбилей мы отмечаем в этом году, заметно отличалась от немецких и зарубежных современников-исламоведов своим нетривиальным, полным любви отношением к исламу. Особый акцент в ее творчестве делается на исламском мистицизме и исламской эстетике. Спустя столетие было бы важно задаться вопросами о генеалогии этого образа ислама, его нынешнем значении и содержащемся в нем новаторском потенциале.

ЖЕНЩИНА В МИРЕ МУЖЧИН

Начну с важного признания: я завидую Аннемари Шиммель и был бы не прочь поменяться с ней местами. Разумеется, она не согласилась бы на такую невыгодную сделку, хотя, несомненно, моей целью при подобной рокировке выступило бы отнюдь не желание обзавестись внешностью нашей героини. И я, конечно, преисполняюсь завистью не из-за ее свершений и достижений. На самом деле она была не просто успешным человеком, но успешной женщиной, причем в среде, где повсюду доминировали мужчины.

Безусловно, я восхищаюсь ею за это, но очевидно, что никому и в голову бы не пришло позавидовать той борьбе, через которую ей пришлось пройти, всем тем мелким унижениям, о которых она рассказывает в своей автобиографии². Ее, например, на арабский или турецкий манер, иногда называли «Джемиле» или «Джамила» – и, хотя это слово переводится как «красивая», оно сводило личность Аннемари Шиммель к ее внешности. Разве осмелился бы кто-нибудь так поступать с высокоодаренным и подающим надежды мужчиной? «Мужчины наши враги», – цитирует Шиммель подругу-феминистку, и мы понимаем, почему это было сказано.

1 В основу настоящей статьи положена лекция, с которой автор выступил 23 апреля 2022 года в Эрфурте, в Лицее имени королевы Луизы, в честь столетнего юбилея Аннемари Шиммель. Текст предоставлен «НЗ» автором в мае 2022 года и печатается с его любезного разрешения.

2 См.: ШИММЕЛ А. *Morgenland und Abendland: Mein west-östliches Leben*. München: C.H. Beck, 2002. – Примеч. перев.

Благодаря учебе в Берлине и работе в Министерстве иностранных дел и Немецком восточном обществе (Deutsche Morgenländische Gesellschaft) во время войны, Шimmel завела тесные связи с немецкими востоковедами. Уже в 1941 году, в возрасте девятнадцати лет, она защитила докторскую диссертацию – что просто невысказано, по сегодняшним меркам; а в марте 1945-го, в сумятице последних недель войны, представила хабилитационную работу. Тем не менее более или менее приличную академическую должность ей удалось получить лишь в 1961 году в Бонне.

Аннемари Шimmel стала первой прославленной женщиной-исламоведом. Насколько острой была нехватка женщин в этой науке до ее прихода, можно судить по тому, что из десятков переводов Корана на европейские языки лишь один, да и то недавно, был опубликован женщиной: его сделала Ангелика Нойвирт. Нелепые предрассудки патриархальных культурных кругов, до недавнего времени затрагивавшие и нас, изображавшие сферу сакрального сугубо мужским поприщем, были развенчаны этим ярким примером.

Аннемари Шimmel, оказавшись между этих жерновов, не позволила себя раздавить – напротив, именно она, раз и навсегда сняв негласный запрет, сделала освоение исламских наук женщинами вполне обычным делом. Идущее за ней поколение породило множество выдающихся исламоведов-женщин. Я уже упоминал Ангелику Нойвирт; говоря о немецкоязычном мире, уместно также назвать Гудрун Шуберт, Ротрауд Виландт, Вибке Вальтер, Альму Гизе. Так или иначе, все они могут считать себя наследницами Аннемари Шimmel, причем не в последнюю очередь – в плане особой привязанности к восточной литературе.

Но если, как выяснилось, я завидую Шimmel не из-за ее карьеры, которой препятствовали мужчины – попутно признаюсь, что даже мне, представителю мужской половины человечества, делать карьеру было очень сложно, – то тогда из-за чего же? Ответ очевиден: моя зависть обусловлена теми многочисленными языками, которые она знала гораздо лучше меня. И, конечно, ее книгами, которых так много, что ее первенство по этой части навсегда останется неоспоримым. При этом утешать себя остается тем, что в написании книг она превзошла даже тех, кто был гораздо прилежнее автора этих строк.

Своими переводами и книгами она проложила дорогу для меня как для ученого-исламоведа. Я последовал по ее стопам в двух отношениях. Во-первых, это моя работа в журнале «Мысль и искусство» («Fikrun wa Fann»), который поддерживает арабоязычный диалог между Германией и арабским миром. Издание было основано в 1963 году Альбертом Тайлем и Анне-

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

мари Шиммель, совместно возглавлявшими его до середины 1970-х. Четверть века спустя, на эпохальном рубеже 11 сентября 2001 года, мне выпала честь занять пост главного редактора. Сравнив выпуски журнала, издававшиеся Шиммель, с теми, которые редактировал я сам, можно получить определенный намек на то, на чем основывается моя зависть к основательнице этого издания: у нее была возможность печатать такой журнал на свой вкус исходя исключительно из эстетических и художественных критериев – и при этом совсем не касаться политики.

И, хотя совесть отнюдь не терзает меня за то, что я сделал журнал более политизированным, более спорным, более полифоничным, просматривая старые номера, невольно ловлю себя на мысли, что в те времена, когда им руководила Шиммель, мир был немного красивее, а редактор мог позволить себе большую восприимчивость к красоте и большую беспристрастность. Конечно, ее не раз обвиняли в недостаточном интересе к политике. Но в наше время, когда безжалостно политизировано все, вплоть до тончайших структур языка, к тем былым обвинениям остается относиться со снисходительным высокомерием.

ЖИВОЕ АРАБСКОЕ СЛОВО

Но, разумеется, в конечном счете, я завидую не этому. Прежде, чем пояснить, позвольте остановиться на втором аспекте деятельности Шиммель, где она тоже стала для меня примером для подражания. Аннемари Шиммель оказалась среди первых – и очень немногих – исламоведов своего поколения, которые интересовались современным мусульманским миром не как мертвым филологическим материалом или социально-политической проблемой – огромный энтузиазм у нее вызывала творимая в этом мире современная литература. В отличие от других исследователей, Шиммель интересовалась не только классиками восточного слова, но и ныне живущими писателями и поэтами, причем даже самыми молодыми. Для Запада это стало чем-то неслыханно новым. Исламский мир как бы становился нашим современником – причем не как политическая проблема, а как место, где генерируется живая и современная культура. Чтобы в полной мере оценить этот сдвиг, инициированный Шиммель, стоит учесть, что Иоганн Вольфганг фон Гёте, Фридрих Рюккерт и многие другие, чей интерес к Востоку всегда превозносился, интересовались тем не менее только его прошлым – теми поэтами, мыслителями, святыми, которые давно умерли.

Между тем Аннемари Шиммель опубликовала антологию переводов *современной* арабской поэзии еще в 1975 году. Двадцать лет спустя, будучи переводчиком и арабистом, я смог воочию наблюдать за составлением ею очередного сборника – и притереться, и попрактиковаться. Тон в подготовке той публикации задавала сама Шиммель. Можно ли было делать такое дело лучше? Признаюсь, основой моей редакторской работы было то, что для Аннемари Шиммель являлось главным образом чем-то побочным и второстепенным; мне, если можно так выразиться, приходилось возиться с опилками и стружками. И вообще если вам хотелось превзойти Шиммель, то вы должны были сосредоточить все свои усилия на том, что для нее составляло лишь периферию деятельности, берясь обеими руками за то, что она делала одной левой. Чтобы соперничать с ней, нужно было становиться профессионалом там, где она лишь импровизировала. Там, где ею были проложены первые тропки, мы потом строили большие, широкие дороги – и воображали, что можем сделать лучше, чем она. Конечно, в какой-то степени это так, или по крайней мере нам позволили в это поверить; но, в конце концов, именно Шиммель была первой из тех, кто ступил на этот путь.

Аннемари Шиммель никогда не рассматривала своих арабских, турецких, иранских, пакистанских знакомых и друзей как «агентов», туземных информаторов или кого-то в этом духе, не говоря уже об «объектах» антропологических, этнологических, социологических или политических исследований, как это часто делают сегодня. Ее автобиография «Моя западно-восточная жизнь» не в последнюю очередь великая книга памяти, посвященная всем ее друзьям-мусульманам. Отказавшись от искусственной академической и внутренней дистанции, которая отделяла многих представителей ее гильдии от «объектов изучения» и которая часто обосновывается научной необходимостью, она шагнула далеко за пределы своего времени – в будущее исламских исследований, если у них, конечно, вообще есть будущее. В этом вопросе мне не пришлось ей завидовать – я просто продолжил идти в том направлении, которое задала именно она.

ПРЕМИЯ НЕМЕЦКИХ КНИГОТОРГОВЦЕВ

Однако я завидую ей в том, что, несмотря на все перспективные аспекты ее работы, она всегда стояла по другую сторону того своеобразного раскола, который впоследствии не позволил нам продолжать движение по прямой линии. Что-то из разорванного позже пришлось пересмотреть. Упомянутый здесь разрыв

был отмечен не только террористическими актами 11 сентября 2001-го, о которых я уже упоминал и которым посвятил свою последнюю книгу «Ground Zero: 9/11 и рождение настоящего»³. Для самой Шиммель он стал очевиден еще раньше: это произошло в ходе кампании, развернутой против нее после получения ею в 1995 году Премии мира немецких книготорговцев (Friedenspreis des Deutschen Buchhandels). Главное из предъявленных обвинений сводилось к тому, что Шиммель воздержалась от твердой позиции в деле о фетве иранского аятоллы Хомейни, обрекавшей на смерть британско-индийского писателя Салмана Рушди – автора романа «Сатанинские стихи». Инкриминировали ей также и то, что она с «излишним» пониманием отнеслась к возмущению мусульман.

Эти события стали предвестниками идеологических столкновений, которые начали доминировать в немецкой и евроамериканской политике после 11 сентября 2001-го и достигли апогея во время так называемого «кризиса беженцев» 2015-го. Четкая и недвусмысленная позиция в отношении фетвы Хомейни была для Шиммель неприемлемой. Общественность рассчитывала, что она не увидит в литературном творчестве Рушди никакого повода для возмущения правоверных мусульман – и уж тем более не найдет для него оправдания: иными словами, от нее ожидали типичного для Запада высокомерия и невежества. В этом предвосхищении проявилась политическая логика «или – или», присущая воображаемой интеллектуальной ортодоксии и по сей день определяющая нашу культуру споров. Это ход мышления, в рамках которого все нюансы, все уравнивания, все парадоксы представляются чем-то недопустимым и подлежащим искоренению. Недавно мы столкнулись с этим типом рассуждений в дебатах о пандемии, а сегодня сталкиваемся в дебатах о поставках вооружений. Старое доброе понимание того, что бывают такие ситуации, к которым нельзя относиться как к задачам с четко прописанными вариантами ответов и в которых единственного, хорошего и правильного ответа просто не существует, полностью выветрилось из широкого общественного дискурса.

В истории с «Сатанинскими стихами» критики Шиммель столкнулись с парадоксом: книга Рушди, ее провокационная сила и художественное достоинство не могли быть поняты западными читателями без разъяснений со стороны специалистов-исламоведов. Ведь для того, чтобы постичь эту силу и уметь правильно оценить прочитанное, нужно знать мифы и легенды начального периода ислама, которые, собственно,

3 WEIDNER S. *Ground Zero. 9/11 und die Geburt der Gegenwart*. München: Der Carl Hanser Verlag, 2021. См. также рецензию Маргариты Шакировой на эту книгу, опубликованную в «НЗ»: 2021. № 5(139). С. 340–344. – Примеч. ред.

в романе пародируются. В отличие от обычных литературных или культурных критиков, Аннемари Шиммель принадлежала к небольшому числу тех, кто вполне мог оценить книгу должным образом. Оказавшись в такой ситуации, человек, который опасается, что имеющееся у него понимание способно поколебать самоочевидные истины, порой предпочитает оставить свое мнение при себе. Шиммель стала проекционным экраном для нового образа врага, который будто все еще держит нас в своих тисках сегодня и который, если демократическая удача нам изменит, может привести к развалу Европы завтра.

Спор о премии, полученной Шиммель, был, конечно, не причиной, а лишь симптомом раскола, от которого сама Шиммель держалась в стороне, но которого моему поколению, да и всем последующим, так и не удалось преодолеть. Так что же провоцировало этот разлом, в чем была его причина? Если говорить просто, то он объяснялся тем, что даже при жизни Шиммель невинный взгляд на ислам и исламский мир, на арабский мир и «Восток» стал уже абсолютно невозможным – хотя та парадигма исламских исследований, в которой она работала, предполагала наличие именно такого беспристрастного и непредубежденного взгляда. Если руководствоваться безжалостно-объективирующей «научной» дистанцией или не менее убийственной культурой подозрений, инсинуаций и настороженности, то чужие культурно-исторические явления не удастся адекватно осмыслить, не говоря уже о том, чтобы ими восхититься. При таких установках они остаются мертвым материалом – объектом для аутопсии.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

Шок Эдварда Саида

Наиболее яркое выражение и правдоподобное обоснование этой западной подозрительности к исламу, которая, кстати, носила обоюдный характер, представил американско-палестинский культуролог Эдвард Саид. Он был современником и, что важнее, коллегой Аннемари Шиммель по «Лиге плюща» в тот период, когда она преподавала в Америке. Книга «Ориентализм», опубликованная Саидом в 1978 году⁴, стала сенсационным предвестником постколониальной теории; она покончила с эпохой мнимой невинности, предложив теорию глубочайшего разрыва, который берет свое начало в искажениях колониальной эпохи.

Конечно, когда Саид деконструировал «ориентализм», он имел в виду не только академические исламские исследования и уж точно не то, как ими занималась Шиммель. В любом слу-

⁴ См. рус. перев.: Саид Э. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Мир, 2016. – Примеч. ред.

чае он милосердно обошел стороной немецкую ориенталистику – с одной стороны, потому что не знал немецкого языка, а с другой стороны, потому что строго филологический характер немецкого востоковедения предоставлял гораздо меньше возможностей для нападок, нежели ориентированная на политику и власть ориенталистика других, более старых, колониальных держав.

Поэтому Шиммель хорошо высвечивает те моменты, где Саид перегибает палку или просто ошибается. Мы не находим у нее ни расистской девальвации ислама, ни «прикладной» науки, которую можно легко использовать в целях силовой политики. К сожалению, этого нельзя сказать о немецком исламоведении в целом. До конца Первой мировой войны, а затем с 1933-го по 1945 год оно также охотно позволяло использовать себя в политических целях – например, для разжигания всемусульманского джихада против Англии и Франции. Достаточно напомнить, что одно из величайших достижений классической немецкой арабистики, «Арабо-немецкий словарь» Ханса Вера⁵, неоднократно переиздававшийся и переведенный на английский язык, был составлен во время Второй мировой войны и явился плодом глобальных политических амбиций «германского рейха». Так что, хотя Шиммель была права, чувствуя себя не затронутой Саидом (она также, насколько я знаю, нигде не вступает с ним в прямую полемику), ей тоже приходилось работать в рамках традиции и среды, которые вызывали обоснованные подозрения в перспективе антиимпериализма и постколониализма, отстаиваемых им.

Таким образом, в какой-то момент исламские исследования изменили свой изначальный предмет в восприятии прогрессивных кругов – они стали сомнительными, фрагментарными, атомизированными. В образовавшейся идеологической смеси, где зачастую трудно было разобраться, внезапно почти не осталось места для того видения ислама, которое было присуще Аннемари Шиммель. Шумиха вокруг вручения ей Премии мира лишь подтверждает это наблюдение. Но, поскольку есть веские причины помнить о ее воззрениях, я постараюсь объяснить их более детально, попутно очищая от идеологического мусора, который на них вывалили за последние полвека.

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Если использовать для характеристики этого видения ислама всего два слова, то мы можем назвать его «восторженным»

5 См.: WEHR H. (Hrsg.). *Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart*. Leipzig: Harrassowitz, 1952. – Примеч. перев.

или «романтическим». Опираясь на него, Шimmel фактически подрывала не только более позднюю критику ориентализма, предпринятую Саидом, но и постколониальную теорию в целом, а также препятствовала обесцениванию предмета ее исследования, которое неизменно чувствовалось в подходах к исламу, предлагаемых христианской и антиисламской пропагандой. Одновременно, кстати, она дезавуировала и ту диковинную форму интеллектуального империализма, которая состоит в некритическом воспевании «прогрессивной» современности и обесценивании всего, что с подобных позиций видится несовременным, устаревшим, неразвитым, отсталым. Со времен Просвещения это насаждение «прогрессивной современности» сопровождалось девальвацией религии, мистики и эстетики – другими словами, всего того, что придает очарование нашему миру и чему посвятила свои труды Аннемари Шimmel.

Поэт Новалис, подобно Шimmel, родившийся в Тюрингии, более двухсот лет назад уже анализировал эту ситуацию в выступлении «Христианство, или Европа». По его мнению, критика Просвещения со стороны «апологетов эмпиризма», как называет их Новалис, не остановилась на религии, где она слишком часто была оправданной:

«[Эта критика] очень естественно и логично распространилась на все предметы вдохновения. Объявила еретическими фантазию и чувство, нравственность и любовь к искусству, будущее и прошлое. Поместила человека в ряд природных существ и превратила бесконечную творческую музыку Вселенной в монотонное гремящее огромное мельницы, приводимой в движение Случаем и всецело отдающейся ему – в мельницу в себе, мельницу без зодчего и мельника. Собственно, в настоящий *perpetuum mobile*, мельницу, перемалывающую саму себя. [...Последователи новой веры] неустанно трудились над тем, чтобы очистить природу, землю, человеческие души и науки от поэзии – искоренить любой след святого, отравить память о всех возвышенных событиях и людях сарказмами и лишить мир всяких красок»⁶.

Новалис произнес эту речь на встрече ранних романтиков, состоявшейся в ноябре 1799 года в Йене, недалеко от Эрфурта, где родилась Шimmel. Его друг Фридрих Шлегель, который через несколько лет после этой встречи отправился в Париж ради изучения персидского и санскрита, в 1800-м написал в своем журнале «Атеней»: «Мы должны искать высшую романтику на Востоке», призвав переводить индийскую поэзию – то есть делать именно то, чем позже занялась Аннемари Шimmel, подготавливая переводы индо-мусульманских поэтов на немецкий.

⁶ ГАРДЕНБЕРГ Ф.Л. (Новалис). *Христианство, или Европа* // Ориентация. 1996. № 6 (<http://cultoboz.ru/-lr/58-6/337-1799>). – Примеч. перев.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММель...

Таким образом, мы чувствуем на себе влияние как призыва Шлегеля к «прогрессивной универсальной поэзии», так и стремления Новалиса к «романтизации мира» – двух восстановительных концепций, устремленных к формированию точек соприкосновения, пересечения границ, цельного созерцания вещей. И то и другое направлено на размывание искусственно созданных размежеваний и расколов – не в последнюю очередь политического свойства. Уже для Иоганна Георга Гаманна, учителя Иоганна Готфрида Гердера, поэзия была «родным языком человеческого рода», а Фридрих Рюккерт в изречении, часто цитируемом Шиммель, предположил, что «всемирная поэзия есть всемирное примирение».

Аннемари Шиммель стремилась показать, каким может быть видение Востока в глобализованном мире, если использовать оптику романтической традиции. При этом она явно выходила за пределы изначальных установок ориенталистского, экзотизирующего, преобразующего взгляда на Восток, культивируемого Гердером и романтиками. Обращению к практике живого и конкретного перевода, какой придерживалась Шиммель, мы обязаны именно ее романтическому энтузиазму. Некогда доминировавший (а в коммерческом смысле и сегодня продолжающий доминировать) евроцентризм мировой литературы разрушался и разрушается тем, что с определенного момента переводится не только восточная классика, как прежде, но и, как я уже указывал, современная литература.

Поэтический и переводческий аспект ее работы в свою очередь имеет выраженную эстетическую сторону. Из всех исследователей мусульманства, которых я знаю, Аннемари Шиммель обладала самым сильным эстетическим чувством в отношении красот ислама. Таким образом, она создала точку опоры для следующего поколения, особенно для ученых, вышедших на сцену после 1990-х и имеющих мусульманские корни. Некоторым из них повезло лично поучиться у Шиммель.

МИСТИЦИЗМ

У Аннемари Шиммель интерес к эстетике ислама легко сочетается с интересом к его мистике. Человеку нравится представлять себе нечто загадочное, иррациональное. Мистицизм понимается как противоположность разуму, современности, рациональности, прогрессу и так далее. Однако это искаженный образ, восходящий к идеям светских и религиозных противников мистицизма и имеющий мало общего с его реальными проявлениями. Исторически мистицизм означает не ограничение рациональности и не противоположность ей, а

скорее ее расширение: использование той грани мышления, которая начала казаться странной и ненормальной только после секуляризации. Тем не менее сегодня многое из того, на что ранее навешивался ярлык мистицизма, можно отнести к гуманитарным наукам, включая философию, психологию или этику.

Как и в естественных науках, рациональность в мистицизме работает с моделями и гипотезами. Как и в естественных науках, она *конструирует* реальность исключительно тем способом, который предполагает дебаты и споры, опровержения и подтверждения – различные формы фальсификации. О том, как выглядели подобные модели и построения у мусульман, Шиммель рассказывает в своей классической книге «Мир исламского мистицизма»⁷.

Великие Моголы

Еще одной особенностью творчества Аннемари Шиммель был ее интерес к Индийскому субконтиненту. К сожалению, этот ракурс остается для немецкого исламоведения маргинальным – как, собственно, и для значительной части исследований ислама в целом. Индо-мусульманский фокус, который работа Шиммель обрела благодаря профессорской должности, предложенной ей в Гарварде, также образует перекресток, где мистика и эстетика не только совпадают, но, более того, сливаются воедино. Это можно видеть и сегодня в выдающихся творениях могольской архитектуры, которые воспринимаются непосредственно чувствами: таковы, в частности, Тадж-Махал в Агре или гораздо менее известная, но не менее великолепная мечеть Вазир-Хана в Лахоре – своего рода Сикстинская капелла империи Великих Моголов.

Большая часть Индии находилась под властью мусульман около пяти столетий; к ней, конечно, следует добавить Пакистан и Бангладеш, которые были насильственно отделены от этого исторического региона только после окончания британского колониального владычества. Самой могущественной и известной индийской империей была именно империя Моголов, расцвет которой пришелся на XVI–XVII века. «В империи Великих Моголов» – так называется книга Шиммель, посвященная этому ушедшему миру, у которого сегодня почти не осталось защитников из-за натиска индуистского национализма в Индии⁸.

⁷ См. рус. перев.: Шиммель А. *Мир исламского мистицизма*. М.: Алетейя, 1999. – Примеч. ред.

⁸ См.: SCHIMMEL A. *Im Reich der Großmoguln: Geschichte, Kunst, Kultur*. München: C.H. Beck, 2012. – Примеч. перев.

В империи Великих Моголов культура, в которой мистика и эстетика сочетались новаторским способом, прекратила свое существование. По имеющимся сегодня скудным сведениям, Моголы впитывали традиции разных времен и культур – от средиземноморской греческой античности и азиатских арабско-персидских империй Средневековья до индуистских и буддистских форм, которые в свою очередь находились под влиянием эллинизма начиная с азиатского похода Александра Македонского. (Александр имеет статус пророка в исламской традиции и даже фигурирует в Коране⁹.) Самый важный в литературном отношении эпос об Александре был написан персидским поэтом XIII века Низами. Благодаря прекрасному переводу Иоганна Кристофа Бюргеля, ученика и коллеги Аннемари Шиммель, мы теперь можем читать его и на немецком языке.

Арабская и персидская философия и мистицизм, интенсивно культивируемые в империи Великих Моголов, восходящие к позднеантичному неоплатонизму, слили эти древние течения с местными и возникшими уже после Корана традициями, сформировав суфийский мистический космополитизм. *Lingua franca* этого космополитизма выступал персидский – поэтический язык Хафиса и Руми, более половины тысячелетия доступный пониманию литераторов и мистиков от Сараево до Дели. Персидский язык также был придворным языком Моголов; любой британский колониальный чиновник, мечтавший о сколько-нибудь внушительной карьере, должен был выучить персидский язык.

Отголоски в Германии и Европе

Дело в том, однако, что развитие интеллектуальной истории, нашедшее в Германии свое выражение в таких фигурах, как Гаманн, Гердер, Шеллинг, Хаммер-Пургшталь, Гёте, Новалис, Шлегель и Рюккерт, всегда было связано с более древней, позднеантичной, неоплатонической – а затем и мусульманской – историей, мистикой и эстетикой. В этом отношении неудивительно, что Шиммель встретила следы этого мировоззрения в местах своего детства, в родном Эрфурте, у Рильке и Рюккерта, потом в восточных сказках, у Густава Фрейтага, в старой «Истории всемирной литературы», а затем и в фигуре молодого индийского гуру Кришнамурти, который в то время, стилизованный под «всемирного учителя» теософами, привлекал внимание всего мира – и был, вероятно, близок родителям Шиммель.

9 См.: 18:83–98.

Я уже упоминал о том, как мир ислама опосредованно представлялся в Центральной Европе – такая репрезентация стала следствием европейского колониализма, распространившегося на Азию в XVIII веке. Культурное богатство, пришедшее с колонизированных континентов, могло замкнуться на мистической традиции, сложившейся в Германии задолго до романтизма, воплощенной Майстером Экхартом, а также ранним Мартином Лютером и уходившей корнями в позднеантичную философию, опосредованную схоластикой – которая в свою очередь испытала влияние арабского языка. В раннем романтизме эта история идей нашла свое самобытное, в высшей степени рефлексивное продолжение. В «Цветочной пыли» Новалис писал:

«Мы грезим о путешествиях во Вселенной – не в нас ли Вселенная? Глубины нашего духа нам неведомы – внутрь ведет таинственный путь. В нас или нигде сокрыта вечность с ее мирами – прошлое и будущее. Внешний мир – это мир теней, он затеняет царство света»¹⁰.

Подобные высказывания свидетельствуют, что «таинственный путь» на Восток не был для ранних романтиков чем-то чуждым. Фридрих Шлегель – лучший друг Новалиса, как уже говорилось, в 1802-м отправился в Париж для изучения персидского языка и санскрита – выбрал именно его. В 1808 году он опубликовал свой влиятельный труд «О языке и мудрости индийцев». Его брат Август Вильгельм Шлегель со временем стал основателем немецкой индологии. Старший, третий из братьев Шлегелей, Карл Август служил в британской колониальной армии в Индии и умер в Мадрасе в 1789 году. Похоже, колониализм и интеллектуальный интерес к «Востоку» иногда связывались даже семейными отношениями.

Через несколько лет после выхода книги Шлегеля об Индии, в 1814 году, Гёте прочитал в Веймаре стихи Хафиза Ширази в переводе Хаммера-Пургстала и начал работу над сборником «Западно-восточный диван»¹¹. В то же самое время молодой и амбициозный философ Артур Шопенгауэр, дороживший знакомством с Гёте и культивировавший его, взял в герцогской библиотеке в Веймаре две книги, столь же тяжелые, сколь и трудные: двухтомный латинский перевод Упанишад – древнейшего индийского свода религиозно-философских трактатов. Эти тексты в 1801–1802 годах опубликовал французский путешественник Анкетиль-Дюперрон; то есть они были еще одним плодом колониализма.

Интересно, что этот перевод на латынь был сделан не с санскрита, на котором первоначально записывались Упанишады, а

10 Цит. по: Новалис. *Фрагменты*. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 88. – *Примеч. перев.*

11 См.: Гёте И. В. *Западно-восточный диван*. М.: Наука, 1988. – *Примеч. перев.*

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

с персидского – как уже упоминалось, с языка могольского двора. Иначе говоря, первыми, кто перевел эту индийскую книгу мудрости, причем задолго до призыва Фридриха Шлегеля искать истинный романтизм на Востоке, были мусульмане Индии, а не европейцы. При Моголах были переведены и другие знаменитые индийские произведения – так же еще до того, как о них услышали в Европе: в частности, «Бхагавадгита» и «Махабхарата». Они санкционировали переводы этих вещей потому, что признавали индийскую мудрость равной собственной и хотели интегрировать ее в суфизм. Особенно это касается Упанишад. Они верили, что смогут найти в них мудрость суфиев и даже сам Коран. Поэтому Упанишады были переведены в суфийском духе, то есть так, как толковали эту книгу мусульманские мистики. Но за много веков до этого, на рубеже тысячелетий, аль-Бируни – великий арабский естествоиспытатель и историк – уже перевел «Йога-сутры» Патанджали и провел сравнение между суфиями и йогами.

Перевод Упанишад на персидский язык, что тоже не случайно, был выполнен в то же время, когда строился Тадж-Махал – Дара Шукох, принц-переводчик, был не кем иным, как сыном Мумтаз Махал, чью гробницу представляет собой это величественное сооружение. Все это происходило во время правления Шах-Джахана – самого известного из Великих Моголов, наряду с его дедом Акбаром. Полтора века спустя именно этот мусульманско-персидский перевод Упанишад, сделанный на латыни, был найден в библиотеке Шопенгауэром, глубоко повлияв на его философские взгляды – о чем философ не раз говорил на протяжении своей жизни.

Однако Шопенгауэр не мог знать, что он не просто читал Упанишады в латинском переводе – он читал тексты, основанные на предыдущем, *мусульманском*, переводе, *мусульманской* интерпретации, *мусульманской* трансформации. То, что Шопенгауэр считал индийским и индуистским, при ближайшем рассмотрении очень часто оказывается лишь суфийской интерпретацией первоисточника, написанного на санскрите. Сказанное особенно верно в отношении понятия «Майя», которое в персидском и латинском переводах трактуется как «любовь», «желание», «воля». В этой интерпретации упомянутый концепт оказал решающее влияние на философскую терминологию Шопенгауэра: его главная работа носит знаменательное название «Мир как воля и представление». Между тем вопрос о том, как сон и реальность соотносятся в нашем восприятии действительности, определяющий содержание концепции Майи, стал для Аннемари Шиммель одним из главных мотивов увлечения Востоком. С ранних лет он занимал ее больше, чем европейская мысль. «Люди спят, а когда умира-

ют, то пробуждаются» – это старое мусульманское изречение, согласно воспоминаниям Шиммель, впервые пробудило в ней интерес к Востоку.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДУХА

Это лишь один из многих примеров того могучего влияния, которое востоковедение, как бы мы его ни трактовали, будь то индийское, мусульманское, персидское, арабское или турецкое, оказало на Европу начала XIX века. Именно оно, в конце концов, во многом сформировало Аннемари Шиммель, которая впоследствии сама обратилась к изучению его источников – избегая, разумеется, выводов как о собственной подверженности этому влиянию, так и о *genius loci* местных ранних романтиков и мистиков.

По большому счету, никто из нас не привык признаваться в том, что испытал на себе какое-то внешнее или иностранное влияние. Это понятно: в противном случае нам пришлось бы согласиться с тем, что якобы «другое» и «чужое» – например, восточное и мусульманское – уже более двухсот лет не является ни другим, ни чужим, а сделалось частью нас самих. А потом нам придется принять ту истину, что «мы» уже давно сформированы этим предполагаемым и чуждым «другим», выросли рядом с ним и на его основе, стали «романтизированными», «глобализированными» – и, да, даже «современными»! – с его помощью. А следовательно, мы никоим образом не можем претендовать на превосходство, опережение или автономию во взаимоотношениях с предполагаемым «остальным» миром.

Деятельность Аннемари Шиммель замыкает круг идей, который, хотя и кажется поначалу чужим, оставаясь мусульманским, глубоко взаимосвязан и переплетен с европейской, а также азиатской интеллектуальной историей. В этом смысле знаменитая женщина-востоковед изучала не что-то инородное или неизвестное, а лишь забытую и подавленную часть нашей собственной культурной истории, тот ее сегмент, который всегда находился под влиянием неевропейского.

Я завидую Аннемари Шиммель из-за того, что она жила и работала в этом контексте беззаветно и естественно. Впоследствии мы лишимся этих исследовательских качеств. Колониализм, помимо всего прочего, был и идейной борьбой, замешанной на стремлении к европейскому превосходству. Тоталитарный гегемонизм Просвещения в значительной степени добился своего. Упомянутые явления, равно как и неразрывно связанный с ними расизм, а также их позднейшая и

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

вполне оправданная критика, инициатором которой выступил Эдвард Саид, обернулись тем, что сегодня мы уже не способны столь же легко вписывать себя в эту традицию, что совсем недавно еще могла делать Аннемари Шиммель.

Когда мы смотрим на ее работы через сто лет после ее рождения, становится очевидным разрыв, который нам надо попытаться преодолеть – если, конечно, мы хотим иметь совместное будущее, достойное жизни. Чтение Аннемари Шиммель – лучшая подготовка к тому, чтобы подступить к этой задаче.

Авторизованный перевод с немецкого Вадима Королькова

Дни Хусни аз-Заима. 137 дней, которые потрясли Сирию

НАЗИР
ФАНСА

(отрывки из воспоминаний)¹

Утро четверга, 30 марта 1949 года. Улицы Дамаска, спокойные и мокрые после ночного дождя. А потом начинается то, чего сирийская столица еще не видывала.

В последующие годы эти удивительные события повторятся еще не раз как на улицах Дамаска, так и в других арабских столицах. Танки и бронемшины окружают здания государственных учреждений. Башни танков и броневиков открыты, из них выглядывают солдаты с касками на головах и тяжелыми пулеметами в руках.

Жители Дамаска еще не знали, что следует за этим военизированным представлением, то есть что пора доставать удостоверения личности и бежать к радиоприемнику. Короче говоря, не знали, в чем смысл происходящего в столице.

Солдаты понимали немногим больше. Тем ранним утром они не проверяли документы прохожих. Они не чувствовали ни нервозности, ни напряжения. Страх еще не стал частью сирийской повседневности.

1 Перевод выполнен по изданию: FANSA N. *Ayyām Husnī az-Za'īm. 137 yawman hazzat Sūriyya*. Beirut, 1982. Здесь и далее биографические данные приведены по книге: MOUBAYED S. *Steel & Silk: Men & Women Who Shaped Syria, 1900–2000*. Seattle: Cune, 2005.

АРХИВ «НЗ»

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯСЛИ СИРИЮ

Назир Фанса (1918–2005) – сирийский журналист, в 1940–1949 годах работал в газете «Алеф-Ба». В 1949 году его свояк, полковник Хусни аз-Заим, совершил военный переворот. Фанса стал его советником, личным секретарем и специальным посланником. После свержения аз-Заима Назир Фанса продолжил заниматься журналистикой в Сирии. Когда Сирия и Египет слились в Объединенную Арабскую Республику (1958–1961), Фанса переехал в Иран, где стал советником шаха Резы Пехлеви, а также издателем первой иранской газеты на арабском языке. Незадолго до иранской революции 1979 года переехал в Париж. Там он писал книги о Сирии, включая воспоминания о политической карьере аз-Заима.

Гражданин приближается к солдату и спрашивает: «Брат... Что такое? Что случилось?» Солдат отвечает коротко: «Переворот!».

Гражданин спрашивает тем же невинным тоном: «Переворот?.. Что такое переворот?» Так оно тогда и было. Никто еще не знал, что такое военный переворот.

На слух все тоже было в новинку. Радио Дамаска прервало стандартную сетку вещания и стало транслировать военную музыку. В семь утра марш прекратился, и громкий голос, подрагивая, объявил следующее:

«Коммюнике № 1.

Наш патриотический долг и боль от того состояния, до которого докатилась наша страна из-за лжи и произвола тех, кто называет себя нашими преданными руководителями, подтолкнули нас к тому, чтобы временно взять бразды правления в свои руки. Мы всей душой стремимся к сохранению независимости. Мы сделаем все необходимое ради нашей любимой родины не из стремления захватить власть, а ради установления подлинно демократического правления, которое сменит нынешнюю пародию на демократию.

Мы просим наш благородный народ сохранять спокойствие, предоставить нам помощь и содействие, чтобы позволить нам завершить нашу освободительную миссию. Любая попытка нарушить порядок, которую могут предпринять пособники империализма, будет тут же безжалостно пресечена.

30 марта 1949 года. Верховное командование вооруженных сил».

Необходимость «временно» взять власть и подготовить «подлинно демократическое правление». Отсутствие стремления «захватить власть»... Эти и многие другие выражения стали неотъемлемой частью многочисленных «коммюнике № 1», которые транслировали радиостанции арабского мира в последующие десятилетия.

С этого момента, с семи часов утра 30 марта 1949 года, начался первый акт трагедии военных переворотов. А сам я внезапно оказался в водовороте событий, которые навсегда изменили Сирию и арабские страны.

КАК ПРЕЖДЕ, УЖЕ НЕ БУДЕТ

Для сирийского и арабского гражданина в те дни не понятно было ничего: лидер путчистов не объявился, ограничившись подписью «верховное командование вооруженных сил» под Коммюнике № 1. Почему? Что он скрывает? Вернет ли он власть политикам или постепенно избавится от старой политической системы? Ясно было лишь то, что Сирия уже не будет прежней.

Лидером переворота выступил полковник Хусни аз-Заим. Во время переворота ему было чуть больше пятидесяти лет. И его имя, и даже облик были уже известны сирийцам тем мартовским утром в 1949-м.

Я познакомился с полковником Хусни аз-Заимом еще в 1945-м, в год парламентских выборов, которые вывели на первый план лидеров независимой Сирии – таких, как Шукри аль-Куватли², Джамиль Мардам-бей, Саадалла аль-Джабири³, Рушди аль-Кихья, Назим аль-Кудси⁴, Аднан аль-Атаси, Хильми аль-Атаси, Ас'ад Харун, Бадави аль-Джабаль, Акрам Хаурани⁵, Раиф аль-Мулки, Абдуррахман аль-Азм, Наджиб ар-Рейес и другие. В то время я был редактором популярной газеты «Алеф-Ба». Некоторые из этих политиков каждый день собирались в кафе «Красная мельница» на набережной реки Барада в Дамаске. Они сидели одними и теми же компаниями, в которых вращались Акрам Хаурани, Салах аль-Битар, Мишель Афляк⁶, Фарид Мерхедж, Хани ас-Сибай, Раиф аль-Мулки, Хильми аль-Атаси и шейх Трад

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯСЛИ СИРИЮ

- 2 Шукри аль-Куватли (1892–1967) – политик из Дамаска, один из лидеров сирийского движения за независимость, в независимой Сирии занимал пост президента в 1943–1949 и 1955–1958 годах. Лидер Национальной партии, которая представляла интересы дамасской элиты и, противовес Народной партии (см. ниже), стремилась сохранить независимость Сирии и республиканскую форму правления. Скончался в изгнании в Бейруте.
- 3 Саадалла аль-Джабири (1893–1947) – политик из Алеппо, принадлежавший к одной из самых известных землевладельческих семей в Сирии. Был одним из лидеров антиколониальной оппозиции в Алеппо, неоднократно состоял членом правительства, в том числе и в ранге премьер-министра.
- 4 Рушди аль-Кихья (1900–1988) и Назим аль-Кудси (1900–1998) – политики из Алеппо, видные деятели антиколониального движения. В независимой Сирии – лидеры парламентской оппозиции президенту Шукри аль-Куватли. В 1947–1948 годах аль-Кихья и аль-Кудси основали Народную партию, которая представляла интересы «нобилитета» Алеппо и выступала за демократические реформы, децентрализацию Сирии и объединение с Ираком и Иорданией. Аль-Кихья некоторое время был спикером парламента, а аль-Кудси успел побывать и спикером, и премьер-министром, а в 1961–1963 годах занимал пост президента Сирии. Президент аль-Кудси был свергнут партией Баас в 1963 году. И аль-Кихья, и аль-Кудси умерли в изгнании. См.: LAWSON F. H. *Liberal Champions of Pan-Arabism: Syria's Second Hizb al-Sha'b* // SCHUMANN C. (Ed.). *Nationalism and Liberal Thought in the Arab East: Ideology and Practice*. London: Routledge, 2010. P. 31–47.
- 5 Акрам Хаурани (1912–1996) – политик из Хама. В студенческие годы состоял в пансирийской Сирийской социальной националистической партии Антуна Сааде. В 1946 году Хаурани основал Арабскую социалистическую партию, которая в 1954-м слилась с Партией арабского возрождения в Партию арабского социалистического возрождения (Баас). Хаурани был одним из первых социалистов в Сирии; как политик он прославился в качестве защитника прав крестьян. В 1949 году Хаурани участвовал в разработке плана переворота Хусни аз-Заима, после путча был его советником. Это не помешало ему успешно продолжить политическую карьеру после свержения аз-Заима. Однако после баасистского переворота в Сирии, совершенного в 1963 году, новый режим отправил Хаурани в изгнание, опасаясь его популярности. Хаурани умер в Аммане.
- 6 Салах ад-Дин аль-Битар (1912–1980) и Мишель Афляк (1910–1989) – основатели Партии арабского социалистического возрождения (Баас). После выпуска из Сорбонны работали учителями в школе ат-Таджхиз в Дамаске (Битар преподавал физику и математику, Афляк – историю). В 1940-х вокруг них сложилась группа школьников и студентов, которые разделяли их социалистические и арабско-националистические взгляды. В 1947-м они основали Партию арабского возрождения, которая вскоре стала заметной политической силой, особенно среди интеллигенции и офицеров. Битар занимался аппаратной работой и периодически представлял партию в правительстве, в то время как Афляк был в первую очередь идеологом. В 1963 году офицеры-баасисты совершили военный переворот, и таким образом партия Баас пришла к власти в Сирии. После военного переворота 1966 года, в котором одна фракция баасистов сместила другую, Битар и Афляк были вынуждены покинуть Сирию. Битара убили в Париже, а Афляк скончался в Багдаде.

аль-Мульхим. Большинство из них были молодыми депутатами, которые до полудня по два часа общались с журналистами, пили кофе и курили кальян.

Иногда в кафе навевывался невысокий полный мужчина. Он представлялся нам как Хусни аз-Заим. Иногда он подсаживался к одной из компаний, но было непохоже, чтобы он знал кого-то из присутствующих. Порой он говорил с нами и рассказывал, что он бывший офицер, которого деголлерская Франция арестовала во время Второй мировой войны, и что он вышел из тюрьмы, только когда Сирия получила независимость. Однако из армии его уволили.

Иногда он начинал рассказывать нам о своей учебе в Сирии и Турции, а затем и во Франции, и как британцы арестовали его во время Первой мировой, и как он после этого присоединился к арабской армии Фейсала⁷.

Потом Хусни аз-Заим начинал жаловаться на свое нынешнее положение и рассказывал депутатам, с которыми мы сидели, что руководство независимой Сирии не торопится восстанавливать его на службе и что он собирается жаловаться на нарушение своих прав как военного. Естественно, он был одет в гражданское, но его последним рангом перед отстранением был чин подполковника. Все время, что он сидел с нами, он курил кальян.

Некоторые депутаты из нашего круга в «Красной мельнице» заинтересовались просьбами Хусни аз-Заима и пообещали посодействовать его восстановлению на службе. Постепенно наши с ним отношения становились все ближе, и вот уже он стал ежедневно навещать меня в офисе газеты «Алеф-Ба».

Во время наших вечерних посиделок в редакции я узнал больше о Хусни аз-Заиме и его прошлом. Он родился в Алеппо в 1897 году. Отец его был муфтием в османской армии. У аз-Заима был брат, шейх Салах ад-Дин аз-Заим, который также был богословом и скончался за несколько лет до нашей встречи. Другого его брата звали Башир аз-Заим. Хусни постоянно напоминал о своем стремлении вернуться в армию, так что, когда однажды меня посетил тогдашний министр обороны, покойный Ахмад аш-Шарабати, я поднял эту тему. Но стоило мне упомянуть Хусни аз-Заима, министр немедленно завелся,

7 Эмир Фейсал ибн Хусейн (1883–1933), с 1921 года – король Ирака Фейсал I. Сын шерифа Мекки Хусейна ибн Али, один из предводителей Арабского восстания 1916 года против Османской империи. Великобритания активно поддерживала восстание и обещала шерифу Мекки передать ему османские провинции с арабским населением. После Первой мировой войны эмир Фейсал попытался основать арабское королевство в Сирии, однако в 1920 году французская оккупация положила конец его правлению. В 1921-м Великобритания предложила ему корону Ирака. См.: ZEINE Z.N. *The Struggle for Arab Independence: Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria*. Delmar: Caravan Books, 1977. GELVIN J.L. *Divided Loyalties: Nationalism and Mass Politics in Syria at the Close of Empire*. Berkeley: University of California Press, 1999.

встал и, повысив голос, сказал: «Дорогой мой... Не упоминайте больше это имя при мне. Этот человек – авантюрист, да сбережет нас от него Аллах».

Но, когда Джамиль Мардам-бей сменил Ахмада аш-Шарабати на посту министра обороны, я направился к нему и сказал, что наша армия молода, что ей нужны офицеры с военным образованием вроде Хусни аз-Заима, который отучился в лучших военных академиях Турции, Сирии и Франции.

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯСЛИ СИРИЮ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АРМИЮ

После нескольких интервенций с моей стороны Хусни аз-Заима восстановили в армии. Это было в 1946 году. После того, как мы с Джамилем Мардам-Беем в очередной раз похлопотали за аз-Заима, его назначили главой военного суда в Дейр аз-Зоре (на севере Сирии).

Хусни аз-Заим много благодарил меня за эту помощь, и наша дружба переросла в братство. Но потом он начал жаловаться, что его зарплаты не хватает на жизнь в Дейр аз-Зоре. Он предпочел бы, чтобы его перевели обратно в Дамаск, где находится его дом. К тому же он был не рад своей должности, потому что она не соответствовала его опыту и заслугам.

На этот раз я обратился к ныне покойному президенту Шукри аль-Куватли, чтобы он перевел Хусни аз-Заима. Однако у президента были серьезные сомнения насчет характера аз-Заима и его репутации авантюриста и любителя азартных игр. Я возразил, что все это было в молодости аз-Заима – а кто в молодости не терял голову? Теперь же он остепенился до такой степени, что не пьет вина (из-за диабета), а с азартными играми покончил после банкротства.

В молодости аз-Заим и правда был авантюристом. Например, как-то раз он повздорил с французским офицером из-за того, кто из них будет танцевать с одной дамой. Тогда аз-Заим поднял свой отряд по тревоге и арестовал этого француза. А порой он играл и жульничал, или, как говорят любители азартных игр, «метил карты».

В итоге я уговорил президента перевести Хусни аз-Заима в Дамаск, где его назначили главой полиции. Говорили, что аз-Заим отнесся к своей новой должности со всей серьезностью, и это чистая правда. Тут ему помогла «театральная» часть его личности, но в любом случае он стал популярным среди полицейских и повысил уважение к ним среди населения. Полюбили аз-Заима и граждане, которые заметили, что их повседневная жизнь стала лучше благодаря его новому подходу к управлению полицией.

Это было в 1948 году, который никогда не изгладится из памяти арабов. В тот год было провозглашено государство Израиль. Арабские армии начали первое сражение за Палестину, которое закончилось самым печальным образом. Сирийскую армию тогда возглавлял Абдулла Атфе.

Среди атмосферы досады и печали, в которой жили тогда арабы, Хусни аз-Заим как-то раз пришел ко мне домой. Он долго рассказывал мне о положении сирийской армии на фронте и о том, что, если бы Шукри аль-Куватли назначил его главой армии, он справился бы со своими обязанностями куда лучше Абдаллы Атфе.

Хотя аз-Заим описал мрачное состояние сирийской армии, его замечания по поводу тактики были революционны по тем временам. Так, он сказал мне тем вечером, что попытки одолеть Израиль силами арабских регулярных армий – это ошибка, потому что сионистские отряды лучше организованы, пользуются политической поддержкой США, Франции, Великобритании и Советского Союза и к тому же ведут партизанскую войну против арабских армий. Так что арабам следует вести боевые действия тем же образом.

Я зацепился за это предложение Хусни аз-Заима, когда на следующий день пошел на встречу с президентом Шукри аль-Куватли и министром обороны Джамилем Мардам-Беем. Мои слова произвели на обоих хорошее впечатление – по правде сказать, я не ожидал, что это будет так легко. Президент спросил у меня: «Ручаешься за него?». А я ответил: «Конечно! Он оставил авантюризм в прошлом. И к тому же доказал свои способности на посту главы полиции».

И действительно, Хусни аз-Заима повысили до полковника и назначили главнокомандующим армией. Он был в восторге от себя и своего нового положения. К тому же новое звание было созвучно его имени: полковник Хусни аз-Заим⁸.

Когда новый главнокомандующий впервые надел свой новый мундир и нацепил на него знаки отличия и медали, он тотчас пришел ко мне домой, чтобы похвастаться формой. Он рассматривал себя перед зеркалом, не веря своим глазам, и спрашивал меня раз за разом: «Назир, Назир, ну разве я не хорош в этом мундире?».

Я сел в кресло у зеркала и стал смотреть на этого элегантного толстяка. Мне бы в голову не пришло, что передо мной стоит человек, которому предстояло править Сирией, а спустя несколько месяцев встретить безобразный конец, которого он не заслуживал.

8 В те годы чин полковника в сирийской армии обозначался словом «заим» (лидер, вождь, главарь, предводитель). Таким образом, по-арабски словосочетание «полковник Хусни аз-Заим» звучало как «аз-заим Хусни аз-Заим».

Я думал о том, как за несколько месяцев до этой встречи я злился на него, не разговаривал с ним и даже не пускал в свой офис. Все из-за того, что он стал моим свояком, то есть женился на сестре моей жены, ничего мне не сказав и не спросив моего мнения, как того требовала наша дружба.

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯЯСЛИ СИРИЮ

ИСТОРИЯ ЖЕНИТЬБЫ

[...]

Смеяться от всей души аз-Заиму пришлось недолго, потому как вскоре он оказался в гуще событий, среди которых и родилось грозное решение совершить военный переворот.

В парламенте был депутат по имени Фейсал аль-Асали, генеральный секретарь Кооперативной социалистической партии. Он последовательно вел словесную кампанию против нового главнокомандующего сирийской армией. Однажды депутат аль-Асали обвинил полковника Хусни аз-Заима и Ибрахима аль-Хусейни, начальника военной полиции, в том, что они планировали подложить бомбу в один из офисов партии аль-Асали.

Тут нужно прояснить два момента. Во-первых, нападки Фейсала аль-Асали начались из-за того, что аз-Заим, верный своему обычаю отклонять личные просьбы, отказал аль-Асали, когда тот попросил перевести одного полицейского на другой участок. Во-вторых, аз-Заим и аль-Хусейни говорили правду, когда утверждали, что ничего не знают о бомбе в офисе социалистической партии. По свидетельству человека, который жив до сих пор (имя его – Али аль-Аюби; он был правой рукой аль-Асали), за инцидентом с бомбой стояла сама партия. Это было нужно, чтобы поддержать кампанию ее лидера против аз-Заима.

Полковник Хусни аз-Заим встретился с президентом Шукри аль-Куватли и поклялся честью военного, поклялся на Священном Коране, что он ничего не знает об этой бомбе.

Премьер-министром и министром обороны тогда был Халед аль-Азм. При всех талантах государственного деятеля это был человек крайне высокомерный и гордый своей принадлежностью к феодальной аристократии⁹. И он ненавидел аз-Заима.

Я шел в кабинет аль-Азма, чтобы поговорить с ним о несправедливой кампании против аз-Заима. Я сказал, что вмешиваюсь не оттого, что аз-Заим – мой свояк, потому что я вообще был

⁹ Под «феодальной аристократией» автор подразумевает крупных землевладельцев, которые проживали в городах. Именно из этой социальной страты происходили многие сирийские политики, которые возглавляли движение за независимость в период французского мандата (1920–1946) и управляли Сирией в первые десять–пятнадцать лет независимости. О происхождении этой социальной группы см.: KNOURY P.S. *Urban Notables and Arab Nationalism: The Politics of Damascus 1860–1920*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

против того, чтобы он им стал. Но теперь он главнокомандующий; и к человеку на его посту будут относиться с уважением, или он подаст в отставку.

Однако жестокая кампания против аз-Заима лишь набирала обороты. Теперь к ней подключилась пресса. Газеты обвиняли аз-Заима в том, что он стоит за махинациями с качеством масла для жарки, которое использовалось в армии, – якобы он вступил в сговор с поставщиком и зарабатывал на этом деньги.

СЛЕЗЫ И ЖАЛОБЫ

И вот аз-Заим – человек, пользующийся уважением у сирийцев, – приходит ко мне домой и плачет, и жалуется на жестокость и несправедливость нападков на него. Он даже предложил Шукри аль-Куватли отправить его в отставку, лишь бы сохранить честь, и назначить его губернатором в Алеппо. А когда аз-Заим приходил в офис своего непосредственного начальника, министра обороны Халеда аль-Азма, с ним обходились презрительно – если вообще обращали на него внимание. Порой аз-Заиму приходилось часами ждать, прежде чем его пустят в кабинет аль-Азма на заранее назначенную встречу. Иногда его и вовсе не пускали к министру.

За закупки в армии отвечал полковник Антуан Бустани. Аз-Заим утверждал, что, вероятно, это он и закупил некачественное масло для военных. У сирийской армии тогда не было лабораторий для анализа качества материалов, которыми она снабжалась.

Тогда-то, во время наших частных семейных посиделок с аз-Заимом, и сформировался его план: он хочет устроить военный переворот и бросить в тюрьму всех, кто его унижал. Я пытался уговорить его и говорил: «Твоя военная служба скоро закончится, у тебя будет отличная пенсия. И потом, женившись, ты отказался от авантюры!»

А тем временем группа депутатов начала кампанию в парламенте за сокращение военного бюджета и численности армии. Более того, в парламенте обсуждали понижение зарплат офицеров. Этого никак не могли снести в рядах сирийской армии, которая, как и все арабские армии, переживала тяжелые условия Первой палестинской войны.

Однажды ранним утром аз-Заим ненадолго зашел ко мне домой. Он сказал: «Сегодня у нас будет вечеринка в твоём доме, приготовь нам что-нибудь поесть и выпить». Я спросил: «Ты говоришь во множественном числе? Кто эти “мы”, которые придут сегодня?» А он ответил: «Кое-какие офицеры. Вы знакомы».

Тогда я спросил: «А какой повод? Надеюсь, радостный?» Он ответил: «Мы позаботимся об этом».

После этого он встал и вышел.

Это было 24 марта 1949 года.

Вечером офицеры стали прибывать в мой дом в районе Айн аль-Кирш в Дамаске. Их было четырнадцать человек, и все были в гражданском. Они приходили один за другим, без машин и с временными интервалами. Первым, в шесть часов, прибыл Сами аль-Хиннави, а около половины девятого последним пришел полковник Хусни аз-Заим.

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯЯСЛИ СИРИЮ

НОЧЬ ПЕРЕВОРОТА

[...]

В начале встречи все выпили. Даже Хусни аз-Заим, который обычно не пил из-за диабета, в ту ночь выпил вместе с остальными.

Из первых же реплик офицеров я понял, что на мысль о перевороте их натолкнули непрекращающиеся нападки в парламенте со стороны Фейсала аль-Асали, депутата от аз-Забадани и лидера Кооперативной социалистической партии.

Главкомандующий армией, то есть Хусни аз-Заим, был зол, и раздражение читалось на лицах других офицеров. Аз-Заим начал собрание с рассказа о встрече с высокопоставленными офицерами, которая состоялась за день до того в ставке верховного командования в Кунейтре. Там также обсуждались несправедливые нападки, которым подвергалась армия в парламенте.

Аз-Заим обсуждал идею военного переворота с офицерами в Кунейтре. Однако они посчитали, что в эту трудную минуту борьбы с сионистским врагом прежде всего нужно сохранить родину и повременить с такими мыслями.

Вместо переворота аз-Заим и другие высокопоставленные офицеры в Кунейтре нашли другое решение: передать политикам петицию – в качестве предостережения. Насколько я помню, в ту ночь в моем доме аз-Заим говорил следующее:

«Мы составили петицию, и этим утром я лично отнес ее домой президенту. Мы обсудили ее в присутствии премьер-министра и министра обороны Халеда аль-Азма. И вместо того, чтобы заверить меня, что они с интересом отнесутся к содержанию петиции или хотя бы просто ознакомятся с ней, они сказали мне... Знаете, что они мне сказали?! Они сказали: “Вот в это превратилась наша армия? Офицеры теперь занимаются делами мухтаров¹⁰ и составляют петиции?”»

10 Мухтар – деревенский староста или муниципальный депутат.

Тогда я почувствовал то, что чувствовали аз-Заим и офицеры, собравшиеся у меня дома. Меня огорчало то, как политики обращаются с ними; мне стало обидно, когда они заговорили о слухе, будто Халед аль-Азм собирается отомстить офицерам, подписавшимся под петицией, как только будет подписано перемирие с Израилем.

[...]

Аз-Заим и другие офицеры, собравшиеся в моем доме, наперебой жаловались на пренебрежение, жертвой которого стала сирийская армия. Один из них заявил, что в некоторых частях солдаты голодают по несколько дней; другой рассказал, что офицеры стали отказываться от исполнения обязанностей, особенно после ареста подполковника Антуана Бустани и его товарищей – Фуада аль-Карбы и Хасана Ганема, – а один офицер отказывается заниматься снабжением и говорит, что готов к наказанию за неподчинение приказам, лишь бы не оказаться в тюрьме, как его коллеги.

Другой пожаловался, что некоторые выпускники военной академии уже четыре месяца ждут назначения лейтенантами, хотя по закону уже должны были носить лейтенантские погоны.

В час ночи собравшиеся решили, что переворот состоится, чего бы это ни стоило. Аз-Заим попросил меня принести Священный Коран, и я принес. Один за другим офицеры поклялись на священной книге, что они сохраняют в секрете эту встречу и переворот, который назначили на 29 марта 1949 года.

После этого офицеры перешли к обсуждению технических вопросов. На столе разложили карты, которые привезли собравшиеся, и аз-Заим начал раздавать поручения по поводу захвата столицы и того, как должны действовать подразделения, которым предстоит брать под контроль здания госучреждений и дома президента, премьер-министра, депутатов и некоторых других политиков.

На рассвете аз-Заим попросил меня отвезти его домой. Офицеры поспешно разошлись, а мы поехали на моей машине «Ситроен» в квартиру аз-Заима в районе Нури-паша. По дороге он продолжал бранить политиков одного за другим, рассуждая о том, что он сделает с ними после переворота.

[...]

Хусни аз-Заим попросил, чтобы в ночь переворота я был в отеле «Орлеан-Палас». В соответствии с его просьбой я должен был поспешить в штаб-квартиру полиции, как только увижу, что танкисты занимают здание Сирийского радио, расположенное близ отеля, на улице Джамаль-паша. Управление полиции должно было стать точкой сбора для командующих подразделениями, которые двинутся на Дамаск для свержения власти.

Аз-Заим сказал мне, что, если ему нужно будет связаться со мной, пока я буду в отеле «Орлеан-Палас», он сделает это или через мою жену, оставшуюся дома, или через жену офицера Абд аль-Иляха Раслана, который так же участвовал в перевороте и жил в нашем доме в районе Айн аль-Кирш этажом ниже.

В то время «Орлеан-Палас» был самым престижным отелем Дамаска. Обычно в нем останавливались влиятельные политики, которые приезжали в столицу по делам.

Я сел ужинать в одиночестве. Внезапно Назим аль-Кудси пригласил меня за свой столик, расположенный в нескольких метрах от моего. Вместе с аль-Кудси, депутатом от Алеппо, там сидел депутат Абдурахман аль-Азм.

ОПАСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР В ТЮРЬМЕ, А ЕГО ЗУБЫ – ДОМА

Должно быть, я и правда выглядел – и, вероятно, действительно был – очень рассеянным в ожидании того опасного и невиданного происшествия, которое ожидало меня и всю Сирию. Аль-Кудси раз за разом спрашивал, что со мной. Я лишь отвечал, что все в порядке, а после ужина попрощался с ним и поднялся в свою комнату, чтобы лечь спать.

Абдурахман аль-Азм был человеком проницательным. Он заметил, что каждые полчаса или я отходил позвонить, или меня звали к телефону. Аль-Азм сказал: «Эти звонки... Это не похоже на вас. Что такое?» Он чувствовал, что что-то будет, и потому остался бдительным и не пошел спать.

Боже мой! Начинается!

Я услышал, как вдалеке по улицам Дамаска грохочут танки. Этот грохот раздавался все ближе и ближе к отелю, а потом ушел к зданию Сирийского радио, расположенного по соседству.

Я спустился к входу в отель, выходящему на станцию Хеджасской железной дороги, и увидел, как вереница танков занимает ключевые улицы, подобно большим призракам, наполняющим артерии спящего города.

Мои постоянные звонки в ту ночь направлялись в мой офис в газете «Алеф-Ба»: Хусни аз-Заим попросил меня напечатать Коммюнике № 1 в типографии газеты в первые часы переворота. С помощью начальника военной полиции Ибрахима аль-Хусейни мы обставили это максимально театрально: он направил в редакцию и типографию двадцать подчиненных, которые закрыли офис газеты для поиска бомбы, которую нам якобы подложили. А за закрытыми дверями печатались листовки с Коммюнике № 1, которые станут распространять на рассвете.

Тем временем была перерезана вся проводная и беспроводная связь Дамаска с другими регионами Сирии и внешним миром. Офицеры с точностью выполнили приказы аз-Заима. Все прошло в соответствии с планом. Меньше, чем за час, военные заняли дома президента Шукри аль-Куватли, премьер-министра и министра обороны Халеда аль-Азма. Оба были арестованы. Аль-Азм попросил дать ему надеть очки и вставные зубы, но ему отказали и забрали прямо в пижаме. Никто из жителей Дамаска еще не заметил, что происходило под их окнами в ту историческую ночь, а Ибрахим аль-Хусейни уже вошел в дом аль-Куватли и сказал ему: «Шукри-бей, прошу проследовать за мной». Аль-Куватли спросил у него: «Куда?» И аль-Хусейни ответил: «В тюрьму в соответствии с приказом главнокомандующего армией и вооруженными силами». Аль-Куватли был в одной пижаме и попросил разрешения переодеться в костюм. Ему позволили это сделать.

Я направился в штаб-квартиру полиции. Аз-Заим уже был там, и с ним были Акрам аль-Хаурани и Халиль аль-Каллас. Аз-Заим продолжал раздавать приказы и указания – лично офицерам и по телефону.

Акрам аль-Хаурани был погружен в составление коммюнике и заявлений, которым предстояло транслироваться по Сирийскому радио в тот день.

Изначально президента аль-Куватли и премьер-министра аль-Азма поместили в тюрьму аль-Меззе. Однако, как только у полковника Хусни аз-Заима появилась свободная минута, он поручил мне направиться в тюрьму аль-Меззе и перевести президента аль-Куватли в военный госпиталь, признавая, что бросать его в тюрьму было ошибкой. И я направился в больницу имени Юсуфа аль-Азме в Меззе и поручил перевести туда аль-Куватли.

ГДЕ ФЛАГ?

[...]

Радио Дамаска транслировало военные марши. Время от времени они прерывались, и в эфир выходило очередное коммюнике, дополняющее Коммюнике № 1. Коммюнике № 2 предупреждало, что всех задержанных с оружием в руках казнят; Коммюнике № 3 запрещало выходить из дома с шести утра и до дальнейших распоряжений.

Потом проследовали призывы к народу. Первый из них гласил: «Великий арабский народ Сирии не приемлет унижений и капитуляции. Что касается военного переворота, то он был произведен без единой капли крови и без единого выстрела»¹¹.

11 Сирийский историк Сами Мубайед утверждает, что в ходе переворота погибли три охранника президента аль-Куватли. См.: MOUBAYED S. *Damascus between Democracy and Dictatorship*. Lanham: UPA, 2000. P. 20.

Коммюнике № 4 предостерегало пекарей и торговцев продовольствием от спекуляций. Коммюнике № 5 разрешало выходить на улицу с семи утра до восьми вечера в день, следующий за переворотом. Коммюнике № 6 в очередной раз заверяло граждан, что верховное командование армии берет власть временно, чтобы обеспечить переход к истинно демократическому правлению и спасти страну от анархии. Коммюнике № 7 обязывало госслужащих вернуться к своим обязанностям утром 31 марта 1949 года. Коммюнике № 8 разрешало выходить на улицу с семи утра до десяти вечера, начиная с третьего дня после переворота.

Хусни аз-Заим выбрал здание полицейского управления на площади аль-Марджа в Дамаске в качестве временной штаб-квартиры. Оттуда он управлял делами государства, оказавшегося в его руках. Его приказы выполнялись точно и спокойно.

Утром нового дня аз-Заим попросил меня собрать влиятельных политиков, чтобы обсудить с ними сложившуюся ситуацию и сформировать демократическое правительство в соответствии с Конституцией. Он поручил мне начать с Назима аль-Кудси.

Внезапно в кабинет аз-Заима вошли несколько офицеров. Перед собой они вели депутата Фейсала аль-Асали, известного своими длинными растрепанными волосами. В последние месяцы беспочвенная вражда этого озлобленного депутата к Хусни аз-Заиму и нападки на полковника лишь способствовали росту влияния аз-Заима. Аз-Заим сказал аль-Асали в полном спокойствии: «Смотри-ка, Фейсал, я мог приказать убить тебя при задержании. Но я предпочел унижить тебя перед всеми, кого ты здесь видишь».

После этого он сказал Ибрахиму аль-Хусейни: «Отвезите его в тюрьму и состригите с него эту мочалку».

А я направился в отель «Орлеан-Палас», расположенный неподалеку. Я постучался в комнату Назима аль-Кудси, рассказал, что Хусни аз-Заим совершил переворот и хочет видеть его, и попросил проследовать за мной. Сначала он не поверил мне, но, когда я открыл окно, он увидел танки и сказал: «Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха»¹².

ПОЛИТИКИ КОЛЕБЛЮТСЯ

Не успел полковник Хусни аз-Заим приступить к приему влиятельных политиков, как к нам (мы с аз-Заимом были в его кабинете) вошел Мухсин аль-Барази, министр внутренних дел

12 Это выражение – «хавкала»; оно произносится в моменты невзгод и неудач.

в правительстве Халеда аль-Азма. Он был явно взволнован и, вопреки своей привычной элегантности, без галстука и пиджака. Он чуть не плакал и, судя по его расстегнутой белой рубашке, покинул дом в спешке.

Аль-Барази сказал аз-Заиму: «Хусни, прошу тебя, прикажи им арестовать меня вместе со всеми остальными! Из-за нашей дружбы люди подумают, что я участвовал в перевороте и бросил своих коллег и друзей за решетку! Пожалуйста, арестуй меня немедленно».

Разумеется, аз-Заим не стал этого делать. Вместо этого он успокоил аль-Барази и отправил его обратно домой. Мухсин аль-Барази боялся, потому что с аз-Заимом их связывала крепкая дружба. Впоследствии он стал последним премьер-министром при правлении аз-Заима и был казнен вместе с ним в ночь переворота Сами аль-Хиннави. Ходили слухи, что, хотя это не было единственной причиной их дружбы, но все же их сильно сблизило то, что аль-Барази и отец аз-Заима были курдского происхождения.

Первыми, кого Хусни аз-Заим принял в утро после переворота, были Назим аль-Кудси и шейх Мааруф ад-Давалиби – лидеры Народной партии, находившейся в оппозиции к аль-Куватли; эмир Адиль Арслан, доктор Сами Каббара – владелец оппозиционной газеты «ан-Нидаль», – а также доктор Абд аль-Ваххаб Хаумад и другие.

Назим аль-Кудси, прибывший лично, и его коллега Рушди аль-Кихья, который находился в Алеппо и поговорил с Хусни аз-Заимом по телефону, отказались сотрудничать с путчистами. Они считали, что это негативно скажется на будущем нашей родины. Что касается ад-Давалиби, то он согласился сотрудничать. Это привело к расколу в Народной партии. Сотрудничество ад-Давалиби с аз-Заимом в основном заключалось в советах.

Целью аз-Заима было сформировать новое демократическое правительство, которое опиралось бы и на Конституцию, и на вооруженные силы, и, таким образом, его распоряжения выполнялись бы быстрее и эффективнее. В это время на улицах Дамаска и других крупных городов проходили массовые демонстрации. Митингующие выражали поддержку перевороту и осуждали старый режим. Демонстрации были стихийными: ни у одной политической силы тогда не было возможности организовать такие большие митинги. В любом случае эти демонстрации не значили ровным счетом ничего, ведь ровно те же люди, которые выходили на улицы тогда, участвовали в митингах против аз-Заима, когда Сами аль-Хиннави сверг и казнил его.

ПЕРВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

НАЗИР ФАНСА

ДНИ ХУСНИ АЗ-ЗАИМА.
137 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ
ПОТЯЯЛИ СИРИЮ

[...]

В период правления аз-Заима в Сирии было несколько политических и идеологических течений. Я упомяну лишь некоторые из них.

Лидером первого течения был Фарис аль-Хури¹³, да упокоит Аллах его душу. Его поддерживал Ас'ад Курани, и я также был ближе всего к этой школе мысли. Нашим приоритетом было, как выражался Фарис аль-Хури, потушить пожар, разразившийся в нашем доме, то есть пожар военных переворотов, и постепенно вернуть страну к конституционному правлению. Главной ценностью нового конституционного режима должны были стать права человека. Другой важной целью была реформа избирательного законодательства. За этим последовало бы установление нового демократического режима, который должен был опираться на верховенство закона.

Во главе второго течения стояли Акрам аль-Хаурани, Мишель Афляк и Салах Битар. Они призывали к фундаментальным реформам на базе социализма.

Третье течение возглавляли Рушди аль-Кихья и Назим аль-Кудси – лидеры Народной партии. Они ратовали за то, чтобы армия вернулась в казармы и все вернулось на круги своя.

Четвертым лагерем, и притом самым слабым, была Национальная партия. Она хотела договориться с армией и провести новые выборы в надежде вернуть часть мандатов, потерянных в пользу Народной партии [на выборах 1947 года].

Между этими течениями стояла нарождающаяся национальная буржуазия, которая боялась намерений аз-Заима, собиравшегося реформировать экономику, судебную систему, финансы и налогообложение.

В это время шла работа по подготовке новой сирийской Конституции. Конституционный комитет возглавлял министр юстиции Ас'ад Курани. У Сирии был шанс получить лучшую Конституцию в своей истории, однако, когда положение аз-Заима стало достаточно надежным, произошел раскол между ним и большинством политических партий и групп. Сначала он удалил от себя Акрама аль-Хаурани и людей из Народной партии, потом порвал с партией Баас. После этого он передал Антуна Сааде, вождя Сирийской [социальной] националистической партии, ливанскому правительству, и оно казнило его,

13 Фарис аль-Хури (1877–1962) – сирийский политик и дипломат, неоднократно был членом правительства (до и после независимости Сирии) и спикером парламента. Отказался сотрудничать с Хусни аз-Заимом, так как считал его режим неконституционным.

а коммунистов аз-Заим бросал за решетку¹⁴. Так он настроил всех против себя. Что касается капиталистов и промышленников, то они боялась реформаторских планов аз-Заима по части финансов, в особенности введения чрезвычайных налогов для покрытия бюджетного дефицита. И, разумеется, традиционные слои общества не были рады человеку, который призывал к равенству между мужчиной и женщиной. Вот так и получилось, что последними союзниками аз-Заима остались отдельные предводители Национальной партии и некоторые беспартийные политики, которые надеялись, что его режим сможет провести реформы.

Ночь в АЛАЙХЕ¹⁵

[...]

По дороге в Дамаск я думал: «Как мог произойти военный переворот? Ведь вся армия поддерживает аз-Заима!» Мне и в голову не приходило, что Сами аль-Хиннави может предать свою дружбу с аз-Заимом до такой степени, чтобы свергнуть и убить его.

Когда я добрался до Дамаска, я не заметил ничего странного, будто это была обычная летняя ночь. Я добрался домой в Айн аль-Кирш, не увидев ничего примечательного. Потом вошел в дом.

Было три часа ночи. Стоило мне начать развязывать галстук и снимать мой белый костюм, как дверь содрогнулась от стука. Не успел я отправить служанку открыть, как по замку уже стали стрелять. Дверь распахнулась настежь, и я поспешно вновь оделся.

Я тотчас все понял. Вошли три офицера и несколько солдат. Похоже, они прятались неподалеку и ждали, когда я вернусь домой. Один из офицеров сказал: «Руки вверх». И я поднял руки. Другой спросил, есть ли у меня оружие, и я ответил, что нет. Оба сказали: «Проследуйте с нами».

В то же время я услышал выстрелы неподалеку от дома, где жил офицер Ибрахим аль-Хусейни – начальник военной разведки и военной полиции и один из приближенных аз-Заима. Он попытался сопротивляться путчистам, но перестрелка закончилась его арестом.

14 Решение передать Антуна Сааде ливанским властям, принятое в июле 1949 года, сыграло важную роль в падении аз-Заима, потому что среди сирийских офицеров было немало сторонников Сирийской социальной националистической партии.

15 Алайх (альтернативное написание – Алей) – город в Ливане. Вечером 13 августа 1949 года Назир Фанса ужинал там с ливанским президентом Бишарой аль-Хури. От него же Фанса узнал об очередном перевороте в Дамаске.

Военный автомобиль, в котором мы ехали с офицерами и солдатами, арестовавшими меня, направился в сторону здания генштаба. Оно находилось тогда в районе ас-Салихия. Во внешнем дворе здания я увидел Хусни аз-Заима в одной только сорочке. С ним были Мухсин аль-Барази в пижаме и его сын Халед; по одежде последнего также было понятно, что переворот застал его в постели. Аз-Заим и аль-Барази стояли босыми.

Путчисты были сильно возбуждены и явно на нервах. Аз-Заим сохранял спокойствие. Когда аль-Барази увидел, как меня выводят из военной машины, он не нашел ничего лучше, кроме как спросить: «Что такое, Назир? Что происходит?» Дрожа от волнения, я услышал свой голос: «Клянусь Аллахом, не знаю! Должно быть, военный переворот». В воздухе веяло трагедией, и ничего умнее мы сказать не могли.

Один из офицеров-путчистов, Алям ад-Дин аль-Каввас, заметил, что мы с аль-Барази разговариваем, приблизился ко мне и влепил мне пощечину. Потом он дважды ударил аль-Барази по лицу, да с такой силой, что тот потерял равновесие и упал на землю.

Этот офицер сказал: «Псы, даже сейчас не прекращаете советовать?» Исам Марьюд достал пистолет, чтобы немедленно застрелить аз-Заима, но издали раздался голос аль-Хиннави: «Нет, не здесь».

Появился герой нового переворота, вчерашний друг Сами аль-Хиннави, и обошел нас троих по кругу. От него пахло вином. Меня наполнило отвращение. Он сказал нам таким тоном, как будто делился обычной новостью: «Мы приговорили вас к смерти за предательство и угнетение народа».

Я подумал, что это конец, о котором нас предупреждали.

КОНЕЦ АЗ-ЗАИМА И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ТИХОЙ ДАМАССКОЙ НОЧЬЮ

Солдаты окружили нас со всех сторон и увели сына Мухсина аль-Барази в другой двор. Я был уверен, что это наш с аз-Заимом и аль-Барази конец. Но тут во мне проснулся инстинкт самосохранения, и я попытался обхитрить солдат, которые уже готовились отвезти нас за город и казнить: «Мне нужно поговорить с полковником Сами аль-Хиннави». К этому моменту аль-Хиннави уже ушел в здание генштаба, и один из офицеров сказал: «Псина... Тебя следует казнить первым».

Аз-Заим был поразительно спокоен и демонстрировал чудеса самообладания. Аль-Барази лежал на земле без чувств. Я дрожал от осознания того, что скоро умру. Аз-Заим сказал

по-французски, обращаясь ко мне и к аль-Барази: «Не бойтесь, дважды не умирать».

Я повернулся к аз-Заиму и подмигнул, дав понять, что кое-что попробую, и сказал офицерам и солдатам, стоящим вокруг нас: «Я хочу поговорить с полковником Сами аль-Хиннави. У меня есть документы и большая сумма денег, мне нужно рассказать ему о них».

Офицеры переглянулись. Один из них сказал: «Этот пес пытается нас одурачить». После этого он дважды ударил меня по лицу, да так, что я повалился на землю.

Но тут снова вышел аль-Хиннави – человек, который еще вчера танцевал для аз-Заима, обвязав скатерть вокруг талии, чтобы развеселить его... Он сказал совершенно обыденным тоном: «Отпустите Назира ко мне, а этих двоих (он имел в виду аз-Заима и аль-Барази) заберите и прикончите».

Солдаты увели аз-Заима и аль-Барази. Раздался громкий плач Халеда аль-Барази – ему тогда было не больше 16 лет. До сих пор, хотя он стал успешным предпринимателем в одной из скандинавских стран, он чуть не плачет при каждой нашей встрече.

Мы с аль-Хиннави поднялись в один из кабинетов на верхнем этаже здания генштаба, и он сказал мне: «Давай-ка посмотрим на эти ваши секреты и деньги». Прежде, чем я успел ответить, он вышел из комнаты на четверть часа. В тишине той летней дамасской ночи я слышал доносящиеся издалека звуки выстрелов, прервавших жизни Хусни аз-Заима и Мухсина аль-Барази. Потом я услышал, как шумят солдаты, возвращающиеся с казни.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

Скорбный и героический компоненты памяти о войне и Блокаде в деятельности Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме в 2010–2021 годах

ДАНИИЛ
КОЦЮБИНСКИЙ

Посвящаю этот текст моей маме – Софье Александровне Коцюбинской (1931–2021), научившей меня помнить о Блокаде.

Дилемма скорбного/героического (или, согласно классификации Алейды Ассман, *виктимизированного и сакрифицированного*¹) форматов памяти о Блокаде с особой силой проявилась в 2018–2019 годах, в ходе подготовки и проведения парада на Дворцовой площади в честь 75-летия окончания Блолады Ленинграда². Конечно, осмысление темы продолжилось и после этих событий – тем более, что в оборот вводились все новые факты. Особое

- 1 Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 79–93.
- 2 Коцюбинский Д.А. *Общественная дискуссия по вопросу о проведении военного парада на Дворцовой площади к 75-летию снятия Блолады Ленинграда в контексте сакрифицированной и виктимизированной версий блокадной памяти* // Публичная политика. 2021. Т. 5. № 1. С. 144–174; Он же. *Как помнить*

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

*Даниил Александрович
Коцюбинский (р. 1965) –
историк, старший преподаватель
Санкт-Петербургского государственного
университета.*

внимание исследователей по-прежнему привлекала тематика блокадной повседневности, раскрываемая посредством эго-документов, высвечивающих глубоко трагическую сущность блокадной реальности³. Таким образом, вопрос о правомерности органического сочетания *скорбного* блокадно-мемориального нарратива с *героическим* – традиционным для официозных коммеморативных практик⁴ – сохранял свою актуальность.

В этой связи представляется ценным опыт репрезентации блокадно-мемориальной тематики, накопленный Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном доме (далее – Музей) в ходе его выставочной и просветительской деятельности на протяжении 2010–2021 годов, то есть в то время, когда общественная блокадно-мемориальная дискуссия достигла особенной остроты.

В этот период, помимо выставок, лишь косвенно – на уровне отдельных экспонатов – затрагивающих тему Блокады (картины, созданные художниками в период Блокады, отрывки блокадных воспоминаний героев выставок и так далее), Музеем был организован ряд экспозиций, непосредственно касающихся памяти о войне и Блокаде:

1. «Это письмо со слезами пишу» (май 2010 года) – выставка к 65-летию Победы. Основа экспозиции – письма с Ленинградского фронта солдата Ефима Хозумова (манси по национальности) на мансийском языке, не подвергнутые военно-цензурному контролю.

2. «Блокада. До и после» (январь–февраль 2014 года) – выставка к 70-летию снятия Блокады Ленинграда. Работы двух художников – Василия Калужнина и Константина Кордобовского, – не прекращавших работать в блокадном городе. Отдельный цикл – работы современного художника Григория Кацнельсона, посвященные блокадным стихам Геннадия Гора.

3. «Такая разная война» (май 2015 года) – выставка к 70-летию Победы. Материалы из собрания Музея и частных, семейных архивов.

4. «Блокада. Новое зрение» (сентябрь–октябрь 2021 года) – выставка к 80-летию начала Блокады Ленинграда. Основа выставки – работы художников Ярослава Николаева и Бориса Смирнова, трудившихся в блокадном городе.

Кроме того, ежегодно проводилась акция «Блокадный квартал»: чтение в годовщину начала Блокады (8 сентября) имен

о Блокаде? Парад на Дворцовой площади 27 января 2019 года и столкновение двух версий блокадной памяти. Фонд «Либеральная миссия». 25 января 2021 года (<https://liberal.ru/povestka/kak-pomnit-o-blokade>).

3 *Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 8 / Сост. С.Е. ГЛЕЗЕРОВ. СПб.: Издательский центр «Остров», 2019; «Я знаю, что так писать нельзя»: феномен блокадного дневника / Сост. А.Ю. Павловская, науч. ред. Н.А. ЛОМАГИН. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.*

4 Коцюбинский Д.А. *Общественная дискуссия по вопросу о проведении военного парада на Дворцовой площади...* С. 168.

погибших в блокадный период жителей того квартала, в котором располагается Музей (близлежащие дома по Литейному проспекту, улице Белинского и набережной реки Фонтанки).

Изучая соотношение *виктимизированной* и *сакрифицированной* составляющих блокадной памяти, важно не только проанализировать содержание упомянутых выше выставочных проектов, но и учесть те развернутые комментарии, которые любезно предоставили автору сотрудники Музея, непосредственно причастные к реализации его блокадно-мемориальных мероприятий: основатель и директор Музея (1989–2020), президент Санкт-Петербургского Общественного благотворительного фонда друзей Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме Нина Ивановна Попова; директор (с 2020 года) Музея Анна Александровна Соколова; заведующая отделом выставок и проектов Музея Жанна Львовна Телевицкая; сотрудник пиар-службы Музея и один из организаторов акции «Блокадный квартал» Галина Николаевна Артеменко.

Рассказывая об этих проектах, сотрудники Музея вполне определенно указывали на скорбно-трагический смысл всех упомянутых выше памятных блокадных мероприятий. Как подробно пояснила Нина Попова, ее стремление наполнить пространство Музея не только традиционным для него историко-литературным содержанием, но и памятью о Блокаде было обусловлено двумя мотивирующими импульсами.

Первый такой импульс – судьбы и тексты Анны Ахматовой, авторов ее круга и прочих представителей городской интеллигенции, переживших Блокаду и оставивших свои воспоминания о ней:

«В начале 1990-х именно судьба и публицистика Николая Пунина подтолкнули меня к тому, чтобы начать заниматься блокадной тематикой. Пунин ведь очень подробно записывает 1942 год, ту зиму. И у меня возникло ощущение, что это требует памяти и возвращения к этому, потому что это не избыточное. Это было здесь, в Фонтанном доме, и это осталось. Может быть, я пафосно говорю, но исходное стремление увековечить блокадную память о Пунинных было для меня очень естественным. Это место, квартира на третьем этаже, требует возвращения, осознания спустя десятилетия: с большей степенью понимания, сострадания. И я занимаюсь этой темой до сих пор. Вот только сейчас расшифровывала записи Ирины Николаевны Пуниной и Анны Генриховны Каминской об их возвращении в 1944 году из Самарканда, как это было, что было в квартире, ни одного целого стекла, как нужно было просить»⁵.

Второй импульс – личный и семейный военный опыт самой Нины Поповой (она родилась в марте 1941 года):

5 Беседа с Ниной Поповой, февраль 2022 года. Полевые материалы автора (ПМА).

«Отец был военный, он был на фронте, служил на Балтийском флоте. Дома остались мама, бабушка, я и старший брат. Брат потом мне рассказывал, что мы жили на территории Военно-медицинской академии, на очень высоком третьем этаже; как надо было срочно меня завернуть и бежать по этой высокой лестнице вместе со всеми в бомбоубежище. Но больше всего в память брата, которому было восемь лет, врезалось то, как он идет по Лесному проспекту, а рядом идет телега с запряженной лошастью, и идут люди, и вдруг телега останавливается, лошадь падает, и все люди перестают идти, бросаются к лошади, откуда-то добывают лопатки и ножи и начинают эту лошадь, которая только что шла, на его глазах разрезать, свежевать. И он не может понять, как это может быть. А это значит, что уже нет мяса и мало хлеба – и вот эта павшая лошадь, “объедаемая” людьми»⁶.

Нынешний директор музея Анна Соколова также отметила преобладание виктимизированной составляющей в блокадно-мемориальной политике возглавляемой ею институции. Правда, она подчеркнула, что сохраняемая Музеем скорбно-трагическая память о Блокаде органически включает в себя героико-трагический компонент, связанный с человеческим сопротивлением бесчеловечной блокадной реальности:

«В первую очередь мы говорим о ценности человеческой жизни, о трагедии и о необходимости памяти о ней. Для себя внутренне мы, сотрудники, продолжаем тот самый список, в котором, говоря словами Анны Ахматовой, “хотелось бы всех поименно назвать”. Как бы пафосно это ни звучало, но это так. Поминование – это трагедия, это не героизм. Мы говорим об этом. И мы хотим, чтобы люди, которые сюда пришли, поняли, что это трагедия для самого разного уровня людей, которые оказались в блокадном городе. Наша задача – формирование человеческого отношения к нечеловечески страшной трагедии.

Но наши выставки не просто воскрешали память о трагедии, они также показывали, что единственным способом сопротивления человека бесчеловечной реальности и сохранения себя человеком в этих условиях оказывались честность перед собой и верность своему предназначению, стремление сохранить в себе способность что-то делать, творить. Не смириться, не умереть, а остаться человеком – это тоже подвиг! Если Бог тебе дал какой-то талант, то надо фиксировать происходящее и презентовать то, что рядом, для тех, кто рядом. И даже просто в письмах с фронта честно рассказывать о том, что тебя окружает, стремиться морально поддержать своих родных – это тоже поступок, требующий силы духа. И в наших экспозициях мы показывали таких людей»⁷.

Об этом же говорит и Галина Артеменко, подчеркивая, что Музею приходилось преодолевать стереотипы *сакрифицированной*

6 Там же.

7 Беседа с Анной Соколовой, февраль 2022 года. ПМА.

ной (героико-триумфальной) памяти о Блокаде, сложившиеся в советский период:

«Во всех наших блокадных проектах присутствует единая сверхзадача. Всегда хочется донести небывалую историю небывалого кошмара и при этом рассказать о том, как в условиях этой колоссальной трагедии люди оставались людьми. [...] И потому таким важным и прорывным для всех нас открытием было то, что сделали в свое время Даниил Гранин с Алесем Адамовичем⁸, а затем и все другие исследователи. И сейчас это – трагическое и героическое – должно соединиться в головах, а это очень сложно. И наш Музей, как мне кажется, во всех своих блокадно-мемориальных проектах пытался и продолжает пытаться решить именно эту задачу»⁹.

Анализ упомянутых блокадно-мемориальных проектов, реализованных Музеем на протяжении 2010–2021 годов, в целом подтверждает цитированные выше оценки и характеристики.

Вот что Жанна Телевицкая рассказала о выставке «Это письмо со слезами пишу» (май 2010 года, совместный замысел филолога, исследователя фольклора Олега Николаева и фотографа Игоря Лебедева), основанной на не подвергшихся военному цензурированию письмах солдата Ефима Хозумова на мансийском языке:

«Поскольку письменность манси – это кириллица, он пишет письма русскими буквами, [...] но – неизвестными словами. Письма не цензурировались именно по этой причине. Почему они проскочили – тоже загадка. И вот эти письма – ...ядро экспозиции. [...] За письмами потянулись дневники. [...] Кто, собственно, вел дневники? Конечно же, интеллигенция. И мы пришли к нашим ближайшим героям – Ахматовой, Гаршину, Берггольц. Также мы выходим на бюрократическо-бумажный слой, который играет исключительно важную роль, потому что, несмотря на осаду, несмотря на войну, [...] все равно без бумажки человек – не человек. Это справки, свидетельства, разрешения, не говоря о карточках, о талонах, об аттестатах, пайках и прочем. [...] Этот бюрократический бумажный вал был представлен такой стеной. Поверх этого бумажного вала – наши подлинные документы, подлинные письма»¹⁰.

В своих письмах рядовой участник обороны Ленинграда предстал как человек, сознающий весь ужас окружавшей его реальности (военной и особенно бюрократической, к которой он испытывал почти нескрываемую ненависть), и в то же вре-

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

8 Адамович А.М., Гранин Д.А. *Блокадная книга*. М.: Советский писатель, 1979; М.: Советский писатель, 1983; СПб.: Азбука, 2016.

9 Беседа с Галиной Артеменко, февраль 2022 года. ПМА.

10 Цит. по: Вольтская Т. *Письмо со слезами* // Радио Свобода. 2010. 14 мая (www.svoboda.org/a/2042052.html). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)

мя стремящийся думать и заботиться прежде всего не о себе, но о своих родных и близких, которым никак не удавалось получить положенные им – в связи с уходом единственного кормильца на фронт – налоговые льготы и которые находились по этой причине на грани голодной смерти:

«Вас постоянно налогами облагают, говоришь, чуть не судят. Пусть себя судят, а я посмотрю. Мама, ты не беспокойся, тебя не посадят, пока твой сын живой. Мама, я это дело как-нибудь улажу. Мама, я когда-нибудь домой приеду, жив-здоров, посмотрю, как они у меня налоги будут брать» (письмо от 23 октября 1943 года).

«Мама, я хорошо живу. Мне дают хлеба 900 грамм, три раза в день кормят. В месяц 30 рублей дают. Вам почему рыбакам не дают хлеб? Мама, я сильно ни в чем не нуждаюсь. Вас если в другой колхоз не отпустят, как-то выживайте» (письмо от 24 марта 1943 года).

«Мама ты сильно не плачь, зачем плачешь? Если я умру, письма не будут приходить домой, но я еще жив. Я как-то отправил 400 рублей, Приходили или нет деньги?» (письмо от 10 мая 1943 года).

«Мне выдали деньги, 70 рублей – я расписался, и 56 рублей – тоже расписался. Я бы отправил домой, но не дойдут до вас. С Омска отправлял 400 рублей. Получали или нет? В Омске я продал пальто за 400 рублей. Деньги отправлял домой, наверное, они не пришли» (письмо от 5 июля 1943 года).

«Я получил ваше письмо, из которого я узнал, что вы сильно бедствуете. Чем могу я вам помочь? Я постараюсь у командира взять справку и отправить вам. Что я еще могу сделать? Может, что-нибудь из вещей продадите? Мне бы вернуться домой живым. Я бы посмотрел на них...» (письмо от 1 августа 1943 года) (*курсив мой.* – Д. К.).

«Мама, я вам отправил 200 рублей и отправил вам справку. Эту справку никому не давай. Держи у себя на руках. Тем, кто собирает налоги, им не давай...» (письмо от 19 января 1944 года).

«Я писал два письма, мама, пиши. Мама, я жив, здоров. Мама, я тебе отправил справку. Мама, я тебе три раза переводил деньги» (письмо от 12 февраля 1944 года, за 10 дней до гибели)¹¹.

Жалоб на собственные блокадно-фронтовые трудности в письмах практически нет – о них приходится догадываться по косвенным рассказам. Например, о том, как один из довоенных знакомых и сослуживцев Хозумова не выдержал тягот службы, совершил самострел и был расстрелян:

«Добрый день! Хозумова Марья Петровна, здравствуй! Как вы живете? Пишите мне письма. Я жив, здоров. Вы, наверное, знаете: к нам в деревню приезжал собирать налоги один русский. С этим русским вместе служили. Мы с ним стояли на посту, он себе прострелил руку, он думал, что из-за этого домой отпустят. Руку свою специально подставил к стволу и выстрелил себе, и на руке оторвало четыре пальца. Его командир расстрелял из-за того, что себе руку прострелил.

11 Материалы из фонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Мы с ним вместе были. На этом заканчиваю писать. Хозумова Мария, до свидания, Хозумова Елена, до свидания, Хозумова Анна, до свидания, Хозумова Настасья, до свидания, Хозумов Ефим Д. 16 ноября, 1943 г.»¹².

ДАНИИЛ КОЦУБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Письма Хозумова (наряду с отрывками дневниковых записей и писем Владимира Гаршина, Ольги Берггольц, Кирилла Таганцева, Наталии Варбанец и других блокадников, а также тех, кто оказался в эвакуации) были экспозиционно противопоставлены военной и гражданской бюрократии: официальным сообщениям, приказам и сводкам. Сложная и объемная идейно-мемориальная структура выставки, канва которой вобрала в себя, помимо скорбно-трагического, также героико-трагический и жизнеутверждающий компоненты, противопоставив их державно-героическому *сакрифицированному* официозу, оказалась по-разному оценена и характеризована различными авторами, на первый взгляд придерживающимися сходных либерально-гуманистических идейно-мемориальных установок.

Петербургская поэтесса и публицист Татьяна Вольтская увидела в центре выставочного нарратива конкретного человека, через индивидуальное восприятие которого раскрывается общая катастрофа войны и Блокады. Развивая мысль об уникальности оптики Ефима Хозумова, Вольтская приводит слова инициатора выставки Игоря Лебедева:

«Мы прежде всего, конечно, были восхищены этим материалом эпистолярного жанра, потому что в его письмах были абсолютно антисоветские вещи, которые были не связаны, наверное, с коммунизмом или с чем-то еще, а просто с бытовым таким уровнем. Он постоянно пишет о том, что его матери не дают его зарплату – деньги, которые он ей пересылает, не выдают. По причине того, что они не верят, что он в армии служит, или что-то еще. Что это неправильно, что он обязательно должен приехать, вернуться с фронта, разобраться с этими людьми, вплоть до вооруженного насилия (“ты спрячь ружье, я приеду, я с ними со всеми разберусь”). С другой стороны, это видение войны человеком, у которого совершенно другой язык и совершенно другое восприятие мира. Он попадет впервые в те области страны, где есть высокие дома, он этому поражается. И поражается тому, что его не пускают, им не разрешают жить в этих домах, заставляют копать землянки и жить в землянках в лесу или в каких-то бараках. Война для него – это не бои и не тягости, а откровения, что пули свистят, как ветер – сравнение очень литературное, поэтическое. И это поражает, потому что у него совершенно другое сознание, и ты начинаешь задумываться: как вообще он существует в этом мире? А как же наименьшинства, которые тоже призывались, как они воевали? Мы же о них

12 Цит. по: ФАТИНА Т. «Все время думаю о вас...» // Магнитогорский металл. Городская газета. 2013. 19 ноября (<https://magmetall.ru/news/pamyat/vse-vrema-dumau-o-vas/>).

практически не слышали, мы о них не думаем, как будто их не существует. [...] Известно, что якуты – хорошие стрелки. И тут опять переключка с Хозумовым, потому что за то, что он хорошо стреляет (он изучает снайперскую винтовку, потом противотанковое ружье), ценят его навыки, он участвует в этом. Он находится здесь с 1942 года и до 1944-го. И вот в момент полного освобождения от блокады Ленинграда он гибнет в этой мясорубке. И после него ничего не остается. Нет фотографий. Вот этот эпистолярный жанр поддерживает, как бы делает его своеобразным писателем»¹³.

На выставке были также представлены материалы из школьных музеев города, которые выступали как источники виктимизированной гуманистической памяти о детях Блокады. Эти материалы, как отметил журнал «TimeOut», также позволяют соединить героику и трагизм в единое и нерасторжимое человеческое целое¹⁴. Кроме того, тематика выставки «Это письмо со слезами пишу» была поддержана галереей «Сарай»¹⁵ (небольшом экспозиционном пространстве Музея, где параллельно шла выставка о блокадных детях), а ее идейно-мемориальный посыл подхватила заведующая отделом истории магнитогорского краеведческого музея Татьяна Фатина¹⁶.

В то же время исследователь Татьяна Воронина в статье «Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне» предложила несколько иную интерпретацию этого проекта:

«[Экспонируемые материалы] отражают стремление кураторов выставки показать зрителю несколько иную войну, нежели это было принято долгое время. Войну, в которой основное внимание уделено не героическому пафосу победителей, а таким подробностям жизни людей, которые характеризовали бы это время без оглядки на цензуру. И, хотя образ, создаваемый выставкой, не акцентирует внимание на ужасах войны и блокады, рассказ о повседневности людей, живших в то время, в целом лишен привычного героического лоска. Достигается этот эффект во многом за счет демонстрации текстов писем с фронта. [...]»

Место проведения выставки и заявленная в аннотации концепция “войны без ретуши” наводили на мысль о представлении альтернативной точки зрения на войну, отличающейся от официальной, особенностью которой как раз и было “ретуширование” образа войны за счет исключения из него неприглядных сторон. Отчасти эти надежды были оправданными»¹⁷.

13 Вольтская Т. *Письмо со слезами*.

14 «Это письмо я со слезами пишу». *Письма с фронта, пересказанные языком современного искусства* // TimeOut. 2010. 6 мая (www.timeout.ru/spb/feature/10679).

15 Вольтская Т. *Письмо со слезами*.

16 Фатина Т. *Указ. соч.*

17 Воронина Т. *Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне* // Неприкосновенный запас. 2011. № 3(77). С. 159–175 (<https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/kak-chitat-pisma-s-fronta.html>).

«Отчасти» – поскольку диссонансом общему посылу выставки явилась школьная конференция, проходившая в стенах Музея во время посещения его Ворониной и оцененная ею как «ура-патриотическая»¹⁸. Виною тому, по мнению автора статьи, стало отсутствие в содержании выставки «рефлексии по поводу “рукотворности” самого воспоминания, самоцензуры и зависимости восприятия прошлого от тех или иных оценок события»¹⁹. Именно эта недоработка организаторов экспозиции позволила «объединить под одной крышей “наивный” и одновременно критический взгляд на войну Ефима Хозумова, [...] и пафосный перформанс, исполненный современными школьниками под руководством представителей обществ блокадников»²⁰. По убеждению Ворониной, «письма не могут говорить сами за себя, они требуют комментариев, контекста, и часто именно контекст определяет смысл предъявляемого документа»²¹.

Эти критические замечания прокомментировала куратор выставки Жанна Телевицкая:

«Что касается перформанса, который автор увидела на выставке и который использовала как аргумент – по сути единственный – в пользу своей гипотезы о том, что на нашей выставке были допущены, как ей показалось, некие экспозиционно-мемориальные несоответствия, якобы превратившие ее в показ войны не как трагедии людей, но как “предмет их гордости и величия”, то я категорически не согласна и с этой оценкой, и с подведенным под нее доказательством.

Начну с того, что мы не можем – и не должны! – каким-то образом цензурировать действия тех, кто приходит на нашу выставку, если эти действия не нарушают общих правил посещения музея. Тем более было бы странным препятствовать проведению школьного мероприятия, если вспомнить, что в подготовке нашей выставки участвовали масса школьных музеев, что они помогали нам всеми силами, на которые были способны – и учителя, и заведующие школьными музеями, и ученики! И мы, разумеется, совершенно не вмешивались в сценарий данного события. Возможно, это выглядело идейным диссонансом на фоне выставки, но куда большим диссонансом стала бы попытка цензурировать этот сценарий с нашей стороны. Думаю, это действие было подготовлено в отрыве от выставки как таковой: скорее всего учителя все отработали еще в школе, а в музей пришли просто провести мероприятие в более торжественной, с их точки зрения, обстановке. Одним словом, это совсем не означает, что наша экспозиция их “подтолкнула” именно к такому видению войны и блокады.

18 Там же.

19 Там же.

20 Там же.

21 Там же.

Наконец, относительно недостаточной идейной назидательности. Когда мы готовим тематические выставки, мы всегда исходим из того, что они должны говорить символическим языком, а не повторять жанр школьных прописей или морального катехизиса. Мы избегаем дидактических пояснений абсолютно сознательно. Мы не стремимся, как говорил Гумилев, “пасти народы” (“Аня, отрави меня собственной рукой, если я начну пасти народы”, – обращался он к Ахматовой). Мы стараемся говорить образным языком. Вообще выставка не книга, где все может быть написано четко и конкретно. Возможно, иногда каких-то чисто информационных пояснений на наших экспозициях не хватает. Но превращаться в “избу-читальню” мы категорически не хотим. Экспозиционная символика практически никогда не бывает буквальной. Там просто должны быть острые, красивые, очевидные вещи, которые призваны воздействовать на посетителя. И, как мне кажется, в той выставке, о которой идет речь, нам это, в общем, удалось. Косвенным образом в пользу этого говорит как раз тот факт, что уважаемая Татьяна Воронина почувствовала контраст между нашей экспозицией и проведенным рядом с ней “официозным” школьным мероприятием. Раз ее так резанула эта диссонансная штука, значит, выставка была на самом деле хороша»²².

Учитывая эти разъяснения, а также комментарии Татьяны Вольтской и других рецензентов, следует согласиться с тем, что данная экспозиция в полной мере соответствовала исходному скорбно-трагическому мемориальному замыслу, включавшему героико-трагическую компоненту.

Выставка «Блокада. До и после» (январь–февраль 2014 года) продолжила развитие описанного выше подхода к раскрытию блокадно-мемориальной тематики. Основу выставки, которую, как отмечалось в буклете, можно было бы назвать «художник в городе», составили работы Василия Калужнина (1890–1967) и Константина Кордобовского (1902–1988) – живописцев, которые «работали в блокадном Ленинграде, не оставляя главного дела своей жизни»²³. На выставке также были представлены работы петербургского художника Григория Кацнельсона (р. 1974), создавшего книгу «Геннадий Гор. Стихи 1942–1943», посвященную «тайному» блокадному сборнику стихов писателя Геннадия Гора (1907–1981), а также написавшего специально для проекта «Блокада. До и после» портреты Гора, Калужнина, Кордобовского, Филонова, Вагинова, Хармса, Друскина и других персонажей «круга Гора»²⁴.

Как пояснила Жанна Телевицкая, замысел экспозиции был предложен литератором и историком культуры Александром Ласкиным (он же стал и куратором выставки):

22 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

23 Буклет выставки «Блокада. До и после». Материалы из фонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

24 Там же.

«[Идея заключалась в том, чтобы] к 70-летию со дня снятия блокады Ленинграда представить на выставке творчество двух “маргинальных” художников, работавших в блокадном городе: Василия Калужнина и Константина Кордобовского. Творчество обоих и до и после блокады было далеко от официального искусства. По словам Ласкина, оба предпочли путь самоотречения и аскезы»²⁵.

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Ключевым оказывалось стремление не просто ознакомить общественность с произведениями двух малоизвестных до недавнего времени художников, запечатлевших город в период Блокады, но продемонстрировать их блокадное творчество как образец поступка, типологически стоявшего в общем ряду примеров блокадного героизма.

Как пояснял Ласкин, в судьбах этих двух художников было много схожего: «Оба оставались в блокадном городе, оба не прекращали работать как художники, несмотря на внешние обстоятельства. “Я рисую, значит, я существую” – скорее всего они считали так»²⁶. При этом тема героического преодоления человеком – посредством опоры на созидательно-волевые и духовно-культурные основы его личности – античеловеческого блокадного вызова органически вплеталась в общий скорбно-трагический мемориальный контекст: «Тема скорбной составляющей памяти о блокаде возникала сама собой, из визуального и вербального наполнения выставки: живописи, графики, стихов, артефактов»²⁷.

В рецензии на выставку Татьяна Вольтская вновь отметила героико-трагический акцент исходного замысла (суть которого, говоря процитированными выше словами Галины Артеменко, – показать, «как в условиях этой колоссальной трагедии люди оставались людьми»), подчеркнув, что, хотя оставшиеся в блокадном городе художники балансировали на грани гибели и переживали все трудности блокадного быта, они тем не менее продолжали работать и создавать значимые произведения²⁸. Завершая свой обзор, Вольтская сделала вывод, по сути опровергающий дихотомически-плоскостное деление памяти о таких событиях, как Блокада или война, на скорбно-трагическую и героико-триумфальную:

«Выставка наводит на странные раздумья: эти художники [в период тотального диктата канонов соцреализма. – Д.К.] прятали свое

25 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

26 Цит. по: Блокада. До и после. Выставка в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме (<http://museum.ru/N52356>).

27 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

28 Вольтская Т. *Лед, краски, тени* // Радио Свобода. 2014. 19 февраля (www.svoboda.org/a/25268063.html). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)

истинное лицо даже от учеников, изумившихся после смерти своих учителей, что, оказывается, они были настоящими мастерами. Но в дни войны, блокады все маски упали: смерть, стоявшая у дверей, держала за руку свободу»²⁹.

Похожим образом оценил феномен блокадных стихов поэт и критик Олег Юрьев, процитированный в одной из рецензий на выставку:

«В блокадном Ленинграде, в ситуации абсолютного экзистенциального ужаса он [Геннадий Гор. – Д.К.] безо всяких оговорок и ограничений вдруг заговорил на каком-то другом языке – на языке, применительно к которому несколько стыдный вопрос об отношениях формы и содержания просто-напросто не встает»³⁰.

Фронтальное столкновение скорбно-трагического, *виктимизированного* (включая героико-трагическую компоненту), с одной стороны, и героико-триумфального, *сакрифицированного* восприятия событий Блокады (и последующей памяти о них), – с другой, было представлено в музейном пространстве организованного к 70-летию Победы выставочного проекта «Такая разная война» (май 2015 года).

Создатели экспозиции поставили целью показать войну и Блокаду с точки зрения разных социальных групп. Свой творческий замысел кураторы Музея подкрепили ахматовской «военно-блокадной» цитатой: «“И в пестрой суете людской все изменилось вдруг”, – так начала Анна Ахматова свое стихотворение “Первый дальнбойный в Ленинграде”». И далее пояснили, что условно разделили пространство экспозиции на три социально-смысловых плана – авторско-интеллигентский, общенародный и номенклатурный:

«Восприятие военной действительности ленинградской интеллигенцией представлено рукописными артефактами – отрывками из дневников, письмами, стихами (Анна Ахматова, Ольга Берггольц, Татьяна Гнедич, Лев Гумилев, Николай Пунин и еще несколько имен “ахматовского круга”). А те самые 800 тысяч, которые “в наших сложных условиях мы можем кормить и которые достаточны для разрешения основных вопросов” (А. Жданов, 1941 г., Ленинград), можно увидеть на фотографиях, послушать их воспоминания, посмотреть семейные реликвии. Третий смысловой круг – официальные документы: приказы, агитационные листовки, плакаты, воспоминания военачальников и чиновников высокого ранга (Георгия Жукова, Андрея Жданова, Иосифа Сталина)»³¹.

29 Там же.

30 В Петербурге создали авторскую книгу тайных блокадных стихов // Regnum. 2014. 31 января (<https://regnum.ru/news/society/1761099.html>).

31 *Такая разная война* (<http://museum.ru/N57658>).

По признанию организаторов выставки, их попытка создать экспозицию, которая «не предполагает однозначности, не призывает к обязательным выводам и не навязывает определенное мнение»³² с точки зрения экспозиционного успеха удачной не оказалась³³. В то же время, как пояснила Жанна Телевицкая, именно в данной экспозиции «тема героической и скорбной памяти получила развитие – как противопоставление официальной и приватной точек зрения»:

«Похоронные извещения, заполняющие стену, и гладкие клишированные фразы в воспоминаниях Жукова, расчеты и рассуждения Жданова на той же стене. И здесь же – воспоминания очевидцев, записанные в музее в рамках проекта “Я голос ваш”. В витринах лежали вещи из домашних собраний и из фондов музея, пережившие войну: маленькая рукописная книжечка со стихами Ахматовой, стеклянный флакон, молочник, фарфоровая чашка – чудом уцелевшие, оказавшиеся прочнее, чем хрупкое человеческое существование. В больших одинаковых рамах были воспроизведены увеличенные изображения подлинных документов из музейного собрания: писем, дневников, посвящений, автографов стихов»³⁴.

Таким образом, несмотря на исходное намерение кураторов (и позднее критически ими же оцененное) создать сбалансированную палитру различных блокадных «голосов», гуманистическая, *виктимизированная*, версия военно-блокадной памяти все равно выходила на первый план, а героико-триумфальный *сакрифицированный* ее «антипод», *de facto* оказывался фоном, оттеняющим ее моральную истинность и мемориальную значимость.

Последняя из рассматриваемых выставок «Блокада. Новое зрение» (сентябрь–октябрь 2021 года), приуроченная к 80-летию начала Блокады Ленинграда и основанная на блокадных работах художника Ярослава Николаева (1899–1978) и художника, архитектора и фотографа Бориса Смирнова (1903–1986), была выдержана в уже утвердившемся на протяжении предыдущих лет блокадно-экспозиционном каноне Музея – *виктимизированном* и включающем в себя обязательный компонент трагической героики.

Анонс выставки начинался с выдержанной в скорбно-трагической стилистике цитаты из книги поэта и исследователя Блокады Полины Барсковой о том, как осенью 1941 года осажденный Ленинград «ослеп от затемнения... и утраты электри-

32 Там же.

33 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

34 Там же.

чества, от боли и ужаса»³⁵. Но далее сразу же открывалось пространство трагической героики:

«Следом за слепотой открылось иное, новое зрение – более чистое, свободное, более памятликое. Возможно, именно обретение нового зрения помогало выжить многим ленинградским художникам. “Умирая от дистрофии, я упорно боролся со смертью во имя желания продолжить наблюдения и зарисовки”, – писал график и художник кино Александр Блэк»³⁶.

На выставке были представлены отрывки из текстов, написанных художниками – представителями блокадной интеллигенции, – среди которых Николай Быльев-Протопопов, Анна Остроумова-Лебедева, Владимир Серов, Иосиф Серебряный, Ярослав Николаев, Алексей Пахомов, Александр Блэк. Сквозная тема подобранных цитат – новая творческая оптика, рожденная в экстремальных условиях и потому позволившая выразить предельный экзистенциальный опыт:

«И сами авторы, и зрители блокадных выставок замечали, что работ такой творческой силы не было ни до ни после. Герои нашей выставки – обладатели такого нового зрения»³⁷.

На примере их произведений организаторы выставки постарались проиллюстрировать атмосферу творческого подъема «вопреки смерти», охватившего многих ленинградских художников в период Блокады. Исходной точкой экспозиции стало творчество Ярослава Николаева:

«Этот проект начался со знакомства с произведениями художника Ярослава Николаева, хранящимися в семье наследников. Живопись и графика, созданные во время блокады Ленинграда, отличались от довоенного и послевоенного творчества и показались нам самыми интересными, как будто освободившимися от соцреалистического канона. Небольшого формата, на бумаге и маленьких кусках холста, масло, карандаш, акварель, повторяющиеся сюжеты, город блокадной зимой, фигуры на фоне городского пейзажа, почти не прописанные, но выразительные в своей незаконченности и условности. Мы не знаем, какой механизм запускает процесс свободного творчества – нахождение на грани жизни и смерти, любовь к актрисе Марии Петровой (их роман начался в Ленинграде в 1942 году), сознание того, что идеологические запреты и ограничения не самое страшное по сравнению с происходящим здесь и сейчас. Можно только предполагать и догадываться. [...]

35 БАРСКОВА П. *Седьмая щелочь. Тексты и судьбы блокадных поэтов*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020 (https://books.google.ru/books?id=_boqEAAAQBAJ&pg=PT90&lpg=PT90&dq=ослеп+от+затемнения...+и+утраты+электричества,+от+боли+и+ужаса+Барскова).

36 Цит. по анонсу выставки: <https://akhmatova.spb.ru/events/exhibition/blokada-novoe-zrenie/>.

37 Там же.

Выставка, посвященная 80-летию начала блокады, по нашему мнению, не могла быть составлена из работ одного художника. Думая о том, как сделать это высказывание более объемным, вспомнили о странной и непохожей на другие блокадные фото серии фотографий художника, архитектора и дизайнера Бориса Смирнова, сделанной в Ленинграде зимой 1942 года³⁸.

Борис Смирнов в Блокаду служил на Балтийском флоте капитан-инженером и руководил маскировочной лабораторией. Это давало ему право передвигаться по городу в комендантский час, а также вести фотосъемку на улицах (то и другое в блокадном Ленинграде было строжайше запрещено):

«Он ходил по пустым улицам и снимал то, что сегодня бы назвали “концептуальной фотографией”. На выставке представлен фотографический ряд: белые пустыни заснеженных рек с силуэтами вмерзших в лед кораблей, скелетоподобные остовы металлических кроватей из разбомбленных или сгоревших домов – трагическая красота неодоушевленных предметов, свидетелей царящей вокруг смерти»³⁹.

Помимо художественных работ, на выставке было представлено множество иных экспонатов, в том числе документов и дневниковых записей, поиском которых занималась Галина Артеменко. Жанна Телевицкая подчеркивает тот факт, что сверхзадача экспозиции заключалась не в показе «ужасов блокады», а в демонстрации того, как люди стремились преодолеть экстремальный ужас, находя для этого силы в творчестве и любви, в том числе в любви к родному городу и человеческой культуре в целом⁴⁰.

Представление о рецепции выставки можно составить по отзыву пользователя *Gorgik1* на интернет-ресурсе «Отзовик». Размещенные на одной из стен плакаты блокадного времени он оценил не как образ, символизирующий, по словам Телевицкой, «противопоставление пропаганды и свободного творчества, государственной машины и человека», но как своего рода удачное дополнение основной, скорбно-трагической (по замыслу) экспозиции: «Прекрасно дополняют общую направленность выставки многочисленные плакаты блокадного Ленинграда»⁴¹. Как представляется, в данном случае важно то, что, несмотря на некоторую разницу в нюансах прочтения экспозиционной сверхзадачи, рецензент уловил суть мемориально-экспозиционного замысла, нацеленного на то, чтобы

38 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

39 Цит. по: <https://akhmatova.spb.ru/events/exhibition/blokada-novoe-zrenie/>.

40 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

41 См.: https://otzovik.com/review_12398196.html.

показать героизм как своего рода неотъемлемое *дополнение* к трагедии, а не как концептуальную основу памяти о Блокаде. Впрочем, итоговое заключение этого рецензента было выдержано в традиционной советско-мемориальной, *сакрифицированной*, а точнее, героико-триумфальной с элементами скорби, блокадной стилистике: «Светлая память нашим героям и всем жителям города, выжившим в страшном испытании, и тем, кому не суждено было дожить до светлого праздника снятия блокады»⁴².

Если выставочно-экспозиционная деятельность Музея, связанная с памятью о войне и Блокаде, затрагивала прежде всего тему преодоления трагедии и была в целом выдержана в героико-трагическом (хотя в целом – виктимизированном) ключе, то акция «Блокадный квартал» являлась прежде всего *скорбно-поминальным* событием. Эпиграфом ежегодного мероприятия стали ахматовские строки «Хотелось бы всех поименно назвать, / Да отняли список, и негде узнать».

Начиная с 2015 года «Блокадный квартал», являясь частью общегородской акции чтения имен людей, погибших в Блокаде, проходит ежегодно, тем самым как бы подчеркивая общий *виктимизированный* фундамент всей экспозиционно-просветительской деятельности Музея по увековечиванию памяти о войне и Блокаде. Как в 2018 году отметила Нина Попова, «в этом замысле есть потребность преодолеть некую разнузданность, связанную с воспоминанием о войне, потому что это воспоминание должно быть переведено на уровень сострадания, сочувствия, сопереживания: это прошлое, которое входит в тебя, как часть твоей жизни»⁴³.

Однако даже в контекст скорбно-поминального мероприятия сотрудники Музея органично вплетают героико-трагическую составляющую, напоминающую о духовном сопротивлении «ледяному аду», которым стала Блокада для жителей города:

«“Блокадный квартал” – инициатива “Комитета 8 сентября”, созданного несколько лет назад для того, чтобы блокадная память стала ближе, хотя с каждым годом эти события все дальше от нас, а их участников среди нас все меньше. [...]»

Николай Пунин был эвакуирован в Самарканд в начале 1942 года, первую блокадную зиму он провел в городе, вел, как и многие, дневник, писал о том, что город стал ледяным адом. Ахматова уехала из окруженного города в конце сентября – “в брюхе летучей рыбы” – самолетом, увозя с собой рукописи и стихи, которые нельзя было записать, можно было только держать в памяти. В годы эвакуации она жадно ловила все новости, доходившие из Ленинграда.

⁴² Там же.

⁴³ Цит. по: В Петербурге 8 сентября пройдет общегородская акция «Блокада: вспомнить всех поименно» (<https://news.rambler.ru/other/39920984>).

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена! – захлопываю святцы;
И на колени все! – багровый хлынул свет,
Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

ДАНИИЛ КОЦУБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Конечно, никакого Бога советская цензура допустить не могла: если это стихотворение печатали, то в редакции “для славы мертвых нет”. Но не только о славе, а прежде всего *о памяти и преодолении страха, о человечности в нечеловеческих условиях – вот о чем этот день 8 сентября*⁴⁴.

Анна Соколова подчеркивает, что акция «Блокадный квартал» помогла Музею стать культурным центром притяжения не только для жителей района, но и для всех петербуржцев и гостей города, «потому что наши блокадные мероприятия и то, что мы собираем книгу памяти, это ведь о тех, кто погиб во время блокады в нашем квартале»⁴⁵. По мнению Галины Артеменко, одного из организаторов акции, инициатива в целом удалась. Важнейшим фактором явилось то, что это мероприятие сохранило «живой» формат и не было заформализовано⁴⁶.

Подводя общий итог, можно высказать предположение, что в основе выставочной и просветительской деятельности Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме в 2010–2021 годах лежал *виктимизированный, скорбно-трагический мемориальный подход к военно-блокадной тематике*. В то же время неперменной составляющей этого подхода оказывалась героико-трагическая оптика, предполагавшая репрезентацию примеров духовного сопротивления человека трагическим вызовам войны и Блокады посредством индивидуального подвижничества, выразившегося как в повседневной работе простого сопереживания другому, так и в различных формах творческой активности «вопреки смерти и разрушению». Специфика трагической героики как составной части общего *виктимизированного* подхода к памяти о таких феноменах, как война или Блокада, заключается в том, чтобы сделать акцент на личности, вступающей в заведомо неравную схватку с неодолимыми вызовами и, несмотря ни на что, стремящейся до последнего сохранять в себе *человеческое* и делиться своей человечностью с другими людьми.

В отличие от *виктимизированного, сакрифицированного* формат героической памяти предполагает иную оптику, сфоку-

44 *Блокадный квартал* (<http://museum.ru/N70695>). *Курсив мой.* – Д. К.

45 Беседа с Анной Соколовой, февраль 2022 года. ПМА.

46 Беседа с Галиной Артеменко, февраль 2022 года. ПМА.

сированную прежде всего на демонстрации той общественно значимой пользы, которую *герой*, рискуя или жертвуя собой, приносит *группе*, совершая при этом *свободный и осозанный выбор*. В то же время в центре *виктимизированной* героики – человек, явившийся жертвой неодолимых обстоятельств, заставивших его решать вопрос о сохранении себя как личности вопреки обезличивающему его экстремальному контексту.

Таким образом, следует заключить, что, последовательно развивая вышеописанный подход к военно-блокадной тематике, выставочная и просветительская деятельность Музея подтвердила справедливость того концептуального итога, к которому, в конце концов, пришла дискуссия о проведении военного парада на Дворцовой площади 27 января 2019 года. Итог, напомним, заключался в признании необходимости «инклюзивной блокадной памяти, в рамках которой между различными ее версиями – сакрифицированной, с одной стороны, и виктимизированной, с другой, – сохраняются каналы коммеморативного взаимодействия и дискурсивного взаимоприятия»⁴⁷. Многолетний опыт работы Музея, как представляется, стал успешным примером создания одного из вариантов такой *инклюзивной блокадной памяти, виктимизированной* в своей основе и в то же время включающей в свою структуру обязательные элементы *трагической героики*.

Данный подход, как вытекает из всего сказанного выше, позволяет преодолеть предложенное Алейдой Ассман жесткое дихотомическое деление исторической памяти на *сакрифицированную* и *виктимизированную* (которое не учитывает наличие в структуре первой элементов трагизма и скорби, а в недрах второй – соответственно, элементов героики), дополняя это дискретно-плоскостное деление новыми, гуманистически нюансированными и, думается, более перспективными в культурно-мемориальном отношении оттенками.

47 Коцюбинский Д.А. *Как помнить о Блокаде?..*

Антропологический фокус Бориса Дубина: горизонты и границы

ОЛЕГ
ЛАРИОНОВ

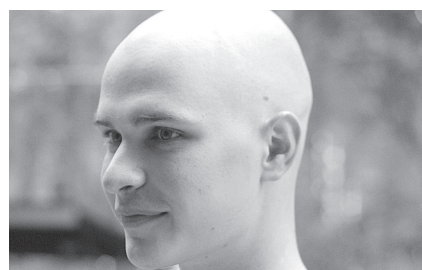
*Смысловая вертикаль жизни. Книга интервью
о российской политике и культуре 1990–2000-х*

БОРИС ДУБИН

Составитель ТАТЬЯНА ВАЙЗЕР

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 688 с.

Вышедший осенью прошлого года сборник интервью Бориса Дубина уже тогда мог восприниматься как памятник минувшего периода российской истории: несмотря на наполненное мрачными прогнозами интервью, данное после аннексии Крыма, большинство составивших книгу разговоров с умершим в 2014-м социологом, эссеистом и переводчиком сфокусировано на «нулевых» годах и ретроспективном обсуждении последних советских и первого постсоветского десятилетий. Итоговый характер изданию придают и включенные в него двенадцать текстов, написанных Татьяной Вайзер, Еленой Петровской, Олегом Аронсоном, Александром Дмитриевым, Алексеем Левинсоном и Алексисом Береловичем, Ильей Кукулиным, Борисом Степановым, Ириной Каспэ, Михаилом Ямпольским и Сергеем Козловым, – предлагающих многообразные мемуарные и аналитические суждения о личности и насле-

*Олег Алексеевич
Ларионов (р. 1998) –
историк литературы,
сфера научных интересов –
русская литература
XVIII века, интеллекту-
альная история, гумани-
тарная и социальная
теория.*

П

**НОВЫЕ
КНИГИ**

219

дии Дубина¹. Теперь, когда катастрофический разрыв окончательно отделил нас от эпох, в которых жил и работал Дубин, именно этот сборник интервью, схватывающий разные аспекты дубинской деятельности, позволяет вступить в диалог с его текстами и соотнести его мысль с опытом и заботами последних лет и месяцев.

Составитель книги Татьяна Вайзер тематически сгруппировала интервью в несколько разделов, пронизанных смысловыми переключками и складывающихся в цельную характеристику российского общества и культуры в их прошлом и настоящем. Согласно Дубину, постсоветская Россия оказывается страной, так и не доведшей до конца процесс модернизации. Перестройка и рыночные реформы, на которые возлагалось так много надежд, не привели к формированию социальных институтов и элитных групп, которые увязывали бы общество в единое целое и производили бы универсальные нормы, ценности и стандарты поведения. Фрагментированный и разобщенный российский социум состоит из атомизированных и деполитизированных людей, практически не вступающих в горизонтальные формы кооперации за пределами узкого круга семейных и дружеских связей, и власти, выхолостившей публичную политику в бессмысленные ритуалы. Дефицит представлений об общем благе, предпочтение адаптации самосовершенствованию, зависть и ксенофобия сочетаются с полным доверием президенту и готовностью отождествиться со страной, понятой как великая держава, противостоящая Западу и опирающаяся на славное прошлое – находящуюся в средоточии национальной идентичности победу во Второй мировой войне и идеализированную советскую жизнь, ностальгия по которой вытесняет сложный разговор о трагедиях и преступлениях XX века. Воспроизводством всей этой конструкции занята индустрия массмедиа, в первую очередь телевидение, триумфальное распространение которого сопровождалось распадом культурных институтов советского времени и связанной с ними интеллигенции, катастрофическим падением тиражей журналов и сокращением читательской публики, замыканием на себе узких художественных и интеллектуальных сообществ, не желающих брать ответственность за все общество и вообще вступать в контакт с современностью. Не приносят никакого результата и слабые попытки оппозиции предложить альтернативу сложившемуся порядку: протесты 2011–2012 годов, которые поначалу Дубин встретил с надеждой, уже в 2014-м опознаются как «знак конца», и будущее страны

1 К этим текстам следует также добавить два предисловия к посмертным сборникам Дубина: Рейтблат А.И. *От составителя* // Дубин Б.В. *Очерки по социологии культуры. Избранное*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 5–10; Кобрин К.Р. *Герой модерна* // Дубин Б.В. *О людях и книгах*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 5–14.

видится бесперспективным: «есть все основания думать, что впереди будет существенно хуже для всех» (с. 249–250).

Во второй половине книги фокус смещается с российского общества и культуры на самого Дубина и его интеллектуальную биографию. Говорится о детстве на окраине Москвы, приобщении к книжной культуре, учебе на филфаке МГУ, участии в неофициальном литературном сообществе СМОГ, устройстве на работу в Ленинскую библиотеку. Если 1960-е переживаются Дубиным как период, в который его поколение «формируется как некое условное целое», то в следующие десятилетия происходит фрагментация и размывание коллективного исторического опыта: «поколения как бы не стало» (с. 276). Между тем именно в этих условиях складываются две важнейшие сферы деятельности Дубина. Во-первых, он начинает заниматься переводами; ключевой фигурой в этой области для него оказывается Анатолий Гелескул. Во-вторых, через своего коллегу Льва Гудкова он знакомится с Юрием Левадой, приобщаясь к социологической проблематике. Подробные беседы, посвященные этой теме, дают много очень ценного материала по позднесоветской интеллектуальной истории, выразительно обрисовывая харизматический образ самого Левады, круг занимавших его вопросов, институциональные перипетии и хрупкие формы полупубличного существования немарксистской социологии. В перестройку для Дубина начинается второй период активного исторического существования, когда он участвует в создании и деятельности ВЦИОМ, оказываясь на переднем крае процессов кристаллизации гражданского общества и публичной сферы. В это же время он активно публикует переводы и собственные сопроводительные тексты, целенаправленно знакомя русскоязычную аудиторию с непривычными для нее типами письма и мышления. Последний этап набрасываемой Дубиным автобиографии связан с разочарованием, сменившим кратковременную эйфорию: надежды на возникновение полноценного современного общества не оправдались, нескладная история постсоветской России подталкивала к новым интерпретациям, акцентирующим дряхлеющее влияние тоталитарного советского прошлого на граждан и институты страны, а в 2003 году давление власти вынудило сотрудников покинуть ВЦИОМ и основать независимый «Левада-центр»². Время общественного и государственного запроса на экспертное социологическое знание, играющее роль в публичных дебатах о перспективах развития страны, окончательно ушло в прошлое.

Даже из этого неизбежно схематичного очерка основных смысловых линий книги видно, что в ней представлены как се-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОКУС БОРИСА ДУБИНА:
ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

рия суждений о российском обществе и культуре, так и условия производства этих суждений: сама фигура эксперта и история формирования той интеллектуальной и институциональной позиции, из которой он ведет речь. Составившие сборник интервью очень разнятся по коммуникативной ситуации, объему, тематике, но во всех них осуществляется работа «сопоставления, опосредования и интеграции различных ценностных порядков, принятых и фигурирующих в обществе на разных его уровнях, в различных секторах и зонах, в разных группах и поколениях», реализуется «опосредующая, интегративная и обобщающая, универсализирующая функция»³ – та самая, которую Дубин вменял и не находил у позднесоветской интеллигенции в новых исторических условиях. Теперь любой читатель может оценить масштаб усилий, затраченных самим Дубиным на изобретение и исполнение роли публичного интеллектуала, профессионала, делящегося своей экспертизой с обществом. При этом нельзя не указать на некоторые хорошо известные опасности, вписанные в саму ситуацию транслирования академического знания на широкую аудиторию. Освященные авторитетом эксперта суждения превращаются из набора различных гипотез, интерпретаций, подходов, не обязательно разделяемых всем научным сообществом, в претендующее на конечную истину знание об обществе, в приговор или поучение, производимое с позиции символической власти. Кроме того, тонкости, нюансированности, экспериментальности рефлексии учебного угрожает опасность упрощения и уплощения – причем это огрубление и банализация могут произойти и в речи самого эксперта, и в рецепции его слов читателями. Таким образом, складывающаяся из множества интервью концептуализация Дубиным российского общества и культуры должна критически рассматриваться как претендующая на универсальность и безальтернативность очень специфическая, структурно ограниченная интерпретация с определенной оптикой и расстановкой акцентов. Очерченная проблематика задает горизонт, в котором будут разворачиваться следующие ниже замечания, цель которых – не ставя под сомнение глубину и фундаментальность высказываний Дубина – отнести к ним как к реплике об обществе, высказанной в рамках публичной сферы и подлежащей, соответственно, не узкодисциплинарному, а более общему обсуждению, вскрывающему ключевые особенности и неизбежные слепые пятна этого способа мысли.

Наиболее очевидным контекстом мысли Дубина – как она представлена в этом сборнике – служит левадовская социология, снабдившая его концептуальным аппаратом и институцио-

3 Дубин Б.В. *Интеллигенция и профессионализация* // Он же. *Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 191.

нальным положением, которые и сделали возможным появление всех этих интервью. Нетрудно было бы продемонстрировать, и этот факт постоянно подчеркивает сам Дубин, что важнейшие моменты его интерпретации советского и российского общества – общая рамка теории модернизации, внимание к символическому измерению общественной жизни, культуре и ценностям, всегда невыгодное сравнение с «нормальными» западными странами, наконец, фигура «советского человека», вплоть до несколько пугающих своим языком рассуждений о том, «что за XX век у нас в стране какие-то нарушения внесены уже в саму антропологическую конструкцию, в устройство человека» (с. 290), в результате чего «человеческий материал сильно [...] устал» (с. 317), – находят ближайшие параллели в текстах Левады и его учеников. Между тем эта конститутивная для всего дубинского наследия связь одновременно делает его очень уязвимым. Социологический проект Левады не раз становился предметом острой критики, обращавшей внимание на непроясненный и спекулятивный характер концепции «советского человека», непродуктивную изоляцию советского и российского случая при постоянном его противопоставлении идеализированному обобщенному Западу, проблематичность, если не необоснованность, предлагаемых интерпретаций результатов опросов, недостаточность одного этого источника для делаемых на его основании выводов и так далее⁴. Все эти упреки можно адресовать и Дубину, опознав в его высказываниях не манифестацию социологического знания *per se*, а выражение дискуссионных убеждений специфического, существовавшего в очень конкретных обстоятельствах течения поздне- и постсоветской научной мысли. Сделав это принципиальное замечание, можно сместить внимание с рамки левадовской социологии на индивидуальный интеллектуальный проект Дубина.

Уже не раз отмечалось, что общим знаменателем многообразного наследия Дубина была фигура человека, определенный тип личности, способ существования субъекта. В этом антропологическом фокусе собираются и увязываются между собой занятия социологией литературы и культуры, с их интересом к моделируемому в искусстве опыту и механизмам его рецепции, переводы и эссе, предлагающие образцы сложных конструкций субъектности пишущего, попытки охарактеризовать «советского человека» и стремление противопоставить ему идеал гражданина «развитых обществ», принципами которого оказываются «самостоятельность, состязательность и солидарность» (с. 133). Культура представляется Дубину в виде

⁴ Габович М. *К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады* // Вестник общественного мнения. 2008. № 4(96). С. 50–61; Титков А.С. *Призрак советского человека* // *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 4. С. 53–94.

конститутивного для общества «идеального начала, которое держалось бы личной ответственностью и задавало индивидуальной жизни смысловую напряженность, вносило в нее идею ценностного качества (поступка, вещи, самого человека, отношений между людьми), его постоянного повышения» (с. 281). Этот «проект культуры» имеет вполне конкретную пространственную и временную привязку, поскольку почти синонимичными ему в дубинском словоупотреблении оказываются понятия «Европа» и «проект модерна» (с. 402). При этом принципиально важными для Дубина оказываются две точки. Во-первых, это XX век, когда в литературе и философии возникают переводимые им промежуточные, пограничные формы письма, прямо связанные с «разработкой, пестованием, окультуриванием личности» (с. 396), с «принципом субъективности» (с. 420), которого недостает в России и на котором держится эссеистика. Во-вторых, на более глубинном уровне, это конец XVIII – начало XIX века, когда «на развале сословного общества» (с. 326) «в Просвещении и романтизме (прежде всего немецком)» разрабатывается «понятие культуры» (с. 332), «антропологическая программа перехода нескольких стран Европы к современному (модерному) обществу»⁵. У возникающей тогда конструкции личности, как ее описывает Дубин, можно выделить два ракурса. С одной стороны, это «[ч]еловек, умеющий сам ставить перед собой цели, осуществлять осознанный выбор и брать на себя ответственность» (с. 326), в котором опознается кантовский автономный субъект, «зрелый» и «просвещенный» гражданин своей страны. С другой стороны, дубинский человек модерна обладает эстетическим измерением, заданным романтиками, у которых сфера «искусства, литературы, культуры конституировалась... через отнесенность к ценности субъективного самоопределения», а личность «репрезентировалась метафорикой бесконечного», в результате чего формировался «антропологический принцип постоянного повышения качеств человеческого, усложнения и рафинирования субъективности»⁶.

Культура, понятая как «культивирование, изготовление самого себя собственными силами, по своему разумению и лучшим образцам» (с. 397), оказывается для Дубина универсальным идеалом, через соотнесение с которым оцениваются любые явления. Показательным примером может послужить исследование советских эго-документов, результатом кото-

5 Дубин Б.В. *Расплывающиеся острова. К социологии культуры в современной России* // Он же. *Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 250.

6 Он же. *Массовая словесность – национальная культура – формирование литературы как социального института* // Он же. *Классика, после и рядом...* С. 84.

рого становится достаточно предсказуемый в контексте дубинской мысли тезис «о невозможности личного в советской культуре»⁷. Одним из источников, которому он посвятил еще и отдельную статью⁸, для Дубина в этой работе послужили записки полуграмотной Евгении Киселевой, впервые целиком опубликованные и проанализированные Натальей Козловой и Ириной Сандомирской⁹. Характерно, что там, где Дубин видел только негативное свидетельство недостачи, нехватки и невозможности, исследовательницы нашли источник феминистской солидарности, а также повод критически взглянуть на ту самую высокую культуру, насильственно насаждаемые ею нормы и роль, играемую при этом гуманитарным знанием. Общими же импликациями этого конфликта интерпретаций оказываются, как пишет в более позднем тексте Сандомирская, вопросы о возможности помыслить и признать человеческую субъектность за пределами рациональности нововременного субъекта и неготовность интеллектуального класса дистанцироваться от неолиберальных рыночных реформ и связанного с ними высокомерного презрения к «советскому человеку»¹⁰. Дополнительно прояснить фиксируемый этим случаем принципиальный раскол может анализ рецепции Дубиным наследия Мишеля де Серто. Если для Козловой и Сандомирской, как и для множества других исследователей, центральной работой французского мыслителя оказывается «Изобретение повседневности», предлагающее наделять агентностью и активной творческой силой неприметные маргинальные фигуры типа Киселевой, то Дубин, не раз писавший о Серто, переводивший его и прекрасно знавший, что его «как историка и как современника притягивала эта плотная, всякий день заново ткущая Пенелопина ткань бесконечных микрохитростей и минипобед человека над надзором власти и дисциплиной кары, дрессурой принудительного труда и гнетом рутинной скуки (нудная для других обыденщина – для Серто область “чудес”, “скоротечных праздников”)¹¹, вовсе не стремился перенять эту оптику и, скажем, увидеть в советском и российском обществе, вместо левадовской «адаптации» браконьерские «тактики» Серто. Его гораздо больше интересовали мысли Серто о том, что

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОКУС БОРИСА ДУБИНА:
ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

7 Он же. *О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования)* // Он же. *Классика, после и рядом*. С. 197–207.

8 Он же. *Границы и ресурсы автобиографического письма (по запискам Евгении Киселевой)* // Он же. *Очерки по социологии культуры...* С. 527–539.

9 Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. *«Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения*. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996.

10 Сандомирская И. *«Наивное письмо» пятнадцать лет спустя, или На смерть соавтора* // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 2(82). С. 206–219.

11 Дубин Б.В. *Мишель де Серто, или Страсть к отвергнутому* // Он же. *На полях письма. Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке*. М.: Emergency Exit, 2005. С. 334–335.

такое история сегодня, как она возможна, как можно строить исторический дискурс, историческое повествование» (с. 420). В фокусе внимания находится мыслитель, а не его странные герои – не Другой сам по себе, а Другой как предмет интереса исторически мыслящего современного субъекта, как явление, выводящее на новый уровень сложности и рафинированности все ту же высокую европейскую культуру¹².

Культура, понятая как «культивирование, изготовление самого себя собственными силами, по своему разумению и лучшим образцам», оказывается для Дубина универсальным идеалом, через соотнесение с которым оцениваются любые явления.

Продолжая контекстуализировать проект Дубина, можно поместить его в горизонт истории концептуализаций личности в российской культуре, доминирующей из которых, как показывает Николай Плотников, до последнего времени оставалась романтическая индивидуальность, хотя и не обладающая обычно чертами кантовского автономного субъекта, самостоятельно пользующегося собственным разумом, но по остальным параметрам, не говоря о происхождении, чрезвычайно близкая дубинскому идеальному человеку модерна¹³. Вализация самовоспитания через приобщение к «вечным ценностям» культурных канонов находилась в средоточии интеллигентского этоса и определяла цивилизаторскую функцию образованного класса в системе всего общества, о чем писал сам Дубин¹⁴, имплицитно противопоставлявший, как можно предположить, этой ориентации на «классику» свои переводы и эссе, в которых «разговор сосредоточен по преимуществу на так называемых “малых” литературах и “маргинальных” их феноменах»¹⁵. Гораздо более любопытно, однако, что тот же язык понимания субъектности доминировал и в официальной советской культуре¹⁶. Парадоксально и отчасти иронично, но отстраивающийся от «советского человека» как его полная противоположность современный субъект Дубина и конструи-

12 Он же. «Еретик настоящего»: историк глазами Мишеля де Серто // Неприкосновенный запас. 2014. № 3(95). С. 39–48.

13 Плотников Н. От «индивидуальности» к «идентичности» (история понятий персональности в русской культуре) // Новое литературное обозрение. 2008. № 3(91). С. 64–83.

14 Дубин Б. В. Российская интеллигенция между классикой и массовой культурой // Он же. Слово – письмо – литература... С. 329–341.

15 Он же. На полях письма... С. 4.

16 Плотников Н. От «индивидуальности» к «идентичности»... С. 79–80.

руемая в советских дискурсах и практиках «всесторонне и гармонично развитая личность», сколько бы ни считать последнюю фикцией, ложным подобием, призрачным двойником высоких устремлений нововременной европейской культуры, в глобальной перспективе выглядят двумя близкородственными изводами одной и той же традиции, восходящей к немецким идеям *Bildung*, кантовскому «просвещению», шиллеровскому «эстетическому воспитанию» и так далее. Более того, характерное для постсталинского СССР появление понятия личности как в партийных постановлениях, так и в языке психологии и социологии¹⁷ вообще может служить контекстом, объясняющим левадовский «проект социологической антропологии» (с. 477), в рамках которого зародились идеи Дубина.

Альтернативой, приходящей на смену всем этим концептуализациям персональности, в последние десятилетия оказывается понятие идентичности и основывающиеся на нем преимущественно психологические дискурсы¹⁸. Одновременно и в тесном переплетении с этими процессами западный проект модерна во всех своих аспектах стал предметом критики со стороны очевидно не импониовавших Дубину «различных околофилософских, культур-критических концепций постмодерна, постколониализма, мультикультурализма, феминизма, теорий глобализации и проч., как правило, развиваемых публичными интеллектуалами США и Европы “левого” толка (отсюда – идеологические значки типа “культурного империализма”, риторика “господства” и проч.)»¹⁹. Следует четко зафиксировать этот недвусмысленный отказ от феминистской и постколониальной оптики, поскольку он выявляет структурную ограниченность дубинского интеллектуального проекта, проблематизирует его рецепцию и предвосхищает недавние споры, расколовшие российскую публичную сферу. Последние годы в России были наполнены перетекающими друг в друга дискуссиями, затрагивавшими сразу множество тем (борьба с харассментом на рабочем и учебном месте, движение VLM, критика гендерных и расовых стереотипов в искусстве, западная «культура отмены», распространение языка поп-психологии и терапевтический поворот и тому подобное) и объединявшимися под мало осмысленным ярлыком «новой этики»²⁰. В перспективе обсуждения дубинского наследия и его антропологического фокуса пред-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОКУС БОРИСА ДУБИНА:
ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

17 Бикбов А. Тематизация «личности» как индикатор скрытой буржуазности в государстве «зрелого социализма» // *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге*. М.: Модест Колеров, 2007. С. 404–426.

18 Плотноиков Н. *От «индивидуальности» к «идентичности»*... С. 82–83.

19 Дубин Б. В. *Массовая словесность*... С. 94.

20 Характеристика состояния публичной сферы и очерк основных общественных дискуссий в России последних лет представлены в: ROSSMAN E., SURMAN J. *New Dissidence in Contemporary Russia: Students, Feminism and New Ethics* // *New Perspectives*. 2022. Vol. 30. № 1. P. 27–46.

ставляется важным, что эти дискуссии, если воспользоваться формулировкой Ирины Каспэ, «разворачиваются как столкновение двух моделей субъектности: реактивный, сконцентрированный на контактной границе субъект встречается со своей стремительно устаревающей противоположностью – с субъектом, который обладает гипертрофированным центром и размытыми границами, сочетает приверженность идее “истинного Я” с репрессированной чувствительностью и противопоставляет “новому языку разговора о чувствах” старый нарратив о необходимости героически справляться и стоически выдерживать сложные переживания»²¹. К этому следует добавить, что защитники условно «старой» модели субъектности зачастую прибегают к знакомым символическим ресурсам европейской современной культуры: метафорам «зрелого» и «совершеннолетнего» субъекта, несущего ответственность за свои поступки, дискурсу романтической творческой индивидуальности, ссылкам на великое искусство и уникальность западной цивилизации и так далее. В этих контекстах возникает опасность избирательного и поверхностного, хотя и имеющего под собой основания, прочтения наследия Дубина как безусловной апологии современной культуры и общества, не замечающей конституирующего их структурного насилия.

К концу 2021 года в России, по данным Эллы Россман и Яны Сурмана, существовали как минимум 45 независимых феминистских групп в 29 городах²². Сейчас, в условиях тотального коллапса российской публичной сферы и гражданского общества, именно эти горизонтальные сообщества послужили инфраструктурной и концептуальной базой для появления самого заметного общественного объединения последних месяцев – Феминистского антивоенного сопротивления. Как оказалось, вовсе не ожидаемый когда-то – среди прочих социологами «Левада-центра» – средний класс собственников с ценностями состоятельности, а фем-активистки, редко апеллирующие к наследию европейской современной культуры и едва ли ориентирующиеся на ее андроцентричные и гетеронормативные модели субъектности, стали той силой, которая, взяв ответственность за все общество, принципиально обращаясь к максимально широкой аудитории, а также поддерживая и развивая формы низовой солидарности и кооперации, публично заявляет о своей политической позиции и стремится распространять информацию в обход цензурных ограничений, сложно сочетая в своих акциях политическое и эстетическое измерения и постоянно рискуя попасть под репрессии.

21 КАСПЭ И. *Эмоции как место истины* // Colta. 2021. 13 декабря (www.colta.ru/articles/literature/29113-irina-kaspe-kniga-slozhnye-chuvstva-razgovornik-novoy-realnosti).

22 ROSSMAN E., SURMAN J. *Op. cit.* P. 36.

Учитывая все, сказанное выше, наследие Дубина, как представляется, не следует усваивать прямолинейно, некритично заимствуя ключевые понятия, схемы интерпретации российско-го и западных обществ, расстановки политических и социальных приоритетов, ценностные иерархии, диагнозы и рецепты. Возможно, более продуктивным будет обратить внимание на не бросающиеся в глаза, но, быть может, более фундаментальные и важные моменты. Увидеть обращенный к образованному классу призыв изменить себя и свое отношение к миру, перестав выстраивать барьеры между собой и остальным обществом. Услышать настойчивый совет политизироваться и солидаризироваться друг с другом. Отметить, например, стабильный интерес Дубина к «малой» литературе турецких иммигрантов в Германии (с. 343, 556) и предложение «попробовать писать... российскую литературу на русском языке... не как великую, а именно как малую»²³. Обнаружить, наконец, во всем этом удивительный этос современности, острую социальную и эстетическую чуткость и чувствительность к событиям и заботам текущих дней, сопряженную с умением не поглощаться ими без остатка, дистанцироваться и мыслить в широких временных, пространственных и концептуальных горизонтах – тот этос, желание приобщиться к которому и побуждает читать, перечитывать, обдумывать и оспаривать тексты Дубина сегодня.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОКУС БОРИСА ДУБИНА:
ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

23 Дубин Б. В. *Формы литературы – кумуляция опыта – организация общества: к типологии читателей* // Он же. *Классика, после и рядом...* С. 126.

Ветер с Востока – одолеет ли он ветер с Запада?

Chinese Thought: From Confucius to Cook Ding

ROEL STERCKX

London: Penguin Books, 2019. – XVII, 458 p.

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Казалось бы, о китайской философии за последние две с половиной тысячи лет написано уже столько, что ничего принципиально нового и не скажешь. Тем не менее попытки заново возделывать эту ниву и вырастить на ней что-то особенное предпринимаются с поразительным упорством. У автора этой книги не было никаких вариантов избежать новаторства, отделавшись синологическими банальностями: в настоящее время он занимает в Кембриджском университете ту академическую позицию, которую основал в свое время великий Джозеф Нидэм – инициатор грандиозного проекта «Наука и цивилизация в Китае», продолжающегося уже несколько десятилетий. Положение, разумеется, обязывает; за последние двадцать лет фламандско-британский синолог и антрополог опубликовал дюжину работ на нескольких языках. Рецензируемое произведение в 2020 году сделало его лауреатом ежегодной британской премии Хессель-Тилтман, присуждаемой за лучшую научно-популярную книгу по истории, опубликованную на английском языке.

Как и следовало ожидать, у автора нет ни малейших сомнений относительно того, нужно ли современному европейцу или американцу заниматься мудростью древних китайцев; он реалист, провидящий будущее, – и потому понимает, что в своем знакомстве с китайской культурой западный мир опаздывает:

«В наших школах, университетах и СМИ едва-едва складывается элементарное представление о том, как нужно преподносить будущим гражданам глобального мира базовые принципы китайской цивилизации и китайского образа мысли, [...хотя] теперь средний китайский подросток или студент намного больше знает о нас, чем мы знаем о нем» (р. X).

Знакомство с Китаем превращается в необходимость, в которой нет ничего похожего на праздное увлечение нездешним и диковинным, некогда, скажем, влекшее импрессионистов к знакомству с традиционной японской гравюрой. Здесь работают

императивы иного толка; на этот раз речь идет о проблеме, более чем практической. Приобщение к китайской интеллектуальной культуре во всем многообразии ее знаменитых «ста школ» предстает в таком разрезе вполне насущной задачей: «Чтобы понять Китай, нам нужно начать мыслить по-китайски» (там же).

В «Дневнике писателя» за 1873 год Федор Достоевский не без некоторого сожаления записал: «Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается»¹. Он имел в виду извечную склонность китайского общества к ритуально-иерархической упорядоченности всего и вся, которой, по мнению отъявленного монархиста и реакционера, на тот момент остро не хватало России. Подобно Достоевскому, автор этой книги тоже считает тяготение к структурированности, ранжированности и системности первостепенными свойствами китайской цивилизации. Учитывая, что ойкумена Поднебесной представляла собой, используя клише Арнольда Тойнби, в буквальном смысле слова «локальную» цивилизацию, которая в силу географических обстоятельств не располагала потенциалом для экспансии вдаль и вширь, китайцам оставалось лишь усердно осваивать один и тот же четко очерченный географический ареал. Считая себя «Серединным царством», они привычно были ориентированы не на вынос этой «середины» вовне, а на ее беспрепятственное и автономное культивирование. В плане как организации собственной власти, так и разнообразия населявших его народов старый Китай многие века оставался очевидной империей. Но при этом пространственное расширение – обязательный атрибут имперской государственности – китайцев вообще не интересовало. «По сути своей китайская культура совсем не была экспансионистской и империалистической, скорее наоборот, – пишет упоминавшийся выше Нидэм. – Разумеется, на протяжении трех тысяч лет Китай оставался “империей”, но, как ни парадоксально, это была “неимпериалистическая империя”»².

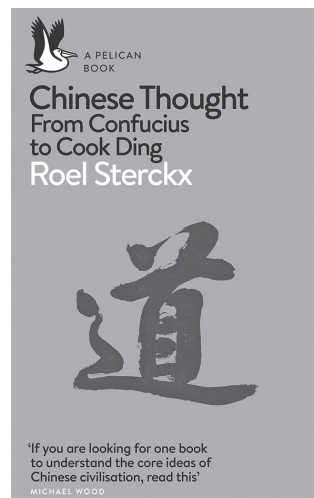
Опираясь на подобные основы, китайская цивилизация считала приоритетными две задачи: ей требовалось, во-первых, максимально отгородить себя от внешнего мира, а во-вторых, тотально и эффективно регулировать подвергшееся огораживанию изолированное пространство. Выполняя первую из этих миссий, необычная империя обнесла себя Великой стеной, растянувшейся на три тысячи километров. Современные специалисты зачастую оспаривают стратегическую значимость этого сооружения, но автор книги приписывает ему не столько военный, сколько символический смысл:

1 Достоевский Ф. М. *Дневник писателя: избранные страницы*. М.: Современник, 1989. С. 37.

2 НЕЕДНАМ J. *Western Misconceptions about East Asia* // ИДЕМ. *Within the Four Seas: The Dialogue East and West*. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1979. P. 165.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ВЕТЕР С ВОСТОКА –
ОДОЛЕЕТ ЛИ ОН ВЕТЕР
С ЗАПАДА?

«Образ непрерывной Великой стены на протяжении всей истории использовался как идеологический инструмент, призванный вызывать восхищение достижениями китайской цивилизации в сопоставлении с ее соседями (“мы” versus “они”)» (р. 26).

Задумав и осуществив эту грандиозную стройку, китайские правители на деле очертили ареал цивилизованной жизни: Великая стена была призвана блокировать не только вход, преграждая дорогу кочевым ордам, – одновременно она перекрывала и выход, ибо отток подданных императора из культурного центра на дикую периферию виделся столь же опасным, как и вторжение «дикарей» в цивилизационное ядро. Кстати, именно поэтому ни в древности, ни в современности обитатели Китая не обладали свободой передвижения, не санкционированной государством (автор говорит, что в иные времена даже лошади, на которой передвигался путешественник, требовался паспорт).

«Китайские мыслители поясняли очеловечивающее влияние цивилизации, культуры, а позже и империи, обособляя друг от друга центральные земли и окраинную периферию. В этом биполярном видении мир делился на “внутреннее” и “внешнее”. [...] Порядок, согласно китайскому мировоззрению, в конечном счете, исходит из центра, а все регионы, материальные богатства и люди естественным образом тяготеют к цивилизованному сердцу державы» (р. 46–48).

Как представляется, Достоевскому и его нынешним почитателям было бы что сказать по этому поводу.

Сказанное задавало предпосылки для решения второй из упомянутых задач – а именно, организации тотального надзора над собственным населением. Пространственный контроль органично дополнялся контролем временным, поскольку без такой смычки невозможно было обеспечить нерушимость общественной гармонии и перманентность порядка. Поднебесная мыслила даже не столетиями, но тысячелетиями, «на десять тысяч поколений вперед». Циклическое восприятие времени не позволяло ценить новации, перемены, преобразования: главным представлялось удержание того, что есть, не допускающее – по возможности – выпадения из ритмов вечности. В итоге «представление о том, что все необходимое человеку и обществу уже было в прошлом, а извлекаемые из его глубин истины стоят того, чтобы их повторять и беречь, объединяет почти всех китайских мыслителей» (р. 37–38). Это, соответственно, задавало и базовые паттерны социального поведения, ориентированного на почитание традиции и уважение старины. Поясняя, как все это работает, автор постоянно делает от-

сылки к базовым понятиям китайской философии – таким, как «дао», «ци», «инь» и «ян», «у син». Причем сами концепты преподносятся не отвлеченно, но в интерпретациях классических китайских текстов: среди них «И-цзин» («Книга перемен»), «Шу-цзин» («Книга документов»), «Ши-цзин» («Книга песен»), не говоря уже о многочисленных философских трактатах, имеющих конкретных авторов. Работа Стеркса изобилует цитатами, и это прекрасно, поскольку у читателя появляется возможность ставить галочки, формируя для себя перспективный план будущего чтения. Вместе с тем занудства во всей этой премудрости и близко нет, поскольку и литературный язык, и манера преподнесения, и, главное, постоянное сопряжение китайской теории с китайской практикой делают текст, что называется, user's friendly.

Раз главной задачей общества провозглашается поддержание его стабильности, на первый план выходит искусство управления. Поэтому среди китайских мыслителей классической поры «практически не было тех, кто не имел бы собственных воззрений относительно того, как нужно руководить людьми и управлять обществом» (р. 95). Экспонируя их взгляды, автор следует привычной для китаеведения разбивке, выделяющей три базовые школы в лице конфуцианцев, даосов и легистов и противопоставляющей эту «китайскую троицу» всем остальным течениям. Учение каждой школы персонифицировано, но автор подчеркивает, что это необычная персонификация: их основатели не столько реальные исторические фигуры, сколько архетипические сущности, созданные позднейшим мифотворчеством. Как ни странно, в этом ряду оказывается даже Конфуций, о котором в Китае и за его пределами написано не просто много, а очень и очень много. Посвященная личности Учителя глава «Исторических записок» Сыма Цяня³ кембриджского синолога не впечатляет; он настаивает на том, что «лучше всего воспринимать Конфуция как условную фигуру, воплощавшую принципы и идеалы, лишённые временной или пространственной привязки» (р. 104). Но уж если таков даже сам основоположник конфуцианства, то об эфемерных персонажах типа Лао-цзы и говорить нечего.

В приписываемых Конфуцию сочинениях методично проводится мысль, что управление обществом – специфическое занятие, которое не под силу всем и каждому. Принимать на себя государственные заботы следует лишь в том случае, если это входит в круг ваших компетенций: «Если не находишься на службе, нечего думать о государственных делах» («Лунь юй», 8.14) (р. 110). Но пребывание кого-то на верхних этажах ие-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ВЕТЕР С ВОСТОКА –
ОДОЛЕЕТ ЛИ ОН ВЕТЕР
С ЗАПАДА?

3 См.: СЫМА ЦЯНЬ. *Исторические записки (Ши цзи)*. М.: Наука, 1992. Т. VI. Гл. 47. С. 126–151.

рархии вовсе не означает, что он достоин власти: для властвования, создающего гармонию, нужна мораль, еще раз мораль и снова мораль. Небесный мандат далеко не всегда вручается подобным людям – причем не только в Китае, но и в других краях; сам Конфуций, например, нелюбезно заявлял, что скромные способности современных ему властителей вполне можно «вместить в бамбуковую корзинку». Учитель неустанно твердит о силе моральной власти, говорит Стеркс; но, «если учесть, сколько безобразий творилось тогда вокруг, поневоле задумаешься, осознавал ли он, в каком мире живет» (р. 119). Конфуций без устали хвалит славное прошлое и в этом смысле оказывается утопистом: пути древних, в его глазах, и есть наилучшее будущее. Но ориентация на вчера, толкуемое в качестве идеала для завтра, закономерно делает человеколюбивое конфуцианство весьма жестокой доктриной: перманентно разворачивать жизнь назад можно только силком и «через коленку». Именно поэтому активно-нравственное управление, продвигаемое конфуцианцами, не сделалось, вопреки распространенному убеждению, универсальной доктриной – более того, некоторым оно было противно.

Авангардом этих «некоторых» выступали легисты, категорически отрицавшие наличие какой бы то ни было взаимосвязи между эффективным управлением и нравственностью властителя. Процветание народа, согласно адептам легизма, вообще не должно быть магистральной целью общественного управления: у власти совершенно иные, более высокие, задачи, для нее категории «хорошо» или «плохо» работают только в отношении самого государства. Шан Ян, основатель школы, писал: «Когда народ слаб – государство сильное, когда государство сильное – народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ» («Книга правителя области Шан», 20.1) (р. 127). (Разумеется, суровый китаец не был знаком со знаменитой цитатой из трудов Василия Ключевского, в которой та же мысль почти буквально извлекается из российского контекста⁴.) В китайской истории эта линия, которую американский китаист Ангус Грэм называет «аморальной наукой государственного управления», оказалась на удивление устойчивой; она на протяжении эпох бросала вызов конфуцианству и притязала на звание господствующей идеологии. Причем в коридорах китайской власти легизм пользовался авторитетом не только в императорские, но и в коммунистические времена: так, в 1970-е председатель Мао реабилитировал эту доктрину, заявив, что она действительно

⁴ «Государство пухло, а народ хирел» (Ключевский В. О. *Курс русской истории. Часть III*. М.: Товарищество А. Левенсона, 1916. С. 11). Чувствительного читателя еще одно китайско-российское созвучие, да еще такое неприятное, не может не настораживать.

противостояла конфуцианскому застою и потому заслуживает пролетарского одобрения.

Китайским законникам действительно было что предложить власти. Например, Хань Фэй-цзы – один из более поздних последователей Шан Яна – выдает любопытные рекомендации правителям, которым не повезло с харизмой. Один из способов скрыть серость, невзрачность и посредственность случайного владыки (ведь небесный мандат, как известно, это всегда лотерея!) – превратить его в чистый символ власти, избавив от всего, что ассоциируется с нормальным человеческим поведением:

«Он бесстрастная фигура, не имеющая ни знаний, ни желаний, немая голограмма, не участвующая ни в каких обсуждениях. Когда его истинная натура завуалирована, а источники его политического могущества спрятаны, монарху легче избежать заговоров, которые плетутся его чиновниками» (р. 138).

Подобные советы высоко ценились и ценятся, поддерживая неослабевающий спрос на легизм – причем не только в Китае⁵. Бесспорно, эксцессы легизма, который никогда не церемонился с человеческой жизнью, не позволяли доверять ему первую скрипку, но за то, что он превращал государство и власть в объекты самого истового идолопоклонства, ему прощали многое. Даже когда конфуцианство сделалось главенствующей имперской идеологией, пишет Стеркс, «влияние легистской мысли на китайскую политическую культуру, хоть и подспудно, но сохранялось; согласно крылатому выражению, властители Китая были “конфуцианцами снаружи и легистами внутри” (“вай жу нэй фа”» (р. 141).

Ориентация на вчера, толкуемое в качестве идеала для завтра, закономерно делает человеколюбивое конфуцианство весьма жестокой доктриной: перманентно разворачивать жизнь назад можно только силком и «через коленку».

К удовольствию – и, наверное, успокоению – свободлюбивых натур, которые решат взяться за рецензируемую книгу, можно заметить, что в духовной жизни Китая сохранялись и другие, не столь мрачные, тренды. Если философы-государственники, желая превратить человека в объект безостановочной

5 На полях стоит заметить, что в России «Книга закона и порядка» упомянутого Хань Фэй-цзы была издана в 2018 году, совсем незадолго до того момента, когда триумфальное вставание с колен перешло в острую фазу, а издала ее не какая-нибудь «Восточная литература», а весьма политизированное издательство «Центрполиграф».

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ВЕТЕР С ВОСТОКА –
ОДОЛЕЕТ ЛИ ОН ВЕТЕР
С ЗАПАДА?

воспитательной «перековки», однозначно противопоставляли его всей прочей природе, то анархизирующие даосы, напротив, единственным путем к праведной жизни считали погружение и вживание в природу, что автоматически означало уход из-под гнета избыточной социальности. Выдающийся американский дзен-буддист Алан Уоттс писал об этой дихотомии:

«Конфуцианство выполняет общественно необходимую функцию: оно втискивает естественный потенциал жизни в жесткие рамки конвенции. Задача же даосизма в восполнении неизбежного ущерба, причиняемого этой процедурой, и не только восстановление, но и дальнейшее развитие изначальной спонтанности»⁶.

Профессор Стеркс, фактически, следует той же линии, подчеркивая освобождающую и рекреационную миссию, которую взял на себя даосизм. Последователи этой доктрины, отторгая заикленность Поднебесной на тотальном контроле, зло и остро высмеивали его. Они очень точно и вполне издевательски проанализировали функции языка, могущество которого превозносилось книжниками. Чжуан-цзы, например, если верить автору, нисколько не сомневался, что от слов вообще нет пользы:

«Язык вынуждает нас думать, будто бы “то” и “это” – разные вещи. Он приучает мыслить противоположностями, утверждениями и отрицаниями: правильное в нем противостоит неподобающему, истина – лжи, люди – друг другу. Язык создает препятствия и заторы в понимании бытия: он порабощает, а не освобождает. Более того, поскольку выбор языка полностью произволен, он не способен адекватно отражать реальность» (р. 151).

Сам Жан Бодрийяр, по-моему, не сказал бы лучше; впрочем, гораздо важнее, что для россиянина XXI века, к сожалению, все сказанное более чем понятно. В порядке иллюстрации Стеркс ссылается на следующую баснословную историю, излагаемую Чжуан-цзы:

«Жил-был один человек, содержащий в доме обезьян, и вот этот человек как-то сказал своим обезьянам: “Утром дам вам три меры желудей, а вечером – четыре”. Обезьяны рассердились. Тогда он сказал: “Ладно, я дам вам утром четыре меры, а вечером – три”. И все обезьяны обрадовались» («Чжуан-цзы», 2.6) (р. 151).

Излишне напоминать, что давно скончавшийся китаец не мог иметь ни малейшего представления о том, как в некоторых посткоммунистических странах спустя тысячелетия будут организовываться пенсионные или, скажем, конституционные реформы.

6 WATTS A.W. *The Way of Zen*. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. P. 30.

«Конфуций сосредоточивался на социальных ролях, а не на душах людей», – пишет автор (р. 160). Великий Учитель был отнюдь не одинок в этом, ибо свое учение о человеческой природе (син), подобно собственной науке управления, имел каждый уважающий себя китайский мудрец. Соответственно, как и в европейской мысли, в китайской социальной философии складывались две противостоящие друг другу традиции: согласно одной, человек считался по природе добрым; согласно другой, он оказывался по природе злым. Проблема, однако, заключалась в том, что на определенном этапе обе традиции сливались в единый поток – и на злую и на добрую природу требовалось *воздействовать*, либо трансформируя, либо культивируя. «Так же, как кривой кусок дерева нуждается в зажиме для выпрямления, причем его нужно подогреть и выправить, и только после этого он сможет стать прямым, [...] так и человек нуждается в воспитании и законах и только после этого сможет встать на правильный путь» (р. 169), – под этими словами конфуцианца Сюнь-цзы мог бы подписаться и прекраснодушный человеколюбец, и разочарованный человеконенавистник. «Конфуцианцы настаивают: независимо от того, какова их врожденная природа, людям, чтобы стать достойными членами цивилизованного общества, требуется воспитание», – подтверждает Стеркс (р. 173). И вот тут начинаются проблемы, поскольку бесконечная долбежка практически ненужного, составлявшая основу конфуцианского образования, не только калечила индивидуальные души, но и тормозила развитие социума, поскольку самыми большими социальными напастями при таком подходе к социализации оказывались обновления и перемены. (Впрочем, справедливости ради можно отметить, что среди «шести искусств», которые предстояло осваивать благородному мужу, было не только чтение и заучивание канонических текстов: их дополняли такие прикладные вещи, как ритуалы, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, письмо и математика.) Несмотря на то, что подобным педагогическим практикам «противостояла даосская линия, согласно которой для культивирования спонтанного вживания в мир и приобретения полезных навыков лучше всего ничего не трогать и пребывать в покое» (р. 179), погоды она не делала: даосизм был всего лишь культурой китайского «андерграунда».

Собственно говоря, из всего выше сказанного Стеркс реконструирует систему традиционной китайской социализации: если человека бесконечно надо воспитывать, то вся жизнь его протекает, по выражению автора, «во множественном числе»; в его вызревании колоссальную роль играют семья и прочие кровные родственники; в тех случаях, когда бдительность семьи

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ВЕТЕР С ВОСТОКА –
ОДОЛЕЕТ ЛИ ОН ВЕТЕР
С ЗАПАДА?

почему-то ослабевают, его поддерживают в тонусе ритуалы и предки; венчает же всю систему государство, представляющее символической семьей, отправляющей символические ритуалы, поклоняющейся символическим предкам и символически дисциплинирующее подданных. Любые элементы беспорядка в такой системе не только не приветствовались, но жестко искоренялись. Всем известно, сколько творческого хаоса в человеческую жизнь привносят маленькие дети – не удивительно, что китайских мудрецов они нисколько не удивляли:

«В древнем Китае детей не считали полноценными людьми. Китайские мыслители не проявляли особого интереса в отношении детства или процессов детского развития. Ребенок попадал в их поле зрения лишь после того, как научался ходить и говорить» (р. 182).

Начиная с этих пор, в силу вступали принципы своеобразного апартеида, предписывавшего считать полноценными людьми только мальчиков. «Книга ритуалов», например, запрещала мужчинам и женщинам прямой контакт, совместное пользование пространством и общее владение вещами. Китайская философия не без оснований считала женское начало темным, хаотичным, бессистемным – и соответственно к нему относилась. Угнетение женщин, увы, было неотъемлемым компонентом «гармонии», которая «на протяжении веков оставалась центральным понятием китайской политической философии, доминируя над другими концептами» (р. 209). Что же касается «настоящего человека», то есть мужчины, то его существование не могло сделаться гармоничным до тех пор, пока он не встраивался, причем беззаветно и безоглядно, в социально-политическую систему; удовлетворение общественного спроса на покорность и подчинение обеспечивалось санкционируемыми господствующей культурой механизмами социализации.

«Для того, чтобы выделяться, нужно уметь приспособливаться. Конформизм оказывается необходимым условием для того, чтобы застолбить за собой место в обществе и стать авторитетным и уважаемым индивидом» (р. 219–220).

Теперь мы лучше понимаем, о чем так сокрушался Достоевский, сравнивая Китай и Россию.

Конфуций очень ценил ритуалы за то, что они порождают гармонию. Учитель был прав, ибо ритуальное поведение позволяет человеку на время отрешиться от личных чувств и переживаний, с головой погрузившись в социальное пространство, разделяемое с другими: «Там мы исполняем предписанные нам роли и воображаем, каким мир должен быть в идеальном его варианте» (р. 224). По мнению философа Сюнь-цзы, ритуалы – наша вторая натура, благоприобретенный элемент,

формирующий личность. Делая человеческую природу функциональной в общественном отношении, ее, как кустарник в саду, нужно аккуратно подравнивать. Более того, Конфуций полагал, что ритуальные нормы более действенны, чем принуждение посредством законов, правил и предписаний. Тем не менее в Китае с ним соглашались далеко не все, о чем свидетельствует сформированная еще в классическую эпоху изощренная система уголовного права. Китайцы очень уважали юриспруденцию; уже с IV века до нашей эры правовые тексты, записанные на деревянных табличках, помещались в могилы чиновников наряду с другим инвентарем, который может пригодиться на том свете. Ожидалось ли, что усопшие продолжат заниматься правоприменением в загробной жизни, а земные кодексы помогут им властвовать над душами других ушедших, а также над демонами подземелья? «У нас нет точных ответов на эти вопросы, – пишет Стеркс. – Но, опираясь на подобные свидетельства, можно заключить, что правовая культура китайцев никогда не обособлялась от мира духов целиком и полностью, а действие закона распространялось не только на людей, но и на призраков» (р. 253–254).

Любопытно, кстати, что в земных реалиях объектом китайского закона был не столько народ, сколько чиновничество: именно эту страту верховная власть пыталась дисциплинировать в первую очередь. По-видимому, местный администратор, представлявший, в конечном счете, самого Сына Неба, испытывал на себе тяжелую длань закона даже больше, чем вверенные его попечению подданные:

«К чиновникам предъявлялись впечатляюще высокие требования. Судя по количеству правил, регулирующих их поведение, главной напастью в их среде была повсеместная коррупция: повсюду царило взяточничество, разбазаривались государственные средства или расхищалось казенное имущество, покрывались преступления, велась двойная бухгалтерия» (р. 256–257).

Что же касается низов, то там эффективным инструментом поддержания порядка всегда считался принцип коллективной ответственности: в старом Китае целые семьи привлекались к суду за преступления, совершенные одним из членов, – соответственно, и наказания нередко были коллективными.

«Недонесение о преступлении считалось столь же серьезным преступлением, как и само преступное деяние. Закон санкционировал взаимную слежку людей друг за другом: от каждого подданного ожидалось, что он будет глазами государства. Обязанности устно или письменно доносить на других (и на себя самого) отводилось важнейшее место в правовых процедурах» (р. 257–258).

Обличение, подчеркивается в книге, остается одним из тех элементов китайской правовой мысли, которые дожили до сегодняшнего дня – причем не стагнируя, а процветая.

К сожалению, здесь рецензент вынужден остановиться. Обходя стороной целый набор интригующих сюжетов – включающих, например, бытование духов и предков, которые помогали китайцу справиться с жизненной неопределенностью («Как поучал Конфуций, заниматься объяснением всего этого не следовало: достаточно принять спиритуальный мир как данность», р. 297), отношение китайцев к умиранию и смерти («Для Чжуан-цзы умереть означает всего лишь перестать быть человеком. Но переход от жизни к смерти ничуть не отличается от перехода между днем и ночью, бодрствованием и сном, светом и тьмой», р. 309), их пренебрежение к природному миру («Китайцы не смогли развить биологическую науку, поскольку все достойное познания сводилось ими к тому, что можно съесть», р. 330), – необходимо завершать этот обзор. Собственно, он говорит сам за себя, остальное заинтересованный читатель извлечет из книги самостоятельно – тем более, что скоро одно из отечественных издательств опубликует ее по-русски. Я полностью отдаю себе отчет в том, что для рецензии этот текст несколько великоват. Но успокаивают два обстоятельства. Во-первых, Китай могуч и величествен, а число проживающих в нем людей и счесть невозможно – так неужели он не заслуживает пары лишних страниц? А во-вторых, и это гораздо важнее, после того, как Россия, по-плохому проотившись с «загнивающим Западом», решила все поставить на «алеющий Восток», очень полезно знать, кого именно мы собираемся заключить в свои широко раскрытые объятия. И у таких знатоков, как Рул Стеркс – которые, кстати, менее предвзяты и ангажированы, чем светила из телевизора у меня на кухне, – есть, что рассказать по этому поводу. Избавление от завышенных ожиданий и прощание с нелепыми иллюзиями – очень полезная терапия.

Political Categories. Thinking beyond Concepts

MICHAEL MARDER

New York: Columbia University Press, 2019. – 340 p.

Из всей – уже довольно внушительной – библиографии Майкла Мардера, философа, родившегося в России (1980), учившегося в Нью-Йорке и преподающего ныне в Университете Страны Басков, наибольшую известность получили работы, посвященные философскому анализу «растительного мышления» и «растительной жизни» вообще¹. Это и не удивительно: сегодня, когда человек заново переустраивает свои отношения с множествами нечеловеческих акторов, не только животные (если вспомнить недавно вышедшую по-русски книгу Брайана Массуми²), но и растения могут многому нас научить в политике и не только. Действительно, мышление, атрибутированное теперь и флоре, перестает быть исключительно внутренним процессом, запертым в непроницаемой глубине субъекта. Отныне его можно представить и как нечто полностью внешнее, как чуткую адаптивную реакцию на воздействия среды, как предельную открытость миру³. Интеллектуальная жизнь растений открывает

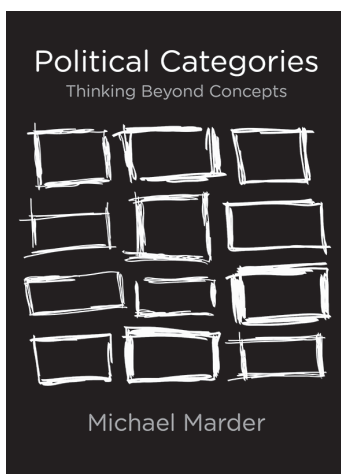

Игорь Игоревич Кобылин
(р. 1973) – редактор
журнала «Неприкосновенный запас».

- 1 См.: MARDER M. *Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life*. New York: Columbia University Press, 2013. См. также совсем недавнюю работу: IDEM. *Green Mass: The Ecological Theology of St. Hildegard of Bingen*. Stanford: Stanford University Press, 2021. В предисловии к этой книге Мардер пишет: «Признаться, я чувствую особую близость к Хильдегарде, поскольку вижу, что она вегетаризирует теологию примерно так же, как я пытаюсь вегетаризовать западный философский канон. Такие усилия не могут не привести к восхитительному извращению: божественные и метафизические реальности, которые должны быть неизменными, начинают расти, метаморфировать и, да, разлагаться, когда их касаются листья и цветы, корни и ветви. Именно в этом контексте я сосредоточен на аналогиях и резонансах как средствах, которыми пользуется Хильдегарда, пытаюсь раскрыть текущие подобия и симфонические связи между психическими состояниями и способностями, органами растений и феноменами, религиозными фигурами и биологическими процессами». Цит. по: МАРДЕР М. *Св. Хильдегарда Бингенская и мы* (<https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/sv-hildegarda-bingenskaja-i-my>).
- 2 См.: МАССУМИ Б. *Чему животные учат нас в политике?* Пермь: Гиле Пресс, 2019.
- 3 Ср. с радикальными размышлениями антрополога Эдуардо Кона о том, что мысль в принципе присуща любой форме жизни – человеческой, животной, растительной или даже неорганической: «В силу своей врожденной семиотичности живые организмы – как человеческие, так и нечеловеческие – демонстрируют то, что Пирс называет “научным разумом”. Под “научным” он подразумевает не человеческий, сознательный или даже рациональный, разум, а всего лишь тот, который “способен учиться на опыте”. [...] Биологические ряды поколений тоже мыслят. Из поколения в поколение они могут опытным путем познавать окружающий мир, таким образом демонстрируя свой “научный разум”. Подводя итог вышесказанному: поскольку жизнь семиотична, а семиозис живой, мысль и жизнь стоит рассматривать как “живую мысль”» (Кон Э. *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*. М.: Ad Margimem, 2018. С. 128).

нам принципиально новые экологические перспективы, к которым на самом деле стоит присмотреться как можно более внимательно. Вместе с тем Мардер писал не только о растительной мысли – предмете, все-таки еще не слишком привычном для академических штудий. У него есть и более или менее традиционные историко-философские исследования мысли человеческой: работы о Жаке Деррида, Карле Шмитте, Мартине Хайдеггере. В книге, о которой пойдет речь ниже, тоже вроде бы ничего экзотического. Вполне академическое название – «Политические категории». Тема для философии, мягко говоря, далеко не новая. В оглавлении сплошная философская классика – системы категорий у Аристотеля и Канта. В общем, ни животных, ни растений, ни даже огня, как в книге Мардера «Пирополитика. Когда мир охвачен пламенем» (2014). Однако предложенный здесь способ размышлять о политическом оказывается не менее радикальным и провокационным, чем составление «философского гербария».

Если говорить предельно кратко, то основной тезис книги можно сформулировать так: нам следует перейти от понятийного анализа политики к категориальному. На первый взгляд такой призыв выглядит довольно странно. Обычно в философских словарях и учебниках категории определяются в качестве предельно общих понятий, а сегодня и само абстрактное понятие находится под подозрением как слишком грубое обобщение. Да, – как недавно писал Мишель Серр, – во времена Платона понятие служило необходимым средством эпистемологической экономии, той «пробкой», которая останавливала бесконечное перечисление единичных вещей⁴. Но разве сейчас, когда компьютеры способны обрабатывать колоссальные объемы уникальных данных с ошеломляющей скоростью, мы все еще нуждаемся в таком средстве? Разве наши слишком поспешные, приблизительные абстракции сравнятся с точностью *Big Data*? В эпоху особенного внимания к особенному, частному, сингулярному переход от общего к предельно общему можно справедливо посчитать жестом смелым, но, к сожалению, малопродуктивным. Однако упрек такого рода как раз совершенно невозможно отнести к работе Мардера: намечая контуры нового категориального мышления о политике, он прежде всего пересматривает статус самих категорий, освобождая их от школьных упрощающих толкований. А заодно, впрочем, ставит под вопрос и нынешнюю завороченность большими данными⁵.

⁴ См.: СЕРР М. *Девочка с пальчик*. М.: Ad Margimen, 2016. С. 43–45.

⁵ Возрастающей потребностью в новых способах политического мышления был обусловлен выбор именно этой работы для рецензии. «Политические категории» – далеко не самая свежая книга автора, но рецензенту кажется чрезвычайно важным не потерять ее в лавине новых публикаций: как никогда раньше политическая «республика» категорий нуждается в самом серьезном обсуждении.

В чем же, согласно Мардеру, принципиальное отличие категории от понятия, если речь не идет о степени обобщения? Или вернее – чем различаются категориальная и понятийная формы, поскольку одна и та же идея может быть представлена как в одной, так и в другой? По Мардеру, само это различие не является чисто гносеологическим – оно уже пронизано политикой. Западные *понятийные* системы – практически во все периоды существования европейской философской традиции – строились вокруг какого-то одного ключевого понятия, призванного объяснить всю окружающую реальность. Концептуальная иерархия увенчивается здесь понятием-сувереном задолго до того, как политическая суверенность становится предметом целенаправленного осмысления. При этом «властная вертикаль» понятий продолжает господствовать и тогда, когда собственно политические режимы становятся более горизонтальными. Так, например, в наши демократические времена настоящим королевским понятием является понятие количества. Экономические расчеты и электоральные подсчеты, сбор и обработка данных, тестовые баллы, экспертные оценки и рейтинги всего на свете недвусмысленно демонстрируют «фетишизм числа» глобальной либерально-капиталистической современности.

Категории соотносятся между собой совершенно по-другому – они все равны в своей значимости для дела. Категориальная форма мышления предполагает, что ни одна категория по отдельности не в состоянии исчерпать все богатство и многообразие предмета. Чтобы подчеркнуть эту, так сказать, «исономию» категорий, Мардер напоминает, что в древнегреческом слово *κατηγορία*, буквально означающее «обвинение», отсылает к речи на народном собрании – агоре⁶. Однако удержаться на демократической агоре категориальной мысли довольно сложно – всегда существует опасность редукции равноправного множества к пирамидальной деспотической структуре. Собственно, рождение понятийной иерархии – это своего рода политический переворот, в ходе которого *res publica* категорий сменяется диктатурой концепта. И эта диктатура неотделима от «идеологической слепоты»: сияющий свет царского понятия не дает нам увидеть ничего другого, сужая наши и познавательные, и политические возможности.

Последнее особенно важно: политика – эта сфера, как справедливо настаивает Мардер, где эпистемология неразрывно сплетена с онтологией, политика мышления – с реальной

6 Ср. у Хайдеггера: «*καταγορεύειν* – на агоре (*ἀγορά*) в открытом судебном разбирательстве кому-то не на жизнь, а на смерть сказать, что он есть “тот, который” [...]; отсюда идет и более широкое значение: что-то призывать как то-то и то-то, так, однако, что в этом призывании и через него это призванное становится [помещается] в общедоступное и открытое, явное» (ХАЙДЕГГЕР М. *О существе и понятии φύσις*. Аристотель «Физика» β-1. М.: Медиум, 1995. С. 45).

политической практикой. Здесь можно вернуться к примеру с нынешним господством количества. Гиперинфляция этого понятия лишает нас свободы маневра – конфликт между абстрактной «цифровой» всеобщностью, присущей современному капитализму с его парламентской надстройкой, и локальной, загнанной в гетто партикулярной «архаикой» полностью определяет горизонт текущих политических решений. Мы даже не можем представить себе политику за пределами выхолащенной универсальности нескончаемых измерений и ее бессильного «террористического» отрицания. Если же попробовать начать мыслить многомерно, свергнуть количество с пьедестала и вернуть его в демократический коллектив других категорий – качества, отношения, модальности, пространства и времени, – ситуация может существенно измениться. Важно отметить, что речь не идет об очередной версии постмодернистского конструктивизма, магически преобразующего мир с помощью слов, хотя иногда и кажется, что опасность такой интерпретации существует. Свой проект Мардер определяет как феноменологический – это возвращение назад к самой политической «вещи», к *res publica*, но в той мере, в какой эта *res* через посредство категорий, принадлежащих ей не в меньшей степени, чем мышлению, явлена нашему сознанию.

Вообще, как отмечает Мардер, словосочетание *res publica* – это тавтология: всякая «вещь» публична по своему определению, это то, что явлено всем *нам*, предоставлено *нашему* восприятию, нашему мышлению и нашим желаниям. Как афористически формулирует автор, вещь всегда «наша, а не моя, или, вернее, моя, именно потому, что наша». Любая приватизация – это всегда вопиющее противоречие, перверсивное присвоение того, что априори не может быть присвоено. Добавочное *publica* появляется уже после «грехопадения» *rerum*, это вторичный процесс обособления нового общего от «незаконно» возникшего частного. В результате мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: политика становится особой «вещью» – при том, что изначально всякая вещь уже политична. Эта конфигурация отмечена внутренним напряжением и динамизмом. Мардер пишет о своего рода челночном движении одновременно и мышления, и самих вещей (*thinking and thinging*) по направлению к политической форме и *от* нее: чем сильнее мы фокусируемся на политике как автономной сфере с ограниченным набором собственно политических предметов, тем быстрее забываем об исходной политичности всего остального. Мир за узкими границами профессионально-экспертного управления теряет политическое измерение. И наоборот – случаются моменты, когда все вновь становится политическим, все вещи возвращаются в круг публичного внимания и заряжаются энергией конфликта.

Этот процесс можно описать не только как движение мысли/вещи в сторону политики и обратно, но и как динамику самого политического, постоянно меняющего свои границы. И здесь особенно хорошо видна та специфическая роль, которую играют категории. В феноменологическом прочтении Мардера они не только принадлежат вещам в той же степени, что и мышлению, но и – так же, как вещи, – способны к диалектическому развитию, самоотрицанию и переходу друг в друга. Система категорий – это не застывшая классификационная таблица, навязывающая миру свой собственный порядок. Скорее мы имеем дело с гибкой динамической констелляцией, реагирующей на всякое изменение вещи. Опираясь на Гегеля и Карла Шмитта, Мардер наглядно демонстрирует, как это работает. Действительно, когда мы утверждаем, что все является политическим, мы не столько констатируем реальное положение дел (общество не в силах уделить внимание всему одновременно), сколько говорим о некоей потенции, то есть задействуем модальную категорию *возможности*: любая вещь *может* быть политизирована. Степень политизации измеряется интенсивностью противостояния – а значит, нам необходима категория *количества*. Когда интенсивность достигает порогового значения, происходит скачок – и возникает новое *качество*: постепенно зреющий конфликт разворачивается до полноценного антагонизма с *необходимым* различием «друг-враг». Политика из потенциального режима переходит в актуальный, из возможности – в *действительность*. При этом важно учитывать и *пространственно-временную* составляющую политизации: безбрежная протяженность «всего» сменяется четкой локализацией борьбы, а длительность количественных процессов – моментом качественного скачка-события.

Чем сильнее мы фокусируемся на политике как автономной сфере с ограниченным набором собственно политических предметов, тем быстрее забываем об исходной политичности всего остального.

Очевидно, что такая *res publica* меньше всего напоминает традиционный «объект познания», концептуально схватываемый в мышлении субъекта. В «Политических категориях» она предстает как место пересечения субъективного и объективного, определяемое подвижной конфигурацией категорий. Феномен «республики», по Мардеру, – это парадоксальное единство «необходимости и возможности, сингулярного и универсаль-

ного, институциональной стабильности и субъективной политической мобилизации, пассивности и активности, подчинения и протеста» (р. 16). И степень политичности прямо пропорциональна степени парадоксальности. Именно поэтому не может быть *понятия* «республики», поскольку понятие слишком определено и за границами этой определенности теряет всякий смысл. «Республика» – это категория, и даже, как пишет Мардер, «категория всех категорий, или – если использовать меткую фразу Жозефа Сарамаго – имя всех имен» (там же).

Большую часть книги занимает виртуозный анализ тех возможностей, которые предоставляют нам категориальные системы Аристотеля и Канта. Разведенные в истории философии по разные стороны баррикад, в проекте Мардера они оказываются полюсами единого «республиканского» целого. Аристотелевские категории как способы выражения бытия («присутствия») – это, условно говоря, полюс «вещи»; а кантианские априорные формы рассудка – это полюс мышления. Правда, в ходе анализа эти системы взаимоопосредуются и трансформируются. Аристотеля Мардер читает уже через призму Канта, а кантианская таблица категорий подвергается «двойному трансцендированию», так что эти категории в определенном смысле возвращаются в поле эмпирического. В заключительном разделе автор, подключив обновленную им классику, «категоризирует» четыре базовых феномена политического – государство, революцию, власть и суверенитет.

В качестве примера того, как именно такая «категоризация» работает, возьмем анализ феномена власти. Мардер отталкивается от редукционистской, реляционистской и антиэссенциалистской концепции Мишеля Фуко. С точки зрения последнего у власти нет никакой собственной сущности, и ее нельзя рассматривать в качестве некоего загадочного качества или свойства. В таннеровской лекции «*Omnes et singulatum*: к критике политического разума», прочитанной Фуко в Стэнфордском университете в 1979 году, он говорит:

«Власть не является субстанцией. Еще в меньшей мере она представляется таинственным атрибутом, происхождение которого необходимо выявить. Власть – это всего лишь частный тип отношений между индивидами»⁷.

Но сводя власть к одной-единственной категории – категории отношения, – Фуко (впрочем, как и Гегель, Маркс и Шмитт до него) неожиданно совпадает с тем узким, «репрезентативно-демократическим» пониманием власти, которое окончательно возобладало сегодня. Это фукианское «всего лишь»

7 Фуко М. *Omnes et singulatum: к критике политического разума* // Он же. *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2*. М.: Праксис, 2005. С. 315–316.

не только отрезает нас от средневековых, например, споров о «*potentia absoluta, extraordinaria, activa et passiva, u ordinata, o potestas Dei, ecclesiae, publica et privata, gobernandi, iudicandi, ministerium u disciplinae*» (р. 172) – а в феноменологическом проекте Мардера, как отмечалось выше, мысль неотделима от «вещи». Оно, в конечном счете, оказывается самопротиворечивым: власть не просто отношение между индивидами уже только потому, что, согласно самому Фуко, индивиды суть продукты нововременных технологий власти. Да и простое различие между субстанцией (сущностью) и отношением, установленное Фуко в лекции, упускает опосредствованный характер субстанции. В «Категориях» Аристотель различает первые сущности («отдельный человек или отдельная лошадь») и вторые – «те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду “человек”, а род для этого вида – “живое существо”»⁸. Здесь мы уже имеем дело с отношением – «вот это» единичного *относится* к «тому» видового и родового.

Далее Мардер рассматривает власть в категориях модальности. В латинском *potēre* означало способность к действию. Привлекая гегелевскую «Философию права», Мардер показывает, что в современной мысли такая способность понимается как абстрактная возможность – бессильная в силу (если можно так выразиться) своей неограниченности. Эту «возможную» власть Мардер называет виртуальной, отсылая в том числе и к *virtu* ренессансной политической мысли, прежде всего макиавеллиевской. От Макиавелли эстафета переходит к Спинозе, а конкретнее – к его ключевому онтологическому положению «*conatus essendi*»: всякое сущее упорствует в существовании, реализуя силу (*potentia* и как сила/власть, и как возможность) быть. И у Спинозы же *potentia* как онтологическая возможность того или иного сущего дополняется *potestas* – возможностью воздействия на другое сущее, то есть «властью» в привычном нам смысле слова. Эту спинозистскую пару Мардер проецирует на работы Фуко, как бы «забывшего» в своем редукционистском рвении о собственном различении индивидуальных «техник себя» и более-менее централизованной власти государства. Первые, несомненно, отсылают к *potentia*, вторая – к *potestas*. И важнейшей проблемой является как раз проблема их взаимодополнительности. Мардер пишет об этом так:

«Власть – это возможность индивидуальной включенности в индивидуальную *potentia*, так что все наши сокровенные желания и побуждения, надежды и устремления формируются индивидуиру-

8 Аристотель. *Категории* // Он же. *Сочинения: В 4 т.* М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 55–56.

ющей [*singularizing*] рукой политического пастыря. [...] Что касается “возможности” как модальной категории, то власть подразумевает то, что идиоматически именуется “стойкостью” [*staying power*] – возможностью выстоять, увековечивая *status quo*. То, в какой степени эта возможность реализуется, зависит от эффективности сочетания *potentia* и *potestas*, внутренних устремлений субъекта и внешнего контроля – сочетания, которое обеспечивается конкретными типами политической организации. [...] *Potentia* без внешних проявлений бессильна [*impotent*], это не более чем не привязанная к действительности предрасположенность, сродни гегелевской “свободной воле”, лишенной объекта. Ей чужда логика свершения, исполнения, завершения, полноты достижения» (р. 170–171).

В Средние века богословы и канонисты разработали учение о *plenitudo potestatis* – «полноте власти», – чтобы утвердить верховенство папства. Собственно, и сами папы – например, Иннокентий III и особенно Иннокентий IV – принимали самое активное участие в разработке этой доктрины. Созданное для конкретных политических целей, это учение оказалось философски парадоксальным. Полнота как нечто завершенное чужда возможности. Взятая в своей полноте (*plenum*) власть актуально покоится. Если продолжать рассматривать ее через модальную категорию действительности/актуальности, можно сказать, что она превращается в нечто принципиально не измеримое с потенциальностью – она становится суверенитетом. Но, поскольку в этой полноте действительности/осуществленности не остается ничего, что нуждается в актуализации, власть вновь оказывается бес-сильной, лишенной *potentia*.

Игра модальностей описывается далее Мардером на примере различия между учредительной властью и властью учрежденной: первая указывает на возможность, говоря словами Ханны Арендт, новой начинательности, вторая – на действительность ее осуществления. Здесь, наверное, можно остановиться: логика размышлений Мардера более-менее понятна, а лишая читателя удовольствия самостоятельно проследить все извивы виртуозной «категоризации» власти совсем не хочется.

Если воспользоваться предложенным автором инструментарием, то можно сказать, что книга ставит под вопрос унылую *необходимость* наличного постполитического управленчества (теперь не только декорированного красочным правым популизмом, но и оборачивающегося настоящим взрывом «суверенного» произвола) и вновь открывает нам политику как коллективную *возможность*. (Это не означает, что в общей системе категорий *возможность* получает привилегированный статус – *необходимость* не менее необходима в составе целого.) Затертое словосочетание «общее дело» обретает здесь

свой подлинный смысл. Однако то, что выступает в качестве несомненного достоинства подхода Мардера – феноменологическое единство политического бытия и политического мышления, – таит в себе и некоторую опасность. Речь прежде всего идет о стороне субъекта, который оказывается тут под тройной угрозой. С одной стороны, несмотря на все оговорки, субъект может угодить в поджидающую его ловушку «перформативности», столь характерную для университетского дискурса о политике вообще. Поскольку реальность коррелятивна мышлению, достаточно, якобы, изменить это последнее, чтобы и первая радикально преобразилась. С другой стороны, акцент на том, что категории суть конфигурации самих вещей, способен низвести субъекта до пассивной, чисто реактивной фигуры. А окружающая нас реальность убеждает, что проблема активистской мобилизации и политического упорства – сегодня одна из ключевых. Наконец, полная «синхронизация» полюсов вообще лишает их обоих даже относительной автономии. Подлинным субъектом здесь как бы становится сама система категорий, а сознание и вещи просто послушно следуют за ее диалектическим разворачиванием, автоматически соотносясь друг с другом. В самом конце первой главы Мардер критикует «политику истины» Алена Бадью: провозглашаемая Бадью субъективная верность событию приводит к недооценке политического измерения текущего положения дел. Событие – это не «вещь», это прореха в эмпирическом, а значит, возможное как раз и получает неоправданный перевес над необходимым и действительным. Но бадьюдианская ставка на событийную пустоту позволяет нам дистанцироваться от реальности, в том числе и затем, чтобы трезво ее оценить, не преувеличивая ни ее магической податливости, ни разочаровывающей «непослушности». У Мардера же – как может порой показаться – субъект «слипается» с вещью настолько, что сам превращается в «складку» на ткани вечно меняющейся «республики».

Впрочем, все эти вопросы – эффект первого, а значит, и неизбежно поверхностного, чтения. Серьезный разговор об этой замечательной работе еще впереди, и будем надеяться, что количество и интенсивность дискуссий приведет к качественному росту нашей политической сознательности, а открытые книгой политические возможности реализуются в текущей – и пока не слишком радующей – действительности.

Полина
Колозариди

Сокровенный надзор: зачем Шошане Зубофф старый капитализм и можно ли без него обойтись?

*Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее
на новых рубежах власти*

Шошана Зубофф

М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

*Полина Колозариди
(р. 1987) – исследова-
тельница и препода-
ватель Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики» и
Национального исследо-
вательского универси-
тета ИТМО, координа-
тор клуба любителей
интернета и общества.*

Книга Шошаны Зубофф «Надзорный капитализм» в русском переводе занимает почти 800 страниц. Если собрать уже написанные на нее рецензии в один том, он будет примерно такого же объема. Эта книга стала основой для многих дискуссий, а ее название – удобным понятием для обозначения изменений в политике и экономике. Базовым ответом на вопрос «Что происходит с нашими данными в цифровых сервисах?» часто становится – «Надзорный капитализм».

Это словосочетание объясняет как будто больше, чем просто утверждение «за нами следят». Ведь само наблюдение (не вполне заметное, когда оно происходит в интернете) или получение прибыли на данных не всегда выглядят вызывающими. Другое дело – если они представляются как новая стадия развития капитализма. Но книга Зубофф не продолжение «Капитала» – она скорее похожа на журналистское расследование. И все же «Надзорный капитализм» произвел именно интеллектуальный эффект.

Чтобы разобраться в особенностях этой работы, далее я постараюсь воспроизвести структуру рецензируемого произведения: начну с критического рассказа о ключевых идеях и основной метафоре книги, затем опишу ее содержание и в завершение предложу действия, возможные по прочтении этого короткого обзора.

ГИБЕЛЬ СОКРОВЕННОГО ДОМА

Книга состоит из трех частей и семнадцати глав. Зубофф с самого начала говорит: мы¹ не знаем, что такое надзорный

1 Это загадочное «мы» будет менять свое значение на протяжении книги, и его формирование, возможно, является одной из задач Зубофф.

капитализм, а ведь это новое, не названное никем ранее зло мира. Поэтому ей нужно будет объяснить его существование (первая часть), динамику (вторая часть), основания (третья часть) и способы противодействия ему (заключение). В собственном многом современном североамериканским авторам духе Шошана Зубофф делает научно-просветительскую и политико-активистскую работу как одну. Предполагается, что действующие институты производства и распространения знания – от университетов до медиа – достаточно хороши, чтобы вразумить людей и побороть надзорный капитализм. Главное – понять, в чем проблема и зачем бороться.

Мотивация к борьбе предлагается почти с самого начала. Шошана Зубофф не скупится на оценочные высказывания о сущности того, что происходит с пользователями бытовых устройств и сервисов – от пылесоса до аккаунта в крупной социальной сети. Говоря коротко, люди находятся не просто под колпаком наблюдающих систем – их поведение постоянно корректируется для обогащения капиталистов. И дело здесь не только в деньгах. Куда бóльшую проблему Зубофф видит в знании, а точнее, его неравном распределении. Она называет это разделением знания (по аналогии с разделением труда)². Сущность этого процесса в следующем: те, кто является источником знания, не могут им распоряжаться. Знанием Зубофф считает те сведения об осуществленных действиях пользователей цифровых сервисов, которые позволяют предсказывать их будущие поступки.

Книга обращена не столько к пользователям, сколько к тем, кто планирует активно участвовать в создании высоких технологий. Подразумевается, что проведенный Зубофф анализ и сделанные на его основе предупреждения могут сподвигнуть создателей приложений и гаджетов к рефлексии, а управленцев – к лучшему пониманию сложности процесса цифровизации.

Шошана Зубофф ставит задачи, похожие на те, что выполняла социология в первой половине XX века: понять, как устроен новый мир, в чем его болезненная несхожесть со старым и как в нем научиться жить. Социологи работали с проблемой городов, где уклад жизни отличался от сельского, а у Зубофф в центре внимания – проблема интернета и технологий вокруг него.

Болезненная несхожесть нового мира со старым проявляется в книге в беспокойстве о доме. Разрушенный дом самой Шошаны становится метафорой и исчезающего ощущения дома вообще, и разрушающейся с помощью машин сокровенной души

2 В русском переводе термин не совсем ясен. У Зубофф речь идет о разделении познания (*social division of learning*), а не знания (*knowledge*). Акцент на познании как деятельности позволяет критиковать организацию и институты образования, см., например: WILLIAMSON B. *Learning from Surveillance Capitalism* (<https://perc.info/node/9772>).

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

человека. Машины сейчас научены корпорациями наблюдать за людьми и корректировать их действия в угоду рынку. Это создает опасность как для людей, так и для капитализма. Ведь традиционный капитализм, согласно Зубофф, эксплуатировал людей, но взамен давал им комфортный быт и дом. Надзорный же капитализм изымает у человека индивидуализм, подрывает отношения собственности и переживание интимности – а на фундаменте из индивидуализма, собственности и интимности и строится аллегорический дом Зубофф.

Пожалуй, такая концентрация на одной ключевой метафоре помогла Зубофф на протяжении сотен страниц ни разу не упомянуть, что она далеко не первая, кто беспокоится о происходящем. Русскоязычному читателю могут быть знакомы тексты Гирта Ловинка, Аннетт Маркхэм, Евгения Морозова, Дэны бойд. У англоязычного обеспокоенного пользователя социальных медиа или критика современных способов обращения с данными могут быть книги Кристиана Фукса, Йосе Ван Дейк, статьи Майкла Циммера, Кейт Кроуфорд и многих других. Эти исследователи подробно и критично изучают, что происходит в политике и экономике социальных медиа, обращаясь к эмпирическим исследованиям и разным теориям.

Чего не смогли сделать все эти люди, но смогла Шошана Зубофф? Двух вещей: они не ввели термин и не выразили общее беспокойство тем, что с нами происходит в интернете и вне его, когда мы ежедневно взаимодействуем с десятками надзирающих за нами аппаратов – от турникетов в метро до пульсомера в часах.

Беспокойство у Зубофф неоднородно, оно отсылает сразу к нескольким теоретическим традициям. Отношение к капитализму и труду намекает на пристрастие к прикладному марксизму, а отсылки к Эмилю Дюркгейму, Жану-Полу Сартру и Эрвину Гоффману предлагают почву для критики понятия «поведение». Но самое загадочное в философских основаниях книги – это сочетание консервативного пестования дома и границ приватности с верой в прогресс человеческой способности к действию. Мартин Хайдеггер³ и Ханна Арендт примирились в книге Шошаны Зубофф. Так и весь XX век представляется в книге изжитым, миновавшим и изредка напоминающим о себе словами из прошлого. Это позволяет не говорить о цифровом тоталитаризме и вывести разговор из сферы традиционного алармизма в духе воображаемого Большого Брата в каждом гаджете. Но одновременно этот подход делает политическую структуру книги плоской и лишает читателя возможности

3 Подробнее о том, как соотносятся консервативные взгляды Мартина Хайдеггера и критика размывания бинарных оппозиций см. в: Гумбрехт Х.У. *В 1926 году: на острие времени*. М: Новое литературное обозрение, 2005; Бурдье П. *Политическая онтология Мартина Хайдеггера*. М.: Практика, 2003.

думать об альтернативах: индивидам, согласно Зубофф, следует продолжать эмансипироваться, ведь все, созданное людьми, может быть ими изменено (в качестве примера она приводит Берлинскую стену). Индивидуальная экзистенциальная тоска по подлинности и восхваление возможностей либеральной демократии редко сходились в XX веке. Но в XXI веке они оказываются малоразличимы и одновременно как будто эмансипаторны. В версии Зубофф получается, что консервативные революционеры объединились с фордистами. Если вспомнить относительно недавнюю европейскую историю, то их объединение напоминает о 1930-х – например, в Германии. Но не стоит обращаться только к истории Европы. Например, в Корее такая комбинация идеологий сочеталась с другими политическими формами.

И, хотя мое описание может звучать иронично, нельзя не признать, что книге удалось сделать важную работу. Разбираясь с тем, что сделано в «Надзорном капитализме», мы можем к Зубофф присоединиться, а критикуя – продолжить. Или, наоборот, сделать нечто радикально иное, наблюдая последствия интеллектуального плача о доме.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

ПОВЕДЕНИЕ И ВСЕ БОЛЕЕ УДОБНЫЙ МИР

Книга начинается с погружения в драматичное незнание. Мы не понимаем сущности надзорного капитализма, хотя и (все) живем в нем. Основные деятели надзорного капитализма – это большие технологические компании: «Google», «Meta Platforms», «Amazon» – и те, с кем они работают.

Надзорный капитализм отличается от всех прочих тем, что его клиенты – это не люди, а «предприятия, которые торгуют на рынках будущего поведения» (с. 21). А пользователи оказываются источником ресурса – «поведенческого излишка». Так Зубофф называет данные об опыте людей, собираемые большими корпорациями на основе их действий в интернете, в «умных домах», городских сервисах и так далее. Проблема не только в сборе данных, но и в том, что знание, которое из него извлекается, не известно самим пользователям и создает огромную асимметрию возможностей. В книге много примеров того, как технологические изменения влияют на людей, а они/мы неспособны противостоять этим изменениям. Неспособность связана с разделением знания. Все это вместе лишает современников и современниц Зубофф возможности автономно действовать и иметь «волю к воле». В первых частях книги она часто приводит в пример прежнего положения дел своих предков, бежавших в Америку из села под Киевом. Они, входя

в мир «второго модерна», проявляли автономию и изобретательность, пользовались свободой слова и ставили собственные цели. Сейчас все это находится под угрозой, так как корпорации не только изучают поведение, но и корректируют его, мешая людям отделять свои устремления от действий машин и их настройщиков по устроению общего улья.

Вторая часть книги посвящена тому, как это стало возможным. Ведь сами по себе инженеры и айтишники не собирались превращать мир в улей. Сами по себе поисковые системы или мессенджеры не очень выгодный бизнес. В начале 2000-х над незадачливыми умниками иронизировали журналисты «New York Times», а инвесторы не торопились снабжать их новыми деньгами. И вот «Google», а за ним и остальные корпорации стали сами изучать действия людей, продавая их данные рекламодателям. Поначалу это тоже не приносило огромных доходов – но, когда оказалось, что можно влиять на будущие действия людей, зная их прошлые шаги и делая предсказательные модели, бизнес пошел в гору. А как стало возможным это знание? Благодаря умению ученых-бихевиористов объяснять действия «поведением». Подобно тому, как зоологи устанавливают датчики бобрам или голубям, чтобы следить за их перемещениями, надзорные капиталисты снабдили пользователей датчиками в мобильных телефонах и сделали предметом фиксации каждое действие – от перемещения или заказа еды до общения с возлюбленными и защиты диссертации. На основе полученных схем пользователям не просто показывают контекстную рекламу, но формируют их социальный и жизненный опыт. Ведь эти данные становятся основой алгоритмов, а на них работают и ленты в *Instagram* и *Facebook*⁴, и предложения в поисковике, и городские сервисы, да и сами смартфоны подстраиваются под пользователя, будучи изначально брусками из стекла и металла, неотличимыми друг от друга.

Почему же люди не против такого положения дел? В первую очередь потому, что и им хочется жить во все более удобном мире. Персональные помощники, автомобили, которые сами подвозят вас к дому, разогретый ужин к вашему возвращению – это теперь не удел богачей, а возможности среднего класса. Замечу, что в этой аргументации Зубофф оказывается по отношению к людям так же неэгалитарна, как и надзорные капиталисты, описанные ею. Согласно ей, люди слепо хотят наживы, одобрения или комфорта и идут на сделки, не чуя беды. Критикуя Зубофф, замечу, что исследования антропологов,

⁴ Здесь и далее при упоминании *Facebook* и *Instagram*: деятельность компании «Meta Platforms Inc.» по реализации продуктов – социальных сетей *Facebook* и *Instagram* – запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22 марта 2022 года по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

в том числе такие масштабные, как «Why we post» или ASSA⁵, показывают, что у пользователей есть собственные резоны и смыслы, которые они назначают происходящему. Кстати, я не отрицала бы подобных способностей и у гусей с бобрами⁶.

Человеческая жадность и неадекватность не единственные основания для процветания надзорных капиталистов, которые выделяет Шохана Зубофф. Она приводит шестнадцать причин, по которым «это сошло им с рук». Среди них: попустительство государств, увлеченных возможностями контроля (дело началось вскоре после 9/11); образы героических предпринимателей Кремниевой долины; институционализация цифровых сервисов; захват данных, чья ценность не была понятна людям; риторика о том, что таким образом мир меняется к лучшему (а также скорость этих перемен). Интересно, что если правительство США выступает скорее как подстрекатель, поощряющий системы контроля, то Китай в книге Зубофф выглядит уже настоящим бенефициаром сращивания государства и корпораций. Она оговаривает, что дело еще и в традициях этой страны, в кризисе доверия, связанном с экономическим ростом и урбанизацией. Кризис всего остального мира, согласно Зубофф (хотя относительно «всего мира» это едва ли точно, все же это взгляд условного глобального Севера), в недостатке контроля, который как будто можно решить с помощью подборки приложений в смартфонах. Считается, что тяга к контролю – тоже культурная особенность, но об этом в книге нет ни слова, желанье контролировать жизнь считается априорной добродетелью.

В третьей части книги Зубофф пытается разобраться с политико-интеллектуальными основаниями надзорного капитализма. Главное из них – это бихевиоризм, точнее, работы Берреса Фредерика Скиннера, автора ключевых концепций бихевиоризма. Зубофф соотносит тексты Скиннера с высказываниями и действиями его современного последователя Алекса Петленда – автора сотен статей и идей, объясняющих роль социальных медиа. Если коротко, бихевиористская идея состоит в возможности устроить жизнь людей гармонично и коллективно – как большой улей, где социальное действие будет важнее всего, люди будут под постоянным присмотром друг друга, а их индивидуальные свободы и частная жизнь исчезнут. Управлять этим будут «настройщики поведения».

- 5 Речь идет о масштабных исследованиях того, как разные пользователи присваивают смысл тому, что они делают с приложениями. Об этих исследованиях можно прочитать в работах: MILLER D. ET AL. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016. P. 286; IDEM. *The Global Smartphone: Beyond a Youth Technology*. London: UCL Press, 2021. На основе первого исследования вышел также большой онлайн-курс, переведенный на разные языки, включая русский. Это важно, так как сам подход антропологов позволяет людям, которых изучали, изучить самих себя и других, исследуя также и то, что делают ученые.
- 6 Это замечание я делаю, ориентируясь на исследования антропологии животных. См., например: РАФФЛЗ Х. *Инсектопедия*. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2019.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

В центре анализа Зубофф – утопический роман Скиннера «Второй Уолден», а также тексты о неприязни к Сартру и свободной воле. Антиутопия Скиннера не тоталитарна. Она является основанием для «инструментарной власти». Если тоталитаризм был ответом на проблемы «века масс», то современная ситуация отвечает на экзистенциальные вызовы неопределенности. Она снимает проблему «авторства собственной жизни», так как в мире победившего надзорного капитализма этого авторства просто не требуется.

Но Шошана Зубофф уверена, что быть отдельной личностью нужно именно сейчас. Она ссылается на работы социолога Эрвина Гоффмана, показывая, как плохо человеку без «кулис», где он может быть самим собой, и настаивает, что в ситуации ежедневных изменений необходимо сохранять «волю к воле».

Метафора дома становится образом святилища, хранилища сокровенности. «Дом» – это возможность сохранить часть себя от вторжения Других. Чтобы это сделать, Зубофф предлагает лоббировать законы о праве на частную жизнь, недоступную наблюдателям.

Она возлагает надежды на GDPR (General Data Protection Regulation – Общий регламент по защите данных) – постановление ЕС, обязывающее владельцев онлайн-сервисов использовать данные пользователей только с разрешения последних. Но главное – на способность отдельных людей сопротивляться и организовано не доверять надзорным капиталистам. Именно эта способность, согласно финалу книги, привела к падению Берлинской стены в свое время, и сейчас вновь пришло время для сопротивления.

ЭТО МАЛЕНЬКАЯ ВАЖНАЯ ИСТОРИЯ

Критики книги часто начинают с того, что Зубофф написала ее в защиту прежнего капитализма, игнорируя его связи с надзорным⁷. Действительно, в одном месте это сказано прямо (а в иных местах косвенно):

«Если суждено быть битве, то пусть это будет битва за капитализм. Пусть нашей исходной позицией будет то, что необузданный надзорный капитализм представляет угрозу не только для общества, но и – не меньшую – для самого капитализма» (с. 257).

Заключение в книге и вовсе оглушительно: Шошана Зубофф пишет, что «инструментарная власть набрала силу вне чело-

⁷ См., например, развернутое критическое эссе Евгения Морозова: MOROZOV E. *Capitalism's New Clothes* // The Baffler. 2019. February 4 (<https://thebaffler.com/latest/capitalisms-new-clothes-morozov>).

вечества и вне демократии» (с. 665). Столь громкие заявления, судя по всему, есть следствие двух причин. Во-первых, они позволяют утверждать, что есть некоторые невинные «прозревшие мы», способные воскликнуть «Довольно!» – и сделать это «Довольно!» декларацией (таково заключительное предложение книги). Во-вторых, это позволяет утверждать, что происходящие ныне изменения случайны и не неизбежны. Ведь надзорный капитализм – это экономический порядок, и раз он создан людьми, то ими же может быть изменен.

Борьба с неизбежностью надзорного капитализма – действительно интересное интеллектуальное мероприятие, и многие части книги приглашают к этому. Вот только получается нечто противоположное: критикуя Скиннера, Зубофф не отказывается от его основного термина – «поведение». И, конечно, вслед за термином идет основной тезис: поведение человека есть производное от обстоятельств его жизни. И главное – от информации. Человек рассматривается как машина, настроенная на поглощение информации и совершение каких-либо действий под ее влиянием. Медиацентризм, технический детерминизм и прочие «-измы» сообщают пользователю предельную несамостоятельность. Книга «Надзорный капитализм» ее только упрочивает. «Настройщики» и «цифровые капиталисты» – это всегда Они (не мы). Силой и властью в этой книге обладают лишь государства и крупные корпорации. Чтобы им сопротивляться, нужны декларации (тон Зубофф отсылает к Декларации независимости США, что в контексте разговора об интернете напоминает и либертарную Декларацию независимости киберпространства Джона Перри Барлоу). Все возможности человеку самому понять свои действия в интернете и вне его и распорядиться ими не просто игнорируются, а утверждаются в своей незначительности.

Здесь я не могу согласиться с Зубофф. Действительно, пользователи не объединены, но они не безвластны. Другие исследователи – такие, как Аннетт Маркхэм, – предлагают развивать критическую педагогику⁸. Работы Дэниела Миллера (см. сн. 5) позволяют делиться наработками исследователей с теми, кого они изучают. В России «Теплица социальных технологий» предлагает вместе изучать технологии для некоммерческих организаций и работать с данными, переориентируя их на то, что нужно общественным объединениям, и признавая существующие сложности. Это неполный список того, как можно политически и критически противостоять пресловутому разделению знания.

8 MARKHAM A.N. *Critical Pedagogy as a Response to Datafication* // *Qualitative Inquiry*. 2019. Vol. 25. № 8. P. 754–760.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

Есть и другой способ работать с этой проблемой. Примером является книга даны бойд «Все сложно»⁹, где объясняется: цифровые публичные площадки для подростков не отличаются от пустырей или торговых центров. Сетевые паблики – это места (и одновременно способы) общаться со сверстниками. И, хотя книга бойд не лишена недочетов, она – что очень важно – признает, что люди умеют назначать собственный смысл происходящему. Таких работ не очень много, но они отличаются от «Надзорного капитализма» тем, что позволяют человеку распознавать связи между прежними и нынешними способами социальной жизни и не идеализировать прошлое.

И, конечно, демократия и капитализм не невинны. Сама же Шошана Зубофф показывает: усиление надзорности в надзорном капитализме произошло при участии демократических институтов. Но сами политические обстоятельства осуществились прежде всего в американском контексте. Переноса его на другие страны, стоит быть осторожными: многие суждения и исторические параллели могут не работать¹⁰. Но это не отменяет того, что стремление управлять будущим (занимаясь цифровой трансформацией), владеть данными о все большем количестве процессов (и владеть ими суверенно), равнодушие к содержанию социальной жизни при возможности управлять ею представляют собой глобальную тенденцию. Вот только разные страны и компании реализуют ее не только по правилам, описанным в книге «Надзорный капитализм». И законодательство вроде GDPR вовсе не предохраняет людей от наблюдения, а оказывается пластырем на расплзающихся тканях прежних социальных порядков.

Шошана Зубофф предлагает консервативную реакцию. Ее ключевые слова: дом, сокровенность и свобода, понятая через экзистенциализм, реагирующий на век масс. Альтернативой разделению знания оказывается по-прежнему Просвещение, хотя как, следуя его же путем, не прийти к тому, к чему пришел Скиннер, решительно не понятно.

И это подводит нас к основной проблеме книги. Зубофф пестует индивидуализм и опасается коллективизма. При этом она не учитывает, насколько индивидуализм модерна механистичен. Отношения с техникой плотно в нас встроены, и сейчас сложно говорить о человеке, не имея в виду механизации

9 бойд д. *Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. Шошана Зубофф также цитирует дану бойд и даже не спорит с ней, а обращает ее аргумент в пользу собственного тезиса. Подробнее о книге бойд см.: Колозариدي П. *Почему не существует цифровых аборигенов. Как интернет не меняет наших детей* // Неприкосновенный запас. 2021. № 4(138). С. 263–271.

10 Подробнее см. в: МУРАВЬЕВ Д. *Бестселлер, подобранный специально для вас: «Надзорный капитализм» Шошаны Зубофф* // Теплица социальных технологий. 2021 (<https://te-st.ru/2020/10/30/surveillance-capitalism/>).

описания наших действий. Сами слова «поведение», «информация», «система» скрепляют и порядок современной жизни, и наши представления о себе. Это значит, что, обличая «машины», мы обозначаем их как ситуативного Другого, который всегда будет управляться кем-то еще более Другим. Если человек нуждается в «информации», чтобы производить свое «поведение» внутри «систем», ему нужны «настройщики»¹¹. Так возникает различие и конфликт, требующие постоянного улучшения, чтобы сглаживать и преодолевать себя же¹².

Такая механистичная картина мира вовсе не является ужасным изобретением наших дней. И дело не в машинах, а в способах говорить об их общем существовании с людьми. Ведь современному состоянию предшествовали не вольные землепашцы в раю, а столетия других устройств социальной жизни, в которых контроль был распределен между богачами, священниками, монархами и разнообразными инфраструктурами власти. Поэтому, если нам хочется критиковать происходящее сейчас, делать это с опорой на то, что изменения ситуативны, а свобода была в «золотом веке», мягко говоря, наивно. Индивид сегодня механистичен, и без критики этого индивидуализма говорить о дальнейшей эмансипации – это значит говорить об изменении контроля, смещении знания и власти. Это значит, что, отрицая неизбежность надзорного капитализма, мы рискуем оказаться в других, возможно, не менее репрессивных отношениях, но путь к ним будем считать интеллектуально ясным и политически верным.

Критика без обозначения этого риска закрепляет наш статус подданных – и государств, и корпораций, и экспертов. Не признав такого закрепления, мы не можем ни размышлять об альтернативах, ни политически менять этого. Разделение (в два хода: сначала размежевание, затем совместное пользование), которое тут необходимо, – это разделение знания и политического действия. И, да, они могут быть совершенно противоположны друг другу. Социология прошлого века была жестока в признании изменений. Эмиль Дюркгейм объяснял, в чем благо разделения труда, и различал механическую и органическую солидарности. Макс Вебер показал, как из рас-

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

11 Если снять кавычки в этом предложении, его можно прочитать иначе: если человек нуждается в знании и понимании, чтобы действовать и жить, это внешнее знание будет кем-то продиктовано. В таком виде этот тезис куда проще оспорить – например, можно сказать, что человек может не нуждаться в знании, которое подается извне. В общем, этот тезис перестает быть бесспорным и становится основанием для политического обсуждения. Зубофф также призывает к политике там, где сейчас есть только принятие бюрократических решений. Но она использует тот же язык и методы рассуждения, что и объекты ее критики. Поэтому и призывы к политизации скорее звучат как призывы к бюрократизации.

12 Дмитрий Жихаревич в своей рецензии показывает, опираясь на работы Дэвида Грэбера, что «умные» технологии построены на очень незамысловатых основаниях, а также на насилии, облаченном в бюрократическую форму: ZHUKHAREVICH D.M. *How Algorithms Became Capitalist // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. № 1. P. 398–409.

пада Римской империи возникает дух капитализма и чем он полезен. Они не пытались тут же освободить людей от оков власти. И у них получались важные тексты, которые до сих пор стоят того, чтобы к ним прислушаться, или действия, которые заслуживают внимательного изучения. Жильбер Симондон предложил видеть возможность сотрудничества человека с техникой, где настройщики – это самые разные люди, которые просто с ней взаимодействуют¹³. Иван Иллич, критикуя общественные институты вместе с техникой, разработал критическую педагогику, которая позволяет познавать иначе и предложить альтернативное устройство институтов¹⁴.

Сейчас – в 2022 году – нам важно понимать контекст книги Шошаны Зубофф. И этот контекст очень локальный. Книга критична к американскому общественному устройству; к законам, которые запаздывают; к забвению идеалов времен американской революции; к важности индивидуализма как основы судеб многонационального американского народа; к тому, как устроено знание для создателей «умных» сервисов. Но в своей критике Зубофф исходит из тех же оснований, которые являются, согласно ей, проблемными. Чтобы подчеркнуть собственную критическую позицию, Зубофф утверждает, что демократия и человечество не причастны к происходящему. Критики оснований в книге почти нет, поэтому к политическим высказываниям сложно присоединиться.

Ценность этого текста в том, что он предлагает контекст для изменений, которые считаются глобальными. Важно изучать такой контекст в разных странах как ради социальных изменений, так и ради порой политически неприятного, но столь нужного понимания отношений людей, институтов и технологий. Самое интересное в книге – это именно сотни страниц контекста, а вовсе не лозунги, которыми она заканчивается. К сожалению, лозунги из этого текста не вытащить.

13 SIMONDON G. *On the Mode of Existence of Technical Objects*. Minneapolis: Univocal Publishing, 2017.

14 Иллич И. *Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир*. М.: Просвещение, 2006.

Метаморфозы сна и изнанка технофобии

ДМИТРИЙ
СКОРОДУМОВ

24/7. Поздний капитализм и цели сна

ДЖОНАТАН КРЭРИ

М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 136 с.

Современное общество пронизано множеством невидимых механизмов эксплуатации человека. Критическая теория занимается их обнаружением и разоблачением, она также предупреждает нас о возможности возникновения новых, еще более изощренных способов угнетения личности. Критическая философия помогает людям открыть глаза и пробудиться ото сна, от кошмара, в котором они существуют, принимая собственное рабство за само собой разумеющееся положение дел. Ирония в том, что сама метафора *пробуждения*, сам просвещенческий пафос *бодрствования* и осознанности, погруженности и включенности во все окружающие процессы, непрерывно протекающие вокруг индивида, – все это оказывается еще одной стороной угнетения, которую и исследует в своей книге Джонатан Крэри.

Небольшая книга представляет собой переработанные лекции, которые Крэри прочитал в свое время в Музее современного искусства Барселоны. Автора интересует проблема вторжения ритмов современного рынка, работающего в режиме 24/7, в область повседневной человеческой жизни, в самые личные и интимные ее сферы. Мир экономики уже давно работает круглосуточно: предприятие не может терпеть убытки из-за простаивающего оборудования, поэтому сотрудник вынужден приспособливаться к ночным сменам. В интересах рынка не только превратить человека в не знающего усталости работника, но и приучить его к непрерывному потреблению, а еще лучше – совместить работу и потребление в одной форме круглосуточной активности.

Джонатан Крэри изучает различные способы, которые использует мировой рынок для включения человека в этот нечеловеческий ритм. Экспансия в мир сна происходит в разных областях: в науке и технике, в медиа, в философии. С помощью современной науки и передовых технологий человека пытаются избавить от сна, сделать постоянно бодрствующим «солдатом капитализма», приносящим круглосуточную прибыль.

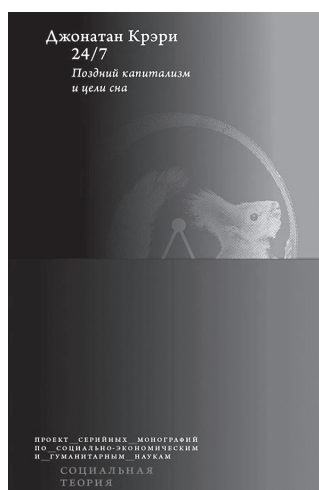
Дмитрий Анатольевич
Скородумов (р. 1989) –
философ, сотрудник
кафедры социально-
гуманитарных наук
Приволжского исследо-
вательского медицин-
ского университета.

Мир новых медиа также озабочен ловлей человеческого внимания. Крэри в этом плане особенно интересуют телевидение, революционно изменившее способы видения мира. Похожими свойствами обладают также интернет, смартфоны и социальные сети, проецирующие состояние телевизионного транса в любое время и в любом месте. Атака на сон происходит и на философско-теоретическом уровне: сон представляется рудиментом или всего лишь опциональным дополнением к человеческой жизни, ее недоработкой, которую можно исправить или оптимизировать.

КАРТА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Рассматриваемая тема представляется необъятно широкой: на 130 страницах своей книги автору удается лишь кратко указать на основные теоретические проблемы, связанные с новым режимом работы и отдыха, и привести некоторые примеры из практики капиталистической экспроприации сна. Крэри не проводит исчерпывающий анализ – материал подается эклектично, напоминая тот самый непрерывный хаотичный информационный поток, который сам автор критикует. Книга поделена на четыре безымянных и сложно отделимых друг от друга по смыслу главы. В каждой из них приводятся разнообразные факты и осуществляются разборы проблематики сна с той или иной стороны; все это оставляет ощущение эклектичности, с одной стороны, и недосказанности – с другой.

Крэри начинает книгу с упоминания о военных исследованиях некоторых видов перелетных птиц, способных обходиться долгое время без сна. Цель экспериментов – усовершенствование человека: сначала для выполнения боевых задач, требующих долгого бодрствования, а затем и для мирных экономических процессов. Автор пишет о проектах запуска на орбиту спутников, которые при помощи специальных зеркал отражали бы ночью солнечный свет и посылали его на Землю, чтобы освещать города, экономя электричество. В тексте упоминаются разнообразные попытки лишения сна, практиковавшиеся в США и Советском Союзе. Все эти события используются для иллюстрации связи развития капитализма с трансформацией границ сна, изменением отношения ко сну и бодрствованию. Джонатан Крэри называет режим 24/7 «триумфом глобальной элиты», «зоной нечувствительности» (с. 24), «безмирностью» (с. 26). Ритм непрерывного бодрствования описывается – с опорой на Мориса Бланшо – как «катастрофа и ее последствия» (с. 24). Тут же автор обращается к Джорджо Агамбену, и непрерывная длительность превращается в «чрезвычайное положение»

(с. 25). В следующем предложении говорится (со ссылкой на Карла Маркса) о «постоянно открытом торговом центре», а затем о «расколдованном мире» (с. 27). Большое разнообразие мыслей и концепций сконцентрировано буквально в одном абзаце. Это делает речь Джонатана Крэри похожей скорее на ницшеанскую поэтическую философию, призванную захватить воображение своей формой и стилем, чем на научный анализ.

Вторую главу открывает тезис о разрушении самого времени режимом непрерывного бодрствования. В основании времени лежит цикличность, переходы от дня к ночи, от труда к празднику – в ритме же непрерывной работы все различия стираются. Режим 24/7 не просто уничтожает ночь, но и лишает смысла день. Этот режим, с точки зрения Крэри, приводит к тому, что сам субъект, непрерывно аффицируемый внешними раздражителями (рекламой, развлечениями, работой), окружается плотными механизмами контроля – начиная от специальных военных систем сбора данных и заканчивая экраном смартфона. Свободный субъект как источник спонтанной активности становится ненужным миру, где все решают за него. Контроль над субъектом устанавливается через «колонилизацию индивидуального опыта» – навязчивый аудиовизуальный контент, который буквально «похищает» внимание, заставляя переходить от одного дела к другому. Человек теряет уверенность в себе и своих силах еще и из-за того, что никогда не может поспеть за постоянно развивающимися технологиями, полностью разобраться в них. Каждое новое техническое устройство все больше встраивает человека в непрерывный режим 24/7. Здесь можно возразить вместе с Ником Ландом: одновременно с изменением техники меняется не только режим человеческого активности, но и сам капитализм, сами понятия «контроля» и «свободы» – все это «расплавляется» и переходит в новые формы¹. Субъект меняется: он становится более подвижным, начинает пропускать через себя и быстро обрабатывать большие пласты разнообразной информации, что позволяет ему обходить, взламывать и преодолевать как сложившиеся системы контроля, так и сам привычный социальный порядок, выходя к чему-то более новому и живому.

В начале третьей главы автор обращается к картине Джозефа Райта «Хлопковые фабрики Аркрайта ночью», написанной в 1782 году. Новизна этих фабрик заключается не в энергии пара, поставленной на службу человеку, а в переизобретении рабочего времени – в идее безостановочных производственных операций (с. 69). Мировой капитализм раскрывается через идею непрекращающейся текучести экономического об-

¹ Ланд Н. *Киберготика*. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 173–190.

мена: в условиях развитого рынка товар и деньги мыслятся как непрерывные потоки, а не дискретные события. А дисциплинарная власть реализуется не на уровне отдельных институтов (фабрика, тюрьма, армия), а повсеместно в обществе:

«Механизмы управления и эффекты нормализации безостановочно проникают почти повсюду, и сегодня они интернализированы на уровне микрологики более всеобъемлюще, чем дисциплинарная власть в XIX и большей части XX века» (с. 78).

Тут Джонатан Крэри обращается к идее общества контроля, принадлежащей Жюлю Делёзу². Механизмы непрерывного контроля захватывают поле повседневности – место, считающееся недоступным для «работы, конформизма, потребительства». Захват анонимной повседневности начинается вместе с распространением персональных компьютеров, взаимодействуя с которыми, люди добровольно выполняют каждодневную работу по самоанкетированию, сбору данных на самих себя.

Одни из самых интересных страниц книги – анализ опыта просмотра телевидения. Для Крэри это первый и ключевой шаг становления режима 24/7. Телевидение размывает границу между грезой и активностью, между социальным действием и пребыванием в гипнотическом трансе. Телевизионный сеанс, с одной стороны, заставляет человека долгое время сидеть без движения, не выходя из дома и ни с кем не беседуя, а с другой стороны, погружает воображение в мир удивительных приключений, предоставляя богатейший визуальный опыт.

В четвертой главе исследуется роль сновидения в культуре позднего капитализма. Основная идея – отождествление сна с товаром:

«В популярных представлениях сны превратились в нечто вроде мультимедийного программного обеспечения или своего рода контента, к которому, в принципе, может быть получен инструментальный доступ» (с. 104).

Так как сновидения – это товар, то теоретически их можно записывать, накапливать, продавать, заказывать или вовсе отменить, если они перестанут удовлетворять потребителя. Крэри критикует консьюмеристский подход ко сну и приводит собственные определения и характеристики сна. Во-первых, сон – это момент, когда личность отдается заботе других людей, охраняющих ее покой, укрепляя тем самым сеть социальных взаимоотношений. Во-вторых, сон – это опыт деперсонализации, периодическое «распутывание рыхлого клубка мелких субъективностей» (с. 132). В-третьих, сон – это пауза, освобож-

2 Делёз Ж. *Post scriptum к обществам контроля* // Он же. *Переговоры*. СПб.: Наука, 2004. С. 226–235.

дающая человека от ритма непрерывного производства и потребления. В-четвертых, неотделимое ото сна время «лежания без сна в квазитемноте», – это момент созерцания и размышления ни о чем и обо всем, «время восстановления перцептивных способностей» (с. 133). Наконец, сон – это первый шаг к новому посткапиталистическому будущему, которое должно прийти из грез. Последнее замечание – одно из самых странных мест книги. Сон осмысливается как разрыв, через который в мир сможет проникнуть новый порядок:

«Возможно, что во многих разных местах и многих не похожих друг на друга состояниях, включая грезы или дрему, подобные мечтания о будущем без капитализма начнутся как сны» (с. 135).

К сожалению, автором не раскрываются подробности того, как это может произойти. Остается только пофантазировать, как однажды все сны начинают меняться – становятся яркими и необычными. Человечество начинает видеть по ночам новую жизнь и ни на что не похожую красоту, захватывающую и манящую. Люди выходят на улицы, покидают свои дома и квартиры, чтобы делиться друг с другом переживаниями. С удивлением обнаруживается, что все захвачены желанием нового как внезапно обрушившейся стихией.

В интересах рынка не только превратить человека в не знающего усталости работника, но и приучить его к непрерывному потреблению, а еще лучше – совместить работу и потребление в одной форме круглосуточной активности.

Сон и бессознательное

Психоаналитическому контексту автор уделяет буквально пару страниц. Он пишет только о Зигмунде Фрейде, не упоминая, к примеру, Жака Лакана, столь важного для современной критической теории. Джонатан Крэри утверждает, что «важнейшее событие в процессе обесценивания сновидений произошло в последний год XIX века, когда Фрейд завершил “Толкование сновидений”» (с. 114). Зигмунд Фрейд обесценил сновидения тем, что свел их к «отгороженной арене примитивной иррациональности». Это довольно спорное утверждение, учитывая, что бессознательное не иррациональность в чистом виде, не область слепых инстинктов – а напротив, своего рода разум, мыслящий и порождающий высказывания. Различные «симпто-

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
МЕТАМОРФОЗЫ СНА
И ИЗНАНКА ТЕХНОФОБИИ

мы» – оговорки, автоматизмы, забывчивость, сны – являются сообщениями бессознательного, которые при должном усердии можно понять и истолковать. Нечто способное к человеческому осмыслению и вербальному выражению (тем более таким сложным и зашифрованным образом) трудно назвать иррациональным. Недаром Жак Лакан тесно связывал бессознательное с человеческим языком³.

Джонатан Крэри заявляет, что понимание сновидения как искаженного осуществления желания является вредным трюизмом, усвоенным западной культурой (с. 114). В этом утверждении прослеживается желание преодолеть теорию Фрейда, назвав ее банальной и недостаточно пронизательной. Разумеется, таким образом никакое теоретическое преодоление невозможно, поскольку так проблема лишь отодвигается в сторону: забывается и «вытесняется в бессознательное». Жалоба на то, что западная культура усваивает искаженные теоретические представления, сама является «симптомом». Она намекает на опасную позицию «супергероя», к которой всегда может приблизиться критическая философия. Если философ ее занимает, то он начинает говорить определенным образом: главным в речи становится жалоба на современный порядок вещей, сопровождающаяся отсутствием попыток к его реальному преодолению. Часто, когда субъект жалуется на что-то, он наслаждается этим – в глубине души его устраивает сложившийся порядок. Если ситуация изменится, то никакого удовольствия больше не будет. Действительно, когда на кухне люди ругают власть, то само это «праведное» возмущение и является конечной целью всех разговоров, которые не приведут ни к каким изменениям. Изменить что-то может только глубокое осмысление ситуации – теоретическая работа, заключающаяся не в отбрасывании «трюизмов», а в их продумывании, усложнении и деконструкции. Джон Капуто называет эту работу «раскалыванием орешков»⁴: когда мы берем какую-то мысль, которая всем кажется простой и само собой разумеющейся, и находим в ней что-то неочевидное и удивительное – не просто противоположные смыслы, но вообще нечто совершенно иное. Жалостный тон не способствует теоретическому прорыву, изменению способа видения; не помогает он и разработке конкретных практических шагов к преодолению сложившейся ситуации. Ни первого, ни второго работа Джонатана Крэри предложить не может – но она и служит другим целям. Во-первых, книга указывает на важную проблему «экспроприации» сна; во-вторых, является неплохим справочником, дающим широкий спектр примеров вторжения

3 ЛАКАН Ж. *Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда*. М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997. С. 83.

4 САПУТО J. *Deconstruction in a Nutshell*. New York, 1997.

ПРОБУЖДЕНИЕ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПЕЛЛЯЦИЯ

Интересен парадокс метафоры пробуждения, о котором идет речь в первой главе. Политические деятели в агитационном запале часто говорят о необходимости открыть глаза, пробудиться от апатичной дремы, чтобы разорвать цепи рабства. Но об этом же говорили и нацисты в лозунге «Германия, проснись!». Призыв к пробуждению является, с одной стороны, воззванием свободы, а с другой, – идеологической интерпелляцией, превращающей человека в марионетку политической борьбы. Именно в этом контексте можно рассматривать фильм «Матрица», переворачивая его смысл. В мире далекого будущего человеческие тела, подключенные к системам жизнеобеспечения, спят в коконах, в то время как их сознание вечно пребывает в симуляционной реальности, похожей на обыденную жизнь. Как и все люди, главный герой Нео не подозревает, что все видимое является иллюзией, до тех пор, пока не встречает Морфеуса – предводителя банды повстанцев, пробудившихся от цифрового сна. Морфеус задействует все хитрости и уловки из арсенала профессиональных сектантов, чтобы убедить Нео в том, что окружающий мир является иллюзией, а повседневная жизнь – прописанным извне сценарием. В конечном счете, Морфеус преуспевает в своей цели, и главный герой пробуждается к новой жизни. Разум Нео отключают от матрицы, и он оказывается в подлинном мире, наполненном враждебными машинами, плохой едой и испорченной экологией. В этом мире отсутствует солнечный свет, зато есть необходимость постоянно прятаться и ютиться в подполье. Дело даже не в том, что настоящий мир оказывается кошмаром, в отличие от сладких грез симуляции. Сама метафора пробуждения содержит в себе холод утра и предвкушение тяжелой работы и преодоления трудностей – политические агитаторы могут даже делать на этом акцент, так как идея *борьбы* за свободу внушает энтузиазм. Вот только в фильме встречаются многочисленные маркеры, указывающие на неоднозначность событий. Само имя Морфеус намекает не на пробуждение, а на погружение в еще более глубокий сон. Нео обманули дважды: первый раз, когда погрузили в матрицу, а второй, когда выдернули из нее. На деле «настоящая» реальность есть лишь еще одна подпрограмма матрицы – спланированная «ошибка», которая делает систему прочнее.

Джонатан Крэри обращает внимание на то, что сон – «самое податливое для политиков состояние». Со «спящим» человеком, который не интересуется политикой, можно делать все что угодно. Но одновременно спящий человек недоступен политике, так как он не думает о ней. Он не отдается этой деятельности добровольно, не дарит политической борьбе свою активность. И хотя политические манипуляторы могут заполучить тело такого человека, они не попадут в его воображение и разум. Человек может оставить себе свой сон, субъективный мир, свою пассивность, может спрятаться так, как это происходит в фильме Терри Гиллиама «Бразилия». Главный герой этой киноленты попадает к палачам, готовым пытать его до смерти. Внезапно ситуация меняется – в камеру к герою проникают повстанцы, вместе с которыми он убегает из мрачного города на свободу. Но этот побег оказывается психотическим ускользанием. В заключительных кадрах фильма мы видим те же самые пыточные казематы, остекленевший взгляд и улыбку героя, привязанного к жуткому креслу, и разочарованного палача. Оказывается, заключенный сбежал в мир своего воображения – ушел от жестокой невыносимой реальности. В этом случае человек сохраняет за собой свое личное сновидение, свой бред, свою грезу. Эта «утопия» становится местом, где спасается сам человек, где он укрывается от невыносимой реальности. При этом воображаемый мир является проявлением активности субъекта, создается им, в отличие от сюжета «Матрицы», где даже грезы изготавливаются и прописываются заранее. В этом случае человек остается реактивным, теряет себя, так как реагирует на заранее продуманные для него драматические ситуации, которым полностью доверяет.

РЕЖИМ РАБОТЫ В ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ОПТИКЕ

Проблему, исследуемую Джонатаном Крэри, можно транспонировать в область онтологии двояко: во-первых, как противоречие между дискретным и непрерывным; во-вторых, – между открытым и несокрытым. Чтобы лучше понять основные мотивы книги, необходимо рассмотреть эти конфликты подробнее, так как они «управляют» всем текстом. Именно в терминах непрерывности описывается режим 24/7. Понятия дня и ночи, работы и отдыха, действия и бездействия теряют свою значимость, ликвидируется любое чередование и ритм. Крэри предлагает понимать этот режим не просто как однородную длительность, но и как «отключение времени» (с. 64), так как время – это чередование, «тик-так». Подобный режим удачно описывается категорией непрерывности, которая пришла в философию из

математики и, по мнению Павла Флоренского, стала «цементирующей идеей» человеческого мировидения в XX веке, соединившей «все материалы в один исполинский монолит»⁵. Непрерывность – центральная идея дифференциального исчисления, имеющего широкое практическое применение. Только непрерывные функции дифференцируемы – следовательно, все, что описывается непрерывными функциями, может быть математически спрогнозировано и просчитано. Неудивительно, по мнению Флоренского, что именно идея непрерывности, распространившись из математики на многие другие области, вытеснила идею дискретности⁶. Если в функции есть разрыв, то ее поведение становится непредсказуемым. Разрыв – это момент иного существования, недоступного прогнозированию, это место, где может произойти все что угодно. На идее непрерывности основана, к примеру, теория эволюции Чарльза Дарвина, по которой развитие происходит с помощью последовательных мелких приращений. В то время как в природе повсеместно присутствует разрывность, необъяснимые прыжки, являющиеся проявлением самостоятельности и индивидуальности, дискретность связывается со свободой; ведь место разрыва функции – это и есть то место, где возможно любое ее поведение, где ничего нельзя знать заранее. Но с подобной свободой приходит и страх. На неопределенности не могут основываться современные рыночные технологии. По замечанию Джонатана Крэри, мировой рынок работает не в режиме случайных дискретных транзакций, а в непрерывном потоке обменов: «Если обращение выступает как жизненно важное для капитала явление, то оно является таковым в силу “устойчивой непрерывности процесса”» (с. 72). Детерминированная темпоральность 24/7 – это фундамент работы капитализма.

Разрыв непрерывной ткани – место, где невозможен прогноз, где не работает исчисление и законы рынка, – также можно рассмотреть через понятие *сокрытости*, введенное Мартином Хайдеггером. В статье «О сущности истины» немецкий философ пишет о свободе, которая делает возможной истинность⁷. Свободная открытость позволяет вещам явиться, развернуться перед человеком и говорить о себе. Обратной стороной открытого просвета является сокрытость – непроницаемая таинственность природы, рождающей из себя весь мир. Действительно, свободное раскрытие вещей в их непредсказуемости и

5 Подробнее эта тема разобрана в книге: Грэхэм Л., Кантор Ж.-М. *Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

6 Флоренский П.А. *Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания»* // Историко-математические исследования. 1986. № 30. С. 159–176.

7 Хайдеггер М. *О сущности истины* // Он же. *Разговор на проселочной дороге*. М.: Высшая школа, 1991. С. 8–27.

многообразии возможно, только если они скрыты до этого в неопределенности. Загадочность природы, с точки зрения Мартина Хайдеггера, совершенно упускается исчисляющим мышлением, для которого окружающий мир – лишь ресурсная база, ждущая освоения. Внимание немецкого философа к природе и настороженность к исчислению не превращаются, однако, в паническое настроение и технофобию. Технику не надо бояться или восхвалять – подобный настрой оборачивается еще бóльшим запутыванием сути дела. Современную технику нужно философски осмысливать, подходить к ней с поэтическим отстранением и творческим воображением – только так можно продвинуться вперед и не упустить суть происходящего. Истина ситуации заключается в том, что господство исчисления (а вместе с этим режима непрерывного бодрствования) – это судьба человечества. История не случайна: не просто так капитализм и техника повсеместно распространились в мире – это следствие развития мышления. Дальнейшее историческое движение возможно только через продумывание ситуации, а не через попытки отказа от разрушающих мир моделей роста и расширения.

Со «спящим» человеком, который не интересуется политикой, можно делать все что угодно. Но одновременно спящий человек недоступен политике, так как он не думает о ней.

В тексте книги «24/7» чувствуется беспокойность технологическими переменами и желание предупредить социальный катаклизм, вызванный хищническим освоением сна. К сожалению, автор избегает приближаться к тайне сокрытости: он уделяет мало внимания дискретности, миру разрывов и природе, на стороне которой пытается играть. Полная сконцентрированность на катастрофичности, гипнотическая зачарованность ею приводят к тому, что упускается масса интересных вещей: в частности, Крэри не пытается вообразить иное будущее, которое могло бы стать альтернативой царству «великого полдня» и бесконечной активности. Нам не дается никаких ясных ориентиров, как можно противостоять опустошительной силе планетарного капитализма и превращению сна в товар – только несколько темных и смутных намеков. Хотя в конце книги Крэри вкратце пишет, что «нужен поворот в сознании» и «новое видение реальности» (с. 125), основанное на принципах коллективного действия, общих целей и интересов, – но это общая и известная критика неолиберализма.

В целом текст книги представляет собой однотонное паранойяльное полотно, в котором господствует единое настроение – настроение страха, повторяющееся и поворачивающееся к нам все новыми и новыми гранями от страницы к странице. Здесь можно встретить интересные исторические случаи и наблюдения, касающиеся нюансов влияния современной техники на восприятие и мышление человека. Но автор подробно не останавливается ни на одном из них – он спешит привести все новые и новые факты, которые должны нас убедить в бесчеловечности машины капиталистического производства. Различные факты и понятия идут друг за другом *непрерывной* чередой, как на конвейере. Все они ясно и отчетливо видны, но эта отчетливость деталей оставляет читателя в растерянности: не совсем понятно, что со всем этим делать и как «подключиться» к этому тексту. Тон Джонатана Крэри оказывается слишком тревожным и мобилизованным, «выдернутым» из тех самых сновидений и грез, которые автор пытается защищать.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
МЕТАМОРФОЗЫ СНА
И ИЗНАНКА ТЕХНОФОБИИ

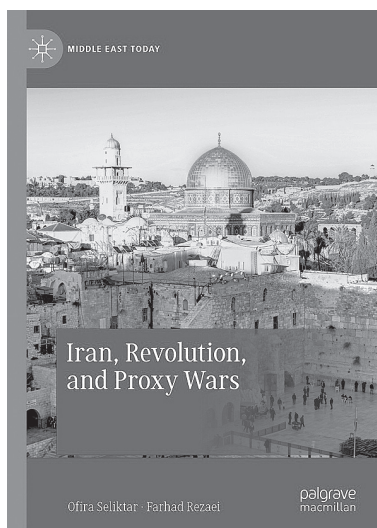
Рецензии

ВОЙНА ЧУЖИМИ РУКАМИ

Iran, Revolution, and Proxy Wars

OFIRA SELIKTAR, FARHAD REZAEI

Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – XI, 245 p.

Исламская Республика Иран, на протяжении многих лет находящаяся в активной оппозиции ко многим мировым и региональным политическим акторам, исследована, казалось бы, вдоль и поперек. Тем не менее белых пятен еще немало; к их числу с полным основанием можно отнести искусство ведения прокси-войн, в котором иранцы заметно преуспели и которое помогает им удерживать и расширять сферы своего влияния в регионе. В рецензируемой книге в особенностях этого важного феномена разбираются два специалиста, давно осваивающих иранскую проблематику: Офира Селиктар, ныне профессор политологии в Грац-колледже (Филадельфия, США) – она специализируется на разведывательных службах Ближнего Востока –

и Фархад Резаи, который сотрудничает с Центром исследований международной политики (Оттава, Канада) и занимается внешними отношениями и ядерной программой Ирана. Каждый из соавторов имеет в послужном академическом списке несколько книг, так или иначе затрагивающих современный Иран.

В тематической серии «Middle East Today», где вышла эта книга, уже не раз поднималась тема соперничества региональных лидеров – Саудовской Аравии, Турции и Ирана. Эти страны амбициозно стремятся скорректировать сложившийся в регионе *status quo* в свою пользу. При этом у каждой из них – помимо союзников в лице других государств – есть еще и дружественные негосударственные сподвижники. Политическая практика и даже само существование таких группировок, как ХАМАС, «Хизбалла» или «Братья-мусульмане», в некоторых ситуациях бросают прямой и серьезный вызов даже самым могущественным ближневосточным государствам. Какая роль отводится подобным формированиям, как они функционируют, до какой степени они самостоятельны, насколько разрушительны – или созидательны – роли, которые они играют? В «Iran, Revolution, and Proxy Wars» поднимаются все перечисленные вопросы – применительно прежде всего к Ирану и ориентирующимся на него политическим силам.

Из самого названия книги следует, что предметом авторского интереса выступает не столько распространение иранского влияния в регионе, сколько конкретный инструмент этого влияния – прокси-войны (*proxy wars*). Согласно определению, которое в 1964 году дал Карл Дойч, подобная война представляет собой вооруженный

конфликт двух стран, ведущийся на территории третьей страны под предлогом разрешения некоего внутреннего конфликта. Прокси-войны принято считать элементами гибридных войн (*hybrid war*), включающих в себя информационное и экономическое противостояние; прокси-война есть вооруженная составляющая более масштабных и разноплановых процессов. После исламской революции 1979 года Иран создал собственную систему прокси-политики, реализуемой по широкому спектру направлений. Главы этой книги посвящены как уже запущенным обособленным проектам Ирана («Хизбалла», ХАМАС, «Палестинский исламский джихад», иранские контакты с «Аль-Каидой»), так и еще только выстраиваемой системе иранских прокси в Ираке, Сирии и странах Персидского залива.

Открывая исследование, авторы пытаются выявить истоки прокси-политики в самом фундаменте нового государства: в шиитском исламе и комплексе его воззрений на политическую власть. Традиционный шиизм, как отмечается в самом начале повествования, почти не касается вопросов управления обществом; его скорее отличает готовность принимать вещи такими, каковы они есть, – без попыток противостоять их ходу или менять сложившуюся ситуацию. Как утверждает шиитский канон, до тех пор, пока не появится двенадцатый имам, мусульманам следует смиряться с угнетающим их правлением (р. 1–2). Конечно, наличие подобной установки медленно влечет за собой принципиальный вопрос: почему же при такой идеологической «кротости» в шиитских обществах иногда происходят не только народные выступления, но и смены политических режимов? Обращаясь к этой теме, авторы посвящают вводную главу предпосылкам исламской революции 1979 года. Новый режим, установившийся после свержения шаха, они называют дуальным: в авторской оптике исламская республика предстает не

обычной страной, но «экспортером революции». Причем между полюсами государственности и революционности наблюдается неослабевающая напряженность.

Еще до прихода к власти аятолла Хомейни сформулировал свое политическое мировоззрение в цикле лекций под названием «Исламское государство» (в 1970 году они вышли в Бейруте отдельной книгой). Именно там в систематическом виде была представлена идея о том, что правильный политический порядок, который надлежит поддерживать в мусульманских обществах до возвращения скрытого имама, должен базироваться на правлении достойных исламских богословов – *вилаят аль-факих*. Впоследствии воплощение этого концепта в жизнь было дополнено демократическим антуражем, позволяющим удовлетворить современный запрос на сменяемость власти. Данную систему было решено продвигать и за пределами Ирана, противопоставляя ее западному конструкту национального государства, который в свою очередь объявлялся «наследием колониализма». Уже в 1980 году, в первую годовщину свержения шахского режима, Хомейни заявил, что иранцам нужно экспортировать исламскую революцию. Неошиизм, он же хомейнизм, стал новой идеологией Ирана, к которой целенаправленно стремились приобщить и другие исламские страны – особенно те, где проживают шииты.

Другой консолидирующей идеей, посредством которой позже подпитывались иранские прокси-союзники, стало непоколебимое желание вернуть Иерусалим Палестине. Касаясь этого сюжета, авторы подчеркивают, что, объективно говоря, классический шиизм не видит в этой оспариваемой локации никакой религиозной ценности: подлинными святынями для его последователей остаются Мекка и Медина, расположенные на территории Саудовской Аравии – главного конкурента Ирана

в борьбе за первенство в регионе. Тем не менее в 1979 году Хомейни провозгласил освобождение Иерусалима центральным пунктом исламской идеологии, а иранскую революцию – прелюдией к полному освобождению от сионистского врага (р. 10). Этим заявлением аятолла преследовал сразу несколько целей: во-первых, ему хотелось уравнивать в статусе саудовские и палестинские святыни, поскольку обретение контроля над последними представляется иранским лидерам более вероятным; во-вторых, требовалось сплотить жителей страны в борьбе с внешним врагом; в-третьих, если бы Ирану действительно удалось подействовать Палестине, то это обязательно укрепило бы популярность режима во всем мусульманском мире. Все перечисленные пункты напрямую связаны с иранской стратегией прокси-войн.

Несмотря на то, что подобные войны происходят в мире довольно давно, авторы приписывают Ирану четыре новации. Прежде всего исламская республика развивает не только сотрудничество с идейно близкими шиитскими общностями, но и спорадические контакты с радикальными суннитскими группировками, ориентированные на достижение конкретных целей. Сочетаясь с тщательно маскируемыми способами спонсирования клиентов, такой подход, как отмечается в книге, позволяет скрыть полную картину иранской вовлеченности в тот или иной конфликт от разведывательных служб других стран. Далее, согласно утверждаемой шиитским духовенством догме, самоподрыв террориста-смертника является не злостным грехом, а допустимой опцией ведения священной войны, что, разумеется, расширяет способы достижения целей вооруженным путем. Следующей новинкой, практикуемой в ведущихся Ираном прокси-войнах, стало выдаваемое иранской агентуре предписание максимально смешиваться с гражданским населением, которому в свою очередь над-

лежит укрывать шиитских комбатантов. Наконец, в качестве последней особенности выставляется так называемая «ось сопротивления»: широко расставленные террористические сети, опекаемые иранцами, действующие во многих государствах одновременно и гарантирующие тегеранскому режиму безопасность перед лицом противников, особенно имеющих ядерное оружие. «Либо мы все в безопасности, либо никто не в безопасности», – так авторы поясняют иранскую логику (р. 16).

Результаты стратегии прокси-войн не однозначны: где-то они существенны, а где-то минимальны. Например, группировка «Хизбалла», флагман иранских прокси, смогла стать важнейшей политической силой в Ливане. Корпус стражей исламской революции активно участвовал в спасении режима Башара аль-Асада, чем частично превратил Сирию в тегеранского вассала. Однако при этом в сирийском случае успех, по мнению авторов, основательно подорвал состоятельность декларируемой Ираном борьбы за права шиитов в регионе Персидского залива. Горячее попечение о шиитских меньшинствах на фоне подавления суннитского большинства руководством проиранской Сирии выглядит политическим лицемерием, так как в нем прослеживаются двойные стандарты. Дело в том, что озабоченность правами меньшинств проявляется только там, где это касается единоверцев и, соответственно, способствует экспансии иранской власти и иранской идеологии, но сам по себе статус меньшинств, а также то, выступают ли они угнетаемыми или угнетателями, Иран не очень интересует – и его позиция относительно алавитского меньшинства, сурово управляющего суннитами в Сирии, тому доказательство.

Иногда реализуемая иранцами прокси-стратегия отталкивает и своих, и чужих. В частности, поддержка единоверцев в Ираке в ущерб суннитам усугубляет недоверие

суннитских стран Залива к режиму аятолл, а Кувейт по-прежнему помнит теракт 1983 года, который считается мезтью Ирана за поддержку, оказанную кувейтской монархией Саддаму Хусейну в ирано-иракской войне 1980–1988 годов. В силу указанных причин исламская республика практически не получила никаких выгод от «арабской весны» в монархиях Залива. В итоге сегодня иранские счета с Саудовской Аравией сводятся преимущественно в Йемене: страна, которая первоначально не рассматривалась Тегераном в качестве направления для экспорта революции, внезапно стала местом триумфа иранских прокси в лице хуситов.

Проанализировав перечисленные случаи, авторы приходят к выводу, что прокси-политика существенно помогает Тегерану распространять идеи (и практику) исламской революции. Говоря о том, как устроена книга, следует отметить, что в ней представляются не только сами кейсы, но и участвующие в них акторы. Безусловно важны, например, психологические портреты иранских участников событий, так как их личностные характеристики, по убеждению авторов, занимают видное место в успехах и неудачах Ирана. В целом же итог исследования таков: консолидированный Запад слишком нерешительно противостоит иранским прокси-проектам и тем жестким методам, которыми они реализуются. Но при этом цена иранского прокси-натиска довольно велика: среди издержек – как недовольство иранцев приоритетом внешней политики над внутренней, пагубно сказывающимся на распределении национальных ресурсов, так и углубляющаяся изоляция Ирана на международной арене, оборачивающаяся все новыми санкциями и ослаблением поддержки правящего режима внутри страны.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

Метаморфозы сирийской оппозиции

ЛЕОНИД ИСАЕВ, АНДРЕЙ КОРОТАЕВ, АНТОН МАРДАСОВ, КИРИЛЛ СЕМЕНОВ
М.: ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.

Сирийский кризис, спровоцированный «арабской весной», угнетает неискушенного наблюдателя своей сложностью. Помимо длительности конфликта и, как следствие, вписанного в него множества событий, сбивает с толку и количество вовлеченных в него сторон. Еще более запутывает ситуацию невозможность расположить большую часть его акторов на классической шкале «добро – зло»: если, скажем, для запрещенного в России «Исламского государства» («ИГ») место подбирается достаточно быстро, то с другими группами ситуация гораздо сложнее. Одна из положительных сторон представляемой книги – наличие в ней разных точек зрения как на сами факты сирийской гражданской войны, так и на пестрые ряды ее участников. И хотя чтение не гарантирует четкого ответа на вопрос «Кто прав?», панорамное видение сложного политического ландшафта, а также богатой палитры его участников скорее всего будет обеспечено. А это важно, поскольку сирийскому диктатору Башару аль-Асаду удалось

почти немыслимое: он мобилизовал против своего режима очень непохожие и разнообразные силы. В стане оппозиционеров можно встретить друзов и алавитов, туркоманов и курдов, консервативных богословов и арабских феминисток, националистов, исламистов и либералов, бывших сторонников аль-Асада и даже его родственников. В поле авторского внимания наряду с обычной оппозицией попадает и прослойка воюющих радикалов: хотя с оппозиционерами в настоящем смысле слова эти люди имеют мало общего, их роль в сирийских событиях огромна, а потому для полноты картины рассказывается и о них.

Авторский коллектив сборника составили специалисты по Ближнему Востоку и Северной Африке, хорошо известные в научном сообществе. Подготовленная ими работа представляет собой не коллекцию разрозненных статей, а целостное повествование, разбитое на восемь глав. В первой главе – ее, наверное, можно назвать обобщающей – представляются действующие лица: она знакомит с основными акторами сирийского конфликта, снабжая читателя общей информацией о каждом из них; именно в ней закладывается необходимая для препарирования конфликта база, на которую позже ляжет более детальное изложение. Вторая глава описывает декорации – тот контекст, в котором эти акторы действуют, раскрывая их образы в динамике. В последующих пяти главах ключевые противоборствующие группы разбираются более детально; здесь даже приводятся авторские интервью с некоторыми их представителями. Наконец, последняя глава посвящена сирийскому переговорному процессу во всем многообразии его форматов.

Авторы видят в сирийском кризисе одно из следствий «арабской весны», которая оказалась неспособной «найти достойную замену светским авторитарным режимам» (с. 4). Гипотетическая сирийская демокра-

тия, по их мнению, изначально виделась дефектной и неустойчивой – это «фракционная демократия», под которой в книге понимается такая система, где дифференциация политических сил идет не по линиям типа «правые – левые» или «либералы – консерваторы», а по таким размежеваниям, как «сунниты – шииты» или «последователи клана Салехов – последователи клана Ахмаров» (с. 5). Подобные режимы неминуемо генерируют гражданские войны или военные перевороты. Подтверждением же того, что сирийский кейс соответствует именно такой модели, выступает политическое бытование тех регионов Сирии, где режим аль-Асада утратил территориальный контроль: это исламистские, курдские, друзские анклавов, которые своим функционированием демонстрируют ненужность для них центральной власти.

Аналогичные примеры можно найти и по соседству с Сирией. Из новых – и неудачных – случаев внедрения факциональной демократии во введении упоминается Ирак, расколотый на суннитский, шиитский и курдский сегменты. Также можно вспомнить обойденный авторами случай Ливана, шедшего по этому пути уже несколько десятилетий. Национальный пакт 1943 года официально закрепил размежевание политических элит и их концентрацию вокруг президента-христианина, премьер-министра – суннита и парламентского спикера – шиита. В 1975 году – словно по учебнику политологии – в стране началась долгая гражданская война, которая закончилась спустя пятнадцать лет пересмотром наличного порядка. При этом, однако, сектантский раскол политической сферы никуда не делся, хотя и поддерживается он иными условиями. В наши дни Ливан снова стоит на пороге если не гражданской войны, то серьезных потрясений, результатом которых, по-видимому, станет очередное государственное переустройство; вопрос лишь в том, будет ли смена правил доста-

точно радикальной для того, чтобы вырвать страну из замкнутого круга политических кризисов.

Однако, в отличие от Ливана, где во властвующих структурах были представлены все основные конфессии, в Сирии алавитское меньшинство управляет преимущественно суннитским населением. Этот факт активно использовался оппозицией, доказывающей, что сирийская система правления несправедлива. Уже во введении авторы начинают разбираться, как сложилась такая ситуация. Засилье алавитов также характерно и для сирийских силовых структур, причем, как указывается в книге, нельзя однозначно сказать, на пользу это режиму аль-Асада или же во вред. С одной стороны, благодаря влиянию алавитов в силовых структурах репрессивный аппарат сохранил верность режиму во времена турбулентности. Но, с другой стороны, предпочитая подавлять недовольство, а не устранять его причины, именно армия и полиция довели социально-политическую напряженность в стране до взрыва.

В начальной главе предлагается краткая интродукция основных акторов сирийского конфликта. Первым из них выступает режим Башара аль-Асада, который стоит на трех столпах: это партия «Баас», армия и алавитское меньшинство. Интересно, что сторонников революции можно обнаружить и в рядах последнего; к таковым, например, относится Али Хабиб Махмуд, служивший в 2009–2011 годах сирийским министром обороны. Гражданская война вообще основательно перетасовала персоналии, и если ранее наибольшим влиянием пользовались члены президентского семейства, то после начала противостояния родственников заменили те, кто возвысился на полях сражений. Встряхнув верхушку сирийского общества и перераспределив зоны личной влияния, «арабская весна» не оставила проигравшим во внутриэлитной схватке иного выхода, как присоединиться

к противникам режима. Кстати, подобные фигуры имеют все шансы вернуться в политическую жизнь Сирии, так как остаются приемлемыми как для режима, так и для оппозиции. Из той же первой главы читатель узнает, как члены президентского клана ладят между собой в настоящее время и кто стал в стране «лицом номер два», следующим за Башаром аль-Асадом.

Говоря о противниках режима, авторы делят их на две категории: это внутренние (системные) и внешние (внесистемные) оппозиционеры. Первые выступают за проведение социально-политических реформ, внесение поправок в Конституцию, освобождение политических заключенных, мирные протесты – исключая при этом любое иностранное вмешательство во внутренние дела Сирии. Этот оппозиционный лагерь концентрируется вокруг Координационного совета за демократические перемены. В качестве недостатков системного сопротивления авторы выделяют неоднородность движения, отсутствие лидеров – вплоть до невозможности ведения переговоров из-за отсутствия переговорщиков, – неспособность четко формулировать требования и отстаивать их. Однако те же самые свойства позволяют легальной сирийской оппозиции быть более мобильной и менее уязвимой. Что же касается внесистемной оппозиции, то она, напротив, выдвигает четкие и радикальные требования, среди которых: отставка президента, роспуск кабинета министров, создание переходного правительства. Это крыло оппозиции представлено двумя структурами. Первая из них, Сирийский национальный совет, была создана в Турции в 2011 году из представителей как исламистских, так и либеральных движений. Позднее, в 2012-м, те группы противников режима, которые не признали Совет в качестве координационного органа оппозиции, создали свою Национальную коалицию сирийских оппозиционных и революционных сил.

Третьей, не менее важной, стороной сирийского конфликта выступают исламисты. Часть из них изначально действовала под эгидой Сирийской свободной армии, но впоследствии некоторые группы перешли под контроль различных исламистских фракций типа «Джабхат ан-Нусры», являвшейся на момент начала конфликта сирийским филиалом «Аль-Каиды». Позднее, после разрыва с «Аль-Каидой», «Джабхат ан-Нусра» растворилась в новом формировании, называемом «Тахрир аш-Шам» (все они запрещены в России). Исламистские группировки преуспели в создании коалиций, что делало их во многом успешней разрозненной светской оппозиции. Вместе с тем главной проблемой не только Сирии, но и всего региона, стало «Исламское государство» – еще одна бывшая региональная ветвь «Аль-Каиды», изначально действовавшая на территории Ирака. Авторы обращают внимание на то, что, несмотря на кавычки в названии, к 2014–2015 годам «ИГ» смогло создать на подконтрольных ему территориях полноценное государство «с границами, армией, системой политической власти, бюджетом и, самое главное, поддерживающим ее населением» (с. 28). Кстати, способность повстанцев завоевывать поддержку населения, более качественно удовлетворяя социальные запросы масс, объясняет теория конкурентного управления (*competitive governance theory*). Интересно, что степень эффективности подобного удовлетворения применительно к квазигосударственным образованиям есть понятие относительное: успех в обеспечении граждан благами вовсе не должен быть абсолютным, достаточно лишь того, чтобы предоставляемые инсургентами услуги хотя бы чуть-чуть превосходили аналогичные государственные¹. Иначе говоря, негосударственным акторам достаточно просто не выказывать

того уровня некомпетентности, который позволяет себе правительство.

Отдельное место в сирийском конфликте занимают курды. Основные требования, озвучиваемые ими на фоне гражданского противостояния, касались соблюдения курдских национальных интересов и полноценного включения курдского меньшинства в политическую жизнь Сирийской Арабской Республики. Курды не задавались целью сменить существующий режим, поскольку возможная перспектива новой диктатуры под покровительством Турции, с которой связаны многие оппозиционные структуры, сулила им еще большие притеснения. После перехода конфликта в горячую фазу курды самоорганизовались на своих территориях, создав собственное временное правительство (Курдский верховный комитет) и вооруженные силы (Отряды народной самообороны). Аль-Асад не допускал даже обсуждения вопроса о курдской автономии, поэтому режим не нашел среди курдов сторонников в борьбе с оппозицией, хотя вооруженные стычки курдских отрядов с формированиями оппозиционеров время от времени происходили. Сотрудничество курдов с США на почве борьбы с «ИГ» еще больше ухудшило их отношения с Дамаском.

Сложно переоценить роль, которую в сирийской драме играют внешние акторы: именно из-за них война «оказалась столь затяжной, подпитывая противоборствующие стороны» (с. 29). Иран, заинтересованный в сохранении дружественного баасистского режима, активно поддерживал аль-Асада, что помогло Дамаску продержаться до 2015 года, когда на его стороне выступила Россия. Политический расклад, присущий тогда Ближнему Востоку в целом, напрямую сказывался на сирийских событиях. Так, соперничество двух блоков, один из которых составили Турция

¹ Подробнее об этом подходе см.: KASFIR N., FRERKS G., TERPSTRA N. *Introduction: Armed Groups and Multi-layered Governance* // *Civil Wars*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 257–278.

и Катар, а другой – Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, окончательно раскололо и без того разрозненную оппозицию. Обусловленное конкуренцией с саудитами нежелание турок поддерживать революционные силы, действующие на юге страны и в районе Дамаска, к 2018 году обеспечило переход этих территорий под контроль режима. Кроме того, Сирия с неизбежностью стала ареной латентного противоборства между Россией и США, осложняемого тем, что обе эти стороны в различной степени, но все-таки сотрудничали с курдами в борьбе с «ИГ».

Все вышеизложенное представляет собой лишь краткий обзор первой главы рецензируемой книги – образно говоря, своего рода концептуальный «скелет» сирийского конфликта, достроить который заинтересованному читателю поможет этот труд. Рецензент одной из отечественных газет назвал эту книгу «справочником по сирийской оппозиции», что довольно верно отражает ее содержание². Действительно, авторы провели уникальную работу по систематизации данных о гражданской войне в Сирии, перипетии которой были представлены с фокусировкой именно на оппозицию. «Метаморфозы сирийской оппозиции» стали настольным пособием для всех, кто взял на себя труд разобраться в одном из самых запутанных, но при этом и самых значимых конфликтов современности.

Согласно авторам, на начальном этапе многоцветье оппозиционных сил помогло революционной искре разгореться, но при этом оно же и не позволило превратить временную консолидацию в долгосрочный союз. Ценностный диссонанс рассыпал большую силу на множество малых, каждая из которых более всего интересовалась «шкуркой неубитого медведя» – собственным местом в прекрасной Сирии будущего.

В результате мелкие оппозиционные объединения стали легкой добычей радикальных группировок, которые в свою очередь обладали мощными объединяющими принципами, цементируемыми исламской идеологией. В результате, по словам авторов, «можно констатировать, что сирийская оппозиция является проигравшей стороной» (с. 288). Но, несмотря на то, что провластные круги в таких условиях, наоборот, смогли сохранить военно-политическое единство, авторы не спешат провозгласить режим аль-Асада победителем. Это не удивительно, поскольку проблемы, которые спровоцировали революционный взрыв, по-прежнему так и не решены, а десятилетие военных действий до основания разрушило инфраструктуру страны. Иными словами, у сирийского конфликта, похоже, большое будущее: и уже хотя бы поэтому его стоит внимательно изучать.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств

Полина Аронсон

М.: Индивидуум, 2021. – 192 с. – 3000 экз.

Социология эмоций приходит к выводу, что люди (во всяком случае живущие в цивилизованной части мира) бегут от любви и, кажется, своими руками готовы демонтировать базовый механизм, обеспечивающий реализацию биологической программы по воспроизводству популяции. А может быть, все ровно наоборот, ведь в самой любви есть что-то «смертельное»: в нее подчас «падают», как в пропасть – именно с намерением пропасть в ней, находя именно в этом самоуничтожении, путем раство-

2 См.: Волков К. В России издан справочник по группировкам сирийской оппозиции // Российская газета. 2020. 7 октября (<https://rg.ru/2020/10/07/v-rossii-izdan-spravochnik-po-gruppirovkam-sirijskoj-oppozicii.html>).

рения в другом, истинную сладость бытия. В противовес этому поиск партнера по интернету, пошаговый алгоритм проверки чувств, предусмотрительное сохранение плацдарма для отступления на случай неудачи – умная гарантия от нестерпимых душевных потрясений. При такой стратегии не будет суицидов из-за несчастной любви, что уже неплохо, а с разочарованием поможет справиться психотерапевт.

Современный Ромео вряд ли полезет на балкон к Джульетте, ибо для городского жителя риск не только живительный адреналин, но и дискомфорт. Проще написать в мессенджере: «Ты где?» – и назначить встречу в популярном кафе. Вероятно, комфорт – главное слово постиндустриального общества, чья окружающая среда устроена так, чтобы человеческому организму в ней было удобно. Любовь же, даже взаимная, – всегда стресс, вызванный риском. Плата за любовь – тревога и горе. Поэтому, как утверждает социолог, антрополог и публицист Полина Аронсон в своей книге «Любовь: сделай сам», современный человек предпочитает любви «отношения».

Отношения – нечто более предсказуемое, структурное, последовательное, а поэтому комфортное. Отношения можно строить постепенно, наращивать, как ряды

кирпичной кладки, тогда как любовь, по выражению Михаила Булгакова, поражает мгновенно. («Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоим! Так поражает молния, так поражает финский нож!» – говорит Мастер из романа «Мастер и Маргарита»).

Восприятие любви как божьего промысла, как горько-сладкой блаженной неожиданности, от которой замирает сердце, Аронсон называет «режимом судьбы». Поскольку режим судьбы задан самим провидением и речи о выборе не идет, то социальный фон, на котором функционирует этот режим, автор называет «эмоциональным социализмом». При социализме жизнь человека была детерминирована и развивалась по заданной траектории от детства до пенсии. Получается, любовь – как некий дефицитный товар, который «выбросили», и твое счастье, если у тебя в этот момент была с собой авоська. Любовь в режиме судьбы – это три кило апельсинов, которые ты случайно урвал в универсаме, поймал их в сеть авоськи. Но режим судьбы предполагал, что апельсинов могут и не завезти, поэтому надо ждать и терпеть лишения. «Никогда хорошо не жили, нечего и начинать» – этот принцип применим и к «эмоциональному социализму», при котором избавление от душевных и даже физических страданий («бьет – значит, любит») не является ни целью, ни заслугой, даже наоборот. «Свобода эмоционального социализма в готовности потерять голову от любви, в свободе любить по-сумасшедшему. [...] Побёги в любовь – это своего рода прогулки по тюремному двору», – цитирует автор антрополога Юлию Лернер (с. 42).

В отличие от этого, «эмоциональный капитализм» как доминирующий в передовых странах социальный фон предполагает «режим выбора». В этих условиях любовь подобна содержимому потребительской корзины, которую ты заполняешь по своему

усмотрению, причем товары для этой корзины всегда есть в наличии. Режим выбора более комфортен – ведь человек сам может скомплектовать свой «отношенческий» продуктовый набор. Капитализм формирует у людей способность делать осознанный и своевременный выбор на конкурентном рынке, просчитывать последствия выбора, рассматривать варианты отхода в случае неудачи, возникновения дискомфорта. Аронсон пишет, как ее американский бойфренд уже в начале отношений подстелил эмоциональной соломки, записав для себя плейлист из песен, которыми он будет утешаться, когда отношения закончатся, потому что «рано или поздно все равно всегда расстанутся» (с. 84).

Современный человек, в том числе и в России, отказывается сгорать в пламени страстной и незапланированной любви, которая не поддается рационализации – она непредсказуема, несправедлива и даже зла. Молодые россияне от 20 до 30 лет, опрошенные в 2020 году, предпочитали не говорить о любви, не искать ее, а просто жить «полной жизнью», то есть полной удобства и комфорта. Здоровые «отношения» противопоставляются любви и любовной травме, они являются свидетельством личного успеха. «“Отношения” выступают как зона комфорта, как симметричный, аккуратно подстриженный островок покоя в агрессивно настроенном мире, полном насилия и непредсказуемости», – пишет Аронсон (с. 60). Для сравнения: у Гончаровского Ильи Обломова с Ольгой Ильинской была непонятная и мучительная для него любовь, а с вдовой Пшеницыной – удобные, сытые, «беспонтовые» отношения. В этом смысле Обломовы, кажется, численно победили пылких Ромео на условном Западе, не говоря уже о Японии, где давно распространены разного рода суррогатные отношения. Недаром современные исследователи Гончарова начали трактовать Обломова не как диванного лежебоку, а

как самодостаточного свободного человека, который знает, чего хочет, и не нарушит личных границ другого путем эмоционального насилия.

Но зона комфорта – это зона строгого режима, где живут по понятиям, продолжает автор. Понятий три: 1) не лезь, не навязывайся, держи дистанцию; 2) никто никому ничего не должен; 3) не привязывайся, избегай «созависимости». Эти понятия недалеко ушли от классической триады «не верь, не бойся, не проси», но такова стратегия выживания в условиях несвободы, принцип, регулирующий и оптимизирующий отношения между заключенными. Получается, что свобода конструирования комфортных отношений приводит к эмоциональной несвободе, добровольной резервации. Это своеобразная патовая ситуация, *catch-22*. Пребывание «на зоне» комфорта требует постоянных усилий: нужно все время контролировать себя и ситуацию, чтобы не облажаться. Немудрено, что живущие в режиме выбора люди все чаще сообщают об усталости от переизбытка доступной свободы, и кое-где (например в США) маятник общественного мнения качнулся в сторону «традиционных ценностей». В традиционном обществе темой любви особо не озадачиваются, поскольку «для бедной Тани все были жребии равны», после чего – «но я другому отдана, я буду век ему верна». Так действительно проще, но именно от этого кругом столько невротиков.

Появилась категория людей, которые избавляются от усталости эмоционального капитализма, выбирая сологамию, то есть «брак с собой», и даже дают при этом ритуальный обет любви к себе. Аронсон описывает собственный опыт такого рода в главке «Долго и счастлива сама с собой». Появилась категория независимых, финансово успешных женщин, которые принципиально отказываются иметь дело с мужчинами даже ради деторождения и

предпочитают процедуру ЭКО. Но добровольное одиночество не только выбор, но и бремя, может быть, поэтому все больше людей беседуют с голосовыми помощниками в гаджетах. Для такого суррогатного общения созданы интеллектуальные чат-боты, роль утешителей берут на себя так называемые «воботы». Приложение *Mend* помогает «заштопать» разбитые сердца, то есть справиться с расставанием. Это виртуальный терапевт, который ведет пользователя по алгоритму психической саморегуляции, но стоит дешевле живого психотерапевта. Кроме того, на рынке есть категория товаров под названием «артефакты счастья», призванные дать человеку ощущение счастья, когда для него нет повода. Но все это похоже на то, что люди превращаются в «общество изолированных друг от друга травматиков; мы лечим уязвимость, наращивая автономию, а не участь эмпатии» (с. 76). Описывая брак с собой как «революцию социального порядка», Аронсон в итоге приходит к пониманию его как во многих смыслах традиционного: «Вместо того, чтобы деконструировать идею о том, что такое “правильная” жизнь, брак с собой может лишь еще больше укрепить их» (с. 104).

Но основной порок «эмоционального капитализма», очевидно, в том, что он противоречит фундаментальной потребности человека в другом человеке, и эта потребность, как показали нейробиологи, может быть даже сильнее потребности в пище и убежище.

«То, что помогает нам почувствовать себя любимыми, – это контакт с другими людьми, причем не только с теми, кто нас целует и обнимает, но и с теми, кто огрызается на нас и тормозит наш “личностный рост”» (с. 106).

Возможность же удовлетворить любую потребность в интернете уводит человека от человеческого, изменяет, как полагает

Аронсон, презумпцию взаимодействия между людьми, делая прямой тактильный контакт нежелательным, что приводит к спаду сексуальной активности. В популярной психологии «соблюдение личных границ» – одна из основных мантр, которая в итоге превращает сексуальность, являющуюся радикальным нарушением личных границ даже по обоюдному согласию, в зону неопределенности и страха, тем более, что публичный дискурс телесности часто включает тему насилия. С одной стороны, тело священно и неприкосновенно, поскольку оно поле для строительства идентичности; с другой стороны, иллюзорность границ тела хорошо проиллюстрировала эпидемия COVID-19: «У тела, как выясняется, есть собственная жизнь – и в этой своей жизни оно неразрывно связано с другими организмами» (с. 118).

Что делает хронически испуганный человек, который боится дать себя потрогать другому человеку? При достаточной осознанности и мотивации – идет к психотерапевту. Но есть и технологичная альтернатива: взять смартфон и пожаловаться на одиночество голосовому помощнику. «Многим проще делиться своими переживаниями с искусственным, а не с человеческим интеллектом. [...] Экран гаджета защищает от осуждения окружающего мира» (с. 126). Цифровые приложения для мониторинга настроения могут способствовать полезному стереотипу выражения эмоций, но при всех их достоинствах и доступности они, как утверждает автор, ужесточают режим эмоционального капитализма: «Они закрепляют представление о том, что путь к счастью можно проложить через простые шкалы, короткие тесты и звонкие списки полезных привычек» (с. 134). И вот эта «культура самооптимизации», полагает Аронсон, возможно, и сводит нас с ума.

В заключение книги Полина Аронсон предлагает третий режим любви, противостоящий гегемонии и судьбы, и выбора. Она

называет это режимом заботы и считает его главным принципом отношений между людьми. Для нее это «труд любви», который подразумевает как привязанность между людьми, так и признание их уязвимости перед лицом жизненных трудностей. Она предлагает переосмыслить понятия зависимости и независимости, отказаться от представления о полной автономии человека как «правильном» состоянии, противопоставленном «неправильному» состоянию привязанности. «Эмоциональный режим заботы потребует от нас признания в собственной зависимости от других, признания в желании быть вместе с кем-то» (с. 168). Автор полагает, что режим заботы – социальная революция, требующая смелости «быть частью чего-то большего, чем ты сам».

СЕРГЕЙ ГОГИН

Feminist City. Claiming Space in a Man-Made World

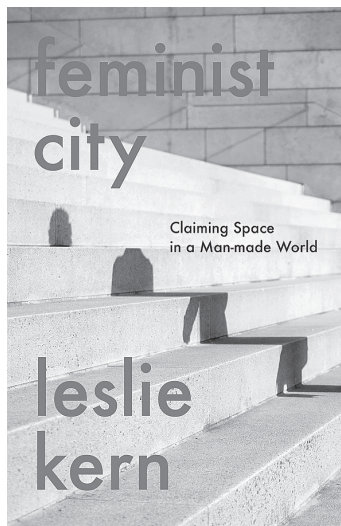
LESLIE KERN

London; New York: Verso, 2020. – 224 p.

Профессор географии и экологии, директор департамента женских и гендерных исследований в Университете Маунт Эллисон (Канада) Лесли Керн в новой книге «Феминистский город: завоевание места в мире, созданном мужчинами» проводит анализ городской среды, пытаясь ответить на вопрос, как можно сделать ее максимально комфортной для всех людей вне зависимости от их гендерной принадлежности.

Основой для проведенного исследования стала феминистская география (р. 13), которая предполагает изучение городского пространства как искусственной среды, созданной людьми под влиянием идей, связан-

ных с гендером и властными отношениями. Керн соглашается с Джейн Дарк, по мнению которой, «города – это патриархат, высеченный в камне, кирпиче, стекле и бетоне»³. Обе исследовательницы указывают на то, что городское пространство ориентируется на облегчение жизни и передвижений мужчины-«кормильца», который ездит на работу и обратно, но совершенно не учитывает потребности женщин, зачастую совмещающих неоплачиваемые обязанности по дому и оплачиваемую работу. Более того, по мнению автора, большая часть исследований городского пространства проводится мужчинами, проживающими в западных странах и выбирающими в качестве объекта крупные города (р. 6). С этим тезисом Керн можно поспорить, поскольку сегодня одной из ключевых фигур в изучении городов является Саския Сассен – которая, конечно, из западной страны и занимается крупными городами, но все-таки женщина.

Городское пространство формируется с учетом доминирующих в обществе представлений о том, какой должна быть повседневная жизнь большинства людей. Поэтому неудивительно, что зачастую го-

3 DARKE J. *The Man-Shaped City* // BOOTH C., DARKE J., YEANDLE S. (Eds.). *Changing Places: Women's Lives in the City*. London: Sage, 1996. P. 88.

рода предлагают общественный транспорт, ориентированный на офисного работника, находящегося в дневное время в деловом районе; жилье, ориентированное в первую очередь на нуклеарную семью, и так далее. Тем самым искусственная среда, созданная людьми, воспроизводит многие аспекты социального неравенства, в том числе и по гендерному основанию. Города отражают нормы того общества, в котором они создаются, и позволяют понять, насколько успешны отдельные социальные группы в реализации своих интересов.

Оформление современного города не только способствовало значительным социальным преобразованиям, но и ставило под вопрос те этико-политические нормы, что легитимировали жесткие границы между мужчинами и женщинами. Скорость изменений и повысившаяся плотность населения в индустриальном городе породили столкновение разных культур: джентльмен и простолюдин оказались плечом к плечу, а женщины стали более активными участниками городской жизни (р. 2). В новом городском пространстве женщины были вынуждены отстаивать свою репутацию, защищая право на безопасность и собственные границы. Эта новая для них ситуация была отражена, например, в романах Чарльза Диккенса. И даже сегодня тела женщин рассматриваются как источник (подростковая беременность, чаще свойственная женщинам из низших социальных слоев) и признак (например ожирение) городских проблем.

Книга Керн состоит из введения, пяти глав и заключения. В основе ее работы лежат не только теории, но и собственный опыт городской жизни, обладающий, как утверждает автор, рядом ограничений. Являясь белой, здоровой, цисгендерной женщиной, живущей в одном из западных обществ, Керн признает, что не способна прочувство-

вать и осмыслить все те проблемы, с которыми сталкиваются представители менее привилегированных слоев населения.

Первая глава «Город мамочек» представляется наиболее значимой, поскольку в ней раскрываются ключевые положения работы. В ней Керн вспоминает, что впервые осознала ориентированность городов на потребности мужчин в период своей беременности. Новые подтверждения этому она получила, начав работать и параллельно занимаясь воспитанием своего ребенка. Она пришла к выводу, что города учитывают потребности мужчин намного чаще тех, что преимущественно характерны для женщин. Вся архитектура городского пространства создается в соответствии с характеристиками мужского тела, женское же вынуждено вечно бороться с физическим пространством. Город не отражает особенности современных социальных связей, включающих смешанные семьи, гомосексуальные и полиаморные отношения, а также сложные родственные взаимодействия, вызванные разводами и неоднократными повторными браками. Если обратить внимание на феминистские проекты преобразования городов, можно заметить, что многие из них предполагают такой тип жилищного строительства, который позволил бы женщинам совместно заботиться о детях, готовить и вести домашнее хозяйство так, как это было в традиционных обществах. В большинстве случаев атомизированность горожанки вынуждает ее постоянно перемещаться из одной части города в другую для удовлетворения своих потребностей и потребностей своей семьи.

Керн проводит анализ гендерной составляющей процесса джентрификации, который, впрочем, уже оказывался в центре внимания отдельных исследований именно в таком аспекте. Например, Унифред Каррен демонстрирует⁴, что в результате

4 CURRAN W. *Gender and Gentrification*. New York: Routledge, 2018.

джентрификации, даже если не происходит насильственного переселения, растет стоимость жизни, повышается арендная плата, что сужает выбор жилья и постепенно заставляет экономически незащищенные слои населения покинуть благоустраиваемый, а потому дорожающий район. Она утверждает, что наименее защищенными в данной ситуации оказываются незамужние женщины с детьми, а также пожилые люди, среди которых доля женщин выше, чем мужчин⁵. Как это ни парадоксально, женщины, не являясь выгодоприобретателями джентрификации, зачастую бывают ее инициаторами⁶, поскольку артикулируют свои запросы на изменение городов. Это связано с тем, что женщины, как правило, используют городское пространство более разнообразно, нежели мужчины: как место для работы, воспитания детей, покупок, культурных мероприятий и так далее.

Обусловленные гендером различия в возможностях и качестве жизни не только привлекают внимание исследователей, но и уже привели к некоторым реальным изменениям. Ориентированность городов на мужчин и свойственный им образ жизни могут быть скорректированы, и тому уже есть подтверждения. Например, в Стокгольме была принята «стратегия равноправия полов» (р. 48), согласно которой от снега в первую очередь расчищают улицы, прилегающие к школам, а не деловые районы: дети оказываются в учебных заведениях раньше, чем их родители – на работе. Кроме того, при расчистке снега приоритет отдают тротуарам, велосипедным дорожкам и полосам, предназначенным для общественного транспорта, – все они обычно востребованы женщинами, детьми и пожилыми людьми, которые чаще ходят пешком и передвигаются на велосипедах.

Однако лишь немногие градостроители стремятся учитывать подобные требования

при организации городского пространства. Власти Вены попытались усовершенствовать условия для пешеходной мобильности, изменить структуру общественного транспорта так, чтобы услуги по уходу за детьми, медицинские услуги и многие другие стали равнодоступными. Это позволило Керн утверждать, что подход Вены к учету гендерной проблематики «буквально меняет город» (р. 47). Но это скорее исключение из правил, поскольку городские проблемы повсеместно отражаются на телах женщин – отражаются буквальным образом: через болезни, истощение и боль. Каким же должен быть идеальный город будущего? Он должен учитывать потребности женщин-инвалидов, женщин с нетрадиционной ориентацией, одиноких и стареющих женщин (р. 53–54).

Во второй главе «Город друзей» Керн обсуждает феномен женской дружбы и его роль в городском пространстве. По ее мнению, женская дружба, часто считающаяся низкосортной заменой романтическим гетеросексуальным отношениям – а то и вовсе завуалированной лесбийской любовью, – фактически выступает оплотом стабильности и взаимопомощи в городах. Несмотря на то, что город в меньшей степени организован для женской дружбы, она помогает обеспечивать безопасность и солидарно сражаться с рисками и неприятностями. «Напиши, когда вернешься домой» (р. 70), – этот девиз женской дружбы, по мнению автора, сложно понять мужчинам, так как он не является элементом мужской дружбы и в полной мере отражает особенности жизни женщин в современном городе, пронизанном угрозами и опасностями.

Одиночество как привилегия городской жизни стало темой третьей главы «Город для одного» (р. 80–114). Несмотря на атомизацию городского пространства, подкрепляемую распространением информацион-

5 Ibid. P. 12–32.

6 Ibid. P. 3.

ных технологий, привилегия одиночества редко предоставляется женщинам. Надо отметить, что вся эта глава рассказывает о ситуациях, с которыми сталкивались героини сериала «Секс в большом городе». Сюжеты сериала становятся для автора прекрасной иллюстрацией тех проблем, с которыми сталкиваются женщины, в том числе одинокие. Классическим примером подобной несправедливости городской жизни по отношению к женщине является посещение кафе и ресторанов в одиночестве, которое не раз находило отражение в популярной массовой культуре. Мужчина, обедающий один, скорее предстанет для окружающих в образе бизнесмена, путешествующего по работе, а женщина в аналогичной ситуации скорее вызовет жалость. Для того, чтобы не подвергать себя опасности, женщины в городе стараются меньше выражать себя, особенно в одиночестве. По мнению автора, женское тело даже неосознанно фиксирует все эти ограничения, связанные с предотвращением потенциальных рисков, особенно когда женщина находится в городском пространстве одна. Это приводит к тому, что женщины готовы существенно снизить свою социальную активность, чтобы не подвергать себя дополнительным угрозам.

Попытки изменить устройство современных городов сопряжены, по мнению Керн, с женским городским активизмом, рассмотрению которого она посвятила четвертую главу «Город протеста» (р. 115–141). Женский протест в городе принимает множество форм – от нарушения общественного порядка путем перекрытия дорог до попыток участвовать в градостроительной политике. Несмотря на важность таких форм активизма, более продуктивным может стать формирование и повсеместное распространение «феминистского взгляда», позволяющего выявлять проблемы и искать способы их решения. В культивировании

подобного взгляда автор видит одну из задач книги: развивать такое мышление, которое позволит каждому человеку увидеть альтернативные городские практики в условиях конкретной страны и города, а также сформулировать собственные вопросы о гендере, чтобы найти способы действовать иначе.

Общая парадоксальность ситуации заключается в том, что жизнь в городе должна была расширить репертуар социальных ролей, которые может играть женщина, и снять ограничения, характерные для жизни в пригороде и удобные лишь для неработающих женщин. Город расширяет возможности, в том числе и для женщин, облегчая доступ к образованию, работе, участию в политической жизни, развлечениям и так далее, а потому он продолжает вселять надежду на перемены. Однако преимуществами городской жизни могут воспользоваться далеко не все. В частности, современные тенденции развития городов свидетельствуют о сокращении возможностей для малообеспеченных и принадлежащих к маргинальным группам женщин, в том числе из-за кризиса проектов социального жилья. Таким образом, городское пространство обеспечивает экономический рост для отдельных социальных групп⁷, но может предложить очень немногое для удовлетворения повседневных потребностей всех остальных. Тем не менее женщины способны инициировать перемены, причем не только для себя. В частности, движение «Black Lives Matter», получившее широкую известность в 2020 году, было основано именно женщинами.

Пандемия COVID-19 также продемонстрировала, что города далеко не всегда отвечают потребностям их жителей. Оказалось, что тротуары слишком узки для поддержания социальной дистанции, плотность населения слишком высока, а зеленые зоны

7 LEFEBVRE H. *La production de l'espace*. Paris: Anthropos, 1974; HARVEY D. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London; New York: Verso, 2006.

слишком многолюдны, учитывая их дефицит. Не исключено, что в ближайшее время появятся новые подходы к планированию городского пространства, которые уже сегодня анонсируются как «постпандемийный урбанизм»⁸.

Тема угроз и рисков городской жизни так или иначе поднимается на страницах всей книги, но пятая глава «Город страха» посвящена ей целиком (р. 142–165). Основным источником страха для женщин в городе по-прежнему остаются мужчины. Попытки избежать встречи с неприятными незнакомцами порождает особую «женскую географию»: поскольку женщины не могут все время бояться всех мужчин, в качестве иллюзии контроля над своей безопасностью формируется новая карта реальности, на которой отмечены опасные районы. Страх перед городом и его обитателями усваивается женщинами в раннем детстве, когда они сталкиваются с неприемлемым поведением по отношению к себе, а также с информацией об изнасилованиях и похищениях, повсеместно транслируемой в новостях, телевизионных передачах и газетных заголовках. Эта «социализация страха» воспроизводится из поколения в поколение и становится ограничивающим фактором в жизни женщин.

Издержки подобной ситуации связаны не только с тем, что женщины не могут жить полноценной и независимой жизнью, но и имеют экономическое измерение: там, где такси для мужчины будет приятным моментом, для женщины выбор этого способа передвижения становится единственно возможным с точки зрения безопасности. Эти издержки превращаются в огромное бремя для женщин, жизнь которых отягощена «двойной сменой» оплачиваемой и неоплачиваемой работы, а также «тройной

сменой» борьбы с расизмом, гомофобией, эйджизмом и сексизмом.

Частичным решением проблемы становится преобразование городского пространства: дополнительное освещение, телефоны для экстренной связи, кнопки срочного вызова, продуманные маршруты для передвижения и так далее. В то же время способность камер видеонаблюдения, получающих все большее распространение, уменьшать страх женщин в городе, по мнению автора, весьма сомнительна и не находит подтверждений (р. 153).

В заключительной главе «Город возможностей» (р. 166–176) Керн подводит некоторые итоги и обсуждает участие женщин в жизни города. Возникает вопрос: может ли женщина быть активным гражданином, способным оказать помощь бездомному или потерявшемуся человеку, если постоянно беспокоена вопросом собственной безопасности? Автор приходит к неутешительным выводам: пока женщины подвергаются насилию в городах, разорвать эту цепь бесконечной социализации страха нельзя.

Необходимо отметить, что примеры, приведенные в книге, характерны прежде всего для западного общества и не учитывают специфики эксклюзии, существующей на глобальном Юге, хотя ее описание могло бы сделать исследование более убедительным и расширило бы его географию. Кроме того, в работе потерялась еще одна тема, которая могла бы расширить перспективу рассмотрения данной проблемы автором, а именно взаимосвязь гендерных вопросов с экологическими проблемами, которые имеют непосредственное отношение к тому, как чувствуют себя женщины в современной городской среде – тем более, что подобные разработки уже есть⁹.

8 MORROW O., PARKER B. *Care, Commoning and Collectivity: From Grand Domestic Revolution to Urban Transformation* // *Urban Geography*. 2020. Vol. 41. № 4. P. 607–624.

9 ATKINSON L. *Green Moms: The Social Construction of a Green Mothering Identity via Environmental Advertising Appeals* // *Consumption Markets & Culture*. 2014. Vol. 17. № 6. P. 553–572; KENNEDY E.H., DZIALO L. *Locating*

Тем не менее многие идеи Керн пере-кликаются с тем, о чем другой географ, ставший весьма авторитетным для многих общественных наук, Дэвид Харви писал еще полвека назад¹⁰. Он также указывал на то, что города – это пространство социальной несправедливости, где многие жители не могут получить доступ к необходимым им ресурсам либо этот доступ для них затруднен вследствие отдаленности, высокой стоимости этих ресурсов и так далее. Хотя, конечно, Керн предлагает новую перспективу рассмотрения пространственного неравенства – гендерную.

Несмотря на представленные в книге ориентиры для построения городов будущего, исследовательница не предлагает проекта города, который был бы гендерно

нейтральным и учитывал бы потребности различных социальных групп, – да и вряд ли возможно создание «генерального» плана, в котором есть «бесконечные возможности» (р. 176). Поэтому она лишь призывает к тому, чтобы более внимательно изучить различные проявления пространственного неравенства, зафиксированные в городском пространстве, чтобы создать более инклюзивные города. Тем самым сегодня, как подчеркивает автор, «феминистский город – это постоянный эксперимент, направленный на то, чтобы жить по-другому – лучше и более справедливо – в урбанизированном мире» (р. 176).

Инна Вершинина,
Татьяна Мартыненко

Gender in Environmental Sociology // Sociology Compass. 2015. Vol. 9. № 10. P. 920–929; PARKER B., MORROW O. Urban Homesteading and Intensive Mothering: (Re)gendering Care and Environmental Responsibility in Boston and Chicago // Gender, Place & Culture. 2017. Vol. 24. № 2. P. 247–259; RECKIEN D., CREUTZIG F., FERNANDEZ B. ET AL. Climate Change, Equity and the Sustainable Development Goals: An Urban Perspective // Environment and Urbanization. 2017. Vol. 29. № 1. P. 159–182.

10 HARVEY D. *Social Justice and the City*. London: Edward Arnold and St Martin's Press, 1973.

Summary

The 144th *NZ* issue contains materials on a wide variety of topics; however, most of them are united by one main subject, which today has become particularly relevant: “extraordinary” forms of the political, and their transformations in society, culture, and so on. The word “extraordinary” here applies to, first and foremost, emergency situations of dictatorship and war. The issue’s structure tries to present this agenda as a gradually unfolding discussion of various aspects, as well as specific instances, of a common theme.

The issue opens with Alexey Levinson’s regular column: in his essay “*On the Friendship between the Fridge and the TV*”, the author questions the well-established opinion that “real” economic difficulties can undermine the trust a significant part of the Russian society puts in state propaganda broadcast by official media, primarily television. Propaganda stirs up the public consciousness, makes it accept the *extraordinary* situation of dictatorship and war as something *normal*, even routine.

NZ editor Igor Kobylin analyses theoretical problems of such “historical states of emergency” in his essay “*«Overthrow»: History in a State of Emergency*” (in *POLITICS OF CULTURE*). Kobylin begins with a quotation from “*On Dictatorship*” (1921) by Carl Schmitt, where the author lists “«possible ways of understanding it (dictatorship)» based on various definitions of *the norm* – for in order to understand the nature of the extraordinary, it is

necessary to take into account the ordinary state of things that it is opposed to”. The article gives an outline of the indirect discussion around this topic that happened between Schmitt and Walter Benjamin, as well as modern interpretations and approaches to this extremely topical issue.

“Emergency politics” of a dictatorship (in this case, a Nazi dictatorship) and language are the themes of the first block “*THE POLITICS OF TERMINOLOGY: NAZI – SOZI – SPEZI*”. The block’s compiler Dmitry Kolchigin offers the reader a case from the history of the 20th century linguistics – an analysis of the origin and use in the “third reich” of the political term *Nazi* (short for *nationalists*), in the context of a concurrent use of the terms *Sozi* (*socialists*) and *Spezi* (*specialists* – associates working for the Nazi regime). The block consists of translations of articles by German philologists of the 20th century Leo Spitzer and Franz Mautner, who discuss the linguistic, historical and current political aspects of these terms. The collection of articles opens with a brief introduction by the compiler, and ends with his detailed commentary on the texts he translated.

The theme of political language during a “historical state of emergency” is continued by Konstantin Tarasov’s article, which analyzes the use of the term “dual power” (that later became canonical) in the year of 1917 – in the period between the February Revolution and the “Kornilov affair”. Finally, the perception of a “historical state of emergency” as

something normal – through the denial of Hegel's well-known thesis, according to which "that force and tyranny may be an element in law is accidental to law and has nothing to do with its nature" – is the topic of Anatoly Ryasov's article "*Back to Bakunin! Notes on Anarchism, Theology and Law*". As in Kobylin's text, Carl Schmitt and Walter Benjamin are important participants in this discussion, but Ryasov offers a different intellectual and ideological perspective, constructed within the framework of anarchist thought. The thought process in his article is built around the book by Oleg Goryainov, published four years ago, titled "*To Have the Right. On a Criticism of Political Theology*", which, according to Anatoly Ryasov, went almost completely unnoticed.

Violence, dictatorship and war as a political, socio-cultural and ideological norm – in the regional aspect – are the topic of the second thematic block of this NZ issue "THE MIDDLE EAST PACIFIED AND AT WAR". NZ editor Andrey Zakharov, together with Leonid Isaev, offer the reader an outline of the political history of Jordan, an Arab country that arose as a result of the emergency conditions of the World War I literally "out of nowhere" and became – despite the endless political and military crises in the neighbouring Arab states – a symbol of a certain kind of stability. "Normalized violence" and "pacifying dictatorship" of the Jordanian monarchy is very different from the situations in Syria, Egypt, Libya and Iraq, although this country is also subject to the upheavals characteristic of the Middle East.

Modern states have a way of inflicting violence that is guaranteed by their legal and institutional status – through war. Nevertheless, over the last decades, and especially in recent years, we have seen

governments increasingly delegate and outsource this function to private companies and individuals. The activities of the so-called "private military and security companies" in the "big" Middle East are the subject of the article by Polina Maksimova. In a sense, one of the aspects of such activities is the attitude towards them of both the population of the countries where they take place and that of the neighbouring states. The Russian intervention in Syria did not harm the positive image of Russia among the population of modern Egypt, even strengthened it to a certain degree – that is one of the conclusions of the article by Yakov Liokumovich and Ivan Geraschenko titled "*On Some Particular Aspects of the Attitude towards Russia in Modern Egypt and beyond*". The section closes with a brief sketch by the German orientalist, writer and translator Stefan Weidner, dedicated to the outstanding German scholar of Sufism (and Islamic culture as a whole) Annemarie Schimmel (1922–2003).

NZ ARCHIVE is adjoining this section, featuring an excerpt from the memoirs by the Syrian journalist Nazir Fansa "*The Days of Husni Al-Za'im, 137 Days that Shook Syria*", translated and commented by Maksim Zhabko. It refers to a specific case of "historical state of emergency" – the 1949 military coup in a newly independent Syria, in which Fansa himself was directly involved.

The discussion of "historical states of emergency" inevitably leads to the topic of historical, cultural and personal memory of them. One of the most fascinating examples of this is the memory of the siege of Leningrad in modern Russia, especially in the context of a new "state of emergency" currently brewing up. This is discussed in the article by Daniil Kotsyubinsky "*The Sorrowful and Heroic Components of the Memory of the*

War and the Siege in the Activities of the Anna Akhmatova Museum in the Fountain House in 2010–2021" (POLITICS OF CULTURE).

As usual, the 144th *NZ* issue ends with the NEW BOOKS section, among which we can highlight Oleg Larionov's response to a collection of interviews with a sociologist, translator and cultural historian Boris Dubin, along with two reviews by

Margarita Medvedeva of the books on Middle Eastern politics, as well as Andrey Zakharov's reflection on an in-depth essay on the history of Chinese thought written by the British-Flemish sinologist Roel Sterckx, one of the main themes of which is the relationship between "eternal order" and "extraordinary turns" in the Chinese philosophical and political-ideological tradition.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездиновский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51